

ДОРОГА МИРОВ

ДОРОГА
МИРОВ

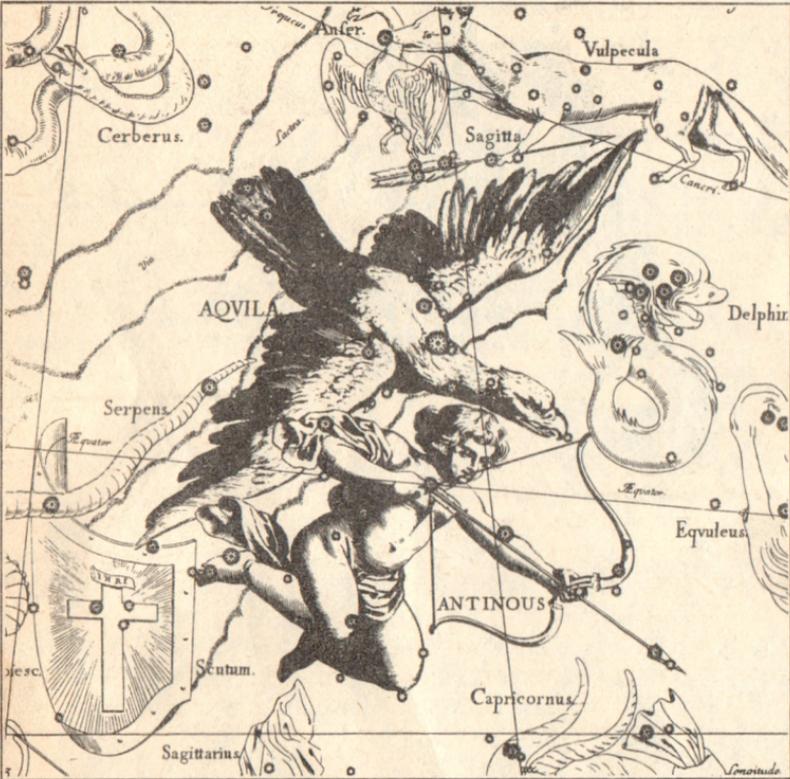
2

Щ **КОЛА**
Е **ФРЕМОВА**

ДОРОГА МИРОВ

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ
ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Том 2

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1990

ББК 84 Р7
Д 64

Составитель *А. Н. Каширин*

Д 64 **Дорога миров:** Сборник фантастики, т. 2/Сост.
А. Н. Каширин.— М.: Молодая гвардия, 1990.—
304 с.

Сборник фантастических рассказов и повестей, составленный по материалам очередного совещания, проведенного Всесоюзным творческим объединением молодых писателей-фантастов при ИПО ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».

ISBN 5-235-01391-3

Д 4702010200
078 (02) — 90 без объявл.

ББК 84 Р7

ISBN 5-235-01391-3

© Всесоюзное творческое объединение молодых писателей-фантастов, Новосибирск, 1990
© Издательство «Молодая гвардия», 1990

Семинар

НАТАЛИЯ ГАЙДАМАКА (Киев)

ВЛАДИМИР ГУСЕВ (Киев)

ЕВГЕНИЙ ДРОЗД (Минск)

ЕВГЕНИЙ ЛЕНСКИЙ (Калининград)

АЛЕКСАНДР СИЛЕЦКИЙ (Москва)

ЕВГЕНИЙ СЫЧ (Красноярск)

ВАЛЕНТИН СЫЧЕНИКОВ (Рига)

ВЛАДИМИР ХЛУМОВ (Москва)

ЗЕЛЕНое НА ЧЕРНОМ

Какой был дождь!

Щедрый, теплый, он хлынул так, что ничего не стало видно сквозь трепетную серебристую завесу. Но скоро солнце нашло просвет в тучах — и косые струи дождя вспыхнули в его лучах осколками радуги.

Посреди умытого дождем сада в густой зелени прятался домик под красной черепичной крышей. На крыльце стояли четверо.

— Вот это дождь! — радовался Рэм. — Правильно говорят: слепой. Идет и не видит, что солнце светит. Смотрите, радуга! Это к счастью...

— Дождик, дождик, — грустно усмехнулась Марта. — И вправду ты слепой. Мог бы видеть, пролился бы только на наш островок. Зачем поливать пустыню?

— Неизвестно, что еще принес этот ваш дождик, — буркнул старик.

— Мне кажется, — тихо сказала Лина, — что это первый дождь в моей жизни...

Марта вошла в комнату и остановилась у порога.

— Что тебе? — поднял голову от потрепанной книжки Рэм.

— Да нет, ничего... ничего особенного. Просто я хотела тебе сказать... — Ее серые глаза остро блеснули и усталились в пол. Она была сосредоточенно-хмурой, словно решала в уме какую-то сложную задачу.

— Что случилось? Чего ты сегодня такая кислая?

Все еще глядя вниз, Марта тихо произнесла:

— Больше так нельзя... Этому надо положить конец... — Она запнулась, словно ей не хватало дыхания.

— О чем ты?

Марта отвернулась к стене, зажмурилась, а когда ладони Рэма легли на ее плечи, строптиво дернулась, освобождаясь. Небрежно собранные на затылке волосы рассыпались по плечам. Казалось, все ее силы ушли на это простое движение. Уже не сдерживаясь, она зарыдала —

такая обиженная, такая маленькая и беззащитная... Рэм утешал ее как дитя: гладил мягкие темные волосы, мокрые щеки, шептал смешные и ласковые слова... Постепенно Марта затихла и уже не сопротивлялась, когда он взял ее голову в ладони и повернул к свету. Белая прозрачная кожа Марты покрылась розовыми пятнами, веки опухли и покраснели, но такая — заплаканная — она была ему еще ближе и роднее.

— Видно, не кончился еще сегодняшний дождик, — коснулся губами одного глаза, потом другого.

Марта невольно улыбнулась, отерла глаза уголком цветастого фартучка и заговорила так, будто ничто и не прерывало их беседы:

— Так вот, я советовалась с отцом. Не может она больше здесь оставаться.

— Ничего не понимаю. Кто — «она»?

— Ну... эта девочка...

— Линна?!

Марта молча кивнула.

Был обычный июльский день. По крайней мере, таким он был с утра.

Марта убирала в доме. Закончила мыть полы, взяла таз с грязной водой, чтобы вынести во двор, ногой распахнула дверь — и остолбенела. Небо прямо на глазах темнело и наливалось багрянцем, и густые клубы, что пенились и набухали там, вверху, почему-то напомнили ей кипящую поверхность вишневого варенья, которое она вчера готовила.

Таз грохнул о порог, вода разлилась, окатив ноги Марты. Она испуганно схватилась за косяки и вскрикнула:

— Папа!

Ее крик эхом разнесся среди внезапной тишины, которая упала вокруг. Странные тучи быстро заполнили небо, они катились так низко, что хотелось пригнуться; солнце исчезло, воцарился непроглядный огненный мрак. Марта оцепенела. Безумный ужас сковал тело. Тьма была живой, она дышала, и дыхание ее опаляло лицо...

Едва передвигая ноги, Марта заставила себя пойти за угол дома, туда, где остался отец. В липком кровавом тумане невозможно было разглядеть хоть что-то. Хотя Марта знала, наверное, любую травинку в своем дворе, но сразу утратила ориентацию и вряд ли разыскала бы старика, если б небо не вспыхнуло дважды слепящим

ярко-алым заревом. Зарницы выхватывали из мрака фигуру отца — он сидел на низкой скамеечке, прислонившись к стволу яблони.

Крепкая, сильная Марта едва дотащила его небольшое сухое тело до дома. Ей повезло: она сразу нащупала дверь, заползла внутрь и обессиленно вытянулась на полу, тяжело дыша и обливаясь потом. В голове гудело, легкие словно набиты колючим мелким снегом, в груди переливался хрип. Марта никак не могла вспомнить, закрыла ли за собой двери. Кажется, нет... Нужно было встать и запереться, но сил не хватало. Она прислушивалась к тяжелому дыханию отца и думала о том, что все-таки необходимо встать и запереть дверь. Как будто это могло защитить от багрового мрака, в котором потонул весь мир. Она вздрогнула — ветер хлопнул створкой дверей. Створка со скрипом отошла снова, ударилась о стену, потом грохнула, будто рука великана подтолкнула ее. Кажется, закрылась. Нет, опять распахнута. Ветер крепчал, басовито воя, и стены дома тряслись под мощными порывами. Дверь металась туда-сюда, стуча о стену. Душная волна обрушилась на Марту и накрыла ее с головой...

Очнувшись, Марта ощутила на своем лице жесткую горячую ладонь. Открыла глаза. В окна пробивался слабый свет. Она взяла руку отца в свою и крепко стиснула — старческие пальцы вяло шевельнулись.

Марта поднялась на ноги. Ее шатало, но, держась за стены, за мебель, она упорно тащилась за комнаты в комнату. Сколько времени прошло? Часы остановились. Как узнать, который час? Покрутила ручку приемника — молчание, включила свет на кухне — нет тока. Ну что ж, такое бывало и раньше. Потом все выяснится... Странное безразличие охватило ее, не хотелось ни о чем думать.

Услышала, как в комнате со стоном зашевелился отец, вернулась к нему, помогла ему встать и добраться до кухни. Достала холодное мясо, хлеб, простоквашу, и они молча поели.

Потом осмелилась выглянуть во двор. По траве змеились седые пряди обычного, не кровавого тумана, и она облегченно вздохнула. Медленно обошла подворье. Животные и птицы были живы, но какие-то вялые, словно сонные. Только пес, как всегда, радостно заскулил и кинулся к ней, жарко дыша и стараясь облизать лицо. Марта села на землю возле собачьей будки, пес вертелся вокруг.

В висках стучали злые молоточки. Ноги не слушались. Словно обожженная, горела кожа, особенно на руках и шее. Но хозяйство не бросишь... И она поднялась, побрела дальше.

Будничный труд вернул Марте покой и уверенность. Когда старик появился во дворе и принялся, по обыкновению, ворчать, она даже обрадовалась. Все привычно, все как всегда: собака лает, куры кудахчут, папенька ругается...

Старик между тем поминал по матушке все подряд: собаку, которая при его появлении смылась в будку, будку, которую сикось-накось изладил нелюбимый зять; зятя, что поперся за каким-то чертом в лес по ягоды, да еще внучка с собой прихватил — будто дома есть нечего! Холодильник аж ломится! — далее крыл и холодильник, сейчас не работающий, и идиота, отключившего электричество, и, в конце концов, всех тех ученых дармоедов, которые напридумывали всякие-разные токи, атомы и пропасть других глупостей, без каких можно прекрасно обойтись... Марта не слушала эту привычную воркотню.

— И куда лезут, умники? — гневался дедок. — Чего им еще надо? Вот и доигрались, чтоб им пусто было! Все через них! А теперь чего ж? Конец света!

— Да помолчи ты хоть немного! — не выдержала наконец Марта. — Чего расшумелся? Еще ж ничего не известно...

— Дурища! Ох и дурища же ты! — завопил старик, размахивая руками у нее перед носом — откуда и силы взялись. — Неизвестно! Как же придут к тебе, известят! Все рассажут! Как ребенок! Сама погляди, если не слепая. — И он ткнул пальцем в горизонт.

— Ребенок! — У Марты в груди что-то с болью оборвалось. — Ребенок?..

До сих пор она глядела лишь под ноги, видела только свое подворье. А теперь выпрямилась, подняла голову, осмотрелась — и увидела черные, как смолою облитые, холмы, которые будто стали выше и закрыли полнеба. Где-то там, среди этих мертвых хмурых громад, затерялся ее сын — крохотное, родное, теплое существо... Марта простерла руки к безответному небу и закричала — пронзительно, дико.

— Ты думай, что говоришь! — вспыхнул Рэм. — Куда же ей деваться?

— Куда деваться... Мы уцелели, значит, еще кто-то

мог спастись. Разве это невозможно? Ты же сам говорил!

— Говорил. Но эти люди, может, за тысячи километров отсюда, может, и совсем в другом полушарии. Если они вообще есть. Да я сейчас муравья на нашем дворе раздавить боюсь, Марта, а ты из каприза бросаешься человеческой жизнью!

— Это вовсе не каприз. Выслушай меня, тогда поймешь, что у нас нет другого выхода.

— Да чем тебе Лина помешала?

— А почему это ты ее так защищаешь? Кто она тебе? Нам всем она одинаково чужая.

— Чужая или родная, она прежде всего ребенок. Живая душа, наконец. Беззащитная и слабая...

— Ребенок... Разве ей три года?

— Пусть не три — тринадцать. Девочка совсем...

— Когда мне было тринадцать, никто не называл меня слабою и беззащитною. Я умела постоять за себя. О, мне всему пришлось научиться. Ты же знаешь, мать ушла от нас, с тех пор дом держался на мне, а ведь была ненамного старше Лины. Все тут сделано моими руками...

— Поставь себя на ее место. Чтобы делала ты в этом стеклянном аду? Выжила бы?

— Не хочу я ставить себя на чье-то место. Я — это я, а она — это она. Мы с ней совсем разные, понимаешь?

— Конечно, разные. Я знаю, ты не любишь ее, она тебя раздражает. И тем, что молчалива, думает все время что-то свое, и тем, что такая вялая, невнимательная, все у нее из рук валится...

— А что, не так? Помощи от нее — кот наплакал, а я должна разрываться...

— Я знаю, Марта, тебе нелегко, ты устаешь. Но я помогаю, чем могу. Не трогай только Лину, дай девочке опомниться, душу отогреть. Мы ведь не знаем, какая она была раньше, до этой беды. Легко ли пережить такое? Сейчас весь мир для нее — мы. Разве можно вот так взять и выгнать?

— А разве я в своем собственном доме не вправе делать что захочу? Отец сь мной согласен.

— Так я и знал, это он надоумил тебя выгнать Лину!

— Нет, я сама!

— Неправда Марта! Ты бы до такого не скатилась. Да вспомни, как мы нашли ее, принесли сюда, отпаивали теплым молоком, учили заново ходить... И ты все это за-была?

— Ты говоришь: вспомни, как мы нашли ее. А ты сам — ты забыл, как я нашла тебя?

Рэм растерялся лишь на миг — на неизмеримо малое мгновение, когда дорога, круто свернув налево, вывела его из леса, и он увидел багровые клубы туч, закрывшие небо. Но этого мгновения хватило, чтобы автомобиль, потеряв управление, вильнул в сторону и влип в могучий ствол старого дерева. Машину тряхнуло, раздался противный скрежет металла, звон разбитого стекла. Темная тяжесть обрушилась на Рэма, кровь залила глаза, и он уже не мог понять, наяву ли привиделся ему багровый мрак за окнами помятой кабины, или это было химерой, порожденной подступающим беспамятством.

Когда Рэм наконец пришел в себя, то странный пейзаж, его окружавший, показался продолжением бреда. Перед ним расстилались черные холмы, покрытые мглистой дымкой. Несмелые лучи солнца скользили по блестящей темной пленке, укрывавшей все вокруг. Мелькнула безумная мысль: на другой планете оказался, что ли? Но небо над головой было земным, обычным; обычным было и солнце. Рэм огляделся. Увидел вокруг обыкновенные деревья. Он долго и напряженно всматривался в них, словно хотел убедиться, что они не расстает в воздухе. Но деревья не исчезали, и ветер чуть шевелил верхушки крон. Рэм снова обернулся лицом к черной пустыне.

Метрах в пяти впереди пролегла неровная волнистая, словно покрытая пленкой, борозда, отделяющая зеленую траву от мертвой темной поверхности. Рэм осторожно вылез из машины, медленно подошел к борозде, присел и, преодолевая отвращение, коснулся пленки рукой. На ощупь она оказалась гладкой и холодной. Он в мыслях определил ее как «черное стекло».

Когда выпрямлялся, неожиданно потемнело в глазах. Но он устоял на ногах. Видимо, ушибся все-таки сильно... Кожа, покрытая засохшей кровью, неприятно зудела. Он вернулся к машине и погляделся в треснутое зеркальце заднего вида. Ну и хорош... Увидит кто — перепугается. Бровь рассечена, потому и крови столько. Наверное, попало осколком стекла. Хорошо, хоть не в глаз. Ничего, заживет.

Он полез в кабину, достал фляжку с водой, намочил платок и, глядя в зеркало, начал оттирать кровь. Вынул из аптечки йод и пластырь. Смазал рану йодом, стараясь не угодить в глаз, потом заклеил — неловко, криво, да

бог с ним... Снова заглянул в зеркальце. Ну вот, теперь лучше.

Дороги дальше не было, она исчезла под грудой черного стекла, только очертания угадывались. Придется возвращаться. Перед поворотом в лесополосу Рэм видел какое-то село. Он пойдет туда, отыщет людей, должен же хоть кто-то знать, что произошло! Добираться надо пешком — один он с машиной ничего не сделает. Нужно идти, хотя кружится голова и ноет все тело. Другого выхода нет. Не может он сидеть тут и ждать...

Рэм шел не по дороге, а обочиной, часто останавливаясь, держась за стволы деревьев. Наконец выбрался на вершину холма и замер.

Туман совсем пропал, и все было видно как на ладони: зеленый, овальных очертаний островок светлел среди застывшего стеклянного моря. Каким чудом он уцелел? Черное стекло расстилалось, насколько хватало глаз. Лишь в одном месте деревья заслоняли горизонт, но Рэм пришел с той стороны и знал, что и там то же самое...

Он впился глазами в полоску пшеницы, которая пересекла его путь. За ней поднимали головы жаркие подсолнухи, в ложине блестел пруд, а возле него среди зелени сада алела черепичная крыша. Там жилье, люди!

Спускаться с холма было легче, но Рэму изменяли силы. Он принялся считать шаги — сначала по пятьдесят, потом по сорок, тридцать, а потом просто садился в пушистую дорожную пыль. Двадцать пять шагов — меньше нельзя. Он должен проходить по двадцать пять шагов...

Рэм увеличивал паузы между переходами. Но когда падал на землю, избавляясь от необходимости тщательно считать непосильные шаги, тревожные мысли набрасывались голодной стаей. Что за черное стекло? Откуда оно взялось? Что произошло? Как далеко тянется пустыня? Вчера вечером он поехал в гости к матери. Жена и дочь остались в городе, отделенном теперь черными холмами. Что если проклятое стекло добралось и туда? Жена не захотела поехать с ним — дескать, дома столько дел накопилось. Не пустила и дочку: а она так просила... Сейчас они, по крайней мере, были бы вместе, и он знал бы, что с ними все в порядке. Почему он не настоял. А мама? Что с нею? Ему ничего не известно! И поэтому он должен встать, должен идти вперед, найти людей, выяснить, какая же беда настигла их, почему вот этот живой островок окружила черная пустыня...

Узенькая тропка, петляя меж подсолнухов, вела через

огород. Он пошел по ней, надеясь сократить путь. Уже близко, еще несколько минут... Но все сильнее дрожали ноги, кружилась голова, и только злость подхлестывала — он ненавидел собственную слабость. Стыдно просить помощи, пока еще способен двигаться. Вот уже бежит стена домика. Он видит синие окна и горшки с геранью на подоконниках. Дошел...

Рэм оперся рукой о стену и закрыл глаза. Было тихо. Неужели нет никого? Нет, невозможно, невероятно, чтобы все его усилия оказались напрасными. И вдруг во дворе загомонили утки и послышался женский голос.

То, что увидел он, выйдя из-за угла дома, поразило своей обыденностью. Будто ничего не случилось, не легла вокруг черная пустыня — женщина во дворе кормила уток, собака, лязгнув цепью, залаяла на него. Здоровенный рыжий пес исправно нес службу, словно мир вокруг был прежним...

Женщина оглянулась. Ее глаза глянули на Рэма испуганно. Она выдохнула: «О-ох», и медленно двинулась к нему, вытирая руки о цветастый фартук. Цепляясь за стену, Рэм начал оседать.

— Ты забыл, как попал в этот дом? Забыл, какой ты приполз? Как я выхаживала тебя? Ночами возле тебя сидела... Это я тебя выходила, я тебя спасла! А ты... ты...

Марта снова зарыдала, и до Рэма долетело нечто невразумительное:

— Думаешь, легко... а где ж мои... никто не скажет... а ты...

Рэм смотрел в окно. Он уже не пытался успокоить Марту и заговорил лишь тогда, когда она затихла в изнеможении.

— У нас горе общее, Марта. Мы не просто потеряли близких — такое ведь и раньше, в обычной жизни, случилось. Мы потеряли весь мир, в котором жили. То, что мы спаслись, — случайность. Мы не должны были уцелеть. Можно лишь гадать, почему так случилось. Мертвые не воскреснут, Марта. Надо думать о живых. Только теперь, после этого ужаса, начинаешь понимать, как мало нужно, чтобы уничтожить все живое...

— Это все так, — вздохнула Марта. — Ясно, нам просто повезло. И не только в этом, что мы остались жить. Нам есть чем жить, понимаешь? Вспомни, как ты сказал: мы перешли к натуральному хозяйству, как наши далекие

предки, еще и посмеивался — мол, я плохо учила историю и забыла, что это такое.

— Кажется, я так говорил.

— Так вот, нам есть где жить, чем питаться. Пока что есть. Но надо смотреть вперед. Никто не знает, что будет потом. Сможем ли мы прокормить себя? Запасы не бесконечны, и только глупец не поймет, что на трех человек расход пищи меньше, чем на четырех...

— Хочешь сказать, что девочка тебя объедает? Вот отчет Лина за столом так мало кладет на свою тарелку. Клюет, как птичка... Вы смотрите на нее, как на воровку, и она это чувствует!

— Ну и хорошо, если чувствует. Так не может продолжаться! Она уже набралась сил...

— И поэтому надо указать ей на дверь? Марта, ты же мать!

— Была! — отрезала Марта.

— А ты представь себе, что это твоего сына выгоняют в мертвую пустыню...

— Моего сына больше нет. Мы не вернем своих родных тем, что будем хлопотать о чужом дитятке! Пусть ищет себе другого приюта.

— А если наш островок — последний приют в мире? Мы обошли все окрестности, Марта, поднимались на все холмы! Сплошь только это черное стекло и никакого про света. Радио молчит, света нет и не будет. Мы одни, Марта! Нам не на кого надеяться.

— Ты же говорил, что где-то могут быть еще люди?

— Это только допущение, как ты не понимаешь! А черная пустыня — реальность, вон она — всюду, куда ни глянь.

— Зачем же мы тогда ходили в эту пустыню, чего искали? Зачем ты повел меня туда? Мы бы никогда не увидели Лину, не притащили бы ее сюда, домой, не морочились бы с ней! Почему она не осталась там? Она же хотела добраться до города, вот пусть бы и добиралась! Мы бы ничего не знали о ней! И зачем мы пошли в ту сторону, зачем только нашли ее... — Марта снова захлебнулась криком и слезами.

Рэм лежал навзничь и смотрел в небо. Впервые за все дни оно было таким чистым и голубым. Он наслаждался теплом и покоем, старался ни о чем не думать. Мозг отказывался принимать страшную реальность, защищался от нее, словно оберегая тело, давая ему возможность

окрепнуть. Силы прибывали с каждым днем, но вместе с выздоровлением приходила и тревога.

— Возьми у меня корзину,— услышал он голос Марты. Она сидела на дереве и собирала вишни. Когда Рэм подошел, протянула ему горсть ягод.— Попробуй! Вкуснота.

Рэм успел поставить корзину на землю и подхватить под руки Марту, которая прыгнула с дерева. Юбка ее задралась, открыв круглые колени, и Марта, оказавшись на земле, принялась ее поправлять и отряхивать.

— Вижу, ты совсем выздоровел,— неожиданно подмигнула она, и Рэм понял, что впервые видит ее улыбку.

— Вообще-то я болеть не люблю и не умею,— словно извиняясь, сказал он.— А тут на тебе — свалился как сноп, наделал тебе забот... Ну теперь все прошло. Чем помочь тебе? Ты скажи только...

— Не торопись, работа всегда найдется. Успеешь еще.

— Спешить и впрямь некуда. Придется, видно, привыкать к размеренному ритму жизни наших предков. А чтоб совсем было похоже, отпущу бороду. Лезвий мало, а электробритва теперь ни к чему.

— Хорошо, хоть не в пещере будем жить. Что бы мы ели сейчас, если бы не все это...— Марта обвела рукой подворье.— Сад... огород... а еще пруд. Ты умеешь ловить рыбу?

— Если б даже и не умел, пришлось бы научиться. А там, возле леса, уцелел кусок пшеничного поля. Ты умеешь печь хлеб?

— Если б не умела, пришлось бы научиться...— Марта снова улыбнулась, потом вздохнула, помолчала и как-то нерешительно спросила: — А ты... ты уже... здоров?

— Вроде, да. А что?

— Я думаю... можно было бы сходить... посмотреть... Как там, в селе...— Она запнулась, опустила глаза и начала сосредоточенно отдирать потрескавшуюся кору со ствола вишни. Но Рэм хорошо понял все, чего она не досказала. Была еще надежда, слабенькая, призрачная, но все-таки надежда, что кто-то спасся. Нужно было все выяснить.

То, что осталось от села, нельзя было назвать руинами, нет, все сохранилось, но оказалось закутаным в черную блестящую пелену, под которой угадывались очертания домов, машин, опор электросети, деревьев, напоми-

навших гигантские надгробные памятники и жуткиеobelisksки.

Рэм и Марта застыли в молчании перед этим небывалым кладбищем. Они догадывались, что именно увидят, но зрелище мертвого села ошеломило обоих. Марта кусала губы, не решаясь нарушить зловещую тишину, но отчаяние ее пробивалось глухими стонами. Рэм не мог себе позволить предаться горю — стоящая за его спиной женщина могла надеяться только на него. Он был обязан хоть немного облегчить тяжкую ношу, упавшую на хрупкие женские плечи.

Он обернулся, и Марта кинулась к нему, обхватила его шею руками. В глазах ее дрожали слезы.

— Уйдем отсюда,— хрипло прошептала она.— Нечего нам здесь делать...

— Да... Я провожу тебя. Возвращайся домой, а я еще поднимусь на тот холм. Ты говорила, с него видно город? Не хочу откладывать на завтра.

— Нет, я с тобой,— Марта крепко вцепилась в его руку.

Долго шли молча.

— Смотри, до горизонта все черно,— наконец произнесла Марта.— Как на пепелище...

— Вселенское пожарище,— нехотя откликнулся Рэм.— Повсюду это черное стекло.

— Как ты сказал? — встрепенулась Марта.— Черное стекло?

— Ну да. А ты как называешь это?

— Смолою...

— Вероятно, так точнее. И вправду напоминает застывшую смолу.

— А как ты считаешь, что это могло быть?

— Не знаю, Марта. Ничего не знаю. Лезут в голову всякие бредовые предположения...

— Вот и рассказал бы...

— Есть два варианта. Первый — стихийное бедствие, какое-то неизвестное нам явление природы, возможно — космическая катастрофа.

— А второй?

— Второй... новое страшное оружие. Наверное, химическое. Я никогда не слышал ни о чем подобном. А может, и не оружие. Может, неудачный эксперимент или авария. В городе было немало химических заводов. Впрочем, вряд ли это распространилось бы на такие большие расстояния...

— Непонятно еще одно: почему сохранился наш островок?

— Ты рассказывала, что надвинулся красный туман, а потом налетел сильный ветер. Может, как раз антициклон нагрязнул. В центре его создается область повышенного давления и воздух движется от середины к краям, понимаешь?

Марта кивнула.

— Похоже, что этот туман, вернее, конденсированный газ при взаимодействии с органикой разрушает ее и создает эту пленку. Ты заметила, какими деревья стали? Только стволы и самые толстые ветви, как после пожара... Антициклон, наверное, перемещался с небольшой скоростью, а потому успел захватить только наш островок. В других же местах ничто не помешало реакции, и все исчезло под черным стеклом. Если мы встретим еще кого-нибудь, может, и узнаем, что произошло. Пока что это все лишь мои предположения...

— Вот мы и пришли,— сказала Марта.— Напрасно только ноги били. Везде одно и то же.

Там, где раньше был город, виднелись темные громады. Слезы у Марты высохли, лоб прорезали морщины. Внезапно она дернула Рэма за руку.

— Смотри-ка...— указала движением головы.— Что это там?

На склоне одного из холмов виднелось неясное светлое пятно.

— Похоже, человек лежит,— Рэм заторопился.— Может, живой еще. Идем туда!

— Хватит, Марта. Криком ты от меня ничего не добьешься. Давай говорить спокойно. Ты считаешь, что вчетвером нам тесно. Если уж на то пошло, почему бы тебе не выгнать, например, меня? Я тоже чужой в этом доме. К тому же, у меня больше шансов дойти до людей, если они где-то еще есть, чем у Лины.

— Что за глупости! — фыркнула Марта.— Ты тут не чужой, и ты это хорошо знаешь.

— А почему я перестал быть чужим, ты не задумывалась?

— Ну и вопросик...— Марта искоса взглянула на Рэма.— Понравился ты мне, дурачок.

Голос ее звучал спокойно, уверенно, даже весело.

— Разве это надо объяснять? Я думала, ты и сам догадался.

— Догадался... Хорошо еще, что ты родного папеньку не надумала выгнать. Вот уж без кого можно обойтись! Он же никому жизни не дает. Удивительно, как в таком хилом теле помещается столько брюзжания и злобы на весь мир.

— Вот его ты не трогай! Какой ни есть, отец все-таки. Не обращай внимания на его ворчание. Между прочим, как ты думаешь, откуда у нас столько хороших и нужных вещей? Мы с ним расстарались! Помнишь дом на границе черного и зеленого? Мы проходили мимо в тот день, когда нашли Лину. Дом был покрыт смолой только наполовину, и многое внутри оказалось неиспорченным. И для тебя кое-что нашлось, и для твоей драгоценной Лины. Что бы мы делали без этой одежды, которая как на тебя пошита? Все эти сорочки, куртки — ты думал, это от моего мужа осталось? Нет, миленький, муж мой был худой как щепка и на голову ниже тебя. А ты у нас ничего парень, — она уже совсем миролюбиво взъерошила ему волосы. — Я ведь тебе добра хочу. Надо думать о будущем... Вот мы и взяли оттуда все, что могло пригодиться.

— И когда же это вы успели там пошарить?

— Успели. Хватило времени. Пока ты няньчился с Линой...

— О, теперь я догадался, откуда в буфете взялось столько хрусталя. Это тоже необходимо? Просто-таки позарез? И тоже для будущего? Не на нашу ли свадьбу?

— Не психуй. Правильно я тебе ничего сразу не сказала. Чужало мое сердце — не дождешься от тебя благодарности. Ну все равно — не тащить же назад!

— А тебе не кажется, что этот — обыкновеннейшее мародерство? Вы готовы тянуть в дом всякое барахло, потому что вам это нужно. А вот Лина — живой человек — вас не интересуется, она вам не нужна! Меня же вы не вышвырнули с вашего острова только потому, что я — полезная вещь. Ну да, без меня вам было бы труднее, не так ли? Свой хлеб я всегда отработаю. Ну, там, дровец нарубить, огород вскопать, воды принести, дверь починить... А в награду можно меня и приласкать — чтоб сильнее старался!

У Марты задрожали губы.

— Ты... ты... знаешь, кто ты такой?

— К сожалению, знаю. Во-первых, ваша рабочая сила. Во-вторых, муж для тебя, продолжатель вашего рода. Я просто прекрасно вписываюсь в вашу жизненную схему, так сказать, островную модель. А вот Лина — нет,

не вписывается. Ей нет здесь места. Поэтому вы и объявили ей войну...

Домой вернулись в сумерки. Рэм нес на руках тоненькое, почти невесомое тело. Коротко остриженные льняные волосы, красное в клеточку платье... Голова девочки запрокинулась, и видно было, как в ямке между ключиц пульсирует голубая жилка. Жива...

Марта не видела ее тут раньше. Наверное, в гости на лето приехала. Из города. Неужели она хотела добраться домой? И покинула по своей воле тот зеленый островок, на котором застала ее беда?

— Кого это вы притащили? — буркнул старик, остро поглядывая исподлобья.

— Не видишь, что ли? — устало ответила Марта.

Рэм не отходил от девочки. Она все время молчала, иногда раскрывала глаза и, моргая длинными ресницами, обводила комнату взглядом, в котором застыло грустное удивление. Губы ее слабо шевелились, словно хотели что-то произнести.

— Как зовут тебя, доченька? — спросил Рэм, осторожно кладя ладонь на ее прохладный лоб.

— Ли-на, — долетел едва слышный шепот.

— Помоги мне, — прозвучал у него за спиной голос Марты. — Я согрела воду, хочу ее вымыть. Сегодня ей нельзя давать ничего, кроме молока. Неизвестно, когда она ела в последний раз. Я скажу отцу, он посидит с нею.

Рэма страшно изумило то, что всегда молчаливый и хмурый старик начал причитать над Линой, называть ее крошечкой и голубонькой. Когда они с Мартой внесли ведра, полные горячей и холодной воды, старик торопливо вышел, словно испугался, что его застанут расстроганным. Со двора опять понеслось его ворчание, все громче и громче. Видимо, после долгого молчания старику трудно было сдержаться.

Лину выкупали и напоили теплым молоком, после чего она задремала. Рэм на цыпочках вышел из комнаты. Дверь за ним закрылась беззвучно, но он уловил какой-то неясный шорох и еще раз заглянул в комнату.

— Где... я? — донеслось из комнаты. — Кто... вы?

— Тебе нельзя сейчас разговаривать, — Рэм избегал прямого ответа. — Ты долго болела, теперь тебе нужно набраться сил. Вот окрепнешь немножко — и тогда спрашивай сколько хочешь, ладно?

— Так я... болела? — В ее голосе Рэму почудился скрытый укор. — А мама знает... где я?

— Мы найдем ее, — только и смог ответить Рэм и поторопился выйти на шепот Марты:

— Не трогай ты ее, пусть спит. Идем ужинать.

— Спокойной ночи, Лина.

Девочка не ответила, да он и не ждал ответа. Марта появилась очень кстати. Что мог он сказать этому ребенку?

Стол был накрыт на двоих. Марта пристроила свечку на подоконнике.

— А где же отец? — спросил Рэм.

— Он нас не дождался, поел уже. Кажется, разыскал-таки бутылочку, как я ни прятала... Теперь завелся, нескоро остановится.

— Хоть услышу, наконец, какой у него голос, — попытался шутить Рэм.

— Ой, надоест еще, — Марта пренебрежительно поджала пухлые губы. — Это он так долго из-за тебя молчал. А теперь освободился...

— Да в нем Цицерон погиб, — засмеялся Рэм, стараясь развеселить Марту. — Вот декламирует!

Она не приняла шутливого тона и как-то обреченно вздохнула:

— Начинается...

Голос за окном звучал то вдохновенно, то гневно, полнился иронией и трагизмом, сплетал в один клубок страшные проклятия и нежные слова, ласковые имена и грязную брань. Отец Марты оплакивал гибель мира, крыл свою бывшую супругу, мужа Марты и его родичей. Муж Марты повинен был в том, что оказался никудышным хозяином, мать Марты тем провинилась, что дочь у нее удалась такая же безголовая: зачем отпустила маленького в лес с этим болваном? Даже сочувствие к Лине, так поразившее Рэма, сменилось злобой: почему она спаслась, чужая девчонка, а не его внук?

Рэм еще не сталкивался с такими уродливыми проявлениями горя, ему было одновременно и жаль старика, и гадко. Наконец он не выдержал и сделал шаг к двери, но Марта преградила ему дорогу.

— Не трогай его! — умоляюще зашептала она. — А то он начнет бранить нас с тобой, а я... я так устала... я не выдержу...

Ладонь Марты легла ему на плечо, и он замер, не решаясь шевельнуться, чувствуя, как тепло ее руки перели-

вається в його тело. Свечка замерцала, догорая, пугливі тєни запрыгали по стєне.

Выкрики старика долєтали ужє не так отчетливо, на-верное, он отошел дальшє от окна. Но ещє можно было разобрать, как он клеймит учєных — от них все бєды! Громкие выпады против науки все чашє прєрывались полусонным бормотаниєм. Потом звякнула кружка о ведро, стоявшєе на скамєйкє,— послє приступа краснорєчия дєду захотєлось пить. Скрипнула дєрвь, послышались тяжєлыє шаги: старик побрєл в свою комнату. Щєлкнул замок. Марта осторожно убрала руку с плєча Рєма.

— Он всегда был такой? — шєпотом спросил Рєм, чтобы не молчать.

— Ещє хужє. Сейчас постарєл, хоть рукам воли не дєет, знєет, что тепєрь-то со мной не справиться. А раньшє... всем доставалось. Поэтому и мама ушла. Не выдержала...

— А ты?

— А что я? Куда мне было дєваться? Сєстры разьєхались, с мужниной роднєй не сошлась... Надо ж было гдє-то жить. А тут все-таки дом, хозяйствє.

Она оглянлась на темное окно.

— Ночь ужє...

— Я пойду, Марта. Добрых снов...

— Не уходи,— голос Марты дрогнул.— Мне страшно...

Лєгкие пальцы коснулись щєки Рєма. Он порывисто обнял еє и спрятал лицє в темных волосах.

Будто большая ночная птица раскинула сильные крыльє и вылетєла в раскрытое окно, унося с собою все печали. И сразу стало лєгчє дышать. Со двора потєкла в комнату ночная прохлада и аромат матоллы. Марта прєрывисто вздохнула и тряхнула головой, отгоняя послєдние призраки. Волосы еє пахли дождєм, позабытым вольным ливнєм.

— Что ты несєшь? Причєм тут война? На войне убивают. А я не собираюсь никого убивать. Я и оружия-то в руках сроду не держала.

— Оружия разное бываєт. Твое — равнодушиє. Оно тоже убиваєт. Равнодушиє к чужой боли, чужому горю, нетєрпимость ко всему, что не укладывается в твои прєдставлєния о жизни, к тому, кто чужой, не такой, как ты и твой оцєц... Лина чужая, потому что не такая.— Рєм старался говорить ровно, спокойно, словно обьясняя очє-

видное.— Ты уничтожаешь не только Лину. Ты убиваешь и будущих ее детей. Ведь девочка, если мы выживем в этом аду, вырастет и сможет родить детей. Может быть, им предстоит заселять нашу планету снова...

— А где ж ты, миленький, собираешься искать ей жениха? — Глаза Марты сделались колючими.— Может, сам ждешь-не дождешься, пока она подрастет? Рыцарь-избавитель... Ну да, девочки быстро растут, я это знаю. Еще год, другой, и тогда... Ты просто меня не любишь! — Она снова сорвалась на крик.

— Неправда, Марта. Мне больше некого любить в этом сожженном мире. Именно поэтому я хотел уберечь тебя от страшной ошибки, ведь ты...

— Ошибка — это оставить ее здесь! Пусть убирается вон! Немедленно!

— Пока я здесь, ты не посмеешь.

— Пока ты здесь? — с нажимом сказала Марта.— Пока ты здесь? А куда же ты денешься?

«За что, ну за что же?

За что они меня невзлюбили?

За что ненавидят?

Когда же это началось? Когда я рассказала Марте, почему оказалась недалеко от их дома? Она тогда поглядела на меня, как на ненормальную: «Лилии? Какие лилии? Там давно одна тина да жабы квакают». Наверное, девчонки меня и вправду разыгрывали, а я, как маленькая, побежала в лес искать это озерцо... Я никогда не видела водяных лилий... Даже тете ничего не сказала — убежала. Мама расстраивалась, что я такая доверчивая. Она мне говорила: «Учись отличать ложь от правды, добро от зла, доченька, ты уже большая». Теперь никто не скажет мне: доченька. Рэм однажды так сказал — и все. Не хочет сердить Марту. А Марта меня даже по имени не называет, будто его у меня нет... Она к собаке и то добрее.

Я их боюсь. У меня руки и ноги деревянными становятся, когда Марта на меня смотрит. Глаза у нее такие недобрые. Что ж она меня сперва по головке-то гладила? Зачем? А старик меня просто обходит, как пустое место. Чужая... Всем я тут чужая. Так Марта сказала.

Зачем только они нашли меня!.. Я их не просила... Да я и не помню даже, как к ним попала!

В селе все дома сделались одинаково черные, без окон, без дверей. Я не смогла узнать наш дом. Только

об одном и думала — добраться до города. Там мама... И я шла, шла... Пока не упала. А потом я была уже тут, у них.

Они так на меня смотрят, будто это я во всем виновата. Я чувствую их злость. Она меня давит и душит... хуже, чем красный туман. Рэм говорил — яд, химическое оружие. А мне иногда кажется, что это их ненависть такая черная и скользкая, как черная смола. Это она взорвалась и все вокруг уничтожила... Может, потому их и не задело?

Никого, никого они не любят. Не зря же поселились подальше от всех. Только для себя стараются, только чтобы им было хорошо. Марта хитрая. Она вроде жалуется на отца, а вроде и хвалится им: вот он у меня какой, никому спуска не даст! А Рэм... Он добрый, он заступался за меня, я слышала. Только они все равно по-своему сделают. Они уговорят его, а не уговорят, так заставят. Марта сумеет. Она красивая. Я же видела, как он смотрит на нее...

Что ж делать? Что мне теперь делать? Просить, плакать, не выгоняйте меня, оставьте, я для вас все сделаю? Не оставят. А мама говорила: «Никогда не унижай других и сама не унижайся». Нет, не буду я унижаться. Не стану их просить. И ждать не стану, пока в спину вытолкают. Я сама уйду. Главное — идти и не оглядываться. А то станет страшно: позади все зеленое, а впереди — черное...

Я пойду в город. Я должна дойти! Я уже поправилась, я теперь смогу... А если и вправду там есть кто живой? Что если и мама жива? Я найду ее. Я буду идти, пока не встречу людей...

Почему они не могут мне простить, что я живая? Что по их земле хожу, хлеб их ем? Черная смола убивает быстро, а они... Если во всем мире сейчас только они остались... Как мне тогда жить? Лучше уйти от них навсегда... в черную пустыню...

За что, ну за что?

Вот и граница. Теперь надо ступить на черную смолу и идти, идти, идти... Только бы не оглянуться! Не оглянуться!

Хорошо, что они не видят, как я плачу...»

Скрипнули двери — на пороге стоял старик.

— Да хватит вам ругаться,— сказал чуть ли не добродушно.— Нет ее уже. Было бы о чем говорить.

— Как — нет? — вздрогнул Рэм.

— А так, нет — и все. Вы тут такой шум подняли — мертвый проснется. Она слушала, слушала, да и ушла. Видно, сама поняла...

— Ушла... — с облегчением выдохнула Марта.

— И что ты думаешь, такая упрямая, слова даже не сказала. Зыркнула на меня волчком, подхватила и побежала. Ну, оно и лучше. — Старик уставился холодными водянистыми глазами на Рэма: — Ты, парень, не вздумай догонять. Тут ей все одно не жить, пока я в доме хозяин. В случае чего, у меня и винтовка есть. Охотничья. Старенькая, но в порядке. Так что не горячись. У тебя ж голова на плечах варит, я понял. Мы с тобой поладим. Ты и сообразительный, и руки откуда надо растут. — Глаза старика потеплели. — Мне жить немного осталось, на тебя оставлю и дочку, и хозяйство...

— Спасибо за честь. Только не по мне она. — Рэм изо всех сил дернул дверь, которую старик предусмотрительно запер на крючок. Петля вылетела, и дверь распахнулась.

— Ты чего? Ты куда? — взвилась Марта. — Неужто за этой девчонкой побежишь? Безумный, ты ж пропадешь!

— Я тут пропадаю. Ежедневно, ежеминутно!

Марта беспомощно оглянулась, ища поддержки, но старик куда-то исчез.

— Не пушу! — заголосила, вцепившись в руки Рэма.

В ответ он засмеялся тихим, странным смехом. Марта залилась краской и отпустила его:

— Ты еще и смеешься надо мною? Ну так иди, держать не буду. Сам назад прибежишь, проситься станешь, чтоб пустили! — с яростью крикнула она, повернулась на каблуках и хлопнула за собой дверью.

Когда она снова выскочила на крыльцо, Рэм был уже за пределами зеленого островка. Сквозь слезы Марта видела, как он догнал девочку, положил руку ей на плечо, наклонился, что-то говоря, — и дальше они пошли вместе.

Марта побежала за ними. Она не знала, как вернуть его, просто бежала, бежала... Почти возле самой границы споткнулась о толстый корень и упала. Вытирая грязной ладонью слезы, заливавшие лицо, медленно поднялась с земли. Взгляд ее скользнул по черной пленке. Она присмотрелась повнимательнее — и не поверила глазам: в смоле появились просветы, граница черноты отодвинулась на пять, это было хорошо видно по серой полоске

песчаного грунта меж пленкой и зеленой травой. Сомнений не было: утренний дождь размыл пленку там, где она была потоньше! Но Марта даже не обрадовалась своему открытию. Машинально отряхивая пыль, она смотрела вслед двум удаляющимся фигурам. Красное платьишко Лины, белая рубаша Рэма еще долго виднелись на черном фоне. Прибежал запыхавшийся отец с ненужной винтовкой в руках...

Снова просыпался дождь.

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ МАРСИАН

Поднявшись до середины холма, старик остановился и взглянул на врач-браслет. «Гиппократ» уже дважды протитикал грозное предупреждение, а он все шел, шел, шел... Безрассудство, конечно. Когда-то он поднимался на холм вообще без остановок, потом — с двухминутным отдыхом на террасе, а последний год — с пятнадцатиминутным... А теперь, видимо, придется устраивать второй привал. Или лучше, уменьшив нагрузку, одновременно увеличить длительность? Надо бы пройти всестороннее обследование и откорректировать тактику выживания. С каждым годом на это приходится тратить все больше и больше времени. Неужели скоро все сведется к одному-единственному: выжить?

Какая-то мысль вертелась в подсознании, пытаюсь принять форму адекватных слов. Мысль была неприятная, и старик перекрыл все ходы и выходы, а потом загнал ее в темные, мрачные глубины, чтобы она сгинула там навеки, раздавленная неосуществленными желаниями и тайными страстями.

Ожидая, пока пульс придет в норму, старик присел на плоский широкий камень, согнав с него большую зеленую ящерицу. Проскользнув между редкими стебельками травы, она недовольно ударила из стороны в сторону хвостом и замерла, пытаюсь стать невидимой.

— Не сердись, маленький дракон,— сказал старик и оглянулся. Метрах в трех от него, на таком же плоском камне, лежала, греясь на солнце, небольшая змейка. Ее новая кожа глянцево отсвечивала. Узор на ней был строг и изыскан. Старик стянул с головы широкополую шляпу и несколько раз обмахнулся ею. Ящерка юркнула в траву.

— Молодая ты еще глупая,— назидательно сказал ей вслед старик.— Меня даже зайцы перестанут скоро бояться. Полоз, смотри-ка, даже не пошевелится!

— Прикрывшись шляпой от солнца, он повернул голову налево, туда, откуда пришел. Ржавого цвета барханы

с редкими кустами, марево поднимающегося вверх горячего воздуха. Пустыня... Когда-нибудь он опишет ее в одном из рассказов. Когда-нибудь. А может быть, уже пора? Только начать он собирался с другого эпизода.

Старик достал из нагрудного кармана просторной легкой куртки мнемофон и, подождав, пока успокоится дыхание, начал диктовать.

Высоко в небе, на фоне огромного белого облака показалась наконец крохотная черная точка. И сразу же начала падать, падать, падать, на глазах увеличиваясь и приобретая форму. Жюль ухватился за прутья ограды, сжал их так, что побелели пальцы. Удачной вам посадки, подумал он. Удачной посадки на зеленые холмы Земли. Когда прилетел первый отряд марсиан, телегазеты вопили: «Блудные сыны возвращаются в отчий дом!» Потом сообщения ушли на вторые и третьи страницы, через год — в бесконечные полосы «хроники»... А теперь их даже не встречает никто. Только он, Жюль, с маленьким букетом незабудок. Он решил, что эти крохотные осколки неба будут сегодня гораздо уместнее кричаще-ярких садовых цветов.

Точка превратилась в перевернутую запятую, потом в кляксу... И вот уже видны куцые тонкие крылья и высокий киль. Жюль с трудом разжал онемевшие руки. Зачем он здесь? Кто он им, этим многое испытавшим людям, приникшим сейчас к иллюминаторам там, в заходящем на посадку челноке? Никто. Хотя некоторые, возможно, и читали в юности его книги. Вряд ли сейчас они об этом помнят... А марсиане? Кто они ему, единственному встречающему? Или по-другому: первому встречному. Вот и ответ. Тот же самый: никто.

Жюль задумался. Такой ответ его не устраивал. Слишком травмиален, а это всегда наводит на подозрения. Так — кто же?

И тогда в его голове впервые прозвучало это слово: дети. Он вдруг понял, что любит всех этих усталых, потерявших смысл жизни людей, как своих детей. Да, любит. Вне всякого сомнения. Любит, потому что прощает. А простить предательство можно — только детям.

Челнок выпустил шасси и снижался уже не так стремительно. Еще несколько минут... Жюль снял с уступа ограды букетик, медленно пошел к зданию космовокзала. Ему почему-то расхотелось смотреть, как выдыхают, коснувшись бетонки, крохотные облачка сизого дыма колеса

боковых шасси, как еще долго челнок катится по полосе с нелепо задранном хвостом... Как выскакивают, подобно чертикам из табакерки, разноцветные тормозные парашюты. Сколько раз все это уже было. Гремели литавры, сверкали трубы духовых оркестров. Тысячи встречающих заполняли огромную привокзальную площадь. Но челноки между орбитальными станциями и Землей сновали все реже, реже... Вначале обитаемые были законсервированы на «Копернике», потом — на «Бруно»... Теперь они действуют только на «Гагарине». Да и то... Еще два-три рейса — и все...

Шаги гулко ударили в купол огромного зала прибытия. Я иду словно по сцене огромного театра, подумал Жюль. Разыгрывается величайшая трагедия человечества. Но в зрительном зале — ни души. Никто не пришел. Никто.

Двери распахнулись, и он вышел на площадку для родственников, огороженную низкой витой оградой с космической символикой. Воланчик первого спутника, кольца Сатурна, силуэт «мельницы»... Челнок стоял на ближайшей площадке — один из двух на всем огромном поле. Второй — с ярко-оранжевыми крыльями — дежурный службы КОСПАС. Да, только два челнока. А когда-то воздушно-космические самолеты стартовали каждые два часа. И каждые два часа прибывали — межконтинентальные гиперазробусы, юркие шаттлы, степенные лунники... Там, наверху сновали межорбитальные буксиры, плыли огромные обитаемые станции, ввинчивались в пространство межпланетные «мельницы»... Ракетное лето. Давным-давно предсказанное короткое лето, на смену которому так быстро пришла космическая зима...

От челнока отвалил электробус, бесшумно покатил к залу прибытия. Тишина над космодромом... Что может быть неестественнее? Ни гула прогреваемых двигателей, ни гомона возбужденных разлуками и встречами людей, ни покрывающих все шумы объявлений диктора...

Электробус, четко следуя вдоль скрытого под пластобетонными плитами провода, подъехал почти к самой ограде, плавно остановился. Все четыре двери распахнулись, и первые марсиане сошли на Землю. Именно так, с большой буквы. Для них земля еще долго будет Землей — непривычной, гнетущей тяготением, ослепляющей буйством красок...

Жюль пристально вглядывался в лица прилетевших. Загорелые, обветренные, иссеченные мелкими морщина-

ми... Подхватывают свои дорожные сумки, проходят, бросая удивленные взгляды, мимо... Что-то необычное было в этом шествии. Шорох шагов, шелест комбинезонов... Вот оно что! Они молчат... Не шутят, не подначивают друг друга, даже не улыбаются. И глаза их — голубые, серые, черные — не светятся радостью. Только усталость в них, только усталость. И почти у всех — складки у губ. Упрямые, сильные и... горькие. Ахейцы, не взявшие Трои. Аргонавты, вернувшиеся без золотого руна.

Среди прибывших была одна женщина. Только одна, с грустью отметил Жюль, преграждая ей путь.

— Добро пожаловать на Землю, — склонил он голову и протянул букетик.

Брови марсианки взлетели. Когда-то она была красивой, очень красивой. Да и сейчас... Морщинки у глаз несколько не старили ее.

— Это — мне? — растерянно оглянулась женщина на своих спутников.

— Вам. Всем вам, прибывшим на благословенную Землю. Космическая родина приветствует вас и желает счастья!

Лица марсиан оживились. Жюля окружили, протягивали ему руки, и он с удовольствием пожимал их — крепкие, надежные руки людей, отважившихся много лет назад поменять просторы земли на тесноту марсианских станций. Станций, так и не ставших городами. Но — не по их вине. Обвинение в предательстве, пожалуй, несправедливо. Уж они-то сделали все, что могли. Просто так получилось...

— А вы... вы кто? — спросил высокий седой мужчина с твердыми серыми глазами. — Представитель Управления или...

Жюль назвал. Марсиане переглянулись: это имя им ни о чем не говорило.

— Я... я просто землянин. всю жизнь мечтал побывать на Марсе, или в системе Юпитера, или на Титане... Ничего у меня не получилось. Вначале из-за плохого здоровья, потом, когда медицина устранила эти проблемы, появились другие. Семья, маленькие дети. Жена была категорически против. Как говорится, врос в Землю корнями. А теперь... Возраст уже не тот. Кто-нибудь из вас читал «Ионские хроники»?

— Я...

— И я...

— Мы все в юности читали. А почему вы вдруг спросили?

Жюль улыбнулся. И тут же почувствовал, как у губ прорезается горькая складка — совсем как у них, у марсиан.

— Жаль, что все так кончилось.

— Не огорчайтесь, — ласково взяла его за рукав женщина, — ничего особенного там нет. — Она на мгновение вскинула глаза вверх. — И нет на свете ничего прекраснее нашей Земли.

— Скажите, вы не жалеете? Нисколько не жалеете о том, что... вернулись?

Жюль хотел спросить совсем о другом. Ему хотелось знать, не жалко ли им станций, брошенных на произвол марсианских песков, не жалко ли ослепительно розовых восходов и закатов, которые скоро не будет наблюдать ни одно живое существо, не жалко ли им, наконец, свирепых красных бурь, оставленных там, на далекой холодной планете, в бесполезности и одиночестве?

— Нет, — покачал головою высокий, и глаза его стали добрее. — Мы не жалеем ни о том, что покинули Землю, ни о том, что вернулись. Всему свое время. Космический сезон кончился, пришла пора собирать жатву. Мы не жалеем, — подытожил он, забрасывая сумку на плечо.

На прощание женщина улыбнулась, и вот уже последний марсианин исчез за стеклянными дверьми зала прибытия.

Сколько их осталось еще на далекой красной планете? Сорок? Восемьдесят? Один-два рейса межпланетной «мельницы» — и космическая одиссея человечества закончена...

Старик спрятал мнемофон в карман и медленно побрел к вершине холма. Две тени неотступно сопровождали его. Та, что слева, всегда слева, — потемнее, другая, преследующая по пятам — едва различима. *Два солнца стынут — о Господи, пощади! Одно на небе, другое...* Из-под ног старика метнулся зайчонок, рванулся влево, вправо и исчез в кустах. Проводив его взглядом, старик остановился. Который уже раз он поднялся по этой тропинке? Сосчитать нетрудно. Каждый день, начиная с самого первого... И с каждым годом прогулка занимает все больше времени. Вначале он тратил на нее час, потом полтора — это если без купания. А еще расчистка полосы, контроль работы пастухов и садовников, проверка

системы жизнеобеспечения, подготовка еженедельного отчета... Времени остро не хватало, и тогда он догадался брать с собою мнемофон. Теперь он мог устраивать довольно длительные привалы, не боясь, что не успеет дописать последний роман. Время шло, он успевал и, поразмыслив, начинал следующий. Это уж точно, думал он, последний. Все сроки вышли. Но, дописав... Впрочем, на сей раз придется ограничиться рассказом. Небольшим, листа на полтора. На чем он там остановился?

Вынув из кармашка мнемофон, старик прослушал последние фразы. А может быть, назвать героя как-то по-другому? Тем более что уже промелькнуло слово «хроники». Не зря же оно выплыло из подсознания?

Электробус уехал. Вслед за ним в сторону ангаров укатил пузатый заправщик, приняв в свое чрево остатки топлива из баков челнока. По нему теперь ползали черные паучки кибер-техников, проверяя состояние теплозащитной пленки и напыляя, где необходимо, новые слои. Высокое белое облако потяжелело, расплылось на полнеба и одарило землю мелким дождем. Рэй стоял, облокотившись на низкую ажурную ограду, и не замечал, как медленно темнеют голубые пластобетонные плиты. Ему не хотелось уходить. Ему не хотелось оставлять пустынный и угрюмый космовокзал. Не хотелось, чтобы так незаметно и неотвратимо заканчивалась космическая одиссея землян, чтобы пески засыпали так и не выросшие марсианские города.

Я чувствую себя так, подумал Рэй, как будто умирают мои дети. Да-да, умирают мои дети. Но это несправедливо! Я не хочу! Дети не должны умирать раньше, чем их родители!

Он сжал кулаки и бросил взгляд, полный ненависти, в равнодушное сырое небо. Несколько капель дождя упали ему на лицо и покатались, как слезы, к подбородку. Что он мог сделать? Видно, такая уж у него судьба. Вначале похоронить жену, потом сына, смертельно поссориться с дочерью... А теперь вот присутствовать при кончине дела, которому посвятил жизнь. Хотя какое, собственного говоря, он имеет право называть заселение Системы — своим делом? Ведь и в космосе-то ни разу не был, всю жизнь провел на Земле, как водомерка — на поверхности пруда. И челноки не проектировал, не строил. Никакого прямого участия... Отчего же ему так больно сейчас?

Рэй вошел через услужливо распахнувшиеся двери в зал прибытия, медленно побрел к выходу. Умирает моя мечта, вот в чем дело, подумал он. Последнее, что у него еще оставалось, — способность мечтать. Обычно люди расстаются с этой странной особенностью психики еще в молодости. Расстаются добровольно и даже с радостью. Им не терпится испытать себя во взрослой жизни, увидеть плоды трудов своих. А мечты — что же? Бесплодные и быстро надоедающие фантамы, и только. Но он... Нет! Он не устал! Его мечты были настолько зримы, настолько реальны, что иногда ему казалось, что это и не фантазии вовсе, не грезы наяву, а — будущее. Само Будущее, в которое ему каким-то чудом удавалось заглянуть. Один критик даже назвал его провидцем. И правда, кое-что ему удалось угадать. Астронавты брали на борт его книги, и дважды его приглашали — в качестве почетного гостя — на заседания Комитета планирования NASA. Да, дважды. Но грандиозные планы эти не были выполнены. Космическая эйфория угасла так же стремительно, как и началась, — за какие-нибудь двадцать лет. Он даже не успел состариться толком. Пятьдесят семь — разве это возраст?

Рэй вышел на привокзальную площадь, подошел к стоянке такси, нажал на панели две кнопки. Последней — зеленую. Вызов несрочный, он может подождать попутную машину. Присел на скамейку, вытянул усталые ноги, прочел потрепанный четырехцветный плакат: «Для тебя есть работа на небе — побывай на Марсе!»

Зачем он приехал сюда? Посмотреть на живых марсиан? Несколько минут подышать одним с ними воздухом? Хоть на мгновение почувствовать себя одним из них — молодым, сильным, уверенным в себе? Именно так он представлял себе первооселенцев. Именно такими изображал в своих романах. Когда-то действительно было так. Улетали именно такие — красивые и сильные — люди. Но теперь... Они вернулись забытыми, усталыми и... опоздавшими. Да-да, вот оно, ключевое слово: опоздавшие. Самое главное происходило здесь, на Земле, а не в безжизненных огромных пространствах Системы. Оставшиеся не теряли времени даром. Они замесили тесто и испекли замечательный, никогда и никем не виданный пирог счастья. Испекли и разделили между всеми — поровну и справедливо. Никто не ушел обиженным. Никто из тех, кто никогда не летал в космос. А те, кто летали...

Романтики и мечтатели, непоседы и странники... Им достались только крошки.

С чуть слышным шорохом подкатило такси, откинута дверь. В машине было двое: молодой мужчина с крутым подбородком и светловолосая девушка.

— Разрешите? Мне до города.

— Да, конечно,— приветливо кивнул мужчина.

— Вместе веселее будет ехать,— тряхнула кудряшками девушка. Улыбка у нее была замечательная: открытая и беззащитная, как только что распутившийся цветок. Хотелось заслонить ее плечом — от всего, от всего, что могло бы ей помешать так доверчиво улыбаться.

Рэй сел на переднее сиденье, набрал на пульте адрес. На несколько секунд ускорение вдавило его в спинку кресла. Совсем как на стартующем челноке, подумал он.

— Вы... кого-то встречали? — спросил мужчина. Словхватившись, представился: — Натаниел Йорк, инженер-межпланетчик. Бывший, конечно,— засмеялся он.— Прохожу переподготовку, собираюсь стать гиперсистемщиком.

— А я — Илла,— улыбнулась девушка.

Рэй вздрогнул. Да-да, конечно, Илла. Именно такой он ее себе и представлял. Илла... Она должна жить в доме с хрустальными колоннами на берегу высохшего моря, рвать золотые плоды, растущие из хрустальных стен, ухаживать за винными деревьями, растущими во дворе... И с упреком смотреть на молодого мужа, который по вечерам читает металлическую книгу, перебирая пальцами выпуклые иероглифы, точно струны арфы...

Да, Илла. Так она назвала себя. И улыбнулся — доверчиво и беззащитно.

Старик выключил мнемофон и начал спускаться. По другую сторону кряжа расстилалась саванна, вдали синело море. Метрах в трех впереди через тропинку перемаянула косуля, вспугнула еще одну. И вот уже маленькое стадо, подняв пыльное облачко, исчезает за редкими деревьями. Не бойтесь, я вас не трону, подумал старик. Как сказано в последнем отчете, численность популяции в пределах нормы, больные особи отсутствуют. Для беспокорства нет причин — ни у вас, ни у меня. А где же мои пичуги?

Он сунул руку в боковой карман куртки, достал горсть пшеничных зерен. Тотчас две перепархивавшие вслед за ним с куста на куст крохотные птички слетели

на ладонь, начали клевать, щекоча пальцы. Еще две пташки, возбужденно попискивая, примостились у него на плече. Маленькие живые комочки... Как они называются? Старик не знал. Три с половиной тысячи видов растений, птиц и прочих живых тварей, разве всех упомнишь!

Подождав, пока последнее зернышко исчезнет с ладони, старик пошел дальше — к морю. Скоро стал слышен плеск волн. Тропинка повернула направо и пропала на песчаном пляже. Сбросив одежду, старик оставил ее на скамейке, разноцветным многоугольником опоясавшей ножку одинокого «грибка». Двадцать семь градусов — достаточно прохладно, когда кровь уже не греет и не будоражит каждую клеточку стареющего тела. Долго плавал, плескаясь и меняя стили. На круиз к противоположному берегу моря не отважился. С тех пор, как в воде ему однажды стало плохо, на подобные авантюры он уже не решался. Глубина моря — до двадцати метров, а утонуть можно и в миске воды...

«Ти-ти-ти-таа», — воспроизвел браслет вступление к Пятой симфонии. Пора на берег. Тщательно растеревшись мохнатым полотенцем, старик повесил его сушиться на растяжку «грибка». Балансируя на полупогруженном в воду камне, надел трусы и брюки. Вернувшись, присел на красный сектор скамейки и достал из куртки мнемофон. А может быть... Старик усмехнулся. Может быть, назвать героя рассказа своим именем? Преступить неписанный закон, почти не нарушаемый писателями вот уже сколько тысяч лет? Даже когда они ведут разговор от первого лица, имя у героя — чужое... Или, еще проще, оставить его вообще без имени? Просто — старик? Символ одиночества, старости и близкой смерти. И еще — поражения... Сокрушительного, по всем пунктам, ничем не компенсированного. Впрочем, нет. Эта возможность от него никуда не уйдет. А что если...

Иван представился в ответ. Просто имя и фамилия, без профессии. Не очень-то вежливо, но молодые люди его простят. Он редко называл свое основное занятие. Вначале, когда его еще не печатали, — чтобы избежать сочувственно-насмешливых взглядов. Потом, много лет спустя — чтобы не мешать собеседникам оставаться самими собой. Чисто профессиональная уловка. Он хотел наблюдать людей, поведение которых не искажено присутствием рядом со знаменитостью.

Он развернулся так, чтобы быть лицом к собеседникам.

Некоторые в его возрасте уже не любят ездить «задом наперед». У него, тьфу-тьфу-тьфу, никаких неприятностей с вестибуляркой пока нет.

— Кажется, сегодня прибыла последняя партия переселенцев, возвращающихся с Марса. Вот я и подумал, может, у вас там сын или... или друг,— оправдал свое любопытство Натаниел. Он явно хотел сказать «внук», но в последний момент передумал.

— Нет, не последняя. Арьергардные группы еще не прилетели. «Мельница» за ними отчалит только через три месяца. Пока туда, пока обратно... «Селену», последнюю лунную, закроют раньше. А вы... не интересуетесь этим? Как бывший межпланетчик?

— Вернее, несостоявшийся. К счастью. Из нашего выпуска только одному пришлось участвовать в спасательных работах на Ганимеде. На него теперь жалко смотреть. И на моего отца тоже. Он некоторое время работал на «Селене». А двое его друзей, вернее, семейная пара,— на «Тирре». Вернулись три года назад. И до сих пор даже не адаптировались. А уж о геосинхронизации и говорить нечего. Врачи, как ни бьются, ничего не могут сделать. Все биоритмы вразнобой, совсем как в прошлом веке, до Великой синхронизации. Ну, и старятся они соответственно. Даже до сотни вряд ли дотянут. А самое страшное, что с детьми их... не все в порядке. Им-то за какие грехи? Поэтому космическим бродяжничеством — не интересуюсь!

— Да, дети — это серьезно,— вздохнул Иван.— А все-таки жаль, что человек никогда не побывает ни на спутниках Урана, ни на Плутоне, ни тем более где-нибудь... в Сердце Змеи.

Натаниел усмехнулся.

— А зачем? — удивилась Илла.— Разведчики-истеллекты уже добрались, кажется, до Нептуна. Есть даже такой аттракцион: надеваешь шлем и чувствуешь все то, что испытал побывавший там искусственный интеллект. Все пять чувств, без обмана. Даже с тяготением они чего-то там делают.

— Конечно, после создания истеллектов полеты людей потеряли всякий смысл,— снисходительно объяснил Натаниел Йорк.— Их возможности неизмеримо шире человеческих. Все пять органов чувств — но в три — пять раз более широких диапазонах. При этом нет нужды ни в кислороде, ни в еде-питье, ни даже в искусственной гравитации. Соответствующие датчики просто отключаются

на время полета — и никаких хлопот. Потому обитаемые станции и закрываются одна за другой. «Тирр», кажется, последняя?

— Нет. Ее закрыли в прошлом году. Остался только Байстаун. Который уже никогда не станет городом.

— На Марсе нам вообще нечего делать. Там даже полезных ископаемых раз, два — и обчелся. И песок на зубах скрипит... — передернул плечами Натаниел.

За окном мелькали деревья. За машиной тянулась бесконечная белая полоса. Как за реактивным самолетом, подумал Иван.

— А я бы все равно полетел туда. Если бы был помоложе и чуть поздоровее, — сказал он вдруг.

— На Марс?! — Илла сделала круглые глаза и даже на мгновенье привстала с кресла. — Но ведь это, как стало теперь известно, почти самоубийство? Никто из вернувшихся... марсиан... не проживет дольше ста с небольшим. У них же совсем чуждые поля и ритмы! Для человека... Недаром в сказках называли: Мать сыра-земля. Древние чувствовали, что люди — сыновья и дочери Земли, на которой только и могут быть по-настоящему счастливы.

— Сейчас ожидаемая средняя продолжительность жизни растет на год с небольшим в год. Не знаю, как будет дальше, говорят, есть какие-то фундаментальные пределы. Но пока... Это означает, что люди становятся практически бессмертными. Те, конечно, кто не успел побывать в космосе, — развел руками Натаниел.

— А как же проблема перенаселения? Если, не дай Бог, человек действительно станет бессмертным, не заплатив за это возможностью иметь детей...

— Ничего страшного. При существующем уровне рождаемости... Мы с Иллой решили, что нам вполне хватит одного ребенка. А многие вообще не хотят иметь детей. И вовсе не считают себя... заплатившими. При существующем уровне технологии, как показывают исследования Римского клуба, население Земли безболезненно может быть увеличено на порядок. Это — пятьсот лет беспроблемной жизни. А если начать строить океанские города и осваивать пустыни... Нам нечего бояться!

— А вы... полетели бы? — спросила Илла, и беспечная улыбка слетела с ее губ, как испуганная птица. Взгляд девушки стал серьезным и строгим.

А она вовсе не так легкомысленна, как мне показалось вначале, подумал Иван.

— Да. Если бы мог.

Он сам удивился простоте и убедительности своих слов. И поверил в них всего лишь мгновением позже, чем угасли звуки. И всего лишь мгновением раньше, чем поверила в них Илла.

— Но зачем? — раздраженно спросил Натаниел. — Лет пятьдесят назад, в разгар космического бума, — это было бы понятно. Теперь же, когда все возвращаются...

— Именно поэтому и нужно лететь теперь. Именно поэтому.

— Чтобы прослыть оригинальным? — возмутился Йорк.

— Чтобы человечество не выродилось, чтобы его не несло потоком энтропии, всегда должен быть кто-то, идущий против ветра, плывущий против течения. В этом, наверное, и состоит тайный смысл оригинальничания.

Лента дороги дважды изогнулась в транспортной развязке и снова выпрямилась. Деревья выстреливались с обеих сторон и зелеными облачками улетали к горизонту — сначала быстро, потом все медленнее, медленнее...

— Как интересно... — протяжно сказала Илла. — Жить в марсианском городе... Совсем одному. Слушать, как завывает ветер во время песчаных бурь...

— В чем? — поинтересовался Натаниел.

— Ну... В чем-то он должен завывать! И по вечерам отыскивать на небе голубую звездочку Земли.

— Все это, извините, треп. Все мы оригинальны на словах, а как дойдет до дела... — раздраженно сказал Йорк. — Променять сто пятьдесят земных лет на семьдесят марсианских — кто же на это согласится? Потому станции и закрылись одна за другой. Что же вы раньше не улетали, вместе с остальными энтузиастами?

— Не прошел медкомиссию. Конкурс был очень большим, брали только идеально здоровых. А у меня... есть некоторые отклонения. Может быть, потому, что мой отец... участвовал в четырнадцатой марсианской.

— А вы сейчас попробуйте, — засмеялся Натаниел. — Конкурс — ноль человек на место. Перегрузки и грудные дети выдержат... Будете нам открытки к новому году присылать. И подписываться: «С марсианским приветом...»

— Натаниел, не смей! Зачем ты так? — возмутилась Илла.

— Нет-нет, я не обиделся, — успокаивающе покачал головой Иван. — Вы правы, — повернулся он к Йорку. — Прежде чем разглагольствовать на эту тему, я должен

был... хотя бы попытаться... Мне как-то не приходило в голову. Действительно, все изменилось. Меня теперь ничто не привязывает к Земле, и конкурс — ноль. Почему бы не попробовать? — улыбнулся он.

Натаниел тоже засмеялся. Зубы у него были белые и ровные, как брусочки рафинада.

— Хотел бы я, дожив до ваших лет, сохранить чувство юмора! Извините, сам не пойму, что на меня нашло...

Илла пристально смотрела на Ивана. Пристально и строго.

— Если у вас получится... В самом деле, пришлите нам открытку. Радиограмму какую-нибудь... — сказала вдруг она и, открыв сумочку, протянула голубую пластиковую карточку. — Вот мой личный номер Всепланетной сети.

Солнце неподвижно висело в одной и той же точке идеально голубого неба. Жар его постепенно стихал — дело шло к вечеру. Старик шел вдоль берега. Впереди темнели мангровые заросли. Дойдя до Акульего зуба — без малого двухметрового пирамидообразного камня молочно-белого цвета — старик круто свернул к морю. Прямо на гальке, вне досягаемости волн, лежал длинный плоский чемоданчик. Недовольно чмокнула крышка. Старик разложил спиннинг, проверил ход катушки, блесну. Подошел к самой воде, сильно размахнулся... Поклевка последовала на третьем броске. Он чувствовал, как бьется на крючке рыба. «Я должен увидеть ее голубую спинку и отливающие золотом бока еще до того, как подтяну ее к самому берегу,» — подумал старик. Веса в ней килограмма три, не меньше.

Старик достал из бокового кармана куртки пластиковый мешочек, положил в него еще трепещущую рыбу, закинул на плечо.

Путь его по-прежнему лежал на восток. Справа — горы и гаснущее солнце над ними, слева — мангровые заросли и, чуть дальше, болотце. Между скалистым выступом и затянутой ряской жижей — узкий проход. Он сам проторил его, срубив часть выступа. А когда-то, в первые годы, ему приходилось взбираться на отрог, потом спускаться... Может быть, зря он перестал делать это, уменьшил нагрузку?

Нет, не зря. «Гиппокраф» вопил без умолку, когда он

карабкался на скалу. А теперь только изредка напоминает о своем существовании.

Среагировав на отмеченное боковым зрением неясное движение, старик повернул голову. Слева, за болотцем, по переброшенному через ручей ажурному мостику, пробежал кибер-садовник. Сверкнули металлические ножи, над крабьим панцирем угрожающе качнулись клешни секаторов. Старик взглянул на браслет. Шесть часов полудни. Значит, спешит на подзарядку.

Отрог остался позади. Тропинка петляла между деревьями. Шоколадные и кофейные, папайи и бананы... Над ветвями трепещут разноцветные пушинки колибри, порхают агути и попугаи. Старик снял куртку, до пояса расстегнул рубашку и ускорил шаг. Тропики он не любил. Выйдя на берег ручья, спустился к воде, ополоснул лицо и шею. Дышать стало легче.

Над конденсационной башней зрело большое облако. Сегодня здесь пойдет дождь. По расписанию — через полчаса. А до тамбура ему — десять минут ходьбы. Можно не спешить. Поправив куртку и пакет с рыбой, старик вышел на тропу. Станный у меня получается рассказ, думал он. Таких еще никогда не было. То ли это старость вдруг выплеснулась на страницы, то ли... Безысходность какая-то. И он, начав диктовать, впервые не знает, каким будет финал. Да и вообще, сюжет практически не разработан. Пока это только эмоции, намертво переплетенные, как лианы: одиночество, старость, смерть. Может быть, рано он включил мнемофон?

Легкий ветерок коснулся его щеки, становясь с каждой минутой все сильнее. Старик остановился, тщательно застегнул рубашку и надел куртку. Еще несколько шагов — и между деревьями стала видна увитая лианами стена, поднимающаяся до самого неба. Смотреть на ее гребень, а тем более — на натянутое паутиной небо старик не любил. В горловину туннеля, забранную мелкой решеткой, с шумом устремлялся поток влажного теплого воздуха. Надо бы проверить фильтры, подумал старик, сворачивая направо, к тамбуру. Кажется, их пора менять. Новые уже выращены. Процедура предстоит, конечно, не из приятных.

Старик прошел через тамбур. С этой стороны стена была увита плющом. Над устьем туннеля клубился туман. Чуть слышно гудели мощные вентиляторы. Дул прохладный ветер. Ускорив шаг, старик вошел в небольшой лесок и присел на деревянную лавочку, прилаженную

между двумя березами. Дыхание туннеля здесь почти не ощущалось. А может быть, назвать моего героя Джона-тан Уильямс, подумал он. Или лучше — Генри?

Представитель Управления Космофлота нервно тербил значок с аббревиатурой ИИИ на лацкане своего пиджака. Он никак не мог понять, чего хочет от него этот странный человек. Наконец отблеск понимания осветил его озадаченное лицо. Чиновник пробежался холеными пальцами с длинными розовыми ногтями по клавиатуре терминала.

— Слушай, ы... — замялся он на мгновение, затравлено взглянув на Генри. — У меня тут посетитель. У него очень оригинальное предложение. В высшей степени. Тебя должно заинтересовать. Подскочишь на минутку?.. Да нет, можно без бригады, — добавил он, бросив на Генри короткий, теперь уже оценивающий, взгляд.

Генри открыл бумажник, молча положил на деку терминала кроваво-красный кристаллик.

— А это что? — недовольно спросил чиновник.

— Моя медицинская карта. Из нее, в частности, следует, что психически я совершенно здоров. Рекомендую вам еще раз связаться со своим... ыы... приятелем и отметить визит.

Цвет лица чиновника резко изменился, почти вплотную приблизившись к цвету кристалла.

— Звоните, звоните, не стесняйтесь, — как можно доброжелательнее сказал Генри. — И если вы сами не можете решить мой вопрос, то подскажите, кто может. Проконсультируйтесь с кем-нибудь, наконец. Но только не с... ы... В своем ведомстве!

— Извините, — выдавил, наконец, чиновник, нажимая на клавишу повторного вызова.

— Ты еще не выехал? Чудненько. И не надо. Здесь все в порядке. Потом расскажу. Ты вечером будешь? Я сам позвоню. — Отключившись, спросил у Генри неприязненно: — Давайте еще раз. Чего вы все-таки хотите?

— Жить на Марсе. На станции Байстаун. Последняя «мельница» отчаливает туда через три месяца. Я вполне успею подготовиться.

Чиновник привстал со своего кресла.

— Но я же вам уже объяснил: последняя! Чтобы вывезти оттуда последний персонал! Станция консервируется, вы понимаете? Закрывается за ненадобностью. На неопределенно долгое время. То есть — навсегда!

— Ну и чудненько! Значит, я там никому не помешаю.

— Но Земля не в состоянии будет обеспечивать вашу безопасность! Станции потому и закрываются, что обходятся слишком дорого. На порядок дороже, чем использование истеллектов. Да и пользы от них... Я имею в виду, конечно, станции,— уточнил он.

— Насколько я знаю, никто не собирается вывозить обратно на Землю имеющиеся на Марсе запасы, а также флору и фауну. Слишком дорого... И если мне удастся сохранить там экологическое равновесие — а в этом нет никаких сомнения,— то моей безопасности ничто не будет угрожать как минимум пару тысяч лет. Главное, чтобы марсиане не заглушили реактор. Мне одному будет трудно запустить его. А профилактику-то я уж как-нибудь сделаю. Тем более, что андроидов и прочей кибернетической нечисти в избытке.

— Я все-таки хотел бы понять, зачем...— неожиданно тихо сказал чиновник.

— Вот-вот. Я тоже задавал себе этот вопрос. Однажды утром я проснулся и подумал: «Зачем ты живешь здесь убогой и бестолковой жизнью, когда перед тобою открыты великолепные возможности? Те же звезды сияют и над другими полями. Но как уйти от своей жизни, как переселиться туда?» А недавно один молодой человек дал мне прекрасную идею. И вот я здесь...

— Нет, это немыслимо! — снова разволновался представитель управления.— Да на каком, собственно, основании?

— На основании пункта один статьи тринадцать Всеобщей декларации прав человека, третья редакция. Вот выписка,— протянул Генри чиновнику голубой кристаллик.— Разве я плохой гражданин? Так в чем дело, почему мне нельзя лететь на Марс?

— Да знаю я этот пункт! Наизусть! — отмахнулся чиновник.— Да, каждый человек имеет право свободно передвигаться и выбирать себе местожительство в пределах каждой планеты Солнечной системы, где созданы для этого приемлемые условия, включая астероиды и орбитальные космические города. Но не в одиночестве же! Все это похоже — знаете, на что?

— Знаю. На суицидную попытку. Потому вы и призывали на помощь своего приятеля. Но это не так. Попытка самоубийства, растянутая на десятилетия, по-

пытка, успех которой определяется только ресурсами организма,— знаете, как называется?

— Догадываюсь,— впервые за всю беседу улыбнулся чиновник.— Жизнь.

— А я собираюсь прожить еще долго. Не столько, конечно, как на Земле. Но, по прогнозу моего терапевта, лет тридцать минимум. И я не хочу терять даром ни одного дня.

— Вы придумали очень оригинальный способ прославиться,— снова улыбнулся чиновник.— Я вас очень хорошо понимаю. Книгам вашим лучшей рекламы и не придумаешь. Марсианский отшельник... Пожалуй, к вам еще и паломничество начнется! Как ни жаль мне вас огорчать, я все-таки вынужден сказать — нет!

— Разве я нарушаю закон? Кто и когда запретил отшельничество?

— Дело не в этом. Случись там что с вами — Земля не успеет прийти на помощь. Значит, кроме вас, там должен быть еще и врач. И дежурная «вертушка» с полным экипажем — на случай срочной эвакуации. Улавливаете разницу? У любого из земных отшельников на левой руке — врач-браслет «Гиппократ», гарантирующий немедленную первую помощь, а также госпитализацию в течение двух часов. А на Марсе? С вашим-то здоровьем?

— Противопоказаний нет. Я прошел спецмедосмотр.

— Его еще делают? — удивился чиновник.— Все равно. Никто не захочет брать на себя ответственность, неужели вы не понимаете? Что за чудачество...

— Тридцать девять лет...

— Что — тридцать девять?

— Тридцать девять лет назад я вышел из того возраста, когда за меня приходилось кому-то отвечать. Кто дал вам право ущемлять мои права?

— Что вы, что вы! Напротив! — замахал руками чиновник.— Мы хотим сохранить в неприкосновенности ваше главное право — жить!

— Вы лишаете меня гораздо более важного — права на риск! Я человек, а не...

— Значит, все те, кто не хочет подвергать свою жизнь ничем, абсолютно ничем не оправданной опасности,— они, по-вашему...?

— Я хочу реализовать самую человеческую из всех особенностей человека: право выбора. Вы, которые остаетесь, так же как те, вернувшиеся, свой выбор сделали. Я же не препятствовал никому.

— Еще бы! У вас, однако, замашки... извините, диктатора.

— У вас тоже. Диктатура общества над личностью так же отвратительна, как и противоположная. Если, конечно, индивид не грозит своим собратьям опасностью. А я — ни в малейшей степени. Вы можете оставаться на Земле, если хотите. А я готов отдать свою правую руку, сердце, голову, только бы улететь на Марс!

— А если я все-таки скажу — нет?

— Я обращусь в соответствующий комитет при ООН.

— Полагаю, остальные десять его членов поддержат меня.

— Вы состоите в Комитете по защите прав человека?

— Нет, я имел в виду...

— А еще в газеты и на телевидение. Последний случай нарушения Декларации был, если не ошибаюсь, лет двадцать назад? Вы должны помнить. Все газеты трезвонили об этом. Некоторые репортеры именно тогда сделали себе карьеру. И адвокаты тоже. Полагаю, новое поколение журналистов и законников будет радо возможности проявить себя.

— Хорошо. Оставьте свое заявление. Я... Мы подумаем.

— Если я не успею... по-какой-либо причине... на последнюю «мельницу» или, как вы говорите, «вертушку», — будет то же самое. Газеты, телевидение, адвокаты... Я успокоюсь только там, на Марсе.

— Ну зачем вы так...

— Извините. Но вы должны были это знать. Когда прийти за ответом?

— Через три дня. Но медкомиссию вам придется проходить заново!

— С удовольствием!..

Старик поднялся со скамейки. Нужно будет добавить еще несколько фраз, подумал он. Чтобы читатель мог увидеть обстановку, в которой происходил этот диалог. Двумя-тремя словами описать просторный светлый кабинет, обитые велюром старинные кресла с высокими спинками и тут же — ультрасовременный терминал, широкое окно с чудесной панорамой... Ну и самого чиновника, конечно, — молодого самоуверенного человека в безукоризненном темно-синем форменном кителе со значком «ИИИ». И его недоуменно вскинутые брови, так и оставшиеся в верхнем положении на протяжении всей беседы...

Тропинка вывела старика к жилым многоэтажкам. В центре — башня связи и управления, утыканная, как дикобраз, всевозможными антеннами и датчиками. Детская площадка с забавными аттракционами, теннисные корты, уютная беседка, увитая плющом... Не стучат мячи, не звенят детские голоса, пуста беседка... Старик поспешно отвел глаза. Подошел к своему дому, присел на ступеньки у входа. Что-то затянулась сегодняшняя прогулка, подумал он. И рассказ какой-то странный получается... Наверное, потому, что он до сих пор не знает, чем все кончится. А ведь от этого зависит тональность и, значит, слова, которые он должен выбрать. И тем более имя героя. Может быть — Константин?

Громко цокали тяжелые ботинки. Оранжевый комбинезон — прихоть чиновников из Управления — чуть слышно шуршал при каждом шаге. Константин глубоко вздохнул. Ну что же, вот он и на пороге своей мечты. И на пороге Земли — тоже. Еще несколько цоканий, досмотр, короткое путешествие на электробусике...

Какая-то посторонняя мелодия вплелась в нехитрый марш его шагов, аранжированный шуршанием комбинезона. Как будто стальной шарик запрыгал по кафельным плиткам — все чаще, чаще, чаще... Константин оглянулся. Девушка — тонкая, хрупкая. Золотистая юбка плещется вокруг острых коленок. Правой рукой придерживает свисающую с плеча сумочку, в левой — букет цветов. Незабудки. Через мгновение он узнал ее: Илла. Улыбнулся.

— Как вы узнали?

— Мне очень хотелось вас проводить. Я боялась, что — никто... Еле выпытала у этих, из Управления. Почему они скрывают?

— Подозревают, что я таким образом делаю себе паблисити, пытаюсь вернуть популярность своим романам. Уверены, что, убедившись в полном отсутствии рекламы, я вернусь вместе с последней партией марсиан. И оформили все это как творческую командировку от пенклуба.

Илла открыла сумочку и вынула миниатюрную стереовидеокамеру.

— Я — корреспондент телегазеты «Солнечный круг». Вы позволите — короткое интервью? Ну, пожалуйста! — умоляюще прижала она к рукоятке камеры вторую ладонь, по едва заметному движению рук Константина

безошибочно определив его отношение к подобному повороту событий.— Вы — последний из землян, улетающий на другую планету. Последний,— обреченно повторила она.— Наша телегазета закрывается. Или должна будет изменить свое название, что, в общем-то, одно и то же. Это ведь как имя у человека, измени его — и человек неизбежно становится другим.

— К сожалению, ничем не смогу вам помочь. Я дал слово чиновникам из Управления, что не буду привлекать к себе внимания. По-моему, они очень сожалеют о своем решении и готовы воспользоваться малейшим поводом для его отмены.

— Но почему?

— Наверное, все-таки сомневаются в моем психическом здоровье. Резон есть: по сути, любая неординарность в мыслях и поведении — это болезнь. Но настолько редкая, что встречается у одного-единственного человека. Каждый из нас неизлечимо болен индивидуальностью.

Илла на секунду задумалась.

— Хорошо... А если мы передадим интервью уже после того, как вы останетесь на Марсе? Даже после возвращения «мельницы» на земную орбиту?

— С моей стороны возражений не будет. И если вы получите согласие мистера...— он похлопал по карманам в поисках записной книжки,— про себя я называю его мистером ИИИ...

Илла включила камеру. Из рукоятки выползли усики микрофонов.

— Надеюсь, Управление космического флота в конце-концов даст разрешение. Почему вы летите на Марс?

— Потому что считаю отказ Земли от заселения Солнечной системы ошибкой.

— Вы надеетесь ее исправить?

— Это не в моих силах. Но я не хочу усугублять ее, оставаясь вместе со всеми в колыбели.

— Вы считаете, что десять миллиардов землян заблуждаются, а вы, один-единственный, правы?

— Я не один. Со мною Циолковский, Королев, Гагарин, Армстронг и еще тысячи людей, проложивших дорогу в космос. Вернее, я — с ними. Заурядный ученик гениальных учителей.

— Чем вы будете заниматься на Марсе?

— Тем же, чем занимался почти всю жизнь,— писать фантастические романы.

— О заселении Солнечной системы?

— Нет. Об этом я сказал уже достаточно. На очереди — планеты ближайших звезд.

— Вы полагаете, что на Марсе вас посетит вдохновение?

— Цели детей редко соответствуют замыслам родителей. Надеюсь, наших внуков когда-нибудь посетит космическое вдохновение, и тогда мои книги снова понадобятся.

— Вы не боитесь одиночества?

— Нет. В кристаллотеке Байстауна — пять миллионов отборных записей. Книги, фильмы, музыка. Достоевский и Джойс, Бах и Чайковский, Кант и Соловьев. Изысканное общество, не правда ли?

— И все-таки... Что послужило поводом для столь странного решения?

— Я не принимал участия в строительстве внеземных станций. Но я столько мечтал и думал о космических городах, что они стали для меня... как дети, понимаете? И вот теперь они умирают. И я подумал: до тех пор, пока на Марсе будет жить хоть один человек, будет жить и мечта. И если этим человеком буду я, то последний космический форпост погибнет... во всяком случае позже, чем я. И мне не будет так горько и одиноко, как было бы здесь, на Земле.

— Продолжается посадка на рейс сто семьдесят девять «Земля — Гагарин». Пассажиров просим пройти в сектор четыре,— объявил диспетчер.

— Что же, желаю успеха. В добрый путь! И, как говорится, до встречи на Земле? — Голос Иллы задрожал, и Константин испугался, что она сейчас заплачет.

— До встречи на Марсе,— улыбнулся он.— Я буду ждать вас, землян.

Илла опустила камеру. Послышались шаги, женский смех, детский щебет. Константин оглянулся. Мужчины в темно-синей форме, нарядно одетые женщины, рой ребяташек.

— Это — экипаж вашей «мельницы»,— догадалась Илла.— До «Гагарина» они полетят пассажирами, вместе с вами.

— Я знаю.

Среднего роста крепыш отделился от толпы.

— Насколько я понимаю, именно вас мы должны доставить на Марс? — Он протянул руку.— Капитан Уайлдер.

Илла отпрыгнула, как испуганная кошка, и уже всю

работала камерой. «Кто ты? — думал Константин, пожилая сильную руку капитана.— Может быть, просто опытный репортер, делающий карьеру на экзотических событиях? Отлет последнего космического пассажира не менее занимателен, чем старт Гагарина. Но мало кто понимает это. Эпохи начинаются под гром салютов, а уходят тихо и незаметно, как осенние дожди... А может быть, Илла его единомышленница? Единственная на всей земле...»

Старик прервал запись. Он вдруг понял, почему этот рассказ получается таким странным. Да потому, что он не фантастический! Фактически — автобиография. Ни оригинальной гипотезы, ни динамичного сюжета... И главное — нет неожиданной развязки. Он задумчиво повертел в руках пластину мнемодиска. Может быть, не стоит продолжать? И не надо себя обманывать. Развязка — мрачная и тривиальная — может наступить в любую минуту...

Упрямо сжав губы, старик включил мнемодиск.

— Только что получена радиограмма с Земли,— сказал, старательно пряча глаза, Хетэуэй.— Мне поручено забрать вас с собою. Во что бы то ни стало. Реактор заглушить, станцию законсервировать. Вылет предписывается отложить на неделю.

— Я ждал этого. Иначе бы они меня не отпустили с Земли. И как вы собираетесь выполнять указание? Связать меня, усыпить или...

— Мне бы не хотелось... насильно,— сказал Хетэуэй и посмотрел в глаза Константину твердо и прямо.

— То, что я сейчас скажу, может быть воспринято как угроза... даже шантаж... но вы должны знать: это будет не просто насилие, но — убийство. Живым до Земли вы меня не довезете:

Командант станции вскочил с кресла.

— Ну почему, почему решение должен принимать я? Откуда вы свалились на мою голову?

— С Земли.

Константин тоже встал с низкого кресла, подошел к окну. Внизу двое марсиан укладывали на платформу электрокара багаж.

— Зачем вы прилетели сюда? Кто вас звал?

— Чтобы сменить вас. Чтобы Марс оставался обитаемым. Чтобы не умирало космическое будущее человечества.

— Оно не умрет. Истеллекты-андроиды забираются все дальше и дальше. Чтобы потом любой, да-да, любой землянин, надев шлем и включив запись психофильма, мог прогуляться по раскаленной поверхности Меркурия или по ледяным полям Плутона. Уже готовится Первая межзвездная... Чего же еще?

— Род человеческий должен заселить все планеты всех звезд.

— Но вдали от Матери-Земли люди не могут быть счастливы! Только благодаря синхронизации с ее животворным полем коренные земляне и живут теперь так долго! На прекрасной и ласковой планете, наслаждаясь любовью и радуясь каждому новому дню!

— Это замечательно. Но задача человечества — заселить Космос.

— Дети переселенцев не поймут и простят своих родителей. Они будут чувствовать себя неполноценными, изгоями, неизлечимо больными...

— Мне нечего возразить на это. Кроме одного: без космической экспансии человечество рано или поздно погибнет. И значит, кому-то нужно ее продолжать. Хотя бы одному.

— Вы сумасшедший.

— Только потому, что вас — десять миллиардов, а я — один.

— Вы ничего не добьетесь этим.

— Зато мне не в чем будет раскаиваться.

Снизу донеслись три длинных гудка. Марсиане закончили погрузку и стояли рядом с каром, задрвав головы. Хетэуэй подошел к окну, помахал им рукой.

— Мне пора.

— Что вы решили со мною сделать?

— Обнять на прощание и поцеловать.

Константин почувствовал, что глаза его становятся влажными.

— Надеюсь, наказание будет не очень суровым. А отбыв его... Я не позволю Земле забыть, что один из ее сынов... звездными ночами... любит ее... и ждет. Не позволю.

— Спасибо.

Они обнялись.

— Я не хочу, чтобы кто-то делил со мною ответственность за это решение. Поэтому... Не нужно нас провожать.

— Я подниму перископ.

Старик выключил мнемофон и впервые за весь день взглянул в темнеющее небо, от горизонта до горизонта затянутое паутиной несущих конструкций. Искусственное солнце, неподвижно застывшее над скалами в центре станции, угасало синхронно с естественным. *Два солнца стынут...* Ему вдруг до дрожи в коленях захотелось увидеть чистое небо, не перечеркнутое тонкими черными линиями, увидеть закат солнца — крохотного, негреющего, но зато настоящего. Он вскочил, сунул мнемофон в карман и, оставив на скамейке мешочек с рыбой, почти побежал к главному шлюзу. «Ти-ти-ти-тааа», — всполошился врач-браслет, и старику пришлось умерить шаг. Время развязки еще не наступило, подумал он. Вот допишу рассказ, тогда...

Тускло-желтый холодный диск солнца уже касался краем горизонта. Фобос, продолговатый, как мяч для игры в регби, мчался прочь от светила так быстро, что это можно было заметить безо всяких приборов. Из-за горизонта сломанным великаньим зубом выпирала громада Олимпа, увенчанная ослепительно белой снежной короной. Впрочем, если зуб, то — коронкой, поправил себя старик. Он вышел из трюма песчаного корабля и осторожно ступил на ржаво-оранжевый грунт. На пустыню падали сумерки. Небо, розовое еще десять минут назад, быстро становилось фиолетовым, и старику казалось, что его корабль — крохотное шестиколесное насекомое, забравшееся в чашу гигантской фиалки. Он стоял на осыпающемся берегу древней реки Ниргал. Миллиарды лет назад опустело и высохло ее русло, но морщина, прорезанная на лике планеты, не исчезнет вплоть до ее гибели. А творение рук человеческих... Старик оглянулся. Далеко, у подножия большого холма, светились четыре гигантские полусферы-станции Байстаун. Эмбрион так и не родившегося города. Не пройдет и тысячи лет, как страшные марсианские бури занесут купола ржаво-рыжим песком. Опоры в конце концов не выдержат... Но еще раньше погаснет неистовый огонь в термоядерном реакторе — отсюда хорошо видны его разновеликие кубики, поставленные один на другой, по ту сторону холма, — и все живое на станции замерзнет в одну из ночей, так и не успев проснуться...

Старик прошел несколько десятков шагов вдоль русла и остановился. Какая-то мысль промелькнула в его голове. Старик замер. Не из боязни спугнуть ее. Наоборот,

чтобы ее бледная тень, не заметив его, летела дальше, к подножию фантастической горы Олимп. Старик узнал ее. Это та самая утренняя мысль, от которой на этот раз ему не удалось спрятаться. Словно хищник, заметивший добычу, она вернулась и вонзила в мозг страшные когти одного-единственного слова: «Зачем?» Зачем поддерживать порядок на станции, тщательно следить за реактором, еженедельно выгонять порядком изношенные механизмы на очистку взлетно-посадочной полосы? Зачем отыскивать в небе не нуждающуюся в его существовании яркую голубую звезду? Зачем, вопреки очевидному, еженедельно отправлять на Землю короткий отчет с результатами наблюдений, в конце которого — несколько предложений или коротенькое эссе? И раз в два года — очередной фантастический роман... Зачем? Никого не интересуют космические полеты и внеземные поселения. Никто не читает его романов. На Земле их воспринимают в лучшем случае — как чудачество человека не от мира сего. От мира марсианского...

С трудом наклонившись — в суставах скафандра что-то тяжело проскрипело, — старик поднял камешек и, неуклюже размахнувшись, бросил его в реку. Через несколько секунд послышался всплеск. Старик знал: это иллюзия. Каменистая осыпь там, внизу, недолговечный звуковой канал, образующийся в этом месте при смене дня и ночи, да неисправный усилитель скафандра — и вот уже русло Ниргала заполнено до краев, совсем как в одном из его старых романов. «Лгите, писатели, мы сделаем из лжи быть! Чудеса и диковины... Передай дальше»... Когда-то эта эстафета представлялась бесконечной, принимать в ней участие считалось за великое счастье. А теперь некому передать палочку. Хоть бросай ее в Ниргал... Старик швырнул еще один камешек. Заселить Необитаемое, одолеть Время, пожирающее человечество, не дать Пустыне поглотить Город — вот зачем он прилетел на Марс. Ничего у него не получилось, ровным счетом ничего. Игра проиграна. Ему плохо удалась суицидная попытка, называемая — жизнь.

Солнце давно упало за горизонт, оставив на черном бархате неба драгоценные камни звезд. Бриллианты, рубины, сапфиры... Алмазная пыль Млечного пути... Далекие, прекрасные звезды! Люди отказались от вас, уступив право первородства интеллектам. Отказались все, кроме него, старика. Он теперь — единственный и последний владелец этого богатства. Последний из марсиан...

Мышцы шеи затекли, и старик опустил голову. Пора. Включив наשלемный фонарь, он подошел к песчаному кораблю. Тысячи зайчиков запрыгали по блестящим спицам больших, выше человеческого роста, колес. Поднявшись по крутой лесенке в трюм, старик велел кораблю возвращаться. День был чудесный и долгий, подумал он. А теперь мне пора спать. Старая кровать с латунными шарами ждет меня...

На другое утро старик поднялся позже обычного. Такого не случалось с ним уже много лет. Что-то произошло на станции, подумал он, тщательно выскабливая подбородок. Или вот-вот произойдет. Марсотрясение? Извержение вулкана? Наводнение? Старик усмехнулся. Лучший способ проверить правильность мысли — довести ее до абсурда. Вода здесь — только в кристаллическом состоянии. Если бы что-нибудь грозило станции, Арес уже давно бы сообщил об этом. Шупальца его термо-сейсмо-био и еще бог знает каких датчиков тянутся на многие километры во все стороны от Байстауна, и пояись хотя малейшая угроза, все андрониды и киберы давно бы уже были на ногах.

Выгнав уборщиков и ремонтников на полосу космодрома, старик поднялся в рубку — небольшое помещение с тремя терминалами и десятком разнокалиберных экранов.

— Арес, как дела?

— Готовность к передаче через семнадцать минут, — тотчас отозвался истеллект станции. На боковом дисплее высветились и начали меняться колонки цифр: Арес проверял передающую аппаратуру. Над Первым куполом станции в это время поворачивалась остронаправленная антенна, отыскивая спутник межпланетной связи.

— Арес, дай мне, пожалуйста, последнее наше сообщение, вернее, добавление к нему.

— Продиктовать или на дисплей?

— Лучше... пожалуй, почитай.

Последнее время у него стали быстро уставать глаза. К счастью, истеллект быстро научился читать именно с теми интонациями, которые были свойственны его единственному собеседнику, и безошибочно подобрал тембр голоса. И теперь старику казалось, что звучит его собственная речь, записанная на мнемофон.

«...Мы любим воображать блаженные места в каком-нибудь дальнем небесном уголке Вселенной, где-то в со-

звезды Кассиопеи, вдали от шума и суеты. Оказалось, что мое жилье находилось именно в таком укромном, нетронutom уголке космоса. Если стоит поселиться в подобных местах — вблизи Плеяд или Гиад, Альдебарана или Альтаира, — то мне это вполне удалось; я настолько же удалился от прежней моей жизни и стал для своего ближайшего соседа столь же крохотной звездочкой, видимой ему только в безлунные ночи...»

Старик нахмурился. Кажется, передавая этот отрывок, он забыл указать автора. Но вряд ли его уличат в плагиате. Никто не читает старинных книг. Никто и не заподозрит, что эти фразы были написаны в девятнадцатом веке. Ему было жалко этих слов, навсегда уснувших на пыльных кристаллах памяти земных библиотек. И неделю назад он решил: пусть они, сорвавшись с антенн спутника-ретранслятора, умчатся к далекой голубой Земле, где их, может быть, прочтет дежурный оператор. Пусть они, миновав земную орбиту, летят десятки лет в безжизненных и вечных просторах космоса, постепенно исчезая в его шумах, где их не прочтет никто и никогда. Пусть...

— Получено срочное радиосообщение, — сказал вдруг Арес.

Предчувствие не обмануло меня, подумал старик. Вот оно случилось. По расписанию время приема — через сорок восемь часов. И еще ни разу за все почти тридцать минувших лет расписание не был нарушен.

— Разрешите зачитать?

Старик колебался. Три года назад Земля сначала мягко, потом настойчиво и, наконец, в ультимативной форме предложила ему вернуться. Он спросил, чем вызвано такое требование, но вразумительного ответа не получил. Сославшись на Всеобщую декларацию, он отказался. Земля пригрозила прекратить сеансы связи. Старик, после недельного раздумья, ответил, что если дело только в экономических трудностях, он готов отказаться от информационных сообщений. И добавил: «Для меня большая часть так называемых новостей — не что иное как сплетни, а те, кто с жадностью ждет их, — старые кумушки за чашкой чая. Сообразительный человек может заготовить такие новости на двенадцать лет вперед и не ошибиться». Сослаться на источник он в тот раз не забыл... После этого диалог с Землей разбился на два монолога: приемные антенны по-прежнему улавливали еженедельный блок новостей, который Арес упрямился в

своей необъятной памяти, а старик, как ни в чем не бывало, добавлял к массиву обязательной информации, собираемой и обрабатываемой интеллектом, несколько страничек своих наблюдений и размышлений. Но знакомиться с блоком земных новостей не перестал.

— Так что, зачитать?

— Пожалуй, нет.

— Внимание! — официальным голосом объявил Арес. — Над посадочной полосой — марсианский челнок! Включаю навигационные огни и маяки. Роботы-ремонтники закончили работу и возвращаются в ангар.

Называется — гром среди ясного неба, подумал старик. А я-то думал, что на Марсе не бывает гроз...

— Прошу повторить.

— Пробный заход на посадку совершил челнок «Тирр». Командир экспедиции Уильям Томас хочет говорить с вами.

— Нет. Пока нет.

Они решили забрать меня отсюда, понял старик. Видимо, я стал мешать землянам наслаждаться их так называемым счастьем. Стал бельмом на глазу, костью поперек горла. И никакие ссылки на Всеобщую декларацию... Они изменили ее! Ну конечно! Абсолютным большинством голосов...

Через мгновение он уже знал, что должен делать.

— Сеанс передачи отменяется. Арес, готовься к приему гостей. А я... я выйду им навстречу.

Старик бросился было к лифту, потом повернул к лестнице. Спокойнее, спокойнее. Не хватало только застрять между этажами. Один раз такое уже было.

Выскочив из башни управления и связи, он на мгновение остановился. До ближайшего шлюза — парадных ворот Байстауна — с полкилометра, но он выходит как раз в сторону полосы. До второго — втрое дальше. Ага, есть же велосипед. Он редко пользовался им, предпочитая ходить пешком, но в данный момент...

При каждом движении педали поскрипывали, как колеса у несмазанной телеги. Что такое телега? Ти-ти-ти-тааа... На мгновение отпустив руль, старик содрал с руки браслет и отшвырнул его прочь. Яблоневая аллея кончилась, по обеим сторонам дорожки потянулись заросли смородины и крыжовника. Быстрее, быстрее... А вот и Стена. Абсолютно прозрачная и чудовищно прочная. Редкие ребра каркаса и геометрически правильная граница, отделяющая кажущуюся неестественно зеленой

траву от ржаво-оранжевого каменистого плато, без-ошибочно указывают ее местонахождение. Шлюз стилизован под небольшой двухэтажный флигель. Резко затормозив, старик бросил велосипед у крыльца, рывком открыл дверь. Скафандры — в нише слева, шесть абсолютно одинаковых манекенов. Не забыть запасные кислородные баллоны и аккумуляторы. И главное...

— Арес, я готовлю землянам сюрприз. Пожалуйста, не говори им, что я покинул пределы станции.

— Но я не понимаю...

— Потом поймешь.

Песчаный корабль резво катил по каменистому плато. Купола Байстауна давно скрылись за горизонтом. Когда подвеска не успевала обрабатывать рельеф, кабину слегка покачивало. Старика клонило в сон. Он еще раз пересчитал оставшиеся баллоны и аккумуляторы. Кислород кончится раньше, через четырнадцать часов. Дописать свой рассказ он уже не успеет. Развязка наступила раньше, чем он рассчитывал, и довольно неожиданная. Какой и должна быть у хорошего рассказа! Они прилетели, чтобы забрать его. Кажется, теперь он понимает, почему. Он стал мешать им. Невольно сыграл роль плачущего ребенка, омрачившего и сделавшего невозможным счастье целой цивилизации. Они долго ждали, пока он умрет, а потом спохватились, что мертвый — значит, вечный. Его уже нельзя будет заставить быть таким, как все. И они решили силой вернуть его на Землю, чтобы там, вместе с ними, он забыл о погибших марсианских станциях, о бесславно угасшей космической судьбе человечества. Не выйдет!

Впервые за много лет старик рассмеялся. Все-таки он умрет раньше, чем последний марсианский город. Смертию смерть поправ... Это значит — опередив.

— Алло, алло, вы слышите меня? — раздался вдруг звонкий высокий голос. Старик вздрогнул и оглянулся. По следам его корабля, проворно перебирая лапами, бежал устрашающего вида паукообразный механизм. Старик взглянул на лаг. Скорость предельная, не уйти. Возьмут в кольцо, и он окажется в ловушке. Окружат со всех сторон, и станут сходитьсь... Теперь-то он точно знает, как следовало назвать героя рассказа. Спендлер. Ну конечно, Спендлер! Последний марсианин. Что же, оно и к лучшему. Не придется выбирать между двумя разно-

видностями удушья — быстрым и медленным. Рывком поднять забрало шлема — и все...

На спине паука подпрыгивала и размахивала руками маленькая серебристая фигурка. Девушка. К тому же одна... Странно.

Песчаный корабль замер на краю темно-оранжевой насыпи. Через несколько секунд рядом остановился паук. Из-под лап брызнули мелкие камушки.

— Мы вас ищем, ищем! Весь город уже облазили. А я как увидела велосипед перед флигелем, так сразу и догадалась! Что же вы не встречаете гостей?

Девушка легко прыгнула на грунт, и длинные волосы чуть не выплеснулись из большой прозрачной полусферы, почти невидимой над горловиной легкого скафандра. Какая-то новая конструкция. Мой по сравнению с ним — как черепаший панцирь, думал старик, аккуратно (и неуклюже, должно быть!) спускаясь по трапу.

— А вы совсем, ну совсем не изменились! Точно такой же, как на фотографии, которая висит над маминим терминалом. Вы помните мою маму? — спросила девушка, и в глазах ее промелькнула тревога. — Почему вы молчите?

— Помню, — хрипло сказал старик, с трудом разлепив губы. — Если ее имя Илла, то очень хорошо помню.

— А кто еще прилетел с нами... Угадайте!

— Зачем? — невпопад спросил старик. — Зачем вы прилетели? Чтобы увезти меня отсюда?

Девушка рассмеялась. Экая она смешливая, неприязненно подумал старик и вдруг почувствовал, что тоже улыбается.

— Мы прилетели на Марс, чтобы жить здесь! И построить города, и развести сады, только не под куполом, как сейчас, а под открытым небом. Для начала — пять тысяч деревьев! Вы живете здесь и ничего не знаете! А вся Земля сейчас бурлит, как во времена Великого переселения народов. И уже готовятся десанты на Титан и на Европу! В полном соответствии с вашими романами. Их сейчас издали — миллионными тиражами...

— Но здесь холодно... И почти нет кислорода...

— Зато много так нужного деревьям углекислого газа! А тепло нам дадут зеркала. Они такие огромные, что даже в сложенном виде больше самой длиннокрылой «мельницы». И для них строят специальные межпланетные буксиры. Они доставят зеркала на стационарную марсианскую орбиту, развернут, сориентируют... Ой,

да что же я объясняю! Вы же лучше меня знаете!

— А вода?

— Пригоним ледяные глыбы из пояса астероидов. А какую-то часть добудем на месте. Для того и прилетели так рано. Хотя не только для этого. Еще — чтобы поддержать вас...

— Мне вполне хватало и Ареса. А как же... Как же долгая счастливая жизнь на Матери-Земле? Вы... пожертвовали ею?

— Нет,— снова засмеялась девушка,— напротив! Наши биоритмы — всех тех, что прилетел сегодня, и тех, которые будут прилетать сюда через месяцы и через годы — почему-то не захотели синхронизироваться с земными. И никакие лекарства и экстрасенсорные воздействия не помогли — разве что ненадолго перестроят ритмы, а потом назад. Земля была нам мачехой. И все долго горевали, пока кто-то не заметил, что у некоторых из нас, пасынков, ритмы точно такие же, как и у вас... Это называли «марсианским синдромом» и вначале не знали, что с ним делать. Пока не разыскали в архивах ваши предполетные медицинские карты и не высчитали, что с таким ритмом на Земле вы давно бы уже... умерли,— виновато улыбнулась девушка,— а вы... вы стали героем... Благодаря вам выяснилось, что мы — дети Марса, и только здесь сможем жить долго и счастливо.

— Но я... Я все-таки не понимаю, почему? Как такое могло случиться?

— Ваш отец, кажется, побывал на Марсе?

— Да, но...

— А моя бабушка участвовала в Седьмой международной. У многих из тех, кто прилетели, долгое время жили здесь родители... Мы — второе и третье поколение марсиан, некоторые — даже четвертое. Но узнали об этом только три года назад. Перестройка ритмов идет через генотип, понимаете?

— Нет, не понимаю. Это противоречит существующей парадигме.

— И никто не понимает. Пока,— засмеялась девушка.— Тем не менее, уже выявлены пасынки, родившиеся под знаком Юпитера и Сатурна,— они тоже готовятся. Космическая одиссея только начинается. Род человеческий должен заселить все планеты всех звезд... Ой, что же мы все стоим! — схватила она за полусферу над своей головой двумя руками и вздрогнула.— Нас же ждут в городе! Ваша правнучка так плакала, когда вы

потерялись! Поедьте на «Косиножке» — он быстрее бе-
гает. А песчаный корабль пусть катится следом, хорошо?

— Хорошо, Аэлига, хорошо!

Девушка замерла на нижней ступеньке трапа и удив-
ленно обернулась.

— Откуда вы знаете, как меня зовут? Я так обрадо-
валась, когда вас нашла, что даже не сказала...

— А где сейчас Лось?

— Ой! Вы и это знаете? — растерялась Аэлига.—
Вообще-то его фамилия Лосев. Он прилетит через год,
разворачивать зеркала. Но он... Он коренной землянин.
Ему нельзя... Вначале я не хотела улетать, но он насто-
ял... Из-за меня... И вот, целый год... А вдруг он переду-
мает? Я и хочу этого, и боюсь... Нет, ну откуда вы это
знаете?

Ты и не представляешь, прекрасная марсианка, как
много я знаю, думал старик, наблюдая за движением
длинных паучьих лап и отвечая что-то невпопад. Я знаю,
что никакие космические катастрофы теперь не страшны
людям. С каждым годом все дальше и дальше будут ухо-
дить они в холодные просторы Галактики, наполняя их
своим теплом и дыханием. Но в кубке, до краев напол-
ненном счастьем, всегда есть капелька грусти. Голос
Аэлиги, любви, вечности, голос тоски будет лететь по
всей Вселенной, зовя, призывая, клича,— где ты, где ты,
любовь?.. Вот этой фразой и нужно будет закончить рас-
сказ. А начинать его следовало совсем иначе. Скажем,
так: «Поднявшись до середины холма, старик остано-
вился...»

В РАЮ МЫ ЖИЛИ НА СУШЕ

Карл тяжело пробудился. Поднялся, кряхтя и постанывая — все тело ныло после сна на импровизированном ложе, — и вышел из спасательного модуля. Островок был пуст, детей нигде не видно, поэтому он не стал утруждать себя переходом к кособокой будке на удаленном мысе.

Оправив рубашку, постоял в нерешительности, прислушиваясь к себе. Нет, спать уже не хотелось.

Тяжело ступая по сыпучему песку, побрел к воде. Ровный сильный ветер трепал полы рубахи, развеивал его седые волосы, путался в бороде. Идти стало легче лишь на узкой темной полоске, где песок был влажным и плотным и где слабо колышущаяся соленая влага лизала берег.

Осторожно нащупывая дно, он забрел по колено в воду к ближайшему садку, извлек несколько раковин, привычно раздавил их в шершавых ладонях и позавтракал скользкой, отдающей йодом мякотью.

Вышел на берег, бросил пустую скорлупу в солидную уже кучу, накопившуюся за многие годы. «Пирамида, — подумал он с глухой иронией, — след человека...» Бросать пустые раковины в воду он давно отучился, после того, как несколько раз резал себе ступни об их острые края.

Как всегда после моллюсков захотелось пить, и он двинулся к самой высокой точке острова, бывшей в то же время и высшей точкой планеты. Целых пять метров над уровнем океана. Может, даже шесть.

Сооружение, воздвигнутое человеком на вершине острова, этот рекорд природы превышало раза в три. Воткнутая в песок раздвижная решетчатая ферма, опирающаяся на невысокий шкаф приемо-передатчика и увенчанная зонтиком солнечной батареи, экзотическим подсолнухом тянулась к белому диску местного светила. Батарея питала приемник и опреснитель морской воды.

Старик тяжело опустился на песок у опреснителя, открыл краник и терпеливо дождался, пока тонкая слабая струйка не наполнила пластиковый стаканчик в нише.

Надо бы взять ведро и залить в бак свежей воды, но Карл решил оставить это на потом. Медленно осушил стакан маленькими глотками. Оставил его, оглянулся. У передней панели передатчика была тень от зонтика солнечной батареи. Карл поднялся, едва не потерял равновесия под порывом ветра, чтобы удержаться на ногах сделал несколько быстрых шагов. Под ступней что-то хрустнуло. Он пристально осмотрел песок и, чем больше вглядывался, тем сильнее хмурился. На песке, перед лицевой панелью передатчика, большую часть которой занимала огромная рельефная маска из серого с искрой металлита, выложены были изощренные узоры из раковин и пустых панцирей местной морской фауны.

Багряные, пурпурные и бурые панцири крабообразных мужественно топорщили крепкие клешни, грозные шипы и отростки. Ритмическому порядку смены цвета подчинялись хрупкие экзоскелеты морских звезд — белых, кремово-розовых, как бы светящихся изнутри, и особенно красивых ярко-шафранных с траурной, черной каймой. Двустворчатые раковины тоже чередовались — одни, с затейливыми спиральными рисунками на боках, будто стыдливые девственницы, держали створки плотно прикрытыми, другие же были раскрыты, словно шкатулочки, демонстрируя на своем перламутре матовые шарики жемчужин: крупные — в одиночку, мелкие — горсточками. Среди них тяжелые спиральные раковины смотрелись дородными матронами, умело и зазывно раскрывающими свое розовое нутро. Ветер тихо гудел в их крепких стенках и закатывал внутрь песчинки.

«Опять за свое», — подумал Карл. И мрачно сказал вслух:

— Мне это не нравится.

Он поглядел на металлитовую маску, на ее нарочито огрубленные черты, огромные закрытые глаза, скорбно опущенные уголки чувственного рта — как у героев античных трагедий, — и повторил:

— Мне это не нравится...

Перед тем как усесться в тень, он еще раз оглядел море от горизонта до горизонта. Детей видно не было. В последнее время они завели привычку уплывать на несколько дней, и ничего с этим нельзя было поделать.

«Адаптировались, — думал Карл, — хорошо адаптировались... А ведь поначалу мы думали, что вообще никто не выживет...»

Он вспомнил тошнотворный визг сирен и мигающий

красный свет в доке спасательных модулей корабля. Он, ломая ногти, активировал автоматику модуля, а Татьяна загнала в модуль стайку перепуганных, ревуших малышей и бросилась за следующей партией... А потом... потом он потерял сознание и уже никогда не узнает, как там все было, он пришел в чувство, когда автоматика благополучно посадила модуль на единственный на всей планете островок — вершину огромной океанской отмели, простирающейся на сотни, если не тысячи километров во все стороны...

Татьяна погибла. А с ней сотни других — экипаж и пассажиры, взрослые и дети... Мертвые останки корабля кружат вокруг планеты, и только в нескольких отсеках еще теплится жизнь, и Теофил год за годом пытается связаться с каким-нибудь кораблем или обитаемым миром, чтобы вызвать помощь, и единственное, что скрашивает его одиночество — это сеансы связи с Карлом, когда они могут поболтать и отвести душу, обсуждая новости из перехваченных Теофилом отрывков галактического вещания. Новости в последнее время были какими-то совсем убогими и плоскими, так что Карл начал подумывать, уж не изобретает ли их Теофил для его утешения, — а помощи все не было и не было. Конечно, трудно надеяться, что их разыщут немедленно. Они и сами не знали, в какую часть Галактики забросило их странствие по «кротовой норе». Погибли пилоты и штурманы, и некого спросить — как они ухитрились в эту самую нору провалиться, совершая заурядный рейс в хорошо обитаемых пространствах...

Карл покосился на застывшую в скорбном молчании маску. Когда очередной сеанс? Он дернулся было посмотреть на солнце, но оборвал жест с ощущением почти физической боли от его бессмысленности. Здешнее солнце не двигалось. Оно было намертво впаяно в небосвод. В единственных часах Карла давным-давно села батарейка, и время в этом мире стояло. Карл старился, дети росли, дул ветер, но время стояло, и над островом нависал вечный полдень.

Карл неподвижно сидел в центре почти круглой, четко очерченной тени солнечной батареи, спиной к передатчику, лицом к морю. Над его головой ветер развеивал длинные пряди сухих разноцветных водорослей, привязанных к ферме (явно работа Мервина, как и узоры из раковин и панцирей), гудела под ветром туго натянутая на зон-

тичный каркас ткань солнечной батареи, море оставалось пустым, и ничего не происходило.

«Да, хорошо адаптировались,— думал Карл,— кто бы мог подумать... особенно когда закончились запасы пищи и пришлось приучаться к местной живности...»

То были кошмарные дни. Карл с содроганием вспоминал все эти болезни, которые неизвестно как и чем надо было лечить, расстройства желудков и поносы, плач детей — и полное свое бессилие и отчаяние.

«Теперь я им не нужен — сами управляют... и в море — как на заказ: температура воды 36°C, можно сутками из него не выползть без опасности переохладиться или перегреться... хорошо, но отмели, вроде, особо опасных тварей нет, но рано или поздно они доплывут до глубоких мест, и кто им там может встретиться?.. черт! рано или поздно... о чем я думаю... ведь отыщут же нас когда-нибудь... или я и сам уже не верю?.. они уже почти взрослые... у Владимира и Клода волосы подмышками и на лобке появились... Мервин отстаёт в развитии, но смышлен, хитроват, на лету все схватывает... у Владимира ум другой — глубокий, основательный... прирожденный лидер... Клод, пожалуй, сильнее его, но во всем подчиняется, туповат... и девочки растут... скоро надо будет им про месячные объяснять, чтобы не пугались... что за комиссия, создатель! если помощь еще на несколько лет задержится — придется и роды принимать... интересно — сами догадаются, что у них для чего, или рассказывать понадобится?..»

Громкий трубный звук с моря заставил его напрячься. Что-то неуловимо изменилось во всем мире. Воздух стал как плавящееся стекло. Резкие звуки каких-то варварских труб доносились уже со всех сторон, а Карл сидел придавленный темным страхом, и не было у него сил распрямиться, посмотреть, что происходит на море.

Наконец смог он поднять тяжелую голову, чтобы увидеть, как они выходят на берег. Сотни, тысячи, неровными рядами, повторяющими очертания береговой линии, ступали они на песок, и вода стекала по их нагим телам, капала с мокрых бород мужчин и длинных распущенных волос женщин. А за их спинами, он ясно видел, все море до горизонта было усеяно человеческими головами, плывущими к острову. Тысячи рук сверкали на солнце, вздымаясь и опускаясь для очередного гребка, блестела кожа резвящихся между людьми дельфинов. Многие из вышедших на берег мужчин были вооружены короткими креп-

кими шипами или зазубренными длинными костяными мечами меч-рыбы. На женщинах были ожерелья из мелких пурпурных ракушек, затмевающих яркостью вздрагивающие соски, многие носили переброшенные через плечо пучки мягких водорослей, в протянутых вперед ладонях они несли горстки жемчуга, яркие веточки редких кораллов, причудливые раковины. Те, что уже были на берегу, пели какой-то гимн, и звуки его все крепили и нарастали по мере того как к поющим присоединялись выходящие из моря. Высокие женские голоса выпевали длинную мелодичную фразу, слов которой Карл не мог разобрать, а когда фраза, уходя в звенящую высоту, резко обрывалась, мужские голоса как бы ставили на ней точку, выдыхая низкое грозное А-УУ-МММ, после чего раздавался варварский трубный рев длинных, закрученных винтом раковин...

Они приближались к Карлу, но, казалось, его не замечали. Их взгляды были устремлены на металлитовую маску на панели передатчика. Впереди всех двигалась невысокая худощавая фигурка. Карл с трудом узнал Мервина. В растянутые мочки ушей мальчика были вставлены веточки черного коралла, грудь закрыта рядами ожерелий и панцирем громадного краба. В правой руке — посох или жезл из длинной извилистой ветви того же твердого тяжелого коралла.

Мервин поднял руку, и первые шеренги остановились, сдерживая напор идущих сзади рядов. Мальчик подошел ближе к передатчику, не отводя глаз от неподвижной маски, медленно опустился на колени. Положил черный посох на белый песок, протянул вперед руки и обратился к маске распевным речитативом. И снова Карл не мог понять слов. Маска оставалась застывшей, рот ее был искривлен в издевательской ухмылке, глаза закрыты. Мервин повторил свой призыв. Он как будто ждал чего-то и не получал ответа. Глаза его скользнули вниз, и он увидел раздавленную Карлом раковину. Лицо мальчика исказилось гневом, и он впервые посмотрел прямо на Карла. Его глаза горели жутким огнем.

«Святотатство!» — воскликнул Мервин тонким голосом, и заледеневший от страха Карл услышал грозный рев толпы: «Святотатство!»

Ужас не давал Карлу пошевелиться, он знал, что пришел его конец, но не мог даже кричать, и ему ничего не оставалось, как прибегнуть к единственному способу спасения. Он проснулся.

Он вскочил на ноги, все еще трясаясь от пережитого, и дико озирался вокруг.

Солнце и ветер. Белый песок и пустое море.

Гулко гудит солнечный зонт.

Он пришел в себя. Сердце перестало колотиться в груди, дыхание выровнялось. Он отметил, что решетчатая ферма опять сдвинулась к самому краю шкафа. Это была вечная его забота — не дать ей упасть. Зонт солнечной батареи сильно парусил под ветром и постоянно норовил спихнуть ферму с передатчика. Закрепить ее было нечем. Карл хотел толкнуть мачту назад, на середину, но чувствовал себя слишком слабым.

«Ладно, подержимся еще. Дети вернутся — передви-нем».

Веки серой маски на панели передатчика дрогнули и раскрылись. Зрочки-объективы обшарили горизонт, сфокусировались на Карле. Губы маски зашевелились.

— Привет, Карл,— сказала маска приятным, низким, но явно искусственным голосом.

Карл с ненавистью посмотрел на нее.

«Убить мало идиота, который додумался снабжать вокодеры лицом, да еще и с мимикой,— подумал он,— наверное, воображал, что это ужас как забавно и остроумно...»

— Что с тобой, Карл? Ты скверно выглядишь, стари-на,— сказала маска.— Что-то случилось?

Карл подумал, что он давным-давно забыл, как звучит настоящий голос Теофила, да и лицо, если честно, тоже. Теофил для него был теперь **этим** лицом и **этим** го-лосом.

— Посмотри вниз, перед собой,— сказал Карл на-конец.

Мимика маски выразила удивление, глаза опустились и пробежались по ракушечно-панцирным узорам.

— Ну что — красиво...

— Мервина затея?

— Они все этим занимались, но в общем-то да, его. А что?

— Так они, значит, тут были, пока я спал? И меня не разбудили...

— А зачем? Они ненадолго, а потом снова ушли в море.

Карл мрачно смотрел в песок. Он проспал возвраще-ние детей и сеанс связи. То и другое — главные составля-ющие его жизни на острове. И вот он проспал, и его не

удушились разбудить. Со связью вообще было дело темное. Карл никак не мог уловить закономерности, когда передатчик начинал работу. Теофил что-то объяснял про необходимые условия, про необходимые слои в ионосфере, про особенности орбиты мертвого корабля... В данном случае, значит, связь была несколько часов назад. А бывало, что между сеансами проходило несколько стандартных суток, по крайней мере, по внутреннему ритму организма Карла.

— Мне это не нравится,— мрачно сказал Карл.

— Что?

— Вот эти узоры.

— А по-моему, очень мило.

— Узоры хороши, но мне не нравится то, что за ними стоит.

— Что же?

— Культ, вот что! Все это сильно смахивает на ритуальное жертвоприношение. И у меня ощущение, что ты это поощряешь.

— Ты опять за свое, Карл!

— У меня есть убеждения, и я от них никогда не отступлюсь.

— Но ведь это игра, Карл.

— Это опасная игра. И я тебе уже говорил, к чему она может привести.

— Слушай, Карл, мы с тобой уже не раз спорили об этом, я не хочу попусту сотрясать воздух. Пойми, ты воюешь с ветряными мельницами. Если нас в скором времени разыщут, то все — проблема решается сама собой. Если же нет — ты ничем не сможешь помешать им в создании своей мифологии и религии...

— Я этого не допущу!

— Да поймы же ты, папа Карло, тебе это не под силу. Законы социальной психологии так же незыблемы, как законы физики. Вспомни древнюю историю. Не было на Земле народа без мифологии и религии...

— А здесь будет!

— Упрямя ты, Карл... Хорошо, представим, что нас никогда не разыщут. Детишки уже неплохо приспособились; начнут плодиться и размножаться... Жить им, конечно, придется в море, на острове места не хватит... Ну да они уже и так в воде большую часть времени проводят... Эволюционируют в каких-нибудь дельфинов или тюленей. И может статься, что вообще перестанут быть разумными — если слишком хорошо приспособятся к сре-

де. Много ли ума надо, чтобы за рыбами гоняться да моллюсков собирать? Для этого и инстинктов хватит...

— Вот потому я и хочу дать им знания, и как можно больше, чтобы они не забыли, кто они и откуда.

— Знания? Какие знания? Надеюсь, ты согласишься, что в плане добывания пищи ты их ничему научить не можешь. Ничего практически полезного из твоих речей они не извлекут. Ты можешь только рассказывать им сказки про огромные города, летающие корабли и людей, умеющих делать чудесные вещи.

— Но мы-то знаем, что это не сказки!

— Мы знаем, а им остается верить только твоему честному слову, что это правда. Пифагорейский аргумент — Учитель сказал! Давай, насаждай авторитарный стиль мышления.

— Я обучу их принципам научного мышления.

— Да на кой черт они им нужны? Все это будет чистой абстракцией. А что конкретного ты можешь показать? Два основных принципа научного метода познания — это повторяемость изучаемого явления и воспроизводимость этого явления в эксперименте. Ты можешь объяснить им устройство этого передатчика и создать еще один такой же? Или хотя бы второй стаканчик для опреснителя?

Поскольку Карл не отвечал, Теофил продолжил:

— У нас тут все уникально. Один-единственный на всю планету остров, на нем один старик с длинной седой бородой и при нем одно говорящее лицо и один упавший с неба ковчег. Уникальность и неповторимость — это уже атрибуты чуда и сфера интересов религии. Плюс твои рассказы про летающих среди звезд людей и о том, что мы сами пришли сюда с неба. Кстати, о звездах, ты уже пытался им объяснить, что это такое? Ведь увидеть их они смогут, лишь доплыв до обратной стороны планеты...

Карл и на этот раз ничего не ответил.

— Словом, тут у нас есть все компоненты для вполне приличной религии, которая и должна иметь дело с уникальными феноменами — со всем миром в целом и с уникальным и неповторимым «я» каждого из нас... Знаешь, у большинства примитивных народов прошлого описание рая, куда отправляются души умерших, совпадало с описанием местности, откуда некогда пришли их дальние предки. В нашем случае любящие родители будут объяснять своим детишкам, что их предки жили в раю, на небесах (и это, заметь, будет чистой правдой?),

в странном месте, где было больше суши, чем воды...

Карл все так же угрюмо молчал, и маска на панели передатчика после паузы заговорила с мечтательной интонацией:

— А ведь, ей-богу, неплохая религия получится! Они будут совершать паломничества к святой земле, которой для них станет наш островок... Думаю, это лучше всех твоих наставлений поможет им сохранить память о своем происхождении и знание того, что жизнь — нечто большее, чем просто добывание пищи. В каком-нибудь поколении у них отыщется гений, который сможет изложить систему этой веры в возвышенной и поэтической форме... Чувствую, это будет великолепная эпическая поэзия, что-нибудь на уровне Бхагавад-гиты... А я у них буду чем-то вроде оракула...

— Ты так говоришь, как будто наверняка знаешь, что меня переживешь,— угрюмо проговорил Карл, пристально глядя на маску.

Теофил очевидно смутился:

— Э-э... не обращай внимания, это я так — фантазирую.

Карл яростно ткнул пальцем в маску:

— Я твои фантазии насквозь вижу! Так вот, запомни — не бывать тебе у них богом!

— Ты что, Карл! Я разве претендую?! Я только хочу, чтобы они верили в небесного бога, а еще лучше — во многих небесных богов и ни в коем случае не сотворили бы бога на земле... то есть, тьфу, в воде, чтобы не было у них культа кого-либо из своих — история показывает, сколько крови тогда проливается...

— Не собираюсь с тобой препираться, Теофил, ты кого хочешь уболтаешь. Но запомни одно — я не допущу никаких богов и религий. Я не допущу, чтобы реальность они подменяли иллюзиями. Знаниями, и только ими, они будут руководствоваться в своей жизни, знаниями, а не верой. Ты понял? Знаниями, а не верой!..

— Понял, Карл, понял, да ты не волнуйся, успокойся, пожалуйста...

Маска вдруг приняла совсем другое выражение, глаза-объективы нацелились куда-то за спину Карла.

— А-а! — закричал Теофил радостно.— Вот и дети... Боже, что это они тащат?..

Карл обернулся. Все пятеро были уже на берегу, вода стекала ручьями по их смуглой коже, покрытой белой соляной коркой. Владимир и Клод тяжело дыша тащили

над собой и чуть впереди себя громадную, жуткого вида рыбину, насаженную на два костяных меча. Как будто хоругвь несли. Мервин опасливо держался в стороне, Ли-ла и Хельга что-то радостно визжали, приплясывали и хлопали в ладоши.

Рыба казалась окончательно смирившейся со своей участью, но когда ребята свалили ее на песок у ног Карла, вдруг забилась и задергалась. Карл осторожно отступил от нее. Судя по грозному виду, по костяному шипастому воротнику у жаберных щелей, по всем топорщащимся отросткам, шишкам и буграм на панцирных пластинах, создание было безобидным, не хищником, однако на шипах мог оказаться яд.

Владимир и Клод исполняли вокруг твари дикарский танец, размахивая в воздухе костяными мечами; бессвязно и бестолково, перебивая друг друга, выкрикивали историю своего подвига.

Карл только переводил глаза с одного на другого, пытаясь хоть что-то уразуметь.

— ...она за рифом, а я как нырнул...

— ...а я ее сбоку, а она...

— ...она как рванется...

— ...а я ее бац! А гарпун соскочил...

— ...а тут я...

— ...врешь, я!..

— ...сам врешь! Я ее точно под жабры, а он...

— ...это ты врешь! Дядя Карл! Он все врет! Я первый...

Они уже не плясали, а стояли друг против друга, обмениваясь злобными взглядами. А в руках костяные мечи.

— Ребята,— сказал Карл,— успокойтесь, вы что?..

— Это я вру?! — кричал Владимир, наступая на Клода.— Ты, слизняк, повтори, что ты сказал!..

— Дядя Карл, скажите ему...

— Так ты еще и ябедничать!..

Владимир толкнул Клода в грудь, тот отлетел назад, затылком ударился о ферму солнечной батареи и сшиб ее со шкафа передатчика. Ферма упала на грунт с глухим звуком, спицы зонтика солнечной батареи погнулись. Клод лежал навзничь, вытаращив глаза, на лице его застыло глупо-изумленное выражение. Карл с ужасом увидел, что из-под его затылка на белый песок вытекает струйка крови.

Карл впал в бешенство, в голове у него помути-

лось. Он шагнул к Владимиру и, трясаясь от ярости, заорал:

— Ты... ты, ублюдок! Вон с глаз моих!..

Владимир выронил костяной меч и метнулся прочь. Девочки испуганно жались друг к дружке и всхлипывали. Бледный Мервин медленно пятился в сторону модуля.

«Успокойся, болван,— приказал себе Карл,— ведь это дети... они еще дети...»

Он обернулся и наклонился над Клодом. Его все еще трясло. Клод уже подымался все с тем же глуповатым выражением на лице. Карл засунул руку в его густую шевелюру, поднял волосы на затылке, осмотрел рану. Ничего страшного — просто рассек кожу.

— Иди в модуль,— хмуро приказал ему Карл,— там есть еще пластырь в аптечке, пусть Мервин или девочки заклеят...

Клод поплелся к модулю, на каждом шагу оглядываясь.

Карл тяжело опустился на песок, держась за сердце. Прямо перед ним была тупая, страшная морда рыбы. Губы ее шевелились.

До ушей Карла донесся шепот:

— ...Карл, скорее... я умру... поторопись, Карл...

Карл замер, глядя на рыбу, вытаращив глаза.

Только через пару секунд до него дошло, что шепот доносится со стороны передатчика.

Серая маска на панели трагически искривившись шептала:

— Карл, скорее... скорее поставь назад ферму... энергия иссякает... я умру...

Карл с трудом разлепил обезвоженные губы:

— Что ты несешь, Тео? Отчего это ты умрешь? Поставим мы сейчас ферму, но надо же сначала зонт выправить... Ну, разрядится аккумулятор... пропустим пару сеансов связи...

— Дурак!.. Я же здесь... здесь...

Карлу стало страшно.

— Ничего не понимаю. Что значит — здесь? В передатчике?

— Боже мой, да неужели ты ничего за эти годы не заподозрил? Неужели не понял, что все эти новости я сам выдумывал?! Я думал, ты давно догадался, только поддерживаешь игру... Нету никакого корабля там, наверху, он испарился при взрыве... нету никакой связи... То, что перед тобой,— это не только передатчик, это еще и бор-

товой когитор. Моя личность записана в его памяти. Я только здесь и больше нигде...

— Ты лжешь! Это невозможно!

— Перед самой катастрофой я работал с большим корабельным когитором. На мне был шлем Дойлида, то есть я находился в прямом контакте с процессором. Через психополе. Мое тело погибло сразу же, после первого взрыва. А я остался там... в памяти большого когитора. А за секунду до гибели корабля он перекачал информацию с записью моей психики, то есть меня самого, в память бортового когитора спасательного модуля... Я здесь, а там, на орбите, ничего нет... Скорее, Карл, поставьте ферму...

Карлу показалось, что небо стало тяжелым и низким, оно обрушилось на него и прихлопнуло к маленькому островку, на котором ему предстояло умереть. Корабля не было, надежды не было, над головой пустота, мир стал плоским, его вертикальное измерение никуда не вело, небо замкнулось.

Карл снова ощутил, как красная пелена застилает ему глаза, кровь гулко стучала в черепе, он не видел маски, но знал, что ее глаза-объективы умоляюще глядят на него.

— Ты лжешь, Теофил! — Слова вырывались из глотки с каким-то клекотом. — Ты лжешь! Я сейчас поставлю ферму, но только если ты признаешь, что все это — очередная твоя дурацкая шутка! Слышишь, Теофил, шутка, выдумка, ложь!.. Скажи, что это ложь, иначе я не буду ставить ферму...

Тихий, еле слышный шепот:

— Да, Карл, ложь. Прости меня — это дурацкая шутка...

Тишина...

Карл нашел в себе силы встать, подозвал Владимира и Мервина. Они быстро расправили зонтичные спицы и водрузили мачту на место.

Только после этого он посмотрел на неподвижную маску. Ему не нравилось ее выражение, гримаса отчаянья, искривленный в сардонической ухмылке рот.

— Дурак, — сказал вслух Карл. — Нашел время шутить. Выскажу я все, что о тебе думаю, во время следующего сеанса...

Он уже успокоился, пришел в себя. День выдался беспокойный, но все ценности его маленького мира снова выстроились в гармоническое целое. Над головой летал

корабль, и Теофил, этот черный юморист, рано или поздно свяжется с каким-нибудь миром или кораблем и вызовет помощь... Все в порядке. А то, что маска молчит, означает лишь, что корабль зашел в область радиотени...

Вечный полдень над островом.

Надо только тщательно следить, чтобы мачта снова не свалилась.

Ему показалось, что в стороне, противоположной солнцу, он видит яркую светящуюся точку. Несомненно, это корабль. Раньше ему никогда не удавалось его увидеть. Точка быстро прорезала небосклон и ушла за горизонт.

РАЙ-НА-ЗАДВОРКАХ

(Дорога)

Часть I

Дорога. 2204 год откровения. 11 год Свершения.
РЕАНДА

Высоко, под необъятным куполом храма, слабо и тревожно мерцали оранжевые звездочки ламп. В их неверном свете можно было только угадать тысячи спин распростертых на полу неофитов. Но кон Аман не разглядел бы их лиц и в лучах полуденного светила. Он уже не принадлежал ни к Реанде, «вечерней столице» Грассы, ни ко всей заблудшей на Дороге планете. Только голос его, многократно отраженный и усиленный таинственным искусством древних строителей, как обвал падал на лежащих ниц на холодном камне. Полузакрыв глаза, плавно раскачиваясь, кон Аман нараспев выговаривал древние тексты, чувствуя, как вера его впитывается неофитами, неимоверно усиливается ими и мощной волной взметывается к подножию алтаря, подхватывая его, недостойного Учителя, обволакивая, растворяя, унося вверх, в завтра, к Свершению...

...И ничего не добившись от Ура святого,
С сердцем смятенным, от жажды и холода плача,
С гор он спускался, ветрам и снегам подставляя
Тело свое, не прикрытое даже дерюгой...

— А-а-о-ой,— согласным хором выдохнули неофиты.

Здесь, на уступе, над пропастью черной, смертельной,
Змея он встретил, сподвижника мрачного Рука,
В страшной агонии змей подышал на уступе,
Тщетно цепляясь хвостом за окрестные скалы...
Громко стонал он, в разверстую бездну сползая,
Пастью кровавой грозя равнодушному миру,
Свова вздымался и с грохотом бился о камни.
Телом, пробитым стрелой светоносного Ура...

— А-а-а-ой!..

Зрелище смерти — проклятье для жителя Грассы,
Помни о Даре Бессмертья, живущий недолго,
Смерти беги, отвращая лицо от кошмара,
Нам завещали, что Дар вновь вернется,— надейся!

— А-а-о-ой!..

Но преступил тот завет мудрый Болл-провозвестник,
К змею сошел и, страданья его облегчая,
Страшную тайну, сокрытую Руком, изведаль.
Есть благодарность — и даже у проклятых небом!
Ведал ли Рук о раскаяньи змея-убийцы?
Скалы ли пали от вопля предсмертного змея?
Тайна ушла в достояние неба и камня,
Павшего с гор и погребшего мудрого Болла...

На последних словах голос кона Амана зазвучал рыдающим воплем и, казалось, купол храма приподнялся ответным плачущим стоном молящихся: «А-а-о-ой!..» Кон Аман продолжал, понижая тональность и наращивая мощь:

Тайна ушла в достояние неба и камня,
Значит ли это конец ожиданья Свершенья?
Верить ли дальше, искать ли забытой Дороги,
Рваться ли в небо, стучаться ли грудью о камни?
Звезды погаснут, светила изменят свечение,
Камень рассыплется — вечным останется слово.
Тайна сокрыта — но тайна осталась на Грассе,
В это мы верим, и с верою ждем мы Свершенья!

— А-а-о-ой! — ликующе отозвался хор.

Кон Аман подождал, пока затихнет последний отзвук заплутавшего где-то под куполом эха, и взметнул вверх сложенные в ладонях руки — жест благословения и одновременно призыв к молчанию. Тысячи грассиан, затаив дыхание, ждали его слов, а кон Аман не начинал. Он не случайно выбрал именно этот текст Откровения, положивший начало Вере, и уже давно готовился сказать то, для чего собрал этих фанатиков. Но вот миг настал, а он не мог решиться.

— Стрелой Ура заклинаю, начинайте же, кон! — услышал Аман свистящий шепот за спиной. Жаркая волна ненависти охватила его. Ненависти к обладателю этого голоса, генеральному зрителю Дороги кону МОРТУ, ненависти к безмозглым технократам из правительства

и даже к этим, распростертым вниз. Как сладостно иногда бывает это чувство!

— Слушайте же, братья! — воскликнул Аман, обретая голос. — Слушайте, жаждущие Сверхшения... Слушайте, живущие кратко! Что каждый из нас на этой земле? Звезды гаснут, горы рассыпаются в прах, воды морей подтачивают скалы и те, падая, заваливают им путь. Что каждый из нас в извечной схватке Ура с Руком? Песчинка в буре, муравей в потоке, стебелек цветка на пути лавины...

— А-а-о-ой!..

— Призрачно быстро детство, коротка юность, печальна зрелость, отравленная мыслью о смерти, трагична старость — ее канун. Для этого ликует солнце над просторами Грассы? Для этого блещут глаза женщины при взгляде на любимого? Для этого в колыбели лепечет дитя? Горек и короток твой путь, Идущий...

— А-а-о-ой!..

— Что же осталось нам в утешенье? В чем смысл вечной смены поколений? Где сила продолжения жизни? В дороге! Не бесконечна схватка Ура и Рука, не навечно сокрыта тайна утраченного нами Дара, еще далек путь, но уже виден конец! Слушайте, братья! Многие столетия пронеслись над Грассой, многие поколения пришли и ушли, всегда разные, но единые в одном...

Кон Аман почувствовал, что у него опять перехватывает голос. Он был 326 Учителем на Дороге, но ни один из них не осмелился сделать то, на что замахнулся он.

— Ну же, кон! — Аман физически чувствовал, с каким наслаждением кон Морт столкнул бы его с этого алтаря и встал сам над затаившей дыхание толпой. И от сознания, что, как бы Морт этого ни хотел, он все же не посмеет, Аман вновь обрел силу.

— Да, братья, в одном! Поколение за поколением жители Грассы шли к Сверхению, и гремела над их головами вечная схватка Ура и Рука. Ложились костями ряды Идущих, и вставали новые, и тоже умирали не дойдя. Хитер и безжалостен Рук, неисчислима его сила, непреодолимо коварство. И вот уже не стройные ряды идут по Дороге, но толпы, и многие уже помогают Руку, вольно или невольно мешая Идущим. И встают по обочинам Дороги миражи, и манят уставших и отчаявшихся. Нас все меньше, Идущие, видите ли вы это?

— Да-а,— слитно и тихо выдохнул зал.

— Требуем ли мы чего-нибудь страшного? Хотим

ли несбыточного? Мешаем ли кому-нибудь своей верой?

— Не-е-ет!

— А помогли ли мы кому?

Кон Аман рассчитал точно. Зал потрясенно молчал.

Вера в Свершение, в давно утраченное жителями Грассы долголетие, почти бессмертие, была единственной религией планеты. Религией практически без обрядов и канонов, внутренней верой каждого в течение двух тысячелетий, постепенно теперь уходящей. Когда тщательно отобранные неофиты впервые собрались вместе, у Амана даже закружилась голова. То, о чем мечталось, становилось реальностью.

— Надеюсь, что каждый из нас — искренен. — Теперь голос Амана звучал ликующе. Ему даже приходилось умерять его, приберегая силу для конца речи. — Верю, что добро в каждом из вас сильнее зла, знаю, что каждый из нас поможет слабому и поднимет упавшего. Каждый! А все мы вместе, воодушевленные, сплоченные долгой Дорогой? Где сила, которая нас остановит, где обман, который сможет сбить нас с пути, где дело, которому мы можем служить? Братья! Время настало. Ур слабее, на Грассе побеждает Рук. Два столетия мы покорно шли и ждали, но — слышите! — Ур зовет своих сыновей. Поможем Уру, братья! Вот дело для нашей веры, вот цель для нашей силы, вот средство приблизить Свершение!

— Веди! — выдохнул зал и взорвался иступленным воплем: — Веди! Поможем Уру, умрем на Дороге! Веди!

Сверху, с алтарного возвышения, это походило на вечное движение маленьких костов-хранителей лесов, строящих свои башни на опушках. Кон Аман внимательно следил за шевелением внизу и, почувствовав, что накал начинает угасать, раздавил его одним мощным выкриком:

— Нет! Не умрем! Убьем!

Воцарилась тишина. Неофиты затаили дыхание. Аману показалось, что он оглох или зал опустел. Уже много столетий на Грассе никто не поднимал руку на себе подобного. Насильственная смерть запретна на Дороге...

— Стрелой Ура клянусь, — прошелестел из ниши Морт. — Неужели все пропало?

«Нет, — подумал Аман. — Не этому заменить меня, не этому!» — И ласково, задушевно, как умел только он, 326 Учитель на Дороге, кон Аман заговорил о том, что

вынашивал в себе весь этот длинный, пролетевший как мгновение год.

Рай-на-задворках. 2276 год по земному летоисчислению. ДОЛИНА ЭДЕМ

Вторые сутки исследовательский космолет «Алена» прочно стоял на шести лапах-стойках в чудесном уголке планеты на огромном пестром лугу, а Станислав Комаров, его капитан, болтался по переходам без дела. Эта ситуация имела свою предисторию, а точнее, даже две. Первая уходила своими корнями в дальний 2220 год, когда человечество, ошеломленное количеством планет, более или менее пригодных для человека, и отсутствием на них разумной жизни, приостановило деятельность корпуса косморазведки.

— Эпоха великих географических открытий на Земле заняла не менее столетия,— заявил по информсети председатель Совета Звездоплавания Р. Столби,— а ведь это было практически дома. Исходя из такого же срока, необходимого для серьезного изучения каждой из открытых планет, мы обеспечили человечество работой на ближайшие полмиллиона лет!

Это потрясло планету до основания. Станислав, интересовавшийся историей космонавтики, живо представлял себе перипетии обсуждения, для большинства же его сокурсников по Академии Звездоплавания все заключалось в заявлении Совета, вошедшем в учебник истории: «Неограниченное возрастание возможностей человечества требует неограниченного прироста ресурсов. Реальный прирост ресурсов предполагает освоение и вовлечение в эксплуатацию ресурсов уже открытых планет. С целью концентрации усилий человечества в этом направлении временно приостанавливается деятельность корпуса косморазведки. При этом имеется в виду, что колонизация планет подготовит условия для возобновления деятельности корпуса на новом уровне». Следующие за этим годы были заполнены титанической работой, в результате которой 180 космических разведчиков типа «Пионер» пошли на слом, а вместо них с Земли ушло в космическое пространство 60 исследовательских судов, но уже не с «сорви-головами», одиночками, а с целыми институтами биологов, химиков, геологов, физиков, метеорологов и т. д., и т. п. Теперь только в Академии Звездоплавания мечтали о романтике первооткрывательства.

Второй предисторией стало решение Совета звездоплавания № 164 от 2240 года. Оно не было оригинальным. Еще на заре космической эры существовало разделение на космонавтов-пилотов и космонавтов-исследователей. Подготовка командиров для современных звездолетов занимала восемь лет, и никакой другой специальности у них не было. В результате на планетах командиры превращались в ненужные, даже мешающие фигуры, пока корабль не стартовал обратно. Выдерживали это не все. Тогда и появилось решение № 164, соответственно с постановлением Академии Наук № 128 и распоряжением Мирового Контрольного Совета. Капитан корабля при разворачивании исследований на планете получал права главного координатора с предоставлением ему чрезвычайно широких и потому практически не применяемых полномочий.

Станислав бродил из лаборатории в лабораторию, стараясь не очень мешать, и мечтал о ситуации, когда он смог бы проявить власть. Но эта планета таких ситуаций представлять, похоже, не собиралась. Предварительные данные, изученные еще на Земле, говорили, что Станиславу не повезло. Планета была чуть ли не единственная, сохранившая следы разумной и притом высокоразвитой жизни. К сожалению, только следы! Но эти следы потрясали... На планете были города, не поврежденные ничем, кроме времени; на планете были «оазисы» — группы построек под силовыми колпаками, практически не затронутые временем (какой-то шутник назвал их «курортами»). И если бы не масса скелетов, отлично сохранившихся в сухом климате планеты, можно было бы предположить, что все население ее, все без остатка, улетело в космос.

Но больше всего потрясло другое. На планете не было болезнетворных микробов и, больше того, никаких признаков оружия. Это делало планету, вероятно, самой важной из всех находок косморазведчиков. И в первые два дня, по вечерам за общим ужином, Светлане Стен и возглавляемой ею группе психологов приходилось отбиваться от подавляющих по численности оппонентов. Причиной спора стало давнее правило «свободного поиска», сданное в архив вместе с роспуском корпуса косморазведчиков. Правило появилось после того, как «Пионер»-30, уже в пределах солнечной системы, выйдя на связь с диспетчером космодрома Луна-2 и получив координаты захода, вдруг прервал разговор и направился к Солнцу. Потрясенные наблюдатели по меньшей мере двух

десятков вземных станций видели вспышку — все, что осталось Земле от косморазведчика Белова. Потом было тяжелое психическое расстройство пилота «Пионера»-98, Клауса Ора, и еще целый ряд случаев подобного рода. Совет Звездоплавания потребовал разработки новой конструкции «Пионера», рассчитанной на коллектив. Но запротестовали сами разведчики. Ничего удивительного в этом не было, корпус с самого начала формировался из мало коммуникабельных людей. Тогда-то психологи и предложили право «свободного поиска». Это право формулировалось как «разрешение разведчику отклоняться от утвержденного маршрута и не вносить результаты отклонения в обязательный послерейсовый отчет». Правда, он должен был внести эти сведения в «мемуар» — архивное письменное сообщение, составляемое, как правило, в конце пребывания пилота в корпусе. Психологи утверждали, что это дает разведчику ощущение внутренней свободы и даже элемент игры, необходимой человеку взрослому, работающему в условиях длительного стресса, куда больше, чем ребенку. Было предусмотрено еще множество мер, и они сработали — корпус косморазведчиков просуществовал благополучно до самого отпуска.

Эту планету в 2152 году открыл Петр Арно. По неизвестной причине он отклонился в пустынную область космоса, не вызывавшую на Земле особого интереса. Здесь, вдали от звездных скоплений, Арно и наткнулся на планету, не без юмора названную им «Рай-на-задворках». В гордом одиночестве она вертелась вокруг небольшой звезды, даже не имевшей имени на картах. Арно не сообщил об этом открытии в отчете, а только внес в «мемуар». Как сказал Станиславу перед отлетом вице-председатель Совета Торбазов:

— Я вижу единственное объяснение — Арно имел на это право. Но это объяснение ничего не объясняет.

После отпуска корпуса Петр Арно бросил космос, работал оператором высокогорной станции наведения, бродил в одиночестве по скалам и очень неохотно встречался с людьми. А после шестидесяти неожиданно женился, и его портрет украшал теперь каюту члена экипажа «Алены» Сержа Арно, механика, сына косморазведчика.

«Мемуару» Петра Арно не повезло — он попал в архив корпуса в момент отпуска самого корпуса и в неразберихе особого интереса не вызвал, тем более, что сообщение о планете было сделано мельком, буквально

в двух-трех строчках, а о безжизненном Нептуносе или холодной аммиачной Фрозе рассказывалось длинно и красиво. Так или иначе, когда на сообщение о Рае-назадворках было обращено внимание, Петр Арно уже умер, а все имевшиеся у Земли корабли-исследователи ушли к планетам, казавшимся более интересными. Прошло еще несколько лет, пока «Алена» отправилась в космос.

Станислав сунул нос во все лаборатории, лично инструктировал поисковую группу и вернулся в свою каюту. Все шло по строгому графику, и это, как он отчетливо понимал, делало его действия абсолютно ненужными. Сработанная раз и навсегда инструкция предусматривала все — и развернутые вокруг корабля, с лазерами в стадии один, боевые машины; и выход только разведывательных групп, со сменой через четыре часа. И самого его, главного координатора, уныло сующего нос в двери лабораторий, где люди занимались делом. До того момента, когда люки смогут распахнуться, у Станислава оставалось только одно, правда, важное дело. Он должен дать «добро» на свободный выход. До этого «добра» многочисленными завлабораториями изнывали около шлюзов, ожидая возвращения разведчиков. Разведчики не всегда успевали принести заказанный образец или собрать нужную информацию, и тогда страдавшие лаборатории дружно презирали координатора.

Эта планета казалась абсолютно безопасной, и, будь его воля, Станислав давно дал бы команду к открытию люков. Но даже здесь замшелые деды из Совета Космонавтики сумели-таки его ограничить. Для того, чтобы снять защиту, должно было сойтись два «да»: главного координатора и БКМ — Большого корабельного мозга, прозванного «Быком» на всех без исключения исследовательских кораблях. В этом сыграло свою роль не столько созвучие названий, сколько феноменальное упорство машины. Из-за нехватки незначительного фактика «Бык» мог задержать открытие люков на неделю.

Станислав был почти уверен, что на этот раз у «Быка» не было никаких оснований упрячиться. Но машину настораживало именно это полное отсутствие оснований. На планете не было болезнетворных бактерий, микробов, вирусов. На планете был идеальный состав воздуха, идеальные влажность, гравитация и радиационный фон. На планете отсутствовали резкие перепады температуры и, судя по всему, стихийные бедствия — землетрясения, на-

воднения, пожары. На планете не было хищников, ядовитых змей, даже комаров! Зато в изобилии были цветы, плоды, бабочки, птицы, много-много зелени растений, голубизны неба, бархатного тепла ночей. Эта информация стекалась не только к «Быку» и Комарову, все были в курсе и активно обменивались ей в Зеленом зале.

— Если бы я должен был создать огромный санаторий,— высказался руководитель биологов Чандр и подергал свою лохматую бороду,— я бы создал его именно таким. Но после долгих расчетов. А путем эволюции — извините!

И только одна мрачная загадка все же была — гибель жителей планеты. Этой загадкой занимались биологи. Чандр в последние дни даже перестал ходить на обеды и ужины,— что приятного, когда на тебя все так выжидательно смотрят? Да и остальные его сотрудники не расщивались за столом, все чувствовали себя неловко. Только самая юная из них, лаборантка Аня, гордо таскала через весь зал еду своему шефу.

Станислав каждые несколько часов запрашивал у биологов информацию, а каждый вечер изучал выжимки из дневных исследований. Ему очень хотелось первому сказать «да». Среди капитанов бытовало поверье, что если «да» первым скажет человек, это гарантирует успех экспедиции. Но пока из всех материалов вытекало, что причины массовой гибели жителей — необъяснимы. Медики последовательно исключили заболевания, вызванные патогенными факторами (отсутствуют), социологи исключили насильственную смерть от какого-либо оружия (отсутствует), биологи исключили все прочие естественные виды смерти. Единственно, что приходило в голову,— какое-либо смертоносное космическое облако. В эту гипотезу, подсказанную Комарову одним древним романом, укладывалось все, кроме того, что за время Космической эры никто никогда не видел ни такого облака, ни даже следов его существования.

Были еще странности, например, отсутствие оружия. Слава богу, Земля не знала войн уже более трех столетий, однако вон они, боевые машины, стоят, ждут...

Размышления Станислава прервал настойчивый вызов. Он сразу узнал голос Чандра и ринулся к пульту, сшибив по пути вазочку с оранжевыми оранжерейными гвоздиками.

— Интереснейшее дело, капитан,— услышал он неразборчивое гудение (у Чандра звуки застревают в боро-

де, говорили биологи). — Мы тут сидим, думаем — зайдите, а?

В первый момент Станислав расстроился, — он уже предвкушал, как скажет «да» первым, а тут просто «интересное дело». Но потом сообразил, что для обычного «интересного дела» хватило бы и вечернего отчета.

Рай-на-задворках. 2276 год по земному летоисчислению.
Из дневника Сержа Арно
(катушка II, реконструкция)

...Ступил своей ногой. Почему «проклятая»? Почему отец так ненавидел этот в полном смысле слова райн? Почему он требовал, чтобы я помешал полету сюда? Да и как вообще он мог такое требовать? Вопросы, вопросы, вопросы — ответы на которые где-то здесь, в этих зеленых ласковых полях, прозрачных ручейках, ярких и нежных рощах. Где? На всей «Алене», может быть, только я до конца ощущаю непонятность поведения отца. Он был странный человек, герой-косморазведчик Петр Арно! Я испытываю какую-то болезненную потребность снова и снова вспомнить самые мельчайшие детали нашего нечастого общения. Только никак не могу понять: в них ли кроется ответ на загадки планеты, или наоборот — здесь разгадка поведения отца? Во всяком случае, связь несомненна.

Мне всегда не хватало методичности. Это особенно заметно, когда я вплотную подошел к тайне. Итак, по порядку.

Я — Серж Петрович Арно, главный механик исследовательского космолета «Алена», командир боевых машин по планетному расписанию. Хотя кому на такой планете нужны боевые машины, чудовища с лазерами и деструкторами, с прочей тысячью и одной смертью? За всю историю исследования планет их всего два раза пускали в ход.

Мой отец — Петр Арно, косморазведчик, оператор высокогорной станции наведения. Моя мать — Анна Арно. Она рассказывала мне, что полюбила отца во время его послеполетного отдыха в санатории «Сахара», где она была наблюдающим врачом. Отец отличался от всех отдыхающих ростом, спокойствием и подчеркнутым безразличием к женщинам. («Что-то не очень это свойственно косморазведчикам после полета...» Ах, мама, мама!).

Врачи не нашли ничего необычного в том, что Петр Арно добровольно запер себя на безлюдной высокогорной

станции. После роспуска корпуса косморазведчиков бывшие «космические бродяги» выкидывали и не такие номера. Мало кто из них пошел в исследовательский космофлот. И когда Петр Арно в шестой раз отскочился сменитьсь, мама настояла на посылке ее на станцию врачом-наблюдателем — на месяц, обернувшийся жизнью.

Я очень любил отца. Любил тем больше, чем меньше он обращал на меня внимания. Хотя неправильно — «не обращал внимания». Обращал. Помню, он ставил меня перед собой и долго смотрел, словно сравнивал с каким-то образцом. В детстве я боялся этого, боялся отчуждения в глазах отца, какой-то отстраненности. А потом я уходил, так и не дождавшись ласки. Вся положенная ребенку ласка доставалась мне от мамы. Но даже у нее иногда, если заставал врасплох, я замечал такое же изучающее внимание. Окончательно пропало оно только после моего поступления в школу космомехаников. Это был самый решительный шаг в моей жизни, начисто сломавший наши семейные отношения. Когда я объявил о своем решении, отец впервые меня ударил. Ударил неожиданно, и в глазах его горела такая ярость, что я ужаснулся.

— Не смей! — закричала мама. — Не смей! — до сих пор не знаю, мне или ему.

Я выбежал из домика и вскочил в вертоплан с твердым намерением никогда больше здесь не появляться. Скользя в воздушных потоках вдоль горных склонов, я весь корчился не от отцовского удара, а все от того же отчуждения, явственно мелькнувшего в глазах мамы. Конечно, долгая жизнь в отрыве от людей, снег и скалы, скалы и снег должны были сказаться на их психике, но...

Потом мама часто приезжала ко мне в школу. Мы не вспоминали этот случай и почти не говорили об отце. Я все больше хвастался успехами в учебе и спорте, а она показывала картины. Там, в горах, она много писала и, по-моему, ее пейзажи были очень хороши, хотя и странны. Вроде как на Земле, и в то же время как-то не так. Между прочим, рисовали они вдвоем — сначала отец, примитивно, какие-то наброски, намеки. А потом мама делала из них картины, и они всегда считались ее работами. Почему мама показывала их только мне? И почему она всегда пристально следила за моей реакцией? Следила настороженно и с надеждой. Она даже радовалась, когда картины не вызывали у меня интереса.

Отца я увидел еще только раз — в день его смерти.

Декан факультета вызвал меня по информеру прямо из бассейна, и через час я уже летел на станцию. Старик знал только, что мама настоятельно просила прислать меня немедленно. Домой меня не вызвали никогда, значит, что-то случилось.

Когда снег, взметенный посадкой, опал, я сразу увидел маму у крыльца, в заиндевевшем от долгого стояния комбинезоне. Отец лежал в своем кабинете на низкой широкой тахте, и на его бледном, осунувшемся лице были страдание и страх. Не знаю как, но я сразу понял, что это вызвано моим появлением. Я что-то бормотал насчет того, почему меня не вызвали сразу, или почему вызвали меня, а не перевезли отца вниз, в больницу. Там не только любую болезнь вылечат, а вообще нового человека могут сделать из его собственного старого кусочка. Но мое бормотание заглохло само собой. Как мне было жалко его, такого внезапно постаревшего и слабого! Хотя «внезапно» это было только для меня, ведь я не видел его уже несколько лет.

Выросший без отцовской ласки, я был не сентиментальным и считал себя неспособным на бурные эмоции. Но как сейчас помню нежность, заполнившую меня. Я увидел, как страх в его взгляде медленно исчезает. Он всматривался в меня — и словно открывал что-то успокаивающее, что-то чрезвычайно важное.

— Папа! — закричал я и впервые бросился его обнимать. Каким легким было его высохшее тело! Кажется, я носил отца на руках, шептал ему на ухо что-то ласковое, и он тоже что-то шептал и гладил меня по голове.

Всего не помню, зато навсегда запомнил слова, сказанные, когда я уложил его обратно на тахту. Он говорил медленно, но в голосе звучала прежняя властность. Я тогда не очень-то вслушивался в слова, скорее, бездумно запоминал их, как эта катушка запоминает мои. Какое мне было дело до какой-то неизвестной планеты, когда передо мной лежал обретенный на двадцать первом году жизни, такой больной и родной отец! И до сего момента я как запись прокручиваю эти слова — и не могу понять их до конца.

— Проклятый Рай-на-задворках, — говорил отец. — Я назвал ее Рай-на-задворках, может быть, ее не вспомнят, не найдут. Или найдут когда-нибудь потом, уже более мудрые, более сильные. Мне надо было умолчать, но я не смог, я вписал ее в «Мемуар». Это был мой долг... или долг был в том, чтобы скрыть?.. Но ведь я ничего не

знаю наверняка. Доказательств нет. Я думал, я всю жизнь боялся, я ошибся, и это огромная радость. Но только ты, один ты. А другие?..

Он словно говорил сам с собой, и я не мог прервать его. Да и не собирался, я просто смотрел на него и чуть не плакал. Мне очень хотелось заплакать и от жалости, что он такой больной и слабый, и от радости обретения его, и от боли за потерянные двадцать лет! Но отец повернул ко мне голову, и в его голосе зазвучал металл:

— Теперь уже ничего не проверишь. Я не могу испугать все человечество зря, а ты ничего не доказал. Очень хорошо, что не доказал. И все же обещай мне, очень прошу — обещай! Если все-таки соберутся туда лететь — помешай. Бей тревогу, кричи, сломай что-нибудь... Взорви, наконец, корабль, но помешай!

Я ничего не понимал:

— Папа! Куда лететь? Кому помешать?

Но он, наверное, меня не слышал, он только решил, что я отказываюсь.

— Обещай! — вдруг крикнул он с такой силой, что я испугался.

— Обещаю, обещаю!

После этой вспышки ему стало хуже, голос его слабел и прерывался:

— Мы с мамой... Я не мог восстановить эти картины, — говорил он, и паузы между обрывками слов становились все длинней. Я не вслушивался, я только чувствовал, что он уходит. Одна мысль билась во мне:

«Я обрел его, через столько лет обрел — и вот...»

До сих пор не могу думать об этом спокойно. Люди уходят из жизни — это закон природы, но не в тот же момент, когда... Не могу, не буду. Все. После того, как мы похоронили его на площадке станции, мама переселилась на равнину и пошла работать в школу наблюдающим врачом. У меня начался выпускной курс, потом практика, и мы встречались не чаще, чем до смерти отца. Через несколько месяцев, когда пережитое вспоминалось не так остро, я пытался выяснить у нее, о чем говорил тогда отец, но она ушла от ответа.

— Он бредил, он просто бредил... — и заговорила о картинах.

Кажется, это было после большого осмотра. Перед тем, как дать «добро» на практику в пределах солнечной системы, нас неделю истязала медкомиссия, тогда я еще пошутил, что признан идеальным образцом землянина.

Да... Мама опять показывала свои картины, а я подумал, что из них что-то ушло. Они стали неживыми. Может быть, это отец придавал им жизнь?

Затем был долгий полет на Ланку-II и, вернувшись, я застал маму чуть постаревшей, но веселой, окруженной десятками ребячьих мордашек. Они даже играть сбегались в ее зеленый дворик.

А потом было полетное задание и три дня на сборы. Я прилетел к маме с тяжелым чувством — ведь планета, на которую уходила «Алена», называлась Рай-на-задворках... Услышав название планеты, мама охнула, но я не дал ей заговорить. Наверно, я даже преувеличивал желание повидать планету — желание, жившее во мне после тех, последних, слов отца. Но чем горячее я говорил, тем сильнее она сникала.

— Вот оно... — повторила мама несколько раз.

Я перевел разговор на другое, постепенно растормошил ее, и вроде все позабылось. А на Луне-III, в конце предполетной подготовки, я узнал, что мама полетела в горы на могилу отца и там погибла, сорвавшись в пропасть. Погибла там, где она наощупь знала каждый камешек, каждую тропинку!..

И вот я здесь, на ласковой, безопасной, безвредной планете. Истинный рай! И что самое невероятное — до мелочей знакомый по десяткам маминых картин...

Дорога. 2191 год Откровения. За 11 лет до Свершения. ОРТА

Кон Мал последние ночи почти не спал. Чем ближе его лаборатория подходила к концу работы, тем чаще он проводил ночи, терзаемый видениями наяву. Сомнения точили его, словно червяк — благоухающий плод, лишая покоя. Днем сомнения отступали, особенно когда Фиер, помощник Мала, потрясая расчетами, кричал:

— Клянусь посохом Болла, кон, это же конец Дороги, о котором грезит вся Грасса. Дорога — ненаучный термин, но иначе вас не пронять, кон. Вы понимаете, что это значит?

Измученный ночными бдениями Мал снова и снова заставлял перепроверять расчеты и загонял всех сотрудников бесчисленными опытами с животными.

— Но этим же нельзя ничего подтвердить, — бессилен был Фиер. — Мы должны решиться сами.

Мал проявлял твердость и категорически запрещал

опыты на грассианах. Он понимал, что эксперименты с животными еще ничего не доказывают; но сейчас именно это его и устраивало.

А в эту ночь кон Мал, руководитель центра Бессмертия, не ложился вовсе. Фиер — самый талантливый из его сотрудников, еще не ставший коном, но уже руководивший темой, худой, нескладный, вызывавший у Мала родительские чувства, — решился: он тайно произвел опыт на себе и юной Мине, своей жене. Более того, он заявил об этом сразу, как вошел в кабинет Мала, где собрались все руководители тем. Заявил прямо с порога, без обычного: «Ровной Дороги!» — и даже без кивка!

Кон Мал уныло бродил по дому и слушал ночную тишину. Ему полагался особняк вблизи города, но он предпочел этот, расположенный в живописном лесу, где раскинулся третий научный центр Грассы, один из семи центров планеты. Их, желающих прийти к Свершению силой разума, становилось все больше. Еще сто лет назад Ведущий Дороги Арк сконцентрировал все научные силы в красивейших уголках Грассы и этим положил начало разделению Планеты. Все последующие Ведущие подтверждали существование Центров и щедро выделяли средства на их работу. И еще никогда наука не подходила так близко к цели!

К получи Мал понял, что его так угнетало. Когда-то, получив этот дом, Мал установил поворотные, в рост человека, зеркала в углах комнаты. Они помогали думать, он словно советовался со своими двойниками по углам. Сейчас зеркала отражали низенького, полного человечка с наивным венчиком волос на макушке. Эта мечущаяся, помятая фигурка ничего не могла ему подсказать. Зато он сам, наконец, понял, чего он боялся эти два долгие года, с того дня, когда его — о великий Ур! — осенила эта идея... Мал еще не знал, что ему делать, но понимал, что все, что он может предпринять, натолкнется на сопротивление Фиера. Сделав еще несколько кругов по комнате, Мал повернул зеркала к стене и подсел к внутреннему коммутатору Центра. Фиер будет у него через десять минут. В конце концов, он, Мал уже давно, еще до последнего опыта, знал, как надо поступить. И этот предстоящий разговор был нужен не для того, чтобы что-то изменить.

Ропур ткнул пальцем кнопку. Нежно прозвенели колокольчики первых аккордов. Их звук, словно пропадаю-

щий вдалеке, навевал на Ропура жалость ко всему окружающему миру. Вот звон уже дальше, дальше, и только отзвук, тень звука еще долетает издалека, из неизвестности... Тело Ропура напряглось в ожидании. Издалека наплывали, нет, наползали слитные, мерные шаги миллионов ног. Грозная и бессильная поступь бесчисленных поколений Грассы. Шаги звучали так равнодушно, что стонущий вопль певца отозвался в теле Ропура электрическим разрядом. Эту вещь, «Плач потерявшегося», кон Ропур включал часто и знал наизусть. И, раскачиваясь в кресле посередине теплой, устланной коврами комнаты, он чувствовал себя там, на Дороге, среди идущих — отупело, безнадежно идущих. Кон Ропур даже не замечал, что поет во весь голос, пытаюсь вместе с певцом заглушить неотступный звук шагов:

А-о-й, я отстал, потерялся,
А-о-й, потерялся в толпе.
И мимо проходят чужие,
И нету мне места среди них.

На последнюю, еще звенящую ноту, тяжело и устало отозвался хор:

Но было завещано Уром,
Но было обещано миру,
И стало нетленной верой
И с верою этой идем!

Снова с воплем отчаяния вступил певец:

Пустите, возьмите, я с вами,
О, дайте мне с вами идти!
Чужие, бездушные лица,
И мерная поступь шеренг!

И опять хор тяжело и равнодушно раздавил отчаяние певца:

Печален отставший в Дороге,
Бессилен один, без шеренги.
Запретно в Дороге убийство —
Но смерть неизбежна. Умри!

Кон Ропур сжался в кресле, чувствуя, как мимо него проходят плотно сомкнутые ряды, и во весь голос простонал им вслед:

Но было завещано Уром,
Но было обещано миру,

И стало нетленною верой,
И с верою этой иду!

Замерли последние шаги, но Ропур еще сидел обхватив голову руками. В последнее время он слушал «Плач» после каждого заседания Совета Дороги и каждый раз чувствовал себя словно омытым, сбросившим груз прожитого. И хотелось сделать что-то доброе, принести кому-нибудь радость: в Орте знали, что после заседаний Совета младший Ведущий Дороги принимает и выслушивает любого. В комнату проскользнул старый Лим.

— Сколько там? — спросил Ропур. Вопрос прозвучал резко, и Ропур устыдился. Лим служил еще его отцу и уже близился к уходу с Дороги.

— Ровной Дороги, Лим. Что нового у тебя в семье? — запоздало поинтересовался он.

— Ровной Дороги, Ведущий! — откликнулся Лим, и его изрезанное морщинами лицо осветилось улыбкой. — У меня все хорошо. А к вам проситель, но не говорит, кто он.

Кону Ропуру вдруг показалось, что эта встреча переменит его жизнь. Подобное предчувствие уже было, когда один из тысяч конов, никому не известный инженер Ропур, головокружительно быстро вознесся до второго лица Грассы. Оставалась только одна ступень до вершины, но Ропуру совсем не хотелось становиться главным Ведущим. А предчувствие становилось все явственней. На мгновение Ропур заколебался, не отменить ли прием? Ведущие всех рангов устанавливают свои обязанности сами. Лим словно понял колебания Ропура.

— Он очень волнуется, этот кон. И с ним Несущая жизнь.

Слова Лима разом окончили сомнения. Женщина, готовящая даровать миру нового грассианина, — святая на Дороге.

— Проведи.

Дожидааясь просителей, Ропур пытался собрать разбегающиеся мысли. Надвигалось что-то огромное, а он не мог разобрать — темное или светлое? Лим не стал громко докладывать, а шепнул ему на ухо:

— Кон Фиер и конна Мина.

Первое, что бросалось в глаза в вошедшем, — худоба. Кон Фиер, казалось, состоял только из скелета, на котором неправдоподобно широко сидела и без того просторная парадная темно-фиолетовая мантия кона-ученого.

Когда взгляды Ропура и вошедшего встретились, Ропур содрогнулся. Глаза Фиера не были глазами просителя: в тех всегда читалась надежда, ожидание. Эти же были глазами фанатика, они горели огнем сжигающей Фиера веры. Страшная энергия таилась в этом взгляде... Ропуру понадобилось физическое усилие, чтобы перевести взгляд на конну Мину, полускрытую высокой фигурой спутника. Маленького роста, с уже явно выдающимся животом, она тоже смотрела не так, как обычные просители. В ее глазах Ропур увидел спокойную гордость, сознание своей значительности.

— Я слушаю вас,— сказал Ропур, избегая взгляда ученого. Часто он еще до того, как пришедший заговорит, знал, о чем его будут просить, и сейчас чувствовал что-то необычное.

— Мне надо увидеться с Главным Ведущим Дороги! — требовательно проговорил Фиер. Голос у него был высокий, горловой, и Ропуру почудились в нем трагические нотки певца из «Плача».

— Ровной Дороги! — ответил Ропур доброжелательно.

— Ровной Дороги! — отозвалась Мина и покраснела. Она быстрее мужа почувствовала упрек.

— Ровной Дороги! — сказал ей вслед, как отмахнулся Фиер.— Мне необходимо увидеться с Главным Ведущим!

Странная пара очень заинтересовала кона Ропура. Он пригласил гостей присесть, нажал клавишу внутренней связи и заказал три бокала тонизирующего напитка из орры — древний знак того, что гость тебе интересен.

Пришедший кон не ожидал такого приема. Усадив Мину, он в третий раз повторил свою просьбу, на этот раз именно тоном просьбы.

— Но если вам нужен Главный Ведущий, уважаемый кон, то не проще ли обратиться к нему? Вы же знаете, что любой грассианин может...

— Знаю,— перебил Фиер.— Но тогда нужно письменно изложить причины, и потом ждать, сочтут ли их достаточно важными. А я...

— Абсолютно правильно, уважаемый! — Кон Ропур намеренно не дал Фиеру договорить. Высокий пост, занимаемый Ропуром, требовал уважения.— У Главного Ведущего слишком много дел, и он не в состоянии выслушивать всех без разбора. Но, между прочим, таков порядок обращения и ко мне, кон!

— Но вы принимаете и просто так. Об этом говорят в Орте на каждом углу,— еще сбавил тон Фиер.

Звякнул колокольчик. Кон Ропур прошел в угол, распахнул дверцу и достал оттуда три чуть подогретых бокала напитка. Первый он с легким поклоном вручил Мине — это не было показным уважением к «несущей жизнь»: сам кон Ропур пока не подарил Дороге нового Идущего. С бокалом в руке Фиер окончательно утратил напор и растерянно посмотрел на Мину. Ропур пришел ему на помощь:

— Вас смущает срок рассмотрения прошения?

— И это тоже. Но главное, что прошение будут читать многие.

— Не более пяти.

— И этого много. Мое сообщение перевернет Грассу.

Кон Ропур почувствовал раздражение. Два раза он уже поддерживал подобные проекты. Но в первом случае Медицинский центр отверг «Элексир долголетия» после испытаний, приведших к массовой гибели кротких пушистых монтов, на которых в Грассе издревле практиковались медики. У самого Ропура дома тоже жил ручной монт, и Ропур любил, держа его на коленях, погружать пальцы в голубоватую, теплую шерсть. А во втором случае Ропура спас только положительный отзыв экспертов Инженерного центра. Ужас «Росского взрыва» до сих пор заставлял его кричать по ночам. Цветущая, зеленая Росса превратилась в развалины, вызвав массовый приток неофитов в храмы Учения,— многие и так косились на научные центры. И хотя уроки пошли впрок, кон Ропур все равно выслушал бы Фиера, ради умоляющих глаз Мины.

— Вы работаете в каком-то центре?

— Да, я работаю в третьем научном центре у кона Мала.

Это была весомая рекомендация.

Среди ученых не установилось единого мнения о причинах исчезновения Дара. Кое-кто, правда, тайно, даже подвергал сомнению само его существование. Ропур, как и большинство Ведущих, считал, что причины надо искать не во внешних условиях и уж, конечно, не в происшествиях легендарного Рука, а в самих грассианах. Третий научный центр занимался вопросами физиологии и наследственности.

— Кон Мал, кон Мал...— Ропур попытался вспомнить это имя, но оно ему ничего не говорило. В Совете Ропур

руководил устройством социальной сферы и нечасто встречался с миром ученых.

— А почему ко мне приходите вы, а не руководитель? Согласитесь, за работу центра несет ответственность он.

— Мы с ним разошлись,— через силу заговорил Фиер.— Он считает, что это преждевременно и недостаточно проверено.

Фиер мямлил и избегал прямого взгляда. Ропуру показалось, что он не уверен в своем открытии. Но, посмотрел на Мину, Ропур понял: ученый просто разочарован, что натолкнулся не на заинтересованность и особое внимание, а на то, на что, очевидно, наталкивался не раз. На лице напряженно слушавшей Мины это отражалось ясно. Ропуру стало не по себе, у него и в мыслях не было подвергать сомнению право Фиера на обращение к нему.

— Оставим это, кон. Так в чем же ваше открытие?

Фиер сделал жест рукой в сторону Мины.

— Вот,— сказал он торжественно.— Вот конец Дороги!

Мина приподнялась из уютного кресла, и мягкий боковой свет рельефно обрисовал ее вздернутый живот. Ропур молчал. Ему много раз приходилось видеть «несущих жизнь», но в голосе Фиера звучала ликующая убежденность.

— Через сезон это станет ясно многим в нашем центре, через несколько сезонов всей Грассе.

— Что станет ясно? — Ропур был уже почти убежден, но не словами, а гордостью, преобразившей лицо Мины.

— А вот это пока должно быть тайной для всех, кроме вас и Главного Ведущего Дороги!

Через час мощная машина Ропура бесшумной молнией пронеслась сквозь засыпающую Орту ко Дворцу Совета.

Дорога. 2191 год Откровения. За 11 лет до Свершения. РЕАНДА

Кон Мал подъехал к храму, когда светило уже предвещало свое появление отблеском сияния на вершинах гор. Горы словно загорались изнутри, и фонари уютно раскинувшейся в долине Реанды потускнели. Громада храма, видимая с любой дороги, подходящей к городу, подавляла. Кон Мал убеждал себя, что поступает хотя и не как ученый, зато как Идущий, но так и не убедил. И, стоя у огромных резных дверей с изображением «По-

соха Болла», Мал никак не мог заставить себя перешагнуть порог.

Давно, в детстве, родители водили его в храм Учения, и он хорошо запомнил символ — суковатую дорожную палку легендарного отшельника на дверях и мантиях Учителей. Мал тогда не все понимал из торжественного чтения «Завета Идущим», но навсегда проникся его духом, духом веры в конец Дороги, единства всех жителей Грассы. Эта вера помогала ему в научной работе, и он мечтал, что именно он, маленький, со смешными, уже тогда торчащими в разные стороны прядями волос, кон Мал будет тем, кто возвестит конец Дороги. Мал верил в науку. И чем больше наука противопоставляла себя Учению, тем сильнее хотелось Малу их примирить. Мал до дрожи ощущал величие и благородство Учения, объединившего в едином движении многие поколения грассиан.

Когда группе исследователей в центре Минувшего, изучавшей древние захоронения, удалось вроде бы доказать существование Дара тысячи лет назад, Мал радовался как никто. Но это не привело к объединению Учения и науки — наоборот, разделило их еще больше. И то, что сейчас собирался совершить Мал, походило на измену делу науки. Вряд ли друзья из центра одобряют его поступок!

Светило, наконец, выглянуло между пиков, и купол главной башни храма вспыхнул ослепительным светом. Тяжелые двери со скрипом открылись. Мал отпрянул от входа и зашагал вдоль стены.

Когда ему предложили возглавить лабораторию наследственности, он согласился без колебаний. Он верил, что именно в наследственности сокрыты причины утраты Дара. Именно в ней, как полагал Мал, скрывался конец Дороги. Он и сотрудников подбирал таких же — сохранивших детский восторг перед чеканными строфами «Заветов». Десять лет работы, работы дружной, поглотившей их всех без остатка! И вот теперь, перед самым ее завершением, кон Мал утратил веру в то, что это действительно конец Дороги, а не начало новой. Новой, которая может взорвать, похоронить все, столь милое ему на этой чудесной планете. И хуже всего, что против него Фиер — самый любимый, самый талантливый ученик! Но все же Мал никогда не пришел бы сюда, если бы он поговорил с Фиером прошлой ночью, если бы не узнал об отъезде Фиера и Мины. Кон Мал знал, к кому обратятся они в Орте. Они не ученые, они Ведущие. Многие ли ра-

ботающие в центрах поддержат его, Мала, когда Ведущие обратятся к ним за советом?

Ночью он долго колебался, пока не понял, что выбора у него нет. Все аргументы в спорах с Фиером и его сторонниками отточились, кон Мал знал, кто обратит внимание на его доводы. Утром он победил неуверенность и вылетел в Реанду.

У ворот храма решимость его иссякла. Юный неофит, вышедший из дверей, с интересом наблюдал за странным человеком, то приближающимся к храму, то удаляющимся, — не часто ученые посещали храм! Ученый бросал на неофита отчаянные взгляды. Тот, уже прошедший первую степень посвящения, понял, что пришедший нуждается в толчке, могущем облегчить принятие решения.

— Войдите, кон, — пригласил он. — Войдите и посмотрите. Это самый древний храм Грассы. У нас хранится посох Болла, кон.

Неофит угадал. Кон-ученый облегченно забормотал:

— Да, да, конечно... Надо посмотреть, обязательно надо посмотреть. Это очень интересно... — При этом он так часто кивал, что его и без того растрепанные пряди, обрамлявшие лысину, казалось, разошлись по волоску и каждый торчал отдельно.

Неловко обойдя стоящего в дверях неофита, словно боясь его зацепить, ученый вошел внутрь — и замер на пороге. Внутри храм подавлял еще больше — огромное, почти пустое пространство с теряющимся впереди и вверху алтарным возвышением, казалось, стиснуто стенами и обрушивается вниз. Единственное, что сдерживало его напор, — это взметнувшаяся в центре колонна из прозрачного горного минерала с заключенным внутри посохом Болла. Осторожно, стараясь не разбудить эха, кон Мал медленно пошел к колонне и вдруг замер от ужаса — так неожиданно и громогласно обрушились на него сверху слова:

— Что привело к нам брата, Идущего по обочине?

Ошеломленный кон Мал не посмел обернуться. Он смотрел на колонну, как на спасение:

— Я пришел встретиться с коном Аманом, Учителем.

В наступившей тишине послышались шаги. Эхо возвращало их со всех сторон, шаги металась в воздухе, слышались сверху, снизу, одинаковые, но разные по силе звучания. Внутри у Мала что-то сжалось, противно задрожали ноги. Ему почудилось, что на него со всех сторон надвигаются толпы плотно сомкнутых, слепых в сво-

ем. стремлении людей, безжалостных, бесчувственных, одинаковых... Одинаковых!.. Поймав себя на этой мысли, кон Мал обрел уверенность. Пусть они идут, пусть сомнут, затопчут, но они не должны быть такими!

— Я кон Аман, 326 Учитель на Дороге,— услышал он ласковый голос и обернулся:

— Я принес вам тайну, Учитель!

Рай-на-задворках. 2276 год по земному летоисчислению.
Из дневника Сержа Арно
(катушка II, реконструкция)

Сегодняшний день стоит отметить особо, за что глубокая благодарность группе разведки. По расписанию командиру боевых машин не положено удаляться от корабля. Но я не просто механик, я сын Петра Арно. Вчерашнее сообщение Чандра многих обеспокоило. Абсолютно идентичные скелеты нескольких поколений? По земным аналогам — мать, дочь, внучка или, скажем, отец, сын, правнук... Еще одна загадка? Она не объясняет гибели населения, однако Чандр сказал, что у него возникает ощущение опасности, грозящей именно землянам. Ощущение было до того четкое, что в очередной поиск иду и я, конечно, не как сын Петра Арно, а как командир-водитель БМ «Тигр» — самой мощной из наших машин. Координатор долго мялся, пока разрешил мне этот выход. Смешно гонять такую силищу против опасности, которой никто себе не представляет. Ведь скелеты лежали здесь до нашего прибытия, лежат все время, пока мы здесь,— и ничего!.. Комаров и придумал повод — мой грозный механизм уничтожения буксирует грузовой прицеп! Мы должны привезти как можно больше... образцов?.. свидетельств?.. Как тут скажешь? Конечно, это только прах, но ведь они были так похожи на нас...

Вышли мы почти по-боевому. Впереди я с прицепом, за мной легкие вездеходы разведчиков. Сюжет для первокурсников Космической Академии — герой-разведчик в приборном отсеке боевой машины. Разрядники лопаются от энергии, лазеры, локаторы, сонары, анализаторы в режиме широкого поиска — и волевой взгляд вдаль. А сзади огромная грузовая платформа на воздушной подушке — ни дать ни взять сарай. Цирк, да и только!

Ближайший к нам город всего в получасе езды. Я намеренно медленно веду колонну и представляю, как ругают меня разведчики. Но, во-первых, так положено; во-

вторых, курсовая машина ведет «Тигр» без моего участия, и я могу заняться моим излюбленным здесь, будь оно неладно, делом: анализом собственных ощущений. Все чаще я вспоминаю слова отца. И не только слова, но интонацию, выражение глаз, даже нервное, безостановочное движение пальцев его руки. Почему это место названо им проклятым?.. Я рассказал об этом Комарову и Чандрю. Комаров долго меня расспрашивал, оно и понятно — что ему еще делать, но ни к каким выводам не пришел. Чандр с истинно восточной вежливостью пробормотал несколько слов о том, что бывшие косморазведчики под старость... б-м-м, г-м-м... Это гудение означало, что Чандр боится вломиться не туда, куда следует. В древности говорили: «Слон в посудной лавке», но слоны ведь и водились главным образом в Индии? А сегодня утром Чандр остановил меня в коридоре и долго рассматривал. Я намекнул ему, что хочу есть, а завтрак в горло не полез — взгляд Чандра напомнил, как смотрел на меня отец.

По боевому расписанию «Тигр» защищен кристаллоброней и силовым полем. Утверждают, что машина уцелеет, даже если на башне разорвется ядерная бомба предков. Вот только что будет с экипажем — еще не ясно. И на этой планете, похоже, яснее не станет. Мы прошли половину пути, на всех экранах — безмятежный зеленый свет. А ведь они объявят тревогу даже при появлении атакующей десятки комаров! У меня сегодня уже есть одно нарушение — я покинул боевой пост (правда, с согласия координатора), значит, можно совершить и еще одно — открыть люки. Сейчас звякнет сигнальчик, и непроницаемые пластины провалятся внутрь корпуса.

Какое здесь яркое солнце! «Тигр» плавно перемещается над идеально гладкой дорогой, а кругом — зеленые луга, кружевные рощи, неправдоподобное обилие цветов всех оттенков и форм. Только впереди зеленый цвет сменяется ослепительно белым — горизонт замыкают горы. Уж чего-чего, а горы я знаю! Но здесь они иные, очень ровные, словно искусственные.

Вот справа появился аэродром. Именно аэродром, а не космодром, хотя любая из этих красно-белых чечевицеобразных громад способна к движению в ближнем космосе. В ближнем космосе здесь пусто, но ведь от ближнего до дальнего всего один шаг — и не принципиальный, а только эволюционный. Почему они его не сделали? Инженерная группа ручается, что корабли предназначались

только для надстратосферного перелета из одной точки планеты в другую. Это все равно, как использовать боевой лазер «Тигра» для борьбы с мухами.

Большой город... Скорее всего, ничего нового по сравнению с десятками стереофильмов, просмотренных в «Зеленом зале», я не увижу. Но все же ожидаю какого-то объяснения.

Внимание! Увлечшись пейзажем, я прозевал появление города. Точнее, не города, а высокого, горящего на солнце шпиля, единогласно окрещенного «собором». Город зеленый, невысокий, только в самом центре стоит громадное здание, абсолютно пустое. Интересно, для чего оно могло служить? Предполагают культовое сооружение, но где же предметы культа? Кроме суковатого посоха на дверях и следов постамента — небольшого такого постаментика — в центре зала нет ничего.

Еще больше снижаю скорость и замечаю, что не включил связь. Вот это действительно нарушение. Быстро включаюсь, и на меня лавиной обрушиваются эмоции разведчиков, раздраженных темпами передвижения и долгим молчанием. Чтобы успокоить их, резко добавляю скорость. Город невелик, и одна улица похожа на другую, отличаясь в основном цветом тротуаров. Покрытие кое-где взломала трава, и краски повыщели, но еще видны. Как, наверно, хорошо прогуляться теплым вечерком по нежно-голубому тротуару, под воздушной тенью деревьев, напоминающих березы, но усыпанных небольшими оранжевыми плодами...

Конец маршрута — площадь перед собором. Здесь, как паук в центре паутины, я буду стоять, пока поисковые группы обшаривают город, готовый в любой момент ринуться им на помощь.

Площадь окружена нарядными разноцветными домиками, спрятанными в заросших, но по-прежнему прекрасных садах. Какая же сила увела отсюда жителей, создавших эту красоту и уют?

Площадь абсолютна пуста, если не считать двух ориентиров — собора и статуи. Но я же знаю эту статую! Я видел ее на картинах матери. Картин с нею было три, и на всех статуя изображалась в багровых тонах, тонах злости и горя. И небо было тревожно-багровым, и блики от него на землю падали цвета крови. Мама не любила эти картины, прятала в глубине шкафа, но я вытаскивал их и рассматривал. Статуя не такая большая, и цвет у нее не багровый, а зеленоватый, мирный такой цвет. Самое

удивительное, что статуя повернута спиной к собору. На картинах собора не было, но, по всему, стояла она не так. Там, в багровом тумане, вырисовывались силуэты домов, вот они, я их узнаю, и, несомненно, они были у статуи за спиной. Впрочем мама рисовала с набросков отца и через много лет после его полета. Могло что-то забыться. Копии картин мама собрала в альбом и переслала мне на Луну, а вот тех, со статуей, среди них нет. Почему?

Каждые три минуты включается связь и очередная группа разведчиков сообщает, что все в порядке. Дома пусты, если не считать скелетов. Никаких следов насильственной смерти, никаких объяснений естественной... Но у разведчиков есть дело, они ходят из дома в дом, собирают предметы быта, укладывают в контейнеры останки их владельцев. А я, видимо, проторчу здесь до конца дня. Все-таки это очень грустное место — пустые ряды окон, распахнутые никому двери, трава, пробивающаяся сквозь плиты тротуаров, громада собора за спиной. В его двери без труда въехал бы мой «Тигр», а ветер открывает и закрывает их без всякого усилия. Если долго смотреть на шпиль, кажется, что все сооружение кренится и вот-вот рухнет. Для «Тигра» это пустяк, но по коже все равно пробегают мурашки. Но почему здесь так пусто? Стой!..

Ну вот! Не успел взвизгнуть сигнал тревоги, пальцы легли на кнопки, ноги — на педали. Еще чуть-чуть — грохнул бы я по этой зверюшке, и вякнуть бы не успела. Кстати, они действительно вякают — нежно и мелодично. Когда биологи притащили первый экземпляр, сбежался весь корабль. Женщины умилялись громко, мужчины — про себя. Зверек сидел под колпаком силовой и биологической защиты, дружелюбно глядя на нас. И сам он — помесь зайца и голубого медвежонка — вызывал огромное желание взять его на руки и запустить пальцы в длинную шерсть. Именно запустить пальцы, а не погладить, как земную кошку. Этих животных здесь видимо-невидимо. Думаю, как только биологи завершат исследования, в каждой каюте будет повякивать по такому зверьку. Если, конечно, не он причина гибели всей цивилизации.

Но вот что интересно — по дороге они шастали десятками, а тревоги не было. Я же ввел в машину голограмму зверька как нейтрального фактора: близко не подпускать — и только. Этот бежал вон где — почему же тревога?

Медленно и внимательно осматриваю площадь. Зда-

ния пустые: ни звука, ни какого-либо излучения — ровный зеленый свет. Площадь — пустее не бывает — только статуя торчит неуместно и несимметрично, нарушая весь ансамбль. Высокая, невероятно худая, с копной волос. На картинах ее глаза, казалось, выплескивали какую-то жестокую энергию и складки фиолетовой мантии злоеще змеились за спиной. А здесь ничего похожего — мантия просто отброшена ветром, профиль унылый, кончик носа, грустно закорюченный, тянется к острому подбородку. Стой!.. Идиот! Дубина! Какой профиль? Ведь статуя стояла ко мне спиной! Я же удивлялся, почему она спиной к храму?..

Снова занял сигнал тревоги. Солнце зашло за шпиль «собора», багровая тень упала на статую, сразу изменив ее облик. Страх, как в детстве, поднимался откуда-то из-под ног. Статуя медленно поворачивалась ко мне, грозно поднимая руку. Как маленькие лазеры, плеснули светом ее глаза. Не сводя с них взгляда, я ткнул пальцем в кнопку. Раздалось короткое «п-ш-ш», через всю площадь сверкнула длинная молния, на мгновение затмив солнце и пронзив багровую тень. Вспыхнул и тут же погас ослепительный шар.

Ни фигуры, ни постамента... А там, где они были, распахнулся вход, точнее, спуск в подземелье: светящаяся белая лестница, косо уходящая куда-то вниз, под дома!

Рай-на-задворках. 2276 год по земному летоисчислению. ДОЛИНА ЭДЕМ

К вечеру Станислав Комаров готовился с утра. А к сегодняшнему вечеру еще со вчерашнего. Каждый день, в семь часов по корабельному времени, собирались руководители групп и лабораторий, обсуждали прошедший день и планы на новый. Именно так, не по информеру, а лицом к лицу, уверяли психологи, легче договариваться. Для Комарова же это было мучением. На вечерних встречах он сидел как необходимая часть интерьера, как живой параграф внутрикорабельного устава. Положено, например, переходя из отсека в отсек, закрывать герметичные двери до зеленого сигнала, даже если корабль на кислородной планете. Или положено, бреясь, хотя бы и вакуум-бритвой, включать вытяжную вентиляцию, или положено на Совете присутствовать Координатору — все едино. Станислав начинал активно вмешиваться, задавал вопросы и каждый раз убеждался, что

все расскажут без него и договорятся без него — и, главное, без него все это будет быстрее. Сегодняшний вечер ожидался более приятным. По настоянию Чандра, Станислав объявил «мозговой штурм», старинный метод коллективного мышления, широко используемый на исследовательских космолетах. И хотя его часто называли «Синедрионом дилетантов», польза была несомненна. Кто-то из древних говорил, что открытия чаще всего делает человек, незнакомый с основными законами науки, запрещающими это открытие в принципе. В этом преувеличении была доля истины. Если один дурак способен задать столько вопросов, что на них не ответят сто мудрецов, среди этих вопросов обязательно будут разумные. «Бык» тщательно собирал все версии и дальше действовал по «штурмовой программе»: устанавливал, при нарушении каких законов природы возможно то или иное предположение. Специалистам оставалось проверить, так ли это на самом деле. И открытия случались поразительные. Например: тройкодышащие пеуны на Лане-II, переползающие магнитные полюса на Орне или пульсирующая гравитация области Семи звезд. А главное, метод давал десятикратную экономию времени.

Когда все собрались в конференц-зале, Станислав занял место за председательским столом и с волнением оглядел собравшихся. Все с одобрением смотрели на него. И почему ему казалось, что он только мешает? Весь переполненный энергией, Комаров предоставил слово Чандру. Ради такого случая тот появился не в обычном обвислом комбинезоне, а в строгом белом костюме и такой же белой шапочке, неуместной на его огромной голове. «Синедрион» собирался по просьбе биологов, потому и заседание открывал он.

Дорога. 2191 год Откровения. За 11 лет до Свершения. ОРТА

Главный Ведущий Дороги, кон Мук, был стар. Чем ближе становился уход с Дороги, тем чаще Мука посещала горькая мысль: двадцать долгих лет он вел Грассу к Свершению, но стало ли оно ближе? Мук уже не помнил, был ли он искренне верующим, вступая на порог Дворца, а ему все чаще требовалось знать это точно. Разглядывая в зеркале лысый череп, морщинистое вытянутое лицо или костистые, заметно дрожащие руки, он испытывал острый приступ неверия — и не в пророчество

Болла, а в само существование Дара. Высоко в горах на биологической станции, под тщательным присмотром, еще трудился упрямый Кин, исписывая безупречными расчетами лист за листом. Как величайшая тайна, они доставлялись в Орту и исчезали в личном сейфе Ведущего. Он читал их, понимая только главное — смысл. Наверное, Ведущий мог понять все до конца. Но, проверив сам или, хуже того, дав проверить другим, кон Мук погубил бы то, чем жила Грасса, что делало грассиан Идущими — плечом к плечу, от мальчика до старца, от Ведущего до Идущего последней шеренги. Кон Мук мог еще решиться на такой шаг, если бы знал иную цель, если бы мог предложить ее планете — столь же ясную, как вековой культ Дара. Мук изо всех сил искал спасения Дороги. Искал там же, откуда исходила угроза для нее, — в науке. Росли дотации научным центрам, все больше привилегий получали ученые. И когда до него доходили сведения о расколе на верующих Идущих и ученых, он только закрывал глаза и мысленно взывал к Уру. Если бы впереди появился хоть какой-нибудь отблеск Свершения! Тогда Грасса снова станет единым обществом и, как неопиты — посох Болла, обожествит колбу лаборатории и фиолетовую мантию ученого. Еще не поздно, говорил он себе пятнадцать лет назад, десять... пять... Сегодня кон Мук устал.

С утра принесли сводку — ничего нового. Потом нагромождение дел, Совет, и уже вечером на стол легла последняя проповедь Амана. Накопившаяся за день, умело подавляемая усталость обрушилась на кона Мука, как лавина на Болла. Случайно ли они с Учителем в один год взойшли на Дорогу, росли в одном городке и вместе ходили в школу? Он, кон Мук, уже не выступает публично, он разучился убеждать сразу многих. А кон Аман все чаще потрясает основы, все сильнее и метче его удары по центрам, по всей политике Совета. Неужели правда, что Учителя могут ненадолго возрождать в себе Дар? Откуда иначе силы? Не дочитав проповедь до конца, Мук, ковыляющей, старческой походкой прошел в спальню. На столике у кровати стоял бокал орры. С детства Мук ненавидел этот традиционный напиток и это традиционное дерево. С того дня, как под рухнувшим стволем орры погиб его отец. Но не мог же Главный Ведущий Дороги отказываться от подносимого в дань обычаям напитка? А подносили везде — в центрах и на улицах, когда Мук останавливал машину; на заводах и в больницах, кото-

рые посещал. Врачи настаивали, что орра поддержит его силы, и Мук принимал напиток как лекарство. А когда приезжал Ропур, он, увлекшись разговором, заодно выпивал и бокал хозяина, чему Мук по-детски радовался. Без такой игры с самим собой, кто выдержит тяжесть власти в его возрасте?

Переодевшись в просторную ночную одежду, кон Мук устало сел на кровать. Каждый день уносил частицу прежнего деятельно и властного Ведущего. Только Свершение, одно только Свершение могло всколыхнуть гаснущие силы, и Мук принимал напиток. Но все ближе подступал час ухода с Дороги. Кто заменит его на высоком посту? Для себя он уже давно решил этот вопрос. Если бы уйти прямо сейчас? Кто посмеет противиться его воле! Нет Ведущего равного Ропуру. Но кон Мук не мог заставить себя уйти и знал, что не сделает этого до конца. Как все-таки сильна в грассианах вера в Свершение!

Мук уже лежал, когда мягко звякнул колокольчик звона. Вырванный из дремоты, он не поверил своим ушам. За все время жизни во Дворце его будили только раз — после катастрофы в Россе. Тогда он лично руководил спасательными работами. Это было давно, а сейчас, что может старик, которому так хочется спать?

— Пусть это мне снится,— пожелал Мук и плотнее вжался в подушку. Хитрость не удалась — колокольчик зазвенел. Мук не выдержал и нажал кнопку. В комнату ворвался звучный и такой еще молодой голос Ропура:

— Ведущий, я прошу немедленно меня принять!

— Но я уже сплю. Неужели нельзя подождать до утра?

— Ведущий, я немедленно прошу принять меня и еще одного кона с конной.

Если кого и любил Мук, так это Ведущего Ропура.

— Какой прием? — спросил Мук с надеждой. Ему не хотелось облачатся в парадную мантию и тащиться в пустой Зал.

— Без записи.

Ответ обрадовал Ведущего. Как заботлив к старому человеку Ропур! Не подобострастен, как многие, а по-сыновнему заботлив!

Одеваясь, кон Мук вспомнил, что он как-никак Главный Ведущий. Чему он обрадовался? Или действительно впадает в детство? Он недовольным голосом приказал допустить пришедших.

Кон ученый сразу понравился Муку. Сам маленького

роста, он питал уважение к высоким людям. Даже поднятое над всеми остальными кресло Ведущего во главе стола Совета не избавляло его от этого чувства. Но окончательно примирила Мука с ночным визитом конна Мина. Она смотрела на него с детским обожанием, и Ведущий менялся на глазах. В голосе его зазвучал металл. Это не помешало ему невзначай подвинуть бокал ненавистной орры поближе к Ропуру. Ропур, сев, немедленно ухватился за него. Села и Мина, но увидев, что Фиер остался стоять, вскопчила и спряталась за его спиной.

— Что привело кона-ученого ко мне в столь поздний час?

Фиер открыл рот, собираясь разразиться речью, но, спохватившись, поздоровался.

— Ровной Дороги,— доброжелательно ответил Мук.

— Дело в том, Ведущий,— тихо начал Фиер,— дело в том, что Дара не существует!

Дорога. 2191 год Откровения. За 11 лет до Свершения. РЕАНДА

— Дело в том, Учитель, что Дара не существует.— Кон Мал долго собирался с духом прежде, чем выговорил эти слова. Чем благожелательней смотрел на него кон Аман, тем неуверенней чувствовал себя Мал. Когда слова были произнесены, он сжался в кресле, ожидая чего угодно — грома, молний из-под свода, проклятий и гнева Учителя и даже страшных подземелий храма, о которых шепотом поговаривали. Там, в вечной тьме, сырости и безмолвии, стеная, проходили Дорогу неведомые узники — насильственная смерть запрещена «Заветами». И Учителя и Совет опровергали эти слухи, но они не стихали.

Кон Аман молчал. Когда Мал, ободренный тишиной, поднял глаза, перед ним сидел другой, старый человек. И голос его звучал словно издалика.

— Теперь многие не верят, брат. И кому, как не мне, Учителю, это знать. Но не для этого же сообщения вы пришли ко мне, брат?

— Многие не верят, а я знаю.

— Что можем мы знать? Век проходит за веком — знаем. История поколений, записанная в книгах, — тоже знаем. И более древняя — в преданиях и легендах. А что было до того, кто знает? И что будет после — кто? Вы читали «Заветы», брат?

— Я преклоняюсь перед ними, Учитель.

— Вы зовете меня «Учитель», потому что это мой официальный титул. Но для многих миллионов я действительно Учитель. Утешитель несчастного народа Грассы.

— Несчастливого?

— Да. Из века в век, из поколения в поколение грассиане ждут Свершения. Если бы не это... Вы можете представить нашу планету без Дара?

Мал содрогнулся, представив миллионы верующих, лишенных веры.

— Я приехал сюда не как ученый, но как Идущий. Есть Дар или нет, это в конце концов не так уж важно. Вера давно стала сводом жизненных правил, сделавших нас такими, какие мы есть.

Кон Аман престоерегающе поднял руку, но кон Мал продолжал:

— Не будем спорить о вере, Учитель. Или, если хотите, поспорим потом. Существует опасность страшнее отрицания Дара, и эту опасность породил я сам.

Голос кона Амана стал еще более мягким, а взгляд — проникновенным.

— С нами милость Ура, брат. Не мне, 326 Учителю, сомневаться в возвращении Дара, но если даже предположить... Многие ли поймут ваши доказательства, многие ли отдадут надежду? Змей Рука живет в каждом из нас. Только надежда смиряет его ко благу Грассы...

— Да, кон Учитель, только надежда. Вы правы, Идущие не отдадут его просто так, даже если им доказать. Но можно подарить другую надежду.

— Заменяв веру знанием? До сих пор знание противоречило вере.

— Наука не противоречила «Заветам», пока они соприкасались в одной-единственной, непринципиальной частности.

Кон Аман удивился своему долготерпению. Он неоднократно вел диспуты с учеными на глазах неофитов — это укрепляло веру. Но выслушивать подобные кощунства наедине! Ради чего? Частность, которой тысячетиями живет и дышит планета!

— Да, Учитель, простите, частности. Мы превратили планету в цветущий сад. Мы почти победили болезни. Что по сравнению с этим продолжительность жизни? Какое значение имеет Дар?

— Утрата Дара тем трагичнее, чем легче жить!

— Согласен. И наука делает все, чтобы вернуть

Дар. Наши цели не расходятся, различны лишь методы.

— У нас нет методов. У нас есть вера.

— У нас тоже! — воскликнул Мал. — Но только у нас вера в силу науки, а у вас — в силу ожидания.

— Вера есть вера, во что бы ни верили. А вот в то, что вы сможете вернуть Дар, я, например, не верю. И большинство Грассы не верит, к вашему счастью.

— К счастью? — изумился кон Мал.

— Конечно. — Кон Аман говорил все так же мягко. Контрастом прозвучал за стеной раскат грома — началась благодетельная гроза сезона цветения. — Вы слышите голос? Я знаю, это атмосферное явление, но и голос Рука. Не знаю, почему подобные мысли уживаются в голове Идушего, не понимаю, почему они уживаются во мне. Может быть, потому, что нужно твердо знать виновника исчезновения Дара. А представьте, кон, что будет, если голос Рука останется только громом?

— Ничего. Для меня это всегда атмосферное явление.

— И все же. Дар был?

— Это не противоречит научным данным.

— Но если не Рук повинен в исчезновении Дара, то кто же? Тысячелетия живет Грасса верой в возвращение Дара. Рук — легенда, но что мы знаем о древних? Может, был какой-нибудь Рук, и, может быть, он сделал что-нибудь такое, отчего пропал Дар. А вот если Рука не было, а Дар все же существовал, тогда любой спросит — кто же в этом виноват? И тогда я, 326 Учитель на Дороге, ему отвечу!

На последних словах кон Аман разительно переменялся. Он встал, голос его загремел. Малу показалось, что Учитель вырос по меньшей мере вдвое и нависал над ним, как стена храма.

— Кто же виноват? — прошептал он, глубже уходя в кресло. — Кто?

— Вы, ученые!

— Вы так ответите?

— Да.

В комнате повисла зыбкая, пропитанная страхом тишина. Аман сам содрогнулся, представив себе неуправляемую ярость миллионов грассиан. С высоты своего величия он глянул на съежившегося в кресле ученого и устыдился. Велика ли победа?

— Простите, кон-ученый, я не хотел вас пугать.

— Я испугался не вас, Учитель. Я испугался слепой силы, которая за вами.

Аман хотел возразить, что сила слепа без руководства, но промолчал. До сих пор грассиане шли за ним, но когда-нибудь...

— И все же, зачем вы пришли, брат? Какие еще западни роет наука Идущим? Где готовится новая Росса?

Кон Мал молчал, ему было обидно. Он долго решался на эту поездку, а его пугают! Пусть он маленький, пусть у него вечно торчат волосы, но он тоже может напугать. Мал начал издаലെка:

— Что такое смерть, Учитель?

Кон Аман удивился. Смотри ты! Только что потрясенный и раздавленный, он уже вопросы задает! Прямо не кон, а надувной монтик из детства — чем сильнее стукнешь об землю, тем выше подскочит.

— Ну... Отсутствие жизни, небытие, прекращение жизненных процессов.

— Да, конечно. И еще козни Рука!..— Кон-ученый наглед на глазах.— Но если у вас отрезало ногу, вы еще живы?

— Да.

— А две ноги, а руки? А внутренние органы, кое-что мы уже можем заменять.

— Да, да, я все еще живой.

— А голову, Учитель?

Аман принял игру всерьез:

— Теперь я умер.

— Почему же?

— Я перестал ощущать мир. Чувствовать, думать.— Аман отвечал медленно, наощупь.

— Тогда кто же вы? Тело, комплекс ощущений, сознание?

— Все вместе, кон-ученый.

— Нет. Или — или. Ведь может быть «или-или»?

Кон Аман вдруг вспомнил. 324 Учитель приехал в школу неофитов и посередине проповеди упал. Перед тем, как увезти, каталку доставили в зал, и все они, ошеломленные, плачущие, проходили перед его взором. Он, Аман, остановился и долго вглядывался в невозможно неподвижное лицо Учителя. Его толкали, пытались сдвинуть с места, потом обходили. А он все стоял, ощущая дыхание смерти, стоял до тех пор, пока не встретился с Учителем глазами. О, сколько в них было энергии! Они жили, и не просто жили, а словно вобрали всю ушедшую из тела жизненную силу.

— Сознание,— твердо ответил Аман.— Без всякого «или» — сознание.

— Тогда допустим, что Дара не существует.— Теперь уже Мал предостерегающе поднял руку.— А наука в состоянии сохранить или тело или сознание. Что?

— Сознание. Тело — это не главное «я». Сознание.

— А если не сохранить, а воспроизвести? Вы живой и рядом он — живой. Точно как вы: внешность, привычки, взгляды, вкусы — копия.

— А я?

— А вы сойдете с Дороги в свое время. Останется он — вы, останется ваше сознание.

— Поделенное на двоих?

— Нет, умноженное. Одиножды один — один!

Аман представил свою точную копию. Но ведь ему дорого именно это сознание, заключенное в это тело! А копия? Она думает так же, знает то же, чувствует, как он. Как же он может уйти и остаться? Значит, я, кон Аман I сойду с Дороги, а он, кон Аман II, что тогда?.. Тогда он до конца осознает себя мной. Значит?..

— Это не совсем Дар. Но...

— Это совсем не тот Дар! И главное, он отменит веру, Учитель!

— А вы действительно это можете? — Кон Аман сбрасывал оцепенение...

— Да, к сожалению, кон Учитель.

— И много могущих?

— Главных двое. Я и мой ученик. Я — у вас. Ученик — у Ведущих.

Теперь кон Аман окончательно пришел в себя. Маленький ученый зывал к «заветам», но Учитель не был бы Учителем, опираясь только на них. Как ни прочны сейфы Ведущего, кон Аман читал Кина и еще кое-что. То, что вырисовывалось, было страшнее угроз вере. Кон Аман знал, что вера не боится угроз.

— Спасибо, брат. Да будет тебе посохом Болла сознание своей правоты,— заговорил кон Аман мягко и проникновенно.— Не надо беспокоиться. Ты передал дело надежным рукам, миллионам рук! Жди и верь. Когда-нибудь мы заключим в колонну в центре Храма и эту мантию, спасающую Дорогу.

Кон Аман преклонил колени и как святыню поцеловал тяжелую, отливающую фиолетовым ткань. Потрясенный и восхищенный Мал попятился, потом повернулся и бросился бежать. Кон Аман не стал его задер-

живать. Он сел и погрузился в раздумье — у него уже был план.

Дорога. 2192 год Откровения. За 11 лет до Свершения. ОРТА (окончание)

Фиер закончил. В комнате повисло молчание, взгляды двух ведущих скрестились на Мине. Словно поднятая этими взглядами, она выпрямилась, встала, придерживая живот.

Кон Мук облизнул губы.

— Там Он? — спросил хрипло.

— Там я, — звонко ответил Фиер.

— А если девочка?

— Тогда Мина.

Ропур уже справился с первым впечатлением и мысленно разработал начальный план. Все остальное — потом. Но если дойдет до дела, у него уже есть план.

Этим Ропур и брал в Совете. Кто знает, не был ли он по сути Главным? Однако, ни сам Ропур, ни кто-либо из Ведущих близкой истории не стоял перед решением такой значимости. Да и в далекой истории тоже. Разве что Болл! Ропуру стало жарко, он исподлобья бросил взгляд на остальных. «Провозвестник Ропур», а?

Но тут он, словно впервые, увидел Мука. Еще задавая свой первый вопрос, Ведущий Мук встал и прохаживался по комнате, меняясь на глазах. Ропур привык к старому, очень старому, быстро устающему, скорому на обиды по пустякам, по-детски подсовывающему ему свою орру человеку. Но такого Главного Ведущего Ропур еще не знал. О Главном Ведущем ходили легенды, Ропур иногда верил им, чаще — нет. И вот перед ним истинный Ведущий, вождь! Не дрожь, а нервная чуткость была в его руках, не лысина, а огромный череп бросался в глаза. Как Ропур мог не заметить пламени, полыхающего во всевидящих зрачках? Когда Мук заговорил, Ропур невольно склонил голову.

— Кон Ведущий! Завтра утром, нет, уже сегодня, вы представите мне первый план Свершения. Кон Фиер, вы останетесь при мне. До конца. Конна Мина, вам отводится левое крыло Дворца. Вы теперь сокровище Грассы!

Фиер дернулся было, но главный Ведущий бросил такой взгляд, что ученого словно вбило в пол. Взгляд Мука смягчился, и он ласково полюбнял Фиера. Ропур

заметил, что Ведущему для этого не пришлось привстать на цыпочки.

— Так надо, кон,— сказал Мук,— и благодарная Грасса воздвигнет вам памятники. А самый большой я лично открою перед Храмом в Реанде.

Кона Ропура буквально несло по коридорам Дворца. Он приспособил к быстрому шагу строки из «Плача»:

Но было завещано Уром,
Но было обещано миру
И стало нетленной верой,

И «Плач» приобрел характер танца. Бездумно повторяемые строчки заглушали сомнения...

Рай-на-задворках. 2276 год по земному летоисчислению.

ГОРОД

*Из дневника Сержа Арно
(катушка III, реконструкция)*

А мы так и не дали ему названия. Другие города получили имена. Этот останется «городом», потому что он первый, если его не назовут «Арно» — посмертно. Хороший юмор? А что еще делать? Покинул боевой пост — раз, уехал без ведома Координатора — два, уехал в одиночку — три. Это не считая мелочей — угона «Тигра», похищения скафандра особой защиты и блокировки остаточной памяти выходного шлюза. Достаточно, чтобы не выпускать меня до конца рейса, а в первом же порту солнечной системы списать к черту с космофлота, без права ступить на борт любого космического объекта, будь то хоть околотемный дом отдыха. И я не знаю, зачем мне понадобилась эта поездка? Кто бы глянул: в мирном краю, среди цветов и плодов, медленно, как бы ощупью идет «Тигр» — черная бесшумная полусфера ни на что здесь непохожая, ни для чего ненужная.

Когда на площади открылся люк в подземелье, меня охватил страх. Люди уже забыли это чувство. Я падал на вертоплане в ущелье Джок-Суу, падал долго и только у самой земли успел запустить винт. Было страшновато, но по-настоящему бояться было некогда, хватало хлопот с двигателем. И на Лане-II, во время неожиданного извержения грязевого вулкана, тоже больше заботило, успеет или не успеет спасательный бот. Но когда я увидел ярко

освещенную белую лестницу; достаточно широкую, чтобы проехал мой «Тигр»...

Там, внизу, таилось неведомое, грозное, опасность, перед которой может быть бессильна даже боевая машина. Единственное объяснение тому, что я не сообщил о находке, — уверенность, что только сам должен спуститься по этой лестнице и там, внизу, что-то узнать. Что?.. Последние полчаса перед выездом прошли просто чертовски скверно. Отлично сознаю, я был обязан доложить обо всем или хотя бы посоветоваться со Стен. Именно со Стен!.. Если молодой и здоровый космомеханик, чемпион Академии по подводным гонкам, выдержавший все психотесты по категории I, пугается белой лестницы, — это дело психолога. В первые дни старта Стен часто спрашивала меня о самочувствии, просто беседовала о том, о сем. Но сейчас я уверен в праве самому разобраться в этой чертовщине!

А что если здесь остались живые? Может быть, в ином качестве, в виде электромагнитных полей или психополя, недавно открытого на Земле? А что если они вступили со мной в контакт и управляют мной как машиной? Много я тогда смогу сделать своим «Тигром»... Нет, я командир боевых машин исследовательского космолета «Алена», я выполняю свой долг.

Анализаторы успокаивающе помаргивают зеленым. Сегодня Город еще пустынее. В эфире шорох атмосферных помех: волна «Алены» заблокирована, там уже наверняка меня ищут. Комаров бесится, Чандр мычит в борду... Ничего, я принесу результат, а потом пусть наказывают. Главное — уйти в подземелье до того, как они запустят зонд. Иначе через час здесь будет половина экипажа во главе с координатором. Я обязан проникнуть сюда первым.

«Тигр» соскальзывает на один пролет вниз и замирает. Ширину лестницы я переоценил. Машина только-только не цепляется силовыми колпаками за стены, и мне приходится покинуть ее через нижний люк.

Если что-нибудь случится, я постараюсь успеть надиктовать свое завещание конструкторам Луандского завода поисковой техники — хотя бы раз в год вытаскивать полевой генератор через нижний люк. А надзор за этим поручу отделу разведки Совета космонавтики. Особенно авторам 35-го пункта Полевого устава: «В машине, находящейся под силовым колпаком, полевой генератор вынимается через нижний люк». Вынимается!..

К счастью, на «Алене» собрались сплошь оптимисты, не верящие в плохое. Анализатор засек поисковый луч зонда, когда «Тигр» опустился еще на три пролета. Включаю генератор. Счастливо, ребята, ждите меня у собора!

Рай-на-задворках. ДОЛИНА ЭДЕМ

Именно для таких неслыханных на космофлоте ситуаций и придумана должность главного координатора. Мрачная морщина на лбу Стаса Комарова не разгладилась, а стала еще глубже. Комарова терзало упущенное время — у Арно оказался час форы, и все по его, Станислава, вине. Вечером Комаров несколько раз заходил в каюту Арно, но хозяина не застал, а разыскивать механика по кораблю — дело бесполезное. Только механик знает все закутки и закоулки машинной части, все самоуправляющиеся двери, люки и переборки. Среди космолетчиков ходила байка о исчезнувшем младшем механике-стажере в рейсе то ли на Коулдер, то ли на Ворму. После долгих поисков его сочли провалившимся в шахту главного двигателя и символически похоронили по возвращении. А через год, невероятно худой, обросший и оборванный, он появился из кухонного люка для отходов, до смерти перепугав судовых поваров. Говорят, главный повар запустил в высунувшуюся из люка голову кастрюлей и ворвался к капитану с воплем: «Я всегда говорил, что готовить на корабле должны машины!» Оказалось, стажера захлопнуло в крохотном отсеке, примыкавшем к трубе, по которой остатки с кухни поступали в устройство, готовящее компост для оранжереи. Стажер сумел пряжкой ремня отковырять лючок и сносно питаться, пока ему не удалось проделать той же пряжкой в толстом специальном пластике дыру и пролезть по трубе более пятидесяти метров.

Попав на космолет, Станислав не поленился отыскать этот отсек — он действительно существовал.

Но механик — не стажер, и утром, обнаружив, что Арно нет, Комаров поднял тревогу. Через десять минут ему доложили об отсутствии «Тигра» и об исчезновении скафандра особой защиты. Станислав распалил себя до такой степени, что уже всерьез подумывал приспособить куда-нибудь решетки и сделать тюремную камеру: но тут появились Чандр и Варнис. В отличие от Чандра, индий-

ца по происхождению и северянина по характеру, Варнис имел внешность прибалта и вулканический южный темперамент. Он не говорил, а тараторил, не двигался, а метался. Шутили, что первую ученую степень он получил, потому что оппоненты не успевали понять его ответов на их вопросы, а вторую — загипнотизировав ученый совет стремительными перемещениями перед демонстрационной доской. Варнис был среднего роста и телосложения, но через несколько минут разговора начинало казаться, что руки и ноги у него вдвое длиннее положенного. Комаров только удивлялся, как Варнис мог себя смирять и садиться за стол, — сто публикаций, среди которых учебник космической психологии.

Варнис и Чандр не вошли, а ворвались, причем Чандр на полшага впереди. С первых же их слов Комаров понял: ему остается только добровольно сложить с себя полномочия координатора и капитана, а в первом же земном порту попроситься в операторы уличных уборочных машин, причем по возможности туда, где не встречаются пешеходы. Ведь Арно с ним первым поделился воспоминаниями об отце! Наслушавшись баек о бывших ассах-косморазведчиках, он не придал значения словам механика. А ведь должен был!

В изложении Варниса версия выглядела так. Планета не была такой безопасной, какой казалась. На ней существовали некие факторы, вызывающие психические расстройства. Факторы сохранялись в организме длительное время и передавались по наследству, хотя в полной мере действовали только на родной планете. Это объясняет странности Арно-отца. У него, как у косморазведчика, было сильно чутье на опасность. Именно поэтому он не хотел детей, именно это объясняет его отношения с сыном. И не зря Петр Арно боялся! Что-то, дремлющее на Земле, пробудилось в его сыне здесь. Даже больше. Он, Варнис, подозревает, что именно этот неизвестный фактор повинен в массовой гибели жителей планеты! Во всяком случае, связь между попыткой замолчать открытие «Рая», жизнью Арно-старшего на Земле, его нежеланием, чтобы сын летел сюда, и поступком Сержа вырисовывалась определенно. Через психотесты авантюристу в космос не прорваться, а он, Варнис, действительный член Академии Космоса, лично принимал участие в отборе экипажа! При этом Варнис горделиво выпятил грудь и на секунду замолк, дав возможность высказаться и Чандру.

До этого биолог только вздергивал брови и терзал

бороду так, словно хотел ее оторвать. Из промежутка между носом и грудью, скрытой под буйной растительностью, вылетало какое-то бурчание, но все покрывалось скороговоркой Варниса.

Чандр был несогласен с Варнисом по многим пунктам. Поведение Сержа Арно до этого случая не содержало особых отклонений от нормы. Если неизвестно, откуда ожидать опасность, нужно подмечать все необычное, не так ли? Он, Чандр, категорически отвергает мысли о вирусах, микробах и тому подобном, опираясь на тщательное исследование планеты в целом и учитывая меры защиты в частности. Вместе с тем, он и группа биологов, им возглавляемых, пришли к выводам о серьезных нарушениях генетических структур местных жителей, происшедших за несколько поколений до гибели населения планеты. Хотя им не удалось установить, каким фактором или факторами это вызвано, в качестве рабочей гипотезы можно принять отсутствие этого фактора сейчас, но возможное его наличие во время прилета Петра Арно, не имевшего таких мер защиты, которые возможны сейчас. Лично он, Чандр, и руководимая им группа биологов считают вероятным генетическое поражение организма Сержа Арно, поскольку именно генетические поражения могут проявляться на определенных стадиях жизни и совершенно не выявляться ранее.

Все это Станислав понимал с пятого на десятое, поскольку Чандр, кроме нечеткой дикции и загадочных терминов, употреблял то латынь, то хинди. Варнис на удивление кротко выслушал тираду биолога, но на последних словах с воплем: «Чушь!» выскочил из комнаты. Вернулся он с портретом Петра Арно и набросился на Чандра с такой экспрессией, словно хотел стукнуть им Чандра по голове.

Все это чушь, кричал он. Причем чушь собачья. Внешне генетические поражения, отмеченные уважаемым Чандром и его уважаемой бандой, выражаются в необычном сходстве нескольких поколений родственников. Если Петр Арно подцепил эту болезнь, то Петр Арно должен быть похож на Сержа, или, скорее, Серж на него. Но достаточно посмотреть на стереопортрет этого длиннолицего, длинноносого и черноволосого человека и сравнить с румяным блондином — механиком, как сразу станет ясно, что механик удался, как говорится «ни в мать, ни в отца, а в пролетного молодца!», что Варнис подтвержда-

ет, поскольку хорошо знал мать механика. Методы же психотестов безупречны.

Чандр с удовольствием подставлял лицо струям воздуха от портрета, которым все это время размахивал Варнис, и бурчал, что сходство может оказаться и необязательным фактором. Станислав воспользовался совпавшим у обоих ученых вздохом и прервал дискуссию:

— Зонд сообщил, что следы «Тигра» обрываются на площади у собора, но «Тигра» там нет.

— Что значит «нет»? — перестал размахивать портретом Варнис.— Улетел в космос?

— Скорее, провалился под землю. Посередине площади образовался провал, ранее не отмеченный.

— Это какой же должен быть провал, чтобы «Тигр» не смог вылезти или хотя бы дать знать о себе? — усомнился Варнис.— На испытаниях он по стенке выходил из Большого Каньона и связывался со спутником со дна Мариинской впадины.

— Все возможно,— заметил Чандр,— если того захочет водитель.

Три боевые машины под главенством Комарова выскочили на площадь. Лестница мирно сияла белым светом, но вход оказался перекрыт силовым полем. За его невидимой стеной мирно поблескивал стандартный полевой генератор. Теоретически батарей хватало на сорок суток. Оставив у входа две машины, Станислав помчался обратно. На этот раз «мозговой штурм» объявил он.

Дорога. 2191 год Откровения. За 11 лет до Свершения. ОРТА

Совет, созданный Муком, закончился необычно быстро. Ведущие покорно выслушали лаконичные и непрерываемые приказы. Следствием этого была целая цепь действий. В частности, остановка и спешное переоборудование шести заводов в разных частях Грассы, начавшееся одновременно во всех городах строительство зданий неизвестного назначения и ряд других мероприятий.

Дорога. 2191 год Откровения. За 11 лет до Свершения. РЕАНДА

День прошел как обычно. Правда, кон Аман не показался неофитам, но это бывало и прежде. Вечером Учи-

тель долго совещался с генеральным Смотрителем Дороги коном Мортотом, а на утро во все концы Грассы отпраздничали служители храма. И в тот же день и далее каждый день во всех храмах Учения, от крупных городов до крохотных поселений, Учителя начали отбор самых преданных и самых фанатичных Идущих.

Часть II

Дорога. 2204 год Откровения. 1 год Свершения. ОРТА

Торжественная мелодия «Плача» с утра гремела над площадью у Дворца Совета. Со всех концов Города сюда стягивались жители столицы. На площади уже скопились десятки тысяч грассиан, но все новые и новые толпы выходили из прилегающих улиц и переулков. Многие стояли на площади с рассвета. По старой полузабытой традиции наиболее важные решения Совета объявлялись с балкона Дворца. Во всех домах Грассы стояли информеры, и Ведущий мог обратиться непосредственно к каждому, но было в этой отживающей традиции что-то, что не позволяло ей уйти совсем.

Кон Ропур наблюдал за толпой в шелку портьеры, и по спине его пробегал озноб. Главный Ведущий все же решился! В этом была немалая заслуга, Ропура, его бесила осторожность кона Мука, подготавливавшего переход методично, медленно и осторожно. В Совете царили разброд и шатания. Кон Аман с гвардией Идущих выросал в серьезную опасность. Он усиленно вовлекал в свои ряды новых и новых фанатиков. Чем дольше молчал Совет, тем больше грассиане прислушивались к Учителю. Все чаще и сильнее обрушивался он на науку. Стройные ряды неофитов с «посохами Болла» и знаком Дороги — двумя параллельными прямыми на рукавах — маршировали из города в город. Мрачным ужасом веяло от вида одинаковых рядов с неразличимыми лицами, глухо гудящих «Песнь неофита»:

Ни страшному черному Руку,
Ни страшному черному змею
Не спрятать навеки Свершенья,
Не спрятать, не спрятать навек!
И если вдруг сдвинутся скалы,
И если не станет Дороги,

Мы снова Дорогу проложим
По нашим, по нашим телам!

Кон Мук один не чувствовал угрозы. Он был неутомим. По всей Грассе выростали научные центры, во главе которых вставали сотрудники из бывшей группы Мала. Среди народа ползли слухи один страшнее другого, и новые сотни вливались в ряды неофитов. Кон Ропур упорно твердил о необходимости объявить, наконец, Грассе близкое Свершение, но Ведущие были напуганы. Многие столетия Грасса жила Дорогой, многие столетия Свершение мыслилось далекой мечтой... Только он, кон Ропур, и главный Ведущий бестрепетно смотрели в грядущее, но и они разошлись в понимании очередности неотложных задач. Воля и энергия кона Мука полностью подавили Совет. Главный Ведущий объявил, что откроет грассианам все, только когда планета будет готова к Свершению, и Совет безропотно принял это, оставив Ропура в одиночестве. А ведь именно на его, Ропура, плечи упало строительство. И если бы не случай в IV центре...

Колонна неофитов, движущаяся мимо него, была остановлена двумя юными учеными. Один из них начал рассказывать о могуществе науки и близком Свершении. Утомленные долгим путем и монотонно распеваемой песней, неофиты слушали, пока один из них вдруг не закричал: «Змей, черный змей Рука!» Все произошло настолько быстро, что второй ученый не успел ничего понять. Взметнулись посохи, и колонна прошла по говорившему. Впервые за многие столетия на Дорогу пришла насильственная смерть. Ужаснувшись, неофиты разбежались — самое удивительное, что ни одного из них не удалось найти! Весть об убийстве повергла было кона Мука в глубокую растерянность, но она быстро прошла. Мук приказал объявить о своем выступлении перед народом и исчез из Дворца. Как наутро узнал Ропур, Главный Ведущий вернулся с группой ученых и разместил их в правом крыле Дворца. Утром же в правое крыло стали поступать ящики с оборудованием. Сам кон Мук приказал вызвать кона Амана, заперся в личных апартаментах, запретил себя беспокоить и отключил связь.

Кон Ропур волновался. Площадь заполнилась до отказа и пора было начинать, но никто не осмеливался потревожить Главного. Наконец, двери распахнулись, и по длинному коридору к балкону пошел Мук.

Кон Ропур замер. По коридору шел не старец, хотя и

обретший последнее время энергию,— по коридору торжественно шествовал одетый в парадную мантию, рассыпающий золотые блики живой Болл! Кон Ропур услышал, как приветственным тысячеголосым воплем взорвалась площадь, а потом застыла и перестала дышать. С этого мига кон Ропур ничего не видел вокруг, только слышал звучный, глубокий голос Ведущего:

— Ровной Дороги, братья! Ровной Дороги, говорю я вам! Ровной Дороги тебе, юный Идущий, вступающий на тысячелетний путь грассиан! Ровной Дороги тебе, конна, бережно несущая жизнь среди скал и ущелий Рука! Ровной Дороги и тебе, сходящий с пути, так и не увидевший Свершения! Ровной, ровной Дороги вам всем! Изю дня в день, из века в век спокойного, верного движения к далекой цели — Ровной Дороги!

Но что видим мы, братья, оглянувшись? Кости. Страшные груды костей — вот наш единственный след, вот наш прощальный Дар Дороге, начало которой затерялось в легендах, а конец все так же далек. Посохом Болла клянусь, говорим мы,— посохом мудрого Болла, узнавшего тайну Свершенья. И там, где земли он коснулся, стало начало Дороги. Но где этот след? В вечном смятении и в вечном ожидании конца — это ли твой путь, грассианин? Не ведаем мы причины утраты Дара, не ведаем, только верим. Верим и уходим. Это ли путь твой, грассианин? Да, братья, да. Это наш путь, и каждый из живущих до нас прошел его, и каждого будущего ждет он, и нет нам иного.

Верьте, говорят нам Учителя,— и многие верят. Верьте, говорят ученые,— и верят те, кто не верят Учителям. Ибо нет грассианина, не верящего в возвращение Дара.

Помни о Даре Бессмертья, живущий недолго,

Смерти беги, отвращая лицо от кошмара.

Нам возвещали, что Дар вновь вернется — надейся!..

— А-о-ой,— ритуальным воплем откликнулась площадь, но неуверенно и смятенно. Голос конна Мука упал почти до шепота требующего и умоляющего:

— Да, вечная жизнь! Завещанная и предсказанная. Вечная жизнь, говорите вы? Вечная смерть — вот она, вечная жизнь!

Кон Ропур услышал тысячеустый вздох и наступившую тишину. Эта тишина грозила взрывом, способным разнести не только Дворец и даже не только Орту. Эта тишина могла разнести всю Грассу.

Кон Ропур сделал шаг вперед, но Ведущий возвысил голос:

— Да! Ты, юная конна, не уступишь места своему ребенку, а он своему. Через сколько поколений на Грассе не хватит места твоим потомкам? Ты, добрый кон, встречающий людей напитком орры, через сколько поколений вырубят орру, потому что ей негде будет расти? Не будет полей, не будет лесов, не будет морей. Только мы, бессмертные и несчастные, задыхаясь и проклиная детей, собственных детей, будем толкать их локтями на вытоптанной, страшной земле! Это ли Дар, братья?

Потрясенный Ропур услышал, как на площади раздались истерические вскрики. Какая-то конна с воплем упала на ступеньки Дворца. Ему самому захотелось упасть и заплакать. Мук заговорил еще громче:

— Нет, конечно же, нет! Не мог светоносный Ур пожелать такой судьбы своему народу. Нам, только нам завещан Дар, мы, только мы будем жить вечно, на вечно юной Грассе. И зелень ее лесов — для нас, и синь ее морей — для нас, и ясность неба, и чернота ночи, и ласковое дыхание ветра — для нас, для нас, для нас! Этого мы хотим?

— Да, да, хотим, — прокатилось по площади.

— Это завещал Болл-провозвестник?

— Да, да, верим! — бесновалась толпа.

Кон Мук попятился и выставил вперед руки, словно прикрываясь ими от толпы.

— Убийцы! — закричал он. — Убийцы все вы! Убийцы всех еще не рожденных, убийцы всех еще не зачатых. Это ли Дар твой, о Ур светоносный? Страшной ценою, убийством других поколений, можно ль платить за бессмертье?

На площади творилось нечто невообразимое. Нет на Грассе веры, сильнее веры в Дар, и нет проклятья, сильнее проклятья «убийца!». Кон Ропур закрыл глаза.

«Зачем, зачем он так? — вертелось в голове вместе с обрывками каких-то древних текстов. — Зачем?»

А Ведущий молчал, словно нагнетая отчаяние.

— Что же нам делать, братья? — наконец заговорил он просто, будто размышляя вслух. И, наверное, не было на Грассе человека, ни здесь, на площади, ни у экранов информеров, не потянувшегося к нему, спокойному, знающему, что делать.

— Отвергнуть ли Дар, как наследье коварного Рука? Нет. Потому, что единым мы живы. Значит, принять по

завету учения Болла? Нет, потому что бессмертие — гибель планеты. Только скажите, бессмертна ли наша природа? День умирает, но завтра приходит с рассветом. Дождь высыхает и вновь собирается в тучах, лист опадает, чтоб вырос такой же. Природа бессмертна! Вот в чем разгадка учения Болла. Вспомните, братья, что дети не просто потомки. В них мы частицей идем по Дороге вторично. Тайна же Дара в подобьи. И пусть невозможно бессмертье без смерти. Вновь возродиться — как день, как листва, как вода. Снова и снова, и так бесконечно рождая не просто подобье, а возрождаясь и вновь повторяя себя!

Оттого, что ритм речи Ведущего был ритмом сказаний, слова воспринимались легко, и Ропур чувствовал, как растерянность и тоска заменяются уверенностью. В голосе Мука нарастало ликование:

— Болл завещал, и наука раскрыла завесу. Здравствуй, Свершенье, пришедшее ныне на Грассу. Вечна Дорога и вечно на ней возрожденье. Дар возвратился, прими те его, грассиане! Ровной Дороги, бессмертные ныне...

Кон Ропур попятился по коридору. Он знал, что теперь начнется главное, а центры еще не в силах перестроить каждого. Но ликование площади было таким бурным, что он пятился, смешно подпрыгивая, готовый запеть во все горло и обнять любого.

Дорога. 2204 год Откровения. 1 год Свершения.

РЕАНДА

Уход был замыслен давно. И не его, кона Амана, в том вина. Это Морт, Смотритель Морт подсказал идею отбора неофитов, марширующих ныне по дорогам Грассы. Он, Аман, посохом Болла может поклясться, что только черные козны Рука виной происходящему. Ведущие первыми свернули с Дороги! Все больше людей выстраивается в очереди у центров. Черная печать ложится на их лица! Но целые колонны неофитов двигались к центрам, плечом к плечу, и уже не могли остановиться, если кто-нибудь вставал на пути. Кон Аман поднял глаза к куполу храма. Слабым светом сияла колонна с посохом Болла. Разве он, Учитель, первым сказал: «Убьем!»? Насильственная смерть запретна, но ведь Ур убил змея! А эти очереди у центров разве не туловище змея, а распахнутые ворота — не его пасть? Как, как это могло случиться? Но не ему, кону Аману, приводить в мир смерть.

Он должен уйти и увести верных с собой. Увести и тем остановить движение колонн.

Кон Аман почувствовал облегчение. С каждым новым известием о чьей-то гибели он все сильнее ощущал вину и все активней подгонял тысячи строящихся убежища Идущих. Уже немного оставалось до дня, когда они сольются в единую по всей Грассе сеть.

Нет, не во тьму уведет он верных, не в холод подземных тупиков. Тьма и холод придут на Грассу из проклятых центров, ибо ложен их путь. Кон Аман снова вспомнил последнюю встречу с Муком.

Его машина не могла пробиться ко Дворцу. Ведущий уже ушел с балкона, а жаждущие хотя бы из вторых уст услышать его речь продолжали стекаться к площади. Зловещим предзнаменованием показалось Амону остановленная толпой колонна Идущих. Остановленная не собственной волей, а волей толпы! Давно уже пути Учителя и Ведущего не пересекались. Вся Грасса была Идущей — им нечего было делить. И только здесь, у площади, Аман понял, насколько велик раскол. Ему рассказывали о слабости Ведущего, его постепенном отходе от дел, и кон Аман с удовольствием ощущал свое сильное и полное энергии тело. Но то, что он увидел, поразило Учителя больше ликующей на улицах Орты толпы. Не сгорбленного старца увидел он, а энергичного, властного Ведущего.

— Ровной Дороги тебе, Учитель!

Нет, он, кон Аман, не собирался сдаваться. Долг Учителя повелевал Аманою.

— Какой Дороги, Ведущий? Отныне их две! Дороги Ура или Дороги Рука желаешь ты мне?

Не ответить на приветствие — оскорбить. Аманоу ли этого не знать?

— Не забывайте, кон! Дело Учителя — учить, дело Ведущего — вести Грассу!

— Но туда, куда учат вести. — За Аманою невидимо стояли колонны Идущих. — А чему должно учить идущих не туда?

К удивлению кона Амано, Мук жестом посадил его в низкое кресло и протянул несколько листов бумаги. Кон Аман с первого взгляда узнал текст.

— Он не сделал открытия, этот Кин, — промолвил Аман и с удовольствием увидел, как поползли вверх брови Мука. — Среди сказаний есть и об этом...

— Я не знаю такого сказания.

— Есть, но не для всех.

— Вы знаете, что физическое бессмертие — гибель?
Аман кивнул.

— Знаете, и возводите храмы? Знаете — и отправляете колонны неофитов? Знаете — и поете «Плач»?

На каждый вопрос Ведущего Аман кивал. Предшественник, как величайшую тайну Учения, передал ему «Сказание Змея». Кон Аман не раз мысленно спорил с мрачными строфами, гласящими, что именно Рук спас Грассу, похитив Дар.

— Но зачем?

— А любите ли вы Грассу? Таковую, какая она есть, — прекрасную, ласковую? А любите ли вы грассиан — единых и доброжелательных? И что стало бы со всем этим без веры в Дорогу? Единоы идущие к общей цели и разбредутся просто живущие. Разве вы хотите принести на Грассу вражду? Вера только выражает себя в обрядах, только формирует себя в сказаниях. Суть веры в ином. Веками народ вырабатывал правила совместной жизни, и за спокойствием наших домов, тишиной наших улиц нет ничего, кроме общего движения к общей цели. Общего и равного. Уберите это единственное, кон, и вы увидите, как рухнет порядок.

В глазах Мука появилось изумление:

— Клянусь посохом Болла, Учитель. Да верите ли вы в Свершение?

Кону Аману не хотелось отвечать. Он и сам задавал себе этот вопрос. Он верил, как верят родители, что их дети, а скорее, даже внуки, будут жить лучше. Но кон Аман не сомневался, что лично ему Свершения не увидеть.

— Вы Учитель, за вами идут эти несчастные. Куда вы их ведете?

— Я, конечно, верю в Свершение...

— Нет, кон Аман, вы не верите! Это я верю, хотя должны были бы вы! Ученых все больше, а, значит, все больше сомнений. До каких пор вы надеетесь поддерживать порядок обманом? И кто, наконец, вам сказал, что грассиане откажутся от правил совместного бытия? Почему вы так не верите своему народу? Потому, что Свершение пришло помимо Учения?

— Не помимо. Вопреки.

— Но разве не вековую мечту я осуществляю? Где в Учении сказано, что бессмертным становится именно этот организм? В каком возрасте? Стареет ли бессмертный?

И до каких пор? Нет ответа, а значит, не в этом дело. Разве вечное возрождение — не бессмертие?

Кон Аман чувствовал, как в нем нарастает желание увидеть себя — второго, молодого, полного сил. Увидеть и испугаться. Собственно, он уже испугался.

— Суть движения в движении! То, что вы делаете — остановка. Остановка, а потом застой. Застой, а потом — умирание. Это вы понимаете? — И радостно вздрогнул, увидев, как сразу постарело лицо Ведущего.

— Да,— медленно сказал Мук,— я думал об этом. Опасность велика, но только опасность. И я не могу лишить народ Грассы исполнения вековой мечты. Не могу сам и не позволю никому.

Последнюю фразу Мук уже отчеканил. Аман понял, что разговор окончен, и, медленно встав, направился к двери.

— Остановите колонны, Учитель, иначе это сделаю я,— лягнуло ему в спину.

У порога кон Аман обернулся.

— Я не остановлю колонны, Ведущий. Я уведу их за собой.

Рай-на-задворках. 2276 год по земному летоисчислению.

ПОДЗЕМЕЛЬЕ

Из дневника Сержа Арно

(катушка III)

У предков существовал обычай закапывать умерших в землю. Это место называлось «кладбище». Я не видел его снаружи на Земле, здесь увидел изнутри. Они были так похожи на нас! Туннелю нет конца, вправо и влево уходят ответвления и везде скелеты, скелеты, скелеты. Похоже, здесь размещался целый город: масса комнат и залов — жилых и мастерских. Не тут ли сокрыта тайна гибели жителей? Почему они ушли в подземелья? Странная уверенность в том, что какое-то открытие здесь могу сделать только я, не покидает меня. Остатки занавеса чуть шевелятся — дует ветер. Интересно — это работает вентиляция или подземелье имеет второй выход? Что еще? Скелеты, скелеты... Страшна эта бесконечная дорога и груды костей. Прямо мороз по коже. В скафандре особой защиты я неуязвим, даже оживи они все разом. Я могу взорвать этот туннель со всем содержимым, — а все же мороз по коже. Что могло уничтожить тысячи жизней?

Комнаты отходят от тоннеля во все стороны. Жилые помещения отделяются от него занавесями, обрывки их еще висят. Комнаты обставлены мебелью, покрытой пушистой зеленой плесенью. Вот здесь, очевидно, жила семья — два больших скелета и два маленьких. Нет, это не семья. Семью я видел наверху, на этой планете дети неразличимо походили на родителей. А здесь даже без реконструкции останков видно, что маленькие черепа иной формы. А почему так перемешаны кости? Так перемешаны...

Есть же в конце концов предел!.. Это не инопланетные чудовища и не стихия. Это не следствия силового удара, перемешавшего кости. Это мать упала и накрыла собой детей! Что же здесь было? Пусто. Если бы не ощущение, что я иду правильно, хоть поворачивай назад. Должен же быть конец у этого туннеля? Там что-то наверняка узнается. Включаю двигатель, назад не оглядываюсь, только представляю, как реактивная струя с ревом разметаёт в стороны кости. Простите, мне необходимо вперед. Неожиданно туннель раздваивается. Я едва успеваю погасить скорость и на мгновение слепну: плотным облаком повисает пыль. Сонар четко обрисовывает впереди стену, направо и налево — проходы. Пыль медленно садится, открывая стену с уже знакомым знаком — двумя параллельными прямыми. Они здесь повсюду. Наконец открываются оба прохода. Они абсолютно одинаковые, однако идти надо в правый.

Откуда я знаю, что идти надо в правый? Я пришел сюда по своей воле, двигаюсь по своей воле и вполне могу туда не идти. Почему бы не свернуть налево? Но надо идти вправо. И я иду направо. Лампы в проходе тускло освещают потолок. Включаю головной прожектор. В его свете туннель становится еще более жутким. Он уже центрального, но так же уходит вдаль. На полу толстым слоем лежит пыль. На пыли... не может быть!

Я спокоен, спокоен, спокоен... Я защищен, за моей спиной мощь космолета. «Тигр» на связи и будет через несколько минут. Я не сделал зла этой планете. Я спокоен. Чему удивляться? Обычная цепочка следов, цепочка с характерным узором подошвы скафандра. Пыль лежит плотно, края следов оплыли давно. Много лет назад на планете был только один землянин. Отец?..

**Рай-на-задворках. 2276 год по земному летоисчислению.
ДОЛИНА ЭДЕМ**

Все-таки великое дело, когда есть координатор! Через полчаса универсальная спасательная машина неслась к Городу. Собрав людей и объявив уже готовое решение, Стас обрадованно вздохнул: не поступило ни одного возражения. Он перестал улыбаться, когда дело дошло до записи добровольцев. По мнению Комарова, с этой задачей справились бы и разведчики, но Стас поддался на уговоры Светланы Стен. Стройная зеленоглазая руководительница психологов действовала на него особенно сильно. Станислав объяснял это ее зелеными глазами: в древности они считались признаком ведьмы. А ведьмы были прирожденными психологами. Глаза Светланы на пол-лица, в сочетании с копной рыжих волос, действовала неотразимо. Она быстро доказала ему, что экипаж уже звереет от сидения на корабле и участие в спасательной экспедиции не только даст возможность обойти запрет «Быка», но и сплотит коллектив. Вызвались все, и Станиславу пришлось выслушать столько уговоров и самовосхвалений, что он поневоле вспомнил такую функцию ведьм, как внесение раздора. В порядке мести он отклонил кандидатуру Светланы.

В Городе дело пошло не так быстро. Универсальная машина долго топталась вокруг провала, производя глубинную съемку. Перекрытия частично поглощали импульсы, и снимки выходили мутными. Наконец установили, что силовая пробка занимает все пространство туннеля вплоть до первых зданий на поверхности. Это означало, что придется снести по крайней мере один дом, а повреждать искусственные объекты категорически запрещалось инструкцией. Будь точно известно, что Арно под угрозой, Комаров не сомневался бы. Однако этого известно не было, провал мирно сиял огнями. И Серж, очевидно, не ждал опасности, поскольку покинул «Тигр». Но с другой стороны — ждал, поскольку взял скафандр особой защиты. Силовая пробка свидетельствовала... О чем? То, что до сих пор на планете не отмечено ни одного опасного фактора, говорило само за себя, и поэтому закрытый вход не давал Комарову покоя. Если будет разрушено здание, а механик выйдет как ни в чем не бывало, придется отвечать. Ну а если нет? Опасная штука — гипноз безопасности. Да если есть хоть один процент, что Сержу угрожает опасность, о чем можно думать? Стас отдал

команду, и все дружно ринулись в первый от провала дом: вынести все, что можно, а остальное зафотографировать. Сам координатор взгромоздился на купол боевой машины и отсюда наблюдал за поднимающейся суетой. Одетые в легкие скафандры члены спасательной экспедиции двигались быстро, и скоро к машине вереницей потянулись самоходные тележки.

Вывозить пришлось недолго. Это оказался странный дом, состоящий из крохотных комнаток-пеналов с однообразной обстановкой. Кресло, маленький столик грибовидной формы — вот и все. На столе или на полу валялись серые кубики из пористого, мягкого материала. Даже скелетов почти не было.

Станислав проводил взглядом последнюю тележку и приготовился дать команду на излучатель, но в наушники ударил крик — у штабеля столов и кресел медленно падала фигура в скафандре. Комарову бросился в глаза даже не человек, а выпадающий из его руки серый кубик. Станислав кубарем скатился с машины и побежал на площадь. На полпути его догнала ослепительная вспышка. Оператор самостоятельно дал залп. Гигантский смерч света вспыхнул на месте здания, резко высветил лежавшего, застывших вокруг и откатившийся кубик.

Зеленый шеврон на левой стороне скафандра упавшего светился — жив. Пока Станислав радовался, пострадавшего уже понесли. По дороге кто-то задел ногой валяющийся серый кубик и ничего не произошло. Тем не менее все кубики манипуляторами перенесли в отдельный транспортник. Один из врачей, сопровождавших группу, тихо развернул вездеход с кубиками, и они унеслись к «Алене». После пережитого страха Комаров зашептал: планета, наконец, показала когти.

Универсальная машина издали походила на гибрид слона и жирафа. Она закинула назад длинную решетчатую ферму, из прямоугольной башни показалась кишка гидравлической лопаты. Изгибаясь, она быстро гребла оплавленную землю и резко дергалась, отбрасывая ее. Через двадцать минут в глубоком котловане заблестело дно — покрытие туннеля. Машина еще потопталась вокруг, расширяя площадку, и втянула гидравлику. Дрогнула земля — короткими ударами лазера машина пробивала отверстия в перекрытии по периметру котлована. Пробив последнее, она затихла. В одно из отверстий спустили световод: под этим местом не было ни Сержа, ни каких-либо предметов. Бур снова вытянул гидравли-

ческую лапу и нанес удар по перекрытию. Свод обломился и кусок, площадью метров в десять, рухнул внутрь. К отверстию ринулись все. Станиславу пришлось прикрикнуть. Наконец первая поисковая группа скрылась в проходе, операторы разошлись по своим местам, остальные расселись вокруг котлована. Станислав снова взгрозился на купол машины, хотя понимал, что скорее получит информацию по связи, чем что-либо увидит. Он не сводил глаз с котлована и потому не сразу заметил одиноко идущую через площадь фигуру в скафандре особой защиты. А заметив — не узнал. Его только возмутило, что кто-то прогуливается. Комаров уже собирался рывкнуть на подходящего, но тот опередил:

— Привет, координатор. Вы не меня случайно ищете?

Дорога. 31 год Свершения. ОРТА

Главный Ведущий кон Ропур никак не мог заснуть. Сегодняшний день выдался тяжелым. С утра ему пришлось лететь в Реанду на открытие памятника Фиеру. Не там, ох, не там они его поставили! Если бы не конна Мина, он бы никогда не разрешил установку памятника на месте проклятого входа. Такие уж времена, что Грассой правят не Ведущие, а конна Мина, «Шагнувшая первой», чуть ли прямой потомок Болла. Да и ее власть только днем. А по ночам — неофиты Амана. Как все-таки несправедливо! Ведущий Мук, сын Болла, первым разглядевший возвращенный Дар, сошел с Дороги, так и не оставив себя-второго, а этот дряхлый старик, Аман, еще сидит где-то под Реандой и властвует. Впрочем, слава Уру. Было бы хуже, возглавь неофитов Морт. Этот не ограничился бы ночными бродягами. Радостно ли Уру видеть планету расколотой на дневных и ночных грассиан? О Болл-провозвестник, что тебя ждет, Грасса? Нет, сегодня кону Ропуру уже не заснуть.

Он нажал кнопку и заказал двойную орру. Змей с ним, с Аманом и его слепцами. Есть вещи поважнее. Когда-то, на заре Свершения, Мук привез во Дворец группу ученых и с тех пор никто из Ведущих, кроме Главного, не переступал порога отведенных им помещений. Когда Совет единогласно избрал его, Ропура, новым Главным, первым шагом было объявление Мука сыном Болла, а потом он пошел к этим ученым. Вечная Дорога, все Ропур мог предположить, только не это! Есть же свя-

тые запреты. Веками сохранялась неприкосновенность жизни, а эти выдумывали смерть! Ропур слушал объяснения, и у него подкашивались ноги. Если бы не вера в Мука! И все же Ропур запретил создание способного принести смерть, распустил конов-ученых и почувствовал облегчение. Только одно из придуманного ими он приказал оставить. Вот этот серый кубик. К счастью, он не предназначен обрывать жизнь, он дает только сон. Так убеждал себя Ропур, хотя знал, что из этого сна человек не выйдет без другого кубика — белого и постепенно умрет от истощения. Вот он, чуть поблескивает на столике в изголовье, но все же это не орудие убийства! Долгие годы, до гибели Фиера, Ропур собирался выкинуть и кубик и самую память о нем. Какой страшный миг пережила Грасса!

Все произошло в Реанде, напротив Храма. Фиера узнавали, где бы он ни появился, и всегда сбегалась толпа. Ведущий Мук, опасаясь, что неопиты могут его оскорбить, запрещал ему это, но Фиер и простым ученым не любил подчиняться, а уж теперь! Он снова и снова разъяснял грассианам сущность Дара. А зачем он стал спиной ко входу в подземелье?

Жители Реанды особенно восторженно встречали кона Фиера. Может быть, потому, что Город слыл центром Учения? Кон Ропур в тот раз сопровождал Фиера и видел все. Колонна неопитов вошла в толпу, как нож в созревшую мякоть орры. Плотнo сомкнувшись плечами, тесно прижавшись задние к передним, они шли как одно огромное неторопливое тело. Тело кого? Уж не Змея ли? И толпа расступалась, пропуская их. Но Фиер не захотел уступить. Верил ли он, что сила его правды способна превозмочь слепой фанатизм? Ему, кону Ропуру, и в голову не пришло мешать колонне. По негласному договору Мука с Аманом, власти не препятствовали неопитам, ведь они просто шли, и все...

Фиер вытянул руки:

— Стойте! Во имя Дороги, стойте!

И тогда из первой шеренги выскочил тот — вертлявый, маленький, сгорбленный. Кону Ропуру долго снилось его лицо с выкаченными глазами и разинутым в крике ртом:

— Нам ли бояться рождения Змея?

— Посохом Болла исчадие Рука! — четко откликнулись неопиты.

— Ляжем на скалы, над пропастью ляжем!

— Будет Дорога, где нету дорог! — ответила колонна, качнувшись вперед. Ее громовой голос заглушили слова Фиера, и Ропур видел, как Фиер пятился ко входу и кричал, вскидывая руки. Еще он видел, как, сделав очередной шаг назад, Фиер сорвался и покатился вниз по лестнице, странно и неестественно размахивая руками и ногами, ударяясь ими и головой о крутые ступеньки. Внизу Фиер замер, невероятно вывернутый, поломанный, как выброшенная кукла. Колонна спустилась по лестнице, неразборчиво и грозно гудя «Песнь неофита».

Когда Ропур сообщил эту страшную новость Муку, у главного Ведущего был очередной приступ. В такие минуты кон Мук словно уходил с Дороги. Он неподвижно смотрел вперед, не реагируя ни на что. Но когда приступ проходил, оказывалось, что он все слышал и с прежней энергией принимался за дело.

— Фиер убит,— закричал Ропур с порога. Старик, неподвижно, как статуя, сидевший в кресле, задвигался. Его лицо перекосилось, руки задергались, изо рта вырывались невнятные звуки. Ропур наблюдал за этой борьбой Ведущего и болезни, incapable двинуться с места. Мук победил.

— Где убит, кем, когда?

Ропур рассказал до того места, когда Фиер стал падать вниз по лестнице. Мук, не дослушав, выбежал из кабинета, Ропур бросился за ним. Они пронеслись по длинной анфиладе залов и оказались перед запертой дверью левого крыла. Здесь Мук остановился, постоял, словно на что-то решаясь, бросился назад. По дороге он приказал приготовить свой стратолет.

За время полета главный Ведущий остыл и ко входу в подземелье они прибыли с подобающей торжественностью. Им пришлось ждать, пока дежуривший у входа неофит вызывал Амана. Подземная жизнь почти не сказалась на Учителе, разве что он был несколько бледнее обычного, но от этого только сильнее светились его глаза.

— Я слушаю тебя, Ведущий,— Аман поднялся до половины лестницы и стал там, глядя снизу вверх.

— Что с Фиером?

— Кон Фиер сошел с Дороги.

— Кон Фиер убит неофитами!

— Справедливая кара Ура постигла обманывающего Грассу.

— Что может оправдать насильственную смерть, Аман? И что говорят «Заветы»?

Ответ дался Аману нелегко:

— Ур поразил Змея... Змей угрожал Дару.

До сих пор Ропур не видел Мука в таком бешенстве.

— А кто еще угрожает Дару, Аман? Ведущие? Вы осмеливаетесь грозить?

Кон Аман промолчал. Он склонил голову, и Ропур не мог видеть его глаз. Ропур до сих пор спрашивал себя, что же было в его глазах? Голос Мука звенел:

— Я, Главный Ведущий, взял под свою ответственность путь Грассы! И никому не позволю мешать на этом пути. Отныне и навсегда я прерываю отношения Грассы с подземельями. Все входы будут заблокированы. Продукты будут доставляться. Выход неофитов — запрещаю!

Вот теперь Аман поднял голову. Ропур содрогнулся — такая ярость и торжество горели в глазах Учителя.

— Неофиты больше не выйдут, Ведущий! Они сделали свое дело. Теперь колонны уйдут. Мы сами блокируем входы, пусть смерть останется наверху. Нет больше Дороги под солнцем. А мы подождем.

Он сдержал слово. Баррикады у входов в подземелья не были особо прочны, но неофиты не выходили. Раз в десять дней ко входам доставляли продукты, Идущие заносили их, и все замирало. А потом умер Мук, Ропура избрали Главным. Планета процветала, и все реже Ропур думал о сидящем в подземелье мрачном старике, ожидающем гибели Вечных.

Дорога. 2234 год Откровения. РЕАНДА

Кон Морт мрачно шагал по комнате из угла в угол, делая резкие повороты. Гладкое покрытие пола слабо взвизгивало, что доставляло ему мимолетное удовольствие. Весь остальной путь он ненавидел. Ненавидел эту комнату с высокими, не в пример другим помещениям, потолками и ее искусственный свет, ненавидел самый воздух подземелья. Постоянно вентилируемые коридоры все равно отдавали сыростью и затхлостью. Он ночами просыпался от этого запаха! Иногда Морт выходил на поверхность, но в кольце баррикад чувствовал себя по-прежнему под землей. Если бы не этот выживший из ума старик! Ему уже давно полагалось сойти с Дороги, а он все плелся, загораживая путь другим. Вид неохраемых баррикад вызывал у Морта ярость до галлюцинаций. Как наяву, он видел разорванные, разбросанные валы и уxo-

дящие вдаль колонны неофитов. Но что мог Генеральный Смотритель Дороги противопоставить вдохновенному слову Учителя? А разве Аман построил эти подземелья? Осветил, обогрел? Разве Аман провел транспорт, пустил заводы? Уже дают плоды подземные плантации орры, даже курорты на огромном подземном море уже принимают Идущих, даже кроткие монты бегают по переходам... И все он, Морт, не спавший, не евший, не пивший... Но Смотрителя только приветствуют: «Ровной Дороги!», а перед Учителем склоняются до земли. Может, оттого, что Морт говорит о деле, а Аман — о мечте? Если бы не слова Амана, неофиты давно бы вышли из подземелий. И выйдут, вольются в ряды Вечных — это если без Амана. Или вернут Грассу на Дорогу — с Мортом. И так будет, будет, будет!

Вчера Аману стало плохо, несмотря на все усилия конов-ученых. Мало этих конов в подземельях, да и неофиты настроены к ним недружелюбно. Но он, кон Морт, знает, что делает. У него тоже есть многочисленные, но удобные центры. Пока для ученых не так уж много работы, но она будет, клянусь посохом Болла, будет!

Морт остановился. Тихо. У Рука были молнии, Морт видел, как молния разломала скалу. Ученые создадут Морту молнии. Подобно гневу Ура выйдут на поверхность неофиты, как только Аман сойдет с Дороги. Но когда же он сойдет?

Погруженный в размышления, Морт не сразу заметил вошедшего, а заметив — отвернулся: вдруг неофит понял, о чем он думал?

— Кон Морт, тебя зовет Учитель!

Сердце Морта сбилось и пропустило такт — раз зовет, значит, жив.

Аман лежал один. Его комната ничем не отличалась от тысяч других в туннелях по всей Грассе.

Морт привык к этой комнате, но сейчас заново поразился. Вот Учитель, за которым идут сотни тысяч. Вот он, «голос Ура», повергающий толпу в трепет, вызывающий слезы горя и восторга. Вот он лежит в полутьме подземелья, которое создал сам. На простом ложе, среди сиротской простоты лежит один.

Увидев Морта, Аман с усилием приподнялся, но голос его был все тот же, прежний:

— Смотритель Морт, я призвал вас, чтобы поведать последнюю волю.

«Если последнюю, значит, уже не волю», — подумал Морт, но почтительно склонил голову.

— Когда с Дороги сходит Идущий, он думает, что до Свершенья остался один шаг. Это горькая мысль. Но когда с Дороги сходит Учитель, он думает о другом. Учитель думает, правильно ли он учил? Справедливо ли, кон Морт, что я ухожу с Дороги, так и не увидев Дара? Справедливо ли, что Идущие продолжают путь, открытый мной, без меня?

— Не вы первый, Учитель, не вы последний.

— Если бы! Не заблуждайся. Я не 326 Учитель, я первый на новой Дороге. Я расколол Грассу и увел Идущих в подземелье! Разве можно придти к Дару в темноте подземелья, Смотритель?

— Дар найдет верных и во тьме!

— Нет, не будет благословения Ура в этих стенах, — голос Амана слабел. Он уже не приказывал, а жаловался и просил:

— Неужели я ошибся, кон? Неужели я увел Идущих в царство Рука? Разве нельзя было остаться наверху?

— Мало бы тогда нашлось верных, Учитель. Велика сила центров.

— Сильнее веры? А может, мы проглядели Дар?

Аман упорно ловил взгляд Морта. Смотритель отводил глаза, но все же не выдержал, их взгляды встретились, и Аман понял все. И опять Морт поразился происшедшей с Учителем перемене. В голосе Амана зазвучала сила:

— Генеральный Смотритель, кон Морт! Пригласите конов-ученых и Учителей. Я хочу обратиться к Идущим с последним словом.

Морту понадобилось страшное усилие, чтобы не броситься выполнять. Он остался на месте и покачал головой.

— Как вы смеете, кон? — Аман приподнялся на кровати, почти встал и вдруг, вскрикнув, повалился навзничь. Его сухие пальцы царапнули стену. Кон Морт подождал еще несколько минут, отдал телу Учителя ритуальный поклон и повернулся к выходу. С зеркальной стены на него глянул высокий, с длинными руками и ногами, пожилой человек с глубоко сидящими глазами, острым подбородком и тонкими губами.

— 327 Учитель, кон Морт, — сказал он себе и поклонился отражению. — Нет, первый Учитель Морт, который вернет Грассу на Дорогу!

Сейчас на него обрушится лавина дел, и он знает, что за чем последует. Главное и первое — кон Мал. Мал выпустил на Грассу лже-дар, и его долг перед Дорогой велик. Именно от этого маленького и невзрачного Идущего, возможно, зависит, когда выйдут из подземелий неофиты. Уже не с посохами Болла, а с молниями Ура! Ура... или Рука?

— Неважно, — решил кон Морт, шагнув через порог.

Рай-на-задворках. ДОЛИНА ЭДЕМ

Переводы машина закончила к ужину. Каждый желающий мог получить любой из полутора тысяч переведенных текстов.

«Мертвые заговорили!» — думал Стас. Чем больше он вчитывался в мерные строки сказаний и скороговорку чего-то вроде древних земных газет, тем труднее ему становилось. Местные жители были чрезвычайно, непозволительно похожи на землян! Они так же любили и ссорились, мечтали и работали, как предки Станислава, как он сам. Точно так же они боялись смерти и мечтали о долгой жизни. Но в текстах не было главного — причин таинственной гибели населения. Подстегиваемый надеждой обнаружить хотя бы намек, Стас просматривал один кадр за другим. Увлеченный, он забыл и запертого в каюте Арно, и серый кубик, и даже новый план исследований, которым с утра огорошила его Светлана Стен.

Комаров перешелкивал кадры, и чем дальше, вместе со всей Грассой, уходил по Дороге, тем явственней понимал, что разгадку уже проглядел. Поздним вечером, совершенно обалдевший, он наконец выключил экран и уныло пропел на мотив старинного земного похоронного марша: «А-о-ой, я отстал, потерялся...» Запрашивать информацию по кубик у или что-нибудь решать с Сержем было уже поздно.

«Утро вечера мудренее», — подумалось ему. Но не тут было. В каюту ввалились Варнис, Чандр, Стен и Белов.

Когда все удобно расселись и были готовы к обмену мнениями, Комаров обнаружил, что ему сесть некуда. В креслах у стола расположились Варнис и Чандр. Стен сидела прямо на столе, а Белов занял Стасово место за столом. Самому же Комарову как гостеприимному хозяину пришлось просто прислониться к стене.

«Алена», новейший исследовательский космолет, в смысле быта ничем не отличался от предыдущих серий. Конструкторы совершили невозможное. Почти не увеличивая объема корабля, они вдвое подняли дальность полета и на треть расширили лаборатории, сделав это единственно возможным путем — за счет жилых помещений. Была, правда, попытка уменьшить спортивный зал, сад и бассейн, но психологи с биологами подняли такой крик, что руководитель конструкторов добровольно возглавил отдел беспилотных грузовозов.

Неожиданно, как для Комарова, так и для себя, первым заговорил Белов. Разведчик был краток: команда разведчиков полностью поддерживает Светлану Стен. После этого исчерпывающего заявления гигант умолк, глядя в спину психолога такими кроткими глазами, что Стас возмутился. А заметив, какой, хотя и мимолетной, улыбкой одарила Белова Светлана, возмутился еще больше и представил слово не ей, а Варнису. Отчасти это был вынужденный акт. Мало кому удавалось не дать слово Варнису, если тот хотел его взять. По мере того, как он говорил, все бесконечные Руки, Уры, змеи, Боллы вкупе с кубиками и Дорогой четко выстраивались в логичную и стройную систему. Информацию Варнис разделил на две группы, определив первую, как: «Что мы знаем?»

Оказалось, знали они немало.

— Итак, — говорил Варнис, — планета была населена человекочрезвычайноподобными (Светлана облизнулась, словно попробовала новое слово на вкус). Второе. Они вымерли в невероятно короткий срок, исключая естественные причины. Третье — вымерли от чего-то, действующего только на человекочрезвычайноподобных, ибо в остальном биосфера процветает, включая млекопитающих, некоторые представители которых уже бесконтрольно бегают по кораблю. Присутствия вторжения извне нет, если не считать следов единичной посадки. Очевидно, это следы косморазведчика Петра Арно.

При этом Варнис с яростью посмотрел в бороду Чандра, а тот успокаивающе ею подвигал.

— Итак, очевидно, причина гибели населения находится на самой планете. Но болезнетворных вирусов, микробов, бактерий в активном или латентном состоянии не обнаружено, как и оружия, не считая лазера, обретенного одним разведчиком и подобранного другим.

(Варнис метнул молнию взгляда в Белова, и хотя она завязла где-то в районе солнечного сплетения Стен, прикрывающей Белова, Стас почувствовал себя отомщенным: Белов густо покраснел).

Правда, продолжал Варнис, еще неясно, можно ли считать оружием серый кубик, с которым так неосторожно поступил один из подчиненных уважаемого товарища Белова. Очевидно, требует предварительного уточнения вопрос, что именно считать оружием. Ибо, при определенных условиях, как оружие годится стол, стул или даже взгляд товарища Стен, которую он, Варнис, глубоко уважает.

При этом выпад Чандр зашевелился и прогудел что-то запутавшееся в бороде, но понято Варнисом.

— Конечно, если усыпленного с помощью кубика нельзя своевременно пробудить и он умрет, то, с этой точки зрения, кубик, несомненно, оружие. С другой стороны, цивилизация, достигшая такого уровня, в состоянии изобрести и что-то более эффективное — достаточно вспомнить Землю. Что не позволило грассианам обзавестись оружием? Религия. Один из главных ее принципов — насильственная смерть запретна. Вместе с тем подобная смерть произошла, причем глобально. Далее — известны еще два факта. Первый — несколько поколений назад грассиане перешли на новый способ размножения.

Светлана фыркнула.

— Что вы имеете в виду? — спросил Станислав официальным тоном, но тут же раскаялся. Варнис дотошно объяснил, что способ размножения грассиан не отличался от земного и привел к таким же результатам. Но с некоторых пор результаты изменились, что дает право предполагать изменение и самого способа. Пока он это говорил, Белов краснел, а Стен улыбалась. Варнис сердито взглянул на Светлану, но вдруг, поперхнувшись, умолк. Психолог была одета в короткую яркую тунику и расположилась на столе так, что ее загорелые колени оказались почти на уровне лица почтенного члена Мирового контрольного Совета. Неожиданно Варнис закричал, что здесь нет мужчин и женщин, а просто люди собрались обсудить несколько проблем... хотя никто его в этом не разубеждал. Потом наступила пауза, в которую вклинился Чандр.

Он, Чандр, не будет утомлять коллег рассказом о том, каким именно путем они пришли к своим выводам, — по-

следовал полупоклон присутствующим. Важно следующее. Часть населения планеты, а именно, те, которые жили на поверхности, каким-то, еще не вполне понятным образом, перестроили свою генетическую структуру. В результате дети стали отличаться от родителей не более, чем однайцевые близнецы друг от друга, создавая непрерывную линию идентичных особей — клоны. Так продолжалось три-четыре поколения и завершилось вымиранием всего населения. Наиболее вероятным фактором, вызвавшим массовую гибель, является источник какого-то шокового излучения, срабатывающий от простого нажима, — пресловутый «серый кубик». Далее Чандр обстоятельно объяснил, что вывести из подобного шокового состояния сравнительно несложно, если есть кому это делать. Лично он, Чандр, видит в этой гипотезе недостаток — ненахождение излучателей типа «серый кубик», способных одновременно воздействовать на большие массы жителей планеты. Пока Чандр обстоятельно проговаривал свои периоды, психолог ерзала по столу и, наконец, улучив паузу, ворвалась в нее с напором боевой машины.

— Поиски больших излучателей, — заявила она, — дело второстепенное. Гораздо важнее характеристики излучения, которыми занимается профессор Дженсон. Но что бы он ни открыл, это не будет иметь никакого значения.

После этих слов взгляд Белова стал восхищенным, а Варнис и Чандр возмутились. Светлана спокойно продолжала. Она кратко воздала должное усилиям всех групп, отметив, что пока это — здание без фундамента. Главное — понять причины следующего. Первое — разделение Грассы на под- и надземных жителей; второе — что заставило грассиан изменить основному принципу религии; третье — почему, как показывает расположение останков всех подземных и части надземных жителей, смерть застала врасплох? И, наконец, последнее. Поведение Сержа Арно.

— Как психолог я утверждаю, что он абсолютно нормален. Никаких отклонений. Но его поступки выходят далеко за рамки естественных. Причины этого Арно не может или не хочет объяснить. Если не может, то его дальнейшее поведение непредсказуемо. Возможно, существует некий фактор, воздействующий только на него одного. С точки зрения психологии это может быть вероятным, а подробный ответ — дело биологов. Во всяком случае, я прошу

оставить Сержа под моим наблюдением и настаиваю на безусловном запрете ему выходить на поверхность. Я лично не вижу принципиальной разницы между угоном боевой машины и угоном всего космолета, поэтому еще раз настаиваю на тщательном наблюдении за ним и изоляции механика от экипажа.

— То есть как — изоляции? — поразился Стас, забыв, что сам приказал Арно не выходить из каюты.

— Изолировать, — подтвердила Стен. — Засадить, законопатить. И пускать к нему только биологов и психологов. Пока мы не знаем причин, заставляющих его странно действовать, — лишить его такой возможности вообще. Если Арно начнет странно действовать в машинном отделении — можете представить эффект!

Комарову предложение главы психологов понравилось. У Стаса тоже не укладывалось в голове, как, из каких побуждений Серж Арно мог такое вытворить?

Чандр неожиданно четко заявил, что биологи полностью согласны с уважаемой Стен. Лично он, Чандр, тоже склоняется к мысли о влиянии планеты на организм Арно. До сих пор это влияние проявлялось негативно, но не исключено дальнейшее его усиление. Он не берется судить насколько оно может отразиться на вверенных попечению Арно механизмах, оно может негативно отразиться на нем самом.

— Очевидно, мы единодушны? — подытожил Стас.

— Нет, — сказал Варнис. — Я против.

— Вы отрицаете возможность потенциальной опасности?

— Нет.

— Тогда, — сказал Стас, — мы принимаем предложение Светланы Стен. — Напоминаю, что по инструкции член Совета на корабле подчиняется...

— Нет, — сказал Варнис и полез в нагрудный карман. — Нет!

Пораженный Стас увидел жетон «Высших полномочий». На занятиях по космическому праву им говорили о существовании этого жетона, делающего человека полным хозяином экспедиции, могущим отменить любые правила и инструкции. Но чтобы Совет выдал такой жетон, требовались обстоятельства поистине экстраординарные. Все как зачарованные усталились на мерно качающийся на цепочке жетон.

— Нет, — сказал Варнис. — Серж Арно будет жить, как жил, и работать, как работал.

Рай-на-задворках.

Из дневника Сержа Арно (катушка III; реконструкция)

...и для чего. Комаров со мной почти не говорил, просто приказал сидеть в каюте. Понятно, космоса мне больше не видать. Но меня это как-то не волнует. Есть вещи посерьезней. Что же я все-таки отвечу Комарову, Варнису, Стен?..

Просчитал алгоритм действий при аварии с первого по шестой блок, не заглядывая в справочник, — сходится. Профессионально я по-прежнему главный механик. Вспомнил тропинки около дома, лица друзей по школе, картины матери. Я тот же Серж Арно. А если я — Серж Арно, то обязательно должен понять, зачем меня туда понесло, почему именно меня и что я выяснил. Особенно — это. Я сделал нечто важное, чего-то добился, что-то узнал. Теперь бы знать, что именно. Тогда я перестану бояться встречи с экипажем.

Следы в туннеле вели прямо. Стоило преодолевать необозримые расстояния, чтобы идти по следам отца. Я всю дорогу до самой двери ярче всего вспоминал его глаза, когда он узнал о моем поступлении в школу космонавтов.

За каждой занавесью, в каждом переходе наверняка таились загадки. Загадки и ответы. А я шел вперед, значит, ждал чего-то более важного? Хотел понять отца? Узнать что-то о себе? Скорее так — понять и себя, и отца. Была подспудная уверенность, что, именно идя по следам отца, я узнаю что-то важное о себе.

...Итак, дверь. Длительное время туннель медленно, но неуклонно вел вверх и окончился дверью. Перед нею — площадка. Много следов — отец искал запор. Я тоже его искал, стараясь не наступать на следы. Провозился довольно долго, но нашел. Открыл, переступил высокий порог и оказался в пещере. Пещера, скорее, зал в скале — высокий, значительно выше туннелей. Слабый свет из довольно широкой щели напротив двери — очевидно, выход на поверхность. Абсолютная пустота, только пыль. Я распахнул дверь до упора и увидел картины! Почти все стены покрыты росписью. Роспись старая, с трещинами, кое-где выпали кусочки. Я это уже видел на картинах мамы — тревожные краски, тщательная отделка деталей — рук, например, а вся фигура как бы в дымке. Картины тянутся лентой по периметру пещеры, переходя одна в другую. Да это же пиктография! Несомненно. Обхожу зал с крепнувшей уверенностью, что нашел то, что искал, хотя еще не знаю, что. Наконец соображаю, что надо все это зафиксировать

и разобраться на корабле. Мешает пыль. Я толкаю пошире дверь, но она вдруг с грохотом захлопывается... От сотрясения?.. Хотя какое сотрясение в скале? Роспись покрывается сеткой трещин и медленно, потом быстрее, оползает вниз. Под ней серая, монотонная поверхность скалы.

Я бросаюсь к стене и вижу: по всему периметру у стен лежит ровный валик пыли. Не обломков, не крошек — пыли. Ошеломленный, я добираюсь до щели, вглядываюсь и... замираю. Какой отсюда открывается удивительный вид на Город с высоты птичьего полета! Он такой зеленый и радостный, что на минуту забываю и о погибших картинах, и о том, что Город мертв. Видны мельчайшие детали, вплоть до шевеления людей на площади у собора. Сразу вспоминаю про Комарова и мой «Тигр», протискиваюсь в щель, иду по еле видной тропинке вниз и все думаю — почему я не испытываю угрызений совести? Я доволен, я увидел то, зачем шел.

А, собственно, что я успел запомнить на пропавших картинах?.. Первое — длинная колонна на горной дороге. Дорога теряется в пространстве. Над колонной — лицо. Взор отрешенный, лицо аскета, худое, смуглое. Дальше — расходящиеся колонны: одна по-прежнему на дороге, другая куда-то в скалы. Там что-то таилось, вроде динозавра, но очень размытое, скорее, общие очертания. А потом четко — здание под колпаком (по-видимому, силовым) — удивительная прорисовка деталей, множество входящих и выходящих фигурок. Входящие — разные, выходящие — одинаковые. Над ними нависает серый куб, скорее, даже падает. Именно падает — ощущение колоссальной тяжести, которая все раздавит. Еще... Одна из последних картин. Группа зданий, перечеркнутых жирным косым крестом. Входящие не похожи на прежних — они разнятся в росте, толщине, даже конечностей у них разное количество. Хотя почему конечностей? Рук и ног?.. В общем, это несомненно люди, хотя и странные, кое-кто даже с рогами. У всех в руках геометрические фигуры из тонких палочек с утолщениями-звездочками, похожие на ожерелья или четки. Это входящие. А выходящие? Выходящие, несомненно, жители планеты. Одинаковые, только сгорбленные и какие-то вялые. А здания энергично перечеркнуты. Все. Больше ничего не запомнил и ничего не понял. Чему же я, как дурак, радовался? Почему, черт побери, я так уверен, что узнал что-то важное о себе или об отце?..

Дорога. 32 год Сверхшения.
ОРТА

Называли ее по-разному: «Дочерью Болла», «Провозвестницей», «Шагнувшей вперед». Сама же она думала о себе даже не «конна Мина», а просто «Мина»: Минни, как когда-то называл ее Фиер. Он был великим грассианином, истинным сыном Болла. Он привел грассиан к Сверхшению. А что она? Верная подруга, слабая женщина. Слава Уру, благословенный взор Фиера упал на нее. И пусть всюду ее встречают с восторженным поклонением, это чтут только его, пламенного Фиера. Он, зримо и незримо, присутствует в этой пустой и неуютной части Дворца, где поселил их некогда Ведущий Мук.

Конна Мина отодвинулась от зеркала и снова оглядела себя. Время неумолимо, как стрела Ура, хотя и не близок еще уход с Дороги... Но вчера народ восторженно встречал Мину-II, и как одержимый работает в главном научном центре первенец Сверхшения — ее сын Фиер. А сегодня Мину ждет радость — внук, Фиер-III. Конна Мина еще раз оглядела себя в зеркале, вздохнула и поняла, что не хочет сегодня видеть сына.

Великий Фиер был стократ прав. Фиер-II не копия отца, он и есть сам Фиер — до мелочи, до волоса. Уж кому, как не ей, это знать. Но да простит ей светоносный Ур, как хочется, чтобы в чем-нибудь, хотя бы в чем-нибудь сын отличался от отца! Иногда совсем не материнские чувства вызывал у нее Фиер-II. Да и как, целуя родинку сына на правом плече, не вспомнить точно такую же, на точно таком же плече? Как она целовала ее, давно, в юности! И чем дальше, тем сильнее хотелось снова, в последний раз, прижаться всем телом, до хруста, до стопа к мужу... Сыну?.. О Болл-провозвестник, что за мысли? Но она всегда была только слабой женщиной, ей не по силам этот груз! Стараясь поменьше видаться с Фиером-II, конна Мина оберегала себя. А избегая дочери?.. Вот он ответ, в зеркале. Радостно ли юности видеть себя в старости? Разглядывать седые пряди, гладить морщинистые руки, с недобрым любопытством запоминая, с брезгливым ужасом предвкушая, как станешь такой же. Мина-II уже жаловалась, что после визитов к матери Фиер-II становится холоднее с ней. У него всегда было хорошее воображение... то есть у них, у сына и мужа. Увидеть она сорок лет назад Фиера старым,

заговори, ощути на своем юном лице дыхание беззубого старческого рта... Что за мысли, конна! Полным сил и здоровья сошел с Дороги и навеки остался на ней великий Фиер! А Фиер-II?.. С каким жадным любопытством сначала матери, потом матери и жены смотрела она на сына, ревниво замечая, как все ярче проявляются в нем черты мужа. И вот теперь ввук...

А тогда еще никто не знал, что будет в третьем поколении. И Учение, и Наука запрещали браки братьев и сестер. Только Фиер, да еще Ведущий Мук верили и не ошиблись. Самые тщательные исследования показали, что в Фиере II-ом нет ничего от нее, Мины, а в Мине II — от Фиера.словно и не было упойтельных ночей любви, словно не носила конна Мина сына под сердцем, а вырастила его в колбе из клетки отца, ничего не взяв от себя. С любопытством и радостью, да чего уж скрывать, с ревностью смотрела она, как зарождается чувство у вторых Фиера и Мины. Вот так же пошла за мужем и она, «Дочь Болла», «Шагнувшая первой». Ей незачем жаловаться. Ровной Дороги, дети. Пусть всегда идут по ней, взявшись за руки и слыша дыхание друг друга, Фиер и Мина. А она? Пять лет разницы было у них с Фиером, а Фиеру-III уже четыре. Все повторяется по слову и делу великого ее мужа. И скоро Мина-II снова станет «Несущей жизнь». Ей, старой Мине, еще предстоит радоваться первому лепету девочки, первым ее шагам.

О Болл-провозвестник! И все чаще ловить на себе брезгливый взгляд дочери и потом такой же — внучки! Могут ли дети быть счастливы, когда перед глазами постоянное напоминание? Не о смерти, нет, смерть — лишь толчок к повторению. Хуже — об увядании, о распаде, когда человек еще живет, но уже мешает жить детям, самому себе. Происки Рука такой Дар!

— Прости Фиер, прости, великий, я только слабая конна, прости!

Погруженная в нерадостные мысли, конна Мина не сразу заметила, как осветился экран информера. Ох, не материнские чувства вспыхнули в ней при звуке родного голоса! Мина взяла себя в руки. И тот ее был тоном матери — строгим, слегка снисходительным:

— Доброй Дороги, Фиер. Почему вы еще не приехали? Фиер-II помолчал, взглядываясь в мать. От этого взгляда у конны Мины по всему телу побежали мурашки.

— Ты же знаешь, мама, я очень занят. Просто некогда, вот и все.

О, это конна Мина знала. Ее Фиер мог сутками не отрываться от своих приборов, и она покорно ждала. Но сын говорил не так, как отец. Он мямлил и отводил глаза. Мина уже поняла, что крылось за этой неуверенностью. Наконец Фиер решился.

— Знаешь, мама, мы, наверное, долго не сможем приехать. Очень жаль, но сейчас столько работы... А за Фиера ты не беспокойся, он здоров и...

— Это Мина?— прервала конна, из последних сил стараясь говорить спокойно.

— Нет, причем здесь Мина! Просто я попросил ее помочь мне.

«Жалкое и постыдное зрелище»,— думала конна Мина, глядя в глаза сына. Что же, она была подругой великого грассианина и останется достойной его.

— Конечно, сынок,— сказала конна Мина,— я понимаю. Но помните о старой матери, приезжайте, как только сможете.

— Ну конечно,— отозвался Фиер-II, и из его голоса пропала фальшь.

Он еще поговорил о Фиере-III и, пожелав «Ровной Дороги», исчез с экрана. Конна Мина заплакала. И пока она плакала, в ней крепло решение. Вот с кем бы она посоветовалась — с коном Аманом. Но не ей, «Шагнувшей первой», спускаться в подземелье! Всклипывая, она прошла в тщательно охраняемую комнату Фиера и достала спрятанный там ключ. Нельзя мешать самой себе. Она была просто конной, волею Ура ставшей великой, но истинно великое совершит только сейчас. Это ее второй дар Грассе. Фиер одобрил бы ее решение, в это конна Мина верила твердо.

Кону Ропуру сообщили о ее смерти рано утром. С ощущением чего-то большего, чем простая смерть, шел Ропур по коридору. Да и какая смерть, когда рядом, такой знакомой плавной походкой, шла Мина-II. Ропур понял, что и ему предстоит навечно вписать свое имя в историю Грассы, рядом с коном Муком. И, видит Болл, не все и не сразу поймут, что он был так же велик и, более того, так же добр.

Дорога. 2236 год Откровения. РЕАНДА

Кон Морт, 327 Учитель на Дороге, совершил кошунство. Когда, в бешеной вспышке, он одним махом сломал о косяк драгоценную реликвию — посох Болла, присут-

ствующие, уже лежащие ниц, еще плотнее прижались к полу. Кон Морт чуть было сам не рухнул с ритуальным воплем «Ао-о-ой» и лишь в последний момент сдержался. Ничего не произошло — не обвалился свод, не разверзся под ногами камень — Уру был угоден его гнев. Морт понял это и сразу успокоился. Точнее, пришел в состояние холодного, спокойного бешенства. Привставшие было с пола уткнулись в него вновь. Два года, два нескончаемо долгих года этот ублюдок, эта чешуйка с хвоста Змея, осмеливается водить его за нос! Два года томятся в безделии неофиты, стареют, слабеют, теряют решимость. Что посох Болла, да будет вечно его имя! Творилось поистине всеобъемлющее кощунство — сошедшая с Дороги Грасса! А этот... этот... еще жив, еще ест и пьет и даже осмеливается лгать. Первое побуждение вызвать кона Мала Морт преодолел, иначе бы он сломал посох не о косяк. Но подобного кощунства Ур уже бы не вынес! И эта материализация дыхания Рука до сих пор считалась Идущим! Мал добровольно последовал в подземелье и работал на самых тяжелых и грязных работах, пока Морт не простил его от имени Ура. Вот она, благодарность!

Наконец кон Морт овладел собой, коротко отдал приказ и повернулся к лежащим спиной, чтобы не видеть, как они встают. Морт любил глядеть на лежащих у его ног, процесс же вставания он не переносил. Было в нем что-то тревожное, переход от покорности к неизвестности. И хотя власть 327 Учителя непререкаема, сердце кона Морта сжималось, когда кто-нибудь поднимался перед ним. Так, спиной к выходу, он стоял, обводя взглядом помещение. Кон Морт жил в других комнатах и, только готовясь принять особо важное решение, приходил сюда. На этом ложе сошел с Дороги кон Аман, и комната стала чем-то вроде святилища. Хотел бы он знать, какую последнюю волю собирался объявить кон Аман? И все же это место его триумфа. Первого. А второй зависел от кона Мала. О Болл-провозвестник, мыслимо ли, что он, надежда Ура, зависит от плюгавенького, толстенького, трусливого кона Мала!

Среди ушедших в подземелья были и коны-ученые. Немного, но были. Морт отбирал тех, кто занимался геологией, медициной, инженерным обеспечением. Но никто из них не мог заняться оружием. Или не хотел?.. Морт не знал, правду они говорят или скрывают свои возможности. И только Мал, измученный сознанием вины, сокрушенный, плачущий, согласился. Согласился — и тянул! На кого же опереться в борьбе? На неофитов? Разве можно опираться

на тех, кто идет за тобой без раздумья? Старость, проклятая старость все ближе! Аман, прежде чем сойти с Дороги, совершил свое, а деяние Морта еще далеко впереди. И чем чаще кон Морт вставал с ломотой в костях, тем чаще он посылал в лабораторию кона Мала. И злился, слыша: «Еще нет». А сегодня... сегодня он услышал просто: «Нет». Морт трижды (!) переспросил неопита, и когда тот поднял голову, то увидел Учителя в гневе. В священном, праведном гневе!

Кон Мал вошел бесшумно. Он всегда ходил бесшумно, чем несказанно раздражал Морта. Кон Морт медленно повернулся. От такого взгляда неопиты валились рядами. Кон Мал согнулся закрывая лицо руками.

— Повтори, что ты сказал моему посланцу!

— Я сказал «нет», Учитель.

— Это ты вызвал к жизни Змея,— заговорил Морт лязгающим голосом.— Ты увел Грассу с пути. Как ты испушишь вину, раб?

— Я буду ниже низкого, я проведу остаток жизни на самой грязной работе, Учитель. Но я не могу принести в мир еще и смерть!

— Дар скрыт, и, пока он скрыт, смерть неизбежна, червяк!

— Это естественная смерть, о Учитель. А насильственная запретна, и я не могу, не могу!

Кон Морт смотрел на пресмыкающегося у его ног Мала. Что ж, он внушал ужас и не таким. Здесь, под бесконечными сводами, люди податливей и слабей. Кон Морт знал, что в нем внушает такой ужас Идушим. Он, единственный, мог выпустить в мир запретное. Ему, 327 Учителю, Ур разрешил переступить. Отблеск святости лежал на его лице.

— Ты трижды заслуживаешь смерти, презренный.

— Убей меня, Учитель! Это будет справедливо, но я не могу сделать то, о чем ты просишь.

— Я прошу? Я приказываю именем Ура!

— Я сам дам ему ответ, о Учитель!

Морт почувствовал усталость. О всемогущий Ур, за что ты отверг верного? Кто еще сможет совершить ЭТО? Неужели на Грассе победил Рук? А может быть... Ур? Нет, нет, нет. Это только слабость. Волею Ура, заветами Болла, вечной Дорогой! Морт не сразу заметил, что Мал поднял голову и посмотрел на него. Морту почудилось что-то общее между взглядом умирающего Амана и взглядом Мала.

— Уйди,— приказал он и задумался.

Оба они — умирающий старец и кон Мал — смотрели

в одну и ту же сторону и быстро отводили глаза... словно проверяли — на месте ли что-то? Кон Морт подошел к углу комнаты и внимательно его осмотрел. Что-то неуловимое было. Учитель обвел взглядом всю комнату. Он помнил, он мог точно указать точку, в которую глядел Аман. Вот она, почти в самом углу.

Кон Морт подобрал обломок посоха, размахнулся и ударил металлическим острием прямо в эту точку. Часть стены треснула и осыпалась. В открывшейся нише лежал маленький серый кубик. Кон Морт сразу понял, что это...

— Мала! Кона Мала ко мне!

Мал еще не успел отойти от входа. Кон Морт с наслаждением увидел, как перекосилось ужасом лицо вошедшего. Словно пораженный стрелой Ура, зашатался кон Мал. Это действительно ТО! Ай да кон Аман! Воистину велик был 326 Учитель. Когда Грасса вернется на Дорогу, кон Морт прикажет поставить ему памятники во всех храмах планеты! Кон Мал выкинул обе руки.

— Нет, нет! — закричал он. — Это только сон!

— Сон? — Кон Морт сделал движение, как бы собираясь сжать руку.

— Сон, только сон, — твердил кон Мал. — Но нужен еще другой, белый.

— Белый, чтобы проснуться? — догадался кон Морт.

— Да, я сделаю белый, обязательно сделаю.

— Нет, Мал. Вы сошли с Дороги. Я обрекаю вас. Вы уйдете наверх волею Ура, вы увидите конец своего нечестивого дела. Вон!

Оставшись один, кон Морт упал на колени. Слава Уру, он верил, верил всегда. Великий Аман увел избранных, но трижды велик станет тот, кто вернет их на поверхность. Волею Ура, заветами Болла, любой ценой!

Рай-на-задворках. 2236 год земного летоисчисления.

ДОЛИНА ЭДЕМ

***Отчет руководителя группы разведки Сергея Белова
(по традиции, письменный...)***

«Я, руководитель группы разведки Сергей Белов, предваряю отчет заявлением, что за грубое нарушение правил § 13-го несу полную и единоличную ответственность. Должен отметить, что в результате нарушения правил была получена ценная информация.

Мы имели задание обследовать объект, условно именуемый «Курорт-1», находящийся примерно в 40 километ-

рах от Города. Объект представляет собой локальный поселок, приблизительно из 20-ти одно- и двухэтажных строений. Центром является площадь с тремя трехэтажными зданиями. Объект не имеет признаков разрушений. Биологическая жизнь, кроме растений, не обнаружена. Отряд отбыл из долины Эдем в 8.00 по местному времени, в составе шести боевых машин со штатными экипажами и трех автоматических транспортных тягачей. Отряд прибыл к объекту в 12.00. Данные визуального наблюдения: «Курорт-1» расположен в небольшой — двадцать на восемь километров — долине. По краям долины находятся неширокие рощи, в целом же местность представляет собой луг. Посадки вокруг зданий носят упорядоченный характер и отличаются однородностью растений. Хорошо видны небольшие оранжевые плоды. От Города до объекта проложена дорога.

Поскольку появление отряда не вызвало никакой видимой реакции, к объекту была выдвинута боевая машина № 4 (командир экипажа С. Белов). У конца дороги, где предположительно должен быть вход, машина встретила мощное противодействие силового поля. Преодолеть его постепенным наращиванием усилия, а также тараном не удалось. Вслед за тем группой были предприняты поиски иного входа. Такового не оказалось. Попытки проникнуть на объект сверху дали аналогичный результат. Таким образом, можно считать установленным, что «Курорт-1» накрыт сплошным куполом силового поля высотой приблизительно 200 метров и диаметром на 15-20 метров превышающий диаметр самого объекта (т. е. поселка). Силовой колпак может иметь также форму шара, с полушарием, расположенным под почвой. Предположение основывается на попытке произвести подкоп, установивший наличие в почве аналогичного силового поля со слабым искривлением к центру. Попытки установить замкнутость поля не проводились, и поэтому общая шаровидность поля предположительна.

Гипотеза замкнутости поля косвенно подтверждается объектом № 2 (см. приложенный план): невысоким холмиком, имеющим четыре забранные решеткой из толстого металла отверстия. Глубинная съемка показала наличие под объектом помещения, заполненного неясными механизмами системой из двух труб, соединяющим на глубине около семи метров объект и «Курорт-1». Впоследствии были обнаружены еще три аналогичных объекта — считаем, что они являются системой вентиляции «Курорта».

В месте окончания дороги группа также установила наличие вздутия силового поля с комплексами приборов или машин, расположенных симметрично по обе стороны внутри силового колпака. К 17-ти часам по местному времени я отдал распоряжение покинуть машины и приступить к пешей разведке. В полосе примерно пятидесяти метров вокруг купола обнаружено более двухсот скелетов. Рядом с большинством из них лежат отшлифованные посохи одного размера, слегка изогнутые на верхнем конце и окованные блестящим металлом на нижнем. При многих скелетах обнаружены так называемые «серые кубики». Особенно интересно расположение двух скелетов в третьем секторе (см. план). Они частью (нижними конечностями и половиной торса) находятся снаружи силового поля, силовое поле как бы разрезало их пополам. Внимания заслуживает также группа скелетов, расположенных в стороне от дороги (см. план) — головами от купола и лицевой частью черепа вверх. При них не обнаружено ни посохов, ни кубиков.

В 18.00 группа закончила обследование прилегающей к «Курорту-1» территории. Далее я вынужден изложить ход рассуждений, приведших к нарушению правил 13 параграфа. Повторяю, что ответственность несу я единолично.

При обсуждении члены группы сошлись на следующем: допуск на объект «Курорт» какой-то части населения был закрыт. Вероятно, действие, вызвавшее появление силового поля, произведено извне или же автоматически. В пользу этого говорит отсутствие видимых на территории объекта скелетов. Ни площадь купола, ни его структура не показывают возможности существования полностью замкнутой экологической ниши, следовательно, купол должен иметь систему допуска внутрь, имеющий механизм опознавания «свой-чужой». При этом «свой» может относиться к любому жителю планеты или же, наоборот, ни к одному. Это наиболее слабое место в наших рассуждениях. Исходим из следующего: картина гибели у купола напоминает штурм силового поля, за исключением группы без посохов. Эти двигались от купола, и скелеты их лежат в одинаковом положении. Предполагаем, что это хозяева купола, покинувшие его уже после гибели основной массы нападавших.

Выводы. Предполагаемая система опознавания «свой-чужой» должна распознавать: а) расу, б) личный облик, в) материальный знак. Материальный знак не обнаружен, аппаратуры визуального распознавания также не обнаружено. Несмотря на близкое сходство местной и земной рас, разведчики внутрь тоже впущены не были. Разведчик

Иван Скан предположил, что материал скафандров (пластометалл) и штатное снаряжение искажают картину распознавания. Версия показалась убедительной. В 19.10 разведчик Скан, без штатного снаряжения и скафандра, приблизился к «шлюзу» и беспрепятственно вошел внутрь, немедленно повернул назад и был выпущен таким же порядком. В 19.30 группа отбыла на корабль и прибыла туда в 21.00. Таким образом, не пытаясь снять с себя ответственности, обращаю внимание на следующее. Другого пути для проникновения под купол, очевидно, нет. Применение оружия приведет не только к уничтожению защитного поля, но и к значительному повреждению всего объекта. Таким образом, проступок полностью оправдывается необходимостью выполнения поставленной задачи (предварительное исследование объекта «Курорт-1»). Командир группы разведчиков Сергей Белов».

Вопросы Станислава Комарова:

1. Природа силового поля?
2. Встречались ли нам где-нибудь уже эти посохи?
3. Серые кубики у каждого. Значит, все-таки оружие?
4. Можно ли установить разницу во времени смерти у групп скелетов?»

Примечание Варниса: «Только для Комарова, Чандра, Стен, Белова. Необходимо в очередную группу разведки включить Сержа Арно».

Примечание Стен: «И меня возьмите, пожалуйста!»

Рай-на-задворках. 2236 год по земному летоисчислению.
Из дневника Сержа Арно
(катушка IV, реконструкция)

Надо полагать, меня простили. Это не менее странно, чем все до этого. Кто-то хочет посмотреть, что будет дальше? Три дня меня всячески исследовали, и «Бык» дал положительное заключение. Во всяком случае, корабль я не взорву — гарантия! Результат: снова разгуливаю по кораблю, проверяю боевые машины и могу спокойно поехать куда захочу. Но не хочется. Вообще ничего не хочется, новости словно проходят мимо. А новости интересные. «Бык» разрешил выход; разведчики ушли на другие «Курорты» и не возвращаются третий день; биологи подбираются к раскрытию воздействия на наследственность, и Чандр двигается по коридорам, как сомнамбула.

Вчера вечером после ужина, ко мне подошел Варнис.

— Кстати, голубчик, — сказал он, хотя это было совсем некстати (я собирался в спортзал). — Вы, по-моему, совсем закисли на корабле. Прогоулялись бы в Город или съездили с разведчиками. Тем более — вы в отличной форме.

Я растерялся и стал доказывать, что по планетному расписанию место главного механика на корабле. Но Варнис пообещал договориться с Комаровым.

По правде, на кораблях типа «Алена» механику делать нечего. Человек здесь — только элемент надежности на самый крайний случай. Пока, за всю историю исследовательских полетов, такого случая не было. Командир боевой машины — это серьезней. Но здесь и боевая машина не более, чем средство транспорта, утяжеленное броней, орудиями и прочими архитектурными излишествами.

Только что получено «добро». Комаров рекомендует присоединиться к разведчикам, но оставляет маршрут на мое усмотрение. Я, однако, усматриваю, что к разведчикам мне не надо. А надо мне в Город...

Хочется еще раз испытать чувство сопричастности к планете, как тогда, в подземелье. Впрочем, это чувство меня и не покидало, ему просто труднее проявляться на корабле.

Чрезвычайно жалко этот народ. Как уютно и красиво жили они на своей планете! Человечество предполагало или «пастушеские», или же сугубо технические цивилизации, а само мечтало о гармонии. Вот она, гармония!

Но ведь гармония не убивает. Иду по ровной, покрытой матовым черным покрытием улице. Справа и слева яркие домики, сады, клумбы. Все заросло, облупилось, покосилось, зияет пустыми окнами, но не нужно большой фантазии, чтобы представить себе, как здесь жилось раньше. И мерзким контрастом — лежащие повсюду скелеты. Подумать страшно, что подобная картина могла бы предстать другой цивилизации на нашей доброй, уютной планете.

В сущности, почему я удивляюсь сходству быта? Они были такими же, значит, физические потребности имели такие же: спали, ели, работали, отдыхали. И искали наилучшие пути для их удовлетворения. Сходные причины дают сходные результаты.

В этом домике, очевидно, жила большая семья. Я сужу по тому, что в центральной комнате вокруг массивного стола восемь чрезвычайно уютных кресел. С момента гибели жителей прошло приблизительно 100 лет — для планеты не срок. Подумать только, еще каких-нибудь 100 лет

назад отец семейства садился в это кресло в кругу детей. Что они делали? Смотрели телевизор? В углу плоский четырехугольный экран, приблизительно метр на метр, а вот, по-видимому, путь управления экраном. Представим... Интересно, карманной батареи хватит?.. Надежно делали все-таки сто лет назад. Волна разведчиков — неинтересно, волна корабля — мимо, волны прочих групп — пропускаем... Что?

Спокойно. Волны разведчиков, корабля, групп... Не может быть. Спутник? Какой? Тот, который заря космической эры, — «бип-бип-бип?...» Маяка на этой волне у нас нет. Она вообще резервная — какой смысл ее использовать, когда основные не загружены? Вот это да! И как никто не додумался поискать в эфире? Хотя, конечно, искали. Искали станции, переговоры, а это просто писк — автомат, и где-то неподалеку. Хоть что-то не мертвое, пережившее своих создателей. Хороший подарочек будет всем. А ведь мой переговорник работает как пеленгатор: переключить тумблер и следовать за красной черточкой на шкале.

Что такое? Третий поворот, а она ни с места. Возможны три объяснения. Неисправен переговорник — мимо, я слышал переговоры, их направление он фиксирует исправно. Второе: сигнал поступает со всех сторон одновременно. Исключено — сигнал одинарный. И третье — источник сигнала я сам, ходячий передатчик, маяк самодвижущийся. Ай да Варнис, ай да добрый дядя: «Пойди погуляй, сынок!» А за тобой приглядят! Я же механик, я же наощупь до десятой миллиметра различаю. В пояс запихнули, гадость какая! Лучше уж сразу бы за мной пустил — как это... шпиона. Музейные методы. Что, нельзя сказать прямо? Да я на себя стационарный передатчик взвалю и пойду. Тьфу!

Однако чего я возмущаюсь? Вполне понятное беспокойство и желание не обижать. Я бы просто не выпустил такого из корабля. Хорошо, им хочется знать, где я нахожусь — пусть знают. Просто хожу по Городу, просто захожу в дом, просто сижу в кресле. И вижу пыль, мусор, запустение и немного мебели, самой земной. Еще какие-то истлевшие клочки на полу да полоска чего-то слабо блестящего под широким низким диваном. Твердая пластина, похоже картина или портрет, не разобрать под толстым слоем пыли.

О, черт!.. Залитый прозрачным пластиком, на меня смотрит постаревший и усталый Серж Арно!

Дорога. 2238 год Откровения.
РЕАНДА

И вот час настал! Ряды неофитов застыли в священном молчании. Они тянулись через весь огромный полутемный зал, обступая небольшое возвышение. Тускло блестели окованные наконечники посохов. И у каждого, — видишь, светоносный Ур? — у каждого «серый кубик», орудие твоего гнева. Страшный был год, не хватало продовольствия, разрушалось хозяйство, холодно и сыро становилось в гигантских лабиринтах. Но не зря. Вся Дорога трудилась в едином порыве и для единой цели. Спал ли он, Учитель, хоть одну ночь спокойно? Но вот они стоят, а у него нет слов, только ликующий вопль: «Час настал!..» Волею Ура... и нет почетней задачи, чем вернуть Грассу на Дорогу.

Кон Морт еще раз обвел взглядом ряды и начал нарасспев, как некогда Аман. Словно рябь пробегала по сомкнутым шеренгам в такт его словам.

Волею Ура и славою вечною Ура
Кружат светила и день заменяется ночью.
Вечна Дорога и вечно движенье Идущих,
Волею Ура ведомых к сиянью Свершенья!

Дождавшись, когда под сводами прекратилось «А-о-ой!», уже не жалобный вопль, а боевой клич, кон Морт понизил голос:

— Что видим мы, братья? Камень. Холодный, тяжелый камень окружает нас. Бледны лица детей наших, печальны глаза жен. Даже у «Несущих жизнь» не светятся они счастьем. Выросли дети, не знавшие солнца, не смеявшиеся под летним дождем! Горсть камней — только и радости; бешеный подземный водопад — только и развлечения; поворот гранитного перехода — весь горизонт. «А-о-ой!» нам, братья! В чем провинились мы перед Уром? Может быть, ошибся великий Аман? Может быть, выйти, слиться с братьями в единую семью? Радостно жить под ласковым солнцем? И пусть по иной Дороге, к иному Свершению, но вместе, единым неразделенным народом?

Кон Морт вдохнул и до звона в ушах прислушался к обвальной тишине. Но вот сначала отдельными всплесками, потом все громче до него долетел протестующий гул, рычание тысячеголового зверя.

Кон Морт властным жестом призвал к молчанию.

— Нет, верные! Долгие поколения Идущих встречали новый день, взывая к великому Уру. Чего требовал он?

Покорности. Веры и покорности, покорности и движения. Вас же он призвал на помощь. Только подобие смерти, только очистительный сон несете вы заблудшим. Неслышанно доньше и это, но разве слышано, чтобы Грасса сошла с Дороги, разве слышано, чтобы забыли заветы великого Болла? Неслышанно. И неслышанные нужны меры! Даже если принесенный вами сон станет вечным, то ведь только на Дороге заповедана насильственная смерть. А разве по Дороге идут заблудшие? Разве грассиане они, дважды и трижды повторяющие себя? Нет, ибо посягнули на суть Учения. Суть — в движении. И единственно возможная остановка — смерть. Вот кто нежится под радостным солнцем Грассы — трупы! Холодные трупы рожают мертвых детей. Холодные трупы ползают по поверхности нашей планеты! Нет, братья, это их место — подземелье, это их участь — сумрак сводов, это их доля — вечное прозябание. В Учении нет слова «кара». Выйдя на поверхность, напутствуйте, убеждайте, проповедуйте, но и карайте! Карайте тех, чьи уши закрыты, глаза слепы, а души мертвы. Такова воля Ура, чтобы новую и гордую страницу Учения написать вам!

Кон Морт снова вспомнил покойного Амана. Это у него учился кон Морт разговаривать с толпой, у него и у проклятого Уром Ведущего Мука. Разговаривать?.. Подчинять. Кон Морт всем телом впитывал единение, сгущающееся в зале. Прикажи он им сейчас умереть — они умрут так же, как стоят, рядами падут плашмя и умрут. И от этого кон Морт ощущал себя не Учителем, даже не великим Учителем, а равновеликим Боллу. Разве может простой Учитель решиться на такое?

— Волею Ура, предвиденьем Болла, снова Дорога выводит на свет,— заговорил Морт, и от звуков собственного голоса по телу прошел торжествующий озноб:

Мы не разрушим священной надежды,
Мы не преступим великий Завет!
Не отомщенье, не кару, не злобу —
Сон искупленья заблудшим несем.
Дом их разрушим, след их затопчем —
Этим поможем и этим спасем.
Слепы их лица — глаза им откроем,
Высохли души — прольемся дождем.
Волею Ура, предвиденьем Болла
В этом клянемся и с этим идем!

Ряды зашевелились, перестраиваясь. Тяжелый, слит-

ный шелест наполнил зал, ударился о своды. Кон Морт резким жестом двинул колонны в путь. Они качнулись и пошли, все теснее сжимаясь по мере движения, плечо к плечу, грудь к спине, — чудовищная пружина, готовая сдвинуть всю Грассу. И долго по переходам отдавалось, слабая:

Волею Ура, предвиденьем Болла
В этом клянемся и с этим идем!

Дорога. 35 год Свершения. ОРТА

Нет, не такой видел кон Ропур новую Дорогу! Не таким грезил он Свершением, не таким Ведущим мечтал остаться в памяти грассиан. Кон Мук сошел с Дороги и наказание досталось ему, Ропуру. Разве помочь другому в смерти — не значит убить? Видит Ур, он ни разу не сжал рукой серый кубик — и все же принес Грассе тысячи смертей. Такова воля... Чья? Только не его, кона Ропура, Главного Ведущего. Да он ли это, седой, усталый, с дергающимся веком? Веко задергалось в день похорон «Шагнувшей первой». Это был день великого траура и день величайшего торжества, потому что за гробом шла Мина-II, и все видели, что смерти нет. Один он, кон Ропур, не радовался и не печалился. Страшная истина лежала на его столе во Дворце — странничка предсмертного письма конны Мины. Как это сказал великий Мук, сын Болла?... Лист опадает, чтоб вырос такой же... природа бессмертна... И далее: вновь возродиться как день, как листва, как трава...

Что надо, чтобы вырос новый лист? Смерть старого. На чем растет трава? На перегное. Дождь пойдет, когда испарится и соберется в тучи прошлый дождь. А они хотели нарушить этот закон.

«Мы были первыми, — писала Мина, — и первых это коснулось нас. Дети и родители живут вместе, потому что они разные. В детях ищем мы исправление своих недостатков, в родителях видят дети пример и опору. Можно ли видеть пример в себе самом? Можно ли ждать исправления недостатков от самого себя? Радостно ли видеть, повторяемый со всеми неудачами, собственный путь? И еще, Ведущий, могли бы вы изо дня в день наблюдать процесс своего дряхления? Великий Фиер и великий Мук сделали свое дело не до конца. Есть на новой Дороге новый закон. Старое должно уходить! Без этого Свершение не полно. И пусть ваша совесть будет чиста, Ведущий, я оставила Мину и

Фиера-вторых, я живу в новой оболочке, а старая уходит с радостью и добровольно. Плохо мешать жить другим, но стократ хуже — самому себе. Знайте, Ведущий, скоро за мной пойдут тысячи. Не причиняйте зла, доведите Свершение до конца. Дайте грассианам возможность легкого и радостного ухода. Я не прощаюсь, Ведущий. Мы встретимся на моих проводах».

И это было единственным, в чем она, Мина, ошиблась. Ропур не пошел на похороны. С этого дня он не жил, а ждал. И почувствовал даже облегчение, когда это началось: то там, то здесь в разных концах Грассы уходили родители. Уходили нелегко, на Грассе не было опыта самоубийств. Кон Ропур с отчаянием читал сводки: содрогался, чувствуя в легких воду или петлю на горле, корчился от прикосновения стали к венам или удара электрического тока. Но самым чудовищным было то облегчение, с которым дети встречали уход родителей. Кон Ропур не взял к себе Лима-II, когда старый Лим упал с башни Дворца. Упал ли?..

Ведущий уговаривал себя, что никто не умирает: родители и дети — суть две половинки целого. Но это не помогало, пока кон Ропур не понял, что именно Ур доверил сделать ему.

— Зачем мне милость твоя, — взмолился кон Ропур. — И чем провинился я перед тобой?

А утром Ропур отдал приказ. Никогда еще с такой быстротой не строились на Грассе дома. Три центра перешли на выпуск кубиков. Было ли знаком Ура, что всю работу возглавил Фиер-II? Спустя год каждый грассианин мог придти в такой дом в любом городе, уединиться, выпить бокал орры и заснуть. Через три дня тело предавали земле. Ропур издал закон, запрещающий уходить с Дороги в собственном доме. Он так и не поверил, что дети чувствуют облегчение даже воссоединяясь, если это происходит у них на глазах. Грассиане встретили новый закон с ликованием, и у домов Перехода в первое время выстраивались очереди. Потом приток стабилизировался, а вчера кону Ропуру сообщили, что в некоторые дома уже пришли представители второго поколения. И вот он сидел с невидящим взором. Насильственная смерть запретна, но это не смерть, это только сон. Это не насильственно, это добровольно. Но все же приказ отдал он, Ропур! Вчера Фиер снова настаивал на повторении кона Ропура и снова получил отказ. А что если сын наследует и его вину?

Погруженный в тяжелые мысли, кон Ропур не сразу заметил мигание информера. Ведущий протянул руку и включил только звук, в последнее время он избегал показываться, хотя его любили, и портреты кона Ропура были почти в каждой семье.

— Ведущий, к вам просится кон Мал.

Чем-то задело его это имя — кон Мал. Мал... Мал!

Кон Ропур вспомнил: научный руководитель Фиера, один из первооткрывателей Свершения, ушедший с коном Аманом. Мал? Из подземелья?

Кон Ропур не имел достоверных сведений об Идущих. Доходили слухи о смерти Амана, о лихорадочной деятельности нового Учителя Морта. Неофиты на поверхность не выходили, и кон Ропур подолгу не вспоминал о них, хотя все чаще задумывался о том, что приобрела и что потеряла Грасса, перейдя на иную Дорогу. Ропур нажал кнопку информера.

— Пропустите.

Вошедшего кон Ропур не узнал. Этот был схож с тем, давним, только ростом. Худое, даже костлявое лицо, горящие мрачным огнем глаза, но слабо опущенные плечи, тощие руки и ноги. Вошедший был одет в изношенное и грязное.

— Почему вы, кон-ученый, в таком виде?

— Я не кон-ученый. Я воплощение зла, я порождение Змея.

«Он еще и сумасшедший», — подумал Ведущий, но не удивился. Разве не сумасшествие то, что творилось на планете? Разве не сумасшедшие и те, под землей, и эти — в домах Перехода? Если на Грассе остался один нормальный человек — он, кон Ропур, то с кем же ему разговаривать, как не с сумасшедшими?

— Порождению Змея место в подземельях!

— Я и был там, — ответил кон Мал, — я был там и дважды принес зло. Сначала — когда увел туда Идущих, потом — когда выпустил их наружу!

— Разве это вы увели верующих? — удивился Ропур. — А я полагал, что это сделал кон Аман. И потом, неофиты не вышли на поверхность. Что им делать в царстве Рука?

— Они выйдут, они уже выходят, — сказал Мал так торжественно, что кона Ропура охватил озноб.

— И это сделали вы?

— Да, Ведущий. — Мал несколькими быстрыми шагами обогнул стол и упал перед Ропуром на колени.

— Выслушайте меня, выслушайте, Ведущий! Кто же еще на Грассе выслушает меня? Я много раз приходил в ваши дома Перехода и снова уходил. Слишком много зла принес я на любимую Грассу и не могу так легко сойти с Дороги. Выслушайте! Мое признание принесет еще больше зла, но мне не по силам этот груз!

Кон Ропур мог одним движением освободиться от рук Мала, так они были слабы. Но они были так слабы, что Ведущий не стал этого делать.

— Я выслушаю тебя,— сказал он.

— Видит Ур, я хотел только добра. В подземельях, искупая свою вину тяжким трудом, копая землю и долбя гранит, я не видел счастливых людей. Я увидел их здесь. Может, и вправду это истинная Дорога? Но тогда я снова преступник. Это я рассказал обо всем кону Аману, и он начал готовить Уход. Если вы вернули на Грассу Дар — как же те несчастные в подземельях? Нет такой работы, чтобы тяжестью ее искупить мою вину. Там, внизу, изнемогая, я верил кону Аману, я пришел к нему, как к воплощению мудрого Болла. Что знал я о будущем? Кому дано знать все повороты Дороги? Подземная работа сделала меня верующим из верующих, и я выполнил страшный приказ. У меня еще оставались друзья в центрах и здесь, во Дворце. Я верил, что великий Аман не употребит ЭТО во зло.

— ЭТО? — Кон Ропур уже знал ответ.

— Я достал кону Аману серый кубик. Но Аману! Он был велик, а Морт страшен! Неофиты выйдут, Ведущий. Они выйдут с кубиками, чтобы поразить Змея, а Змей — это вся Грасса!

— Но насильственная смерть запретна на Дороге.

— На новой Дороге нет Учения и законов его тоже нет!

Кону Ропуру не надо было объяснять, что такое вооруженные неофиты. Он хорошо помнил катящееся вниз по бесконечным ступеням тело великого Фиера.

— Сколько времени у нас... у Грассы? Когда неофиты будут готовы? — рявкнул он.

— Я не знаю, Ведущий. Может быть, сезон...

— Кона Фиера,— приказал Ведущий, нажимая кнопку информера.— Машину!

Он начал отдавать приказания так быстро, словно давно готовился к этой минуте. Кон Ропур совсем забыл о все еще сидящем на полу коне Мале.

Рай-на-задворках. 2236 год по земному летоисчислению.
ДОЛИНА ЭДЕМ
(Выступление Варкиса)

...Таким образом, вопрос происходивших на планете событий — это вопрос социологический, хотя непосредственной причиной гибели является биологический фактор. Механизм действия кубика — дело физиков, согласитесь, однако, что это, как и первое, — не главное. Главное — почему кубик привели в действие. Мы все уважаем Светлану Стен, мы ее просто любим. Однако, должен констатировать, что разрешение проблемы — дело так же и не психологов, во всяком случае, пока не будет доказано, что вся планета являлась огромным сумасшедшим домом. Поэтому призываю вас отнестись с сугубым вниманием к моему сообщению.

Достоверно установленным можно считать:

Первое. В течение длительного времени на планете существовало единое общество. Оно развивалось путем, несколько отличным от пути человечества. Можно считать установленными следующие отличия:

а) социальная одинаковость общества на всем протяжении истории;

б) отсутствие широко распространенных до недавнего времени на Земле институтов принуждения и подавления. Центральный аппарат управления выполнял координирующую функцию. Человечество добилось этого недавно — аргумент не в нашу пользу.

Возникает вопрос о причине подобного благоприятного развития. Она, возможно, покажется вам странной. Такой причиной явилась религия. Могу напомнить, что религия — это попытка с помощью иррационального объяснить явления, не поддающиеся рациональному осмыслению. Всякая религия, наряду с космогонией, религиозной биологией и тому подобным, включает в себя морально-этическую систему и основные принципы государственности.

Однако земные религии, большая часть которых теперь известна только специалистам, отмирали по мере ускорения научно-технического прогресса. Заменяя религиозную космогонию, наука не могла сразу отменить ее морально-этическое содержание, функцию регулирования жизни общества. Эту функцию взяло на себя государство. Но религия являлась в значительной степени добровольным, внутренним подчинением правилам, правила

же, диктуемые государством, приходили извне и отвечали сиюминутной экономической и политической ситуации. Морально-этические элементы религиозного сознания заменялись правосознанием с большим трудом, нежели космогонические. Окончательно религия была побеждена только тогда, когда законы существования государства пришли в соответствие с идеалами существования отдельного человека. На этой же планете религия и научно-технический прогресс уживались мирно по следующим причинам:

Первое — религия, существовавшая на планете, имела под собой историческую основу. Вера в Дар, в то, что некогда жители планеты были если не бессмертны, то жили значительно дольше, подтверждается данными палеонтологического музея на «Курорте-III». Анализы показывают, что древние обитатели планеты жили приблизительно в десять (!) раз дольше. Второе — религиозное мировоззрение аборигенов практически не включало космогонии. Таким образом, религиозное сознание на планете практически не было религиозным и интегрировалось в государственную систему в качестве этического начала.

Но эта идиллия разрушилась в невероятно короткий срок — в течение одного поколения. Что же произошло? Мы можем ответить на этот вопрос только с долей вероятия. Почти все письменные источники, относящиеся к интересующему нас периоду, оказались уничтоженными.

По времени это событие отстоит на три поколения от катастрофы. Я говорю «событие», хотя это целый комплекс событий. Все происшествие доказывает невозможность полной интеграции религиозного сознания в систему государства.

По-видимому, на планете был открыт способ самоклонирования поколений. В каком-то смысле это и было искомым Даром, остроумной попыткой обойти запрет природы на реальное бессмертие. Но этот путь отличался от канонического. Планета разделилась на два лагеря, первый из которых подвергся генетической перестройке, второй — отступил в недра, создав удивительную систему подземных городов. До сих пор стабильность поддерживалась на планете морально-религиозным единством общества, — с разрушением единства разрушилась и стабильность. Следствием явилось взаимостреление двух противостоящих лагерей. Именно этот последний краткий период значительно менее ясен. Особенно роль во всем произошедшем центров науки, или «курортов».

Группа социологов предлагает следующие положения:

а) «Курорты» накрыты силовыми колпаками, не пропускающими излучения серого кубика. Тем не менее, внутри не обнаружено ни живых, ни мертвых. Очевидно, обитатели куполов покинули их добровольно. В пользу этого говорит и консервация оборудования курортов, обеспечивающая его длительную сохранность.

б) Зная о готовящемся истреблении или даже наблюдая его, обитатели центров консервируют оборудование, то есть рассчитывают, что купола будут посещаться и впредь. Кем? Обращает также внимание отсутствие научной документации или хотя бы личных записей и дневников.

в) И, наконец, последнее — действие системы опознавания. Она выделяет следующие параметры: кислородное дыхание, вес, рост, прямохождение и, естественно, белковость организма. Учитывая отсутствие здесь крупных животных, существование такой системы бессмысленно. Всех жителей планеты система должна пропускать без разбора. Против кого тогда установлена защита?

И еще одно. Установлено, что любая попытка снятия или разрушения купола вызовет взрыв, полностью уничтожающий центр. Другими словами, проникновение на «Курорт» возможно только через систему опознавания. Против кого предпринята такая мера предосторожности?

Все эти вопросы от имени социологов я и предлагаю обсудить.

Рай-на-задворках.

Из дневника Сержа Арно. (Катушка V)

Чей же это портрет? Просто жутко становится от сходства двух рас, разделенных более чем тридцатью парсеками. Сходные природные условия порождают сходные организмы, это понятно, но не объясняет портретного сходства меня и этого давно умершего двойника. Очень интересно перевести надпись с обратной стороны портрета, говорят, в группе Светланы читают местные тексты с листа. Но ответить на вопросы, которые мне непременно зададут, я не смогу. Я не знаю ответа, зато знаю, что планета влияет на меня сильнее, чем на остальных. Под этим влиянием я совершаю поступки, мягко говоря, мне несвойственные. Отсюда — маячок. Видимо, Варнис полагает, что это влияние не случайное. И теперь — портрет. Я предполагал, что собака зарыта в моем детстве.

Мамины (или папины?) картины производили на всех гипнотическое впечатление, а я жил среди этих пейзажей. Допустим — гипноз, которому я подвергался долгие годы. И проявился он только здесь. Это многое объясняет, но портрет?..

Если бы я твердо не знал, что появился на свет через несколько лет после ухода отца из косморазведки... Например, вымирающие остатки населения — и Петр Арно. Последний ребенок планеты, вывезенный на Землю... Но мелочи... Проблемы перевозки младенца на одноместном разведчике, послеполетный карантин... Кстати, в эту гипнотезу укладывается и портрет — скажем, прадедушка... Какова вероятность войти в один из тысяч домов и оказаться у себя? Чем больше я вглядываюсь в портрет, тем больше убеждаюсь — тут не просто сходство. Этот человек моя копия, или я — его? На моем лбу две небольших морщинки, что с ними будет лет через двадцать? Вот они, резкие и длинные, перечеркнули лоб человека на портрете... Надо сделать мой портрет в том же ракурсе и совместить с этим. Впрочем, и так ясно, что все совпадает, за исключением контуров на заднем плане. Да это же силуэт здания! Огромное, с башнями, шпиль посередине... Да, оно расположено во втором Городе, в самом его центре. Если лицо на портрете изображено на фоне этого здания, значит, они связаны? Я немедленно еду туда. И даже порадуя Варниса, захвачу его маячок...

Да, это оно. Предполагают, что здесь размещалось правительство планеты. В одно-, двухэтажных городах подобные размеры настраивают, по меньшей мере, на почтение. Однако мною владеет скорее робость, страх перед открытием.

Звук шагов отражается от стен, словно за тобой или наперерез тебе кто-то идет. Вот выйдет сейчас из бокового коридора и скажет: «Ты что здесь делаешь?» А действительно что?

Справа и слева ряды дверей, за ними столы, диваны, какие-то предметы. Цивилизация погибла и все это уже никому не понадобится. Разве что для показа школьным экскурсиям?

«Вот это, дети, остатки цивилизации на планете «Райна-задворках». В таких домах они жили, так ели, так спали. А вот это портрет типичного жителя планеты. Ой, простите, это же я держу портрет члена экипажа космолета «Алена», Сержа Арно. Вечно что-нибудь напутаю!»

Я бы, например, не поселил в такое здание правитель-

ство. Величие в нем только снаружи. Внутри же бесконечный коридор с одинаковыми дверьми наводит тоску. И только одна дверь резко отличается от остальных. Она выше, шире и лучше сохранилась... Дверь не заперта, за ней анфилада комнат. Все как и за другими дверьми? Нет, пожалуй, если там просто запустение, то здесь скорее разгром. И каждое следующее помещение разгромлено свирепее предыдущего. Мебель перевернута, стекла разбиты. Самая последняя комната, вероятно, кабинет — огромный письменный стол, пара кресел и столик в углу. На столе ничего, кроме переговорного устройства — какая-то модификация видеофона, распространенного на Земле сто лет назад. Судя по величине стола, в этом кабинете сидел руководитель высокого ранга. Он садился, тыкал пальцем в кнопку устройства... А, черт!.. С чего бы переговорному устройству быть под напряжением? Очевидно, остатки автономной системы энергоснабжения.

В этой комнате явно что-то искали. Все стены буквально изборозжены рваными следами ударов. Искали и, по-видимому, не нашли. В ударах видна система: больше всего их на правой от меня стене, под потолком и посередине... Похоже, они не случайно туда метили, там что-то есть, какой-то прямоугольный контур. Жалко, нечего придвинуть к стене, посмотреть на это поближе. Кресло просто неподъемное или же прикреплено к полу. Вот отсюда, пожалуй, видно лучше всего. Квадрат пола, на котором я стою, даже под слоем пыли отличается от других по цвету. А как здесь тихо! Любой щелчок... Щелчок? В стене приоткрывается отверстие и что-то высовывается: объектив? дуло? Я головоломным прыжком оказываюсь за столом, уже в полете соображая, что на планете нет оружия или не было до сегодняшнего дня? Все же это объектив. Через секунду он скрывается. Интересно, куда передано изображение моего растерянного лица? Часть стены толчками подается назад, внутрь, и медленно, со скрипом отходит вбок. Что-то заедает, она дергается и замирает.

За стеной комната, со столом, переговорным устройством, низеньким широким диваном, парой кресел и... я не сразу заметил за экраном череп и кости рук. Здравствуйте, хозяин! Мне больно смотреть на эти властно лежащие на столе кости. Я перевожу взгляд выше. Над столом, довольно высоко, — портрет. Наверное, это хозяин кабинета, он снят за письменным столом в соседней комнате. Глаза серьезные, посадка свободная, в одной руке плод распространенного здесь дерева, другая лежит сво-

бодно. Но самое главное, что этот человек — я. Теперь понятно, почему дверь меня пропустила, а тех, кто колотил по стенам — нет.

Я спокоен, я спокоен! Я один в давно покинутом здании. Мне ничто не угрожает. Я спокоен. Спокоен?.. А вы держали когда-нибудь в руках собственный череп?

Только теперь я замечаю положенную среди стола блестящую полоску со знаками, что-то вроде металлической, очень тонкой фольги. Насколько я понимаю, она лежит текстом к двери и, значит, предназначена вошедшему. Что же ты хотел сказать мне, предок?

Дорога. Первый год Возвращения. РЕАНДА

Видит Ур, от этого не хотел. Когда кон Аман сказал: «Видит Ур, я этого не хотел», — Морт осудил его. Сейчас некому осудить последнего Учителя на Дороге. Да и сама Дорога подошла к повороту, за которым — пустота, ничто. Да свершится твоя воля, Ур! Великий Болл создал учение, дополняемое и развиваемое веками. Ему же выпала миссия, равная миссии Болла. Болл учение начал, Морт его завершит. Великий Аман увел преданных в подземелья, но слишком многие остались. Идущим не удалось смягчить гнев Ура. Может, еще не поздно разбудить неофитов и даже этих... ложнобессмертных. Но где твой знак, Ур?

Морт окинул взглядом сомкнутые ряды. Последние, верные из верных, сохраненные им до конца. А зачем? Даже появившись знамение, он уже не в состоянии пробудить всех. Идущим некогда было делать белые кубики! В глубине души Учитель надеялся, что у ложнобессмертных такие кубики есть. Разве мог он предположить, что и они не подготовились? Воля, воля Ура! Свалились сейчас с небы тысяча кубиков, оставшиеся в строю не успеют разбудить всех. Двое суток — и сон становится необратимым. Прошло около полутора!.. Неужели великий грассианин кон Морт погубил целую планету? Как же глубоко Рук проник в души грассиан! Когда колонны неофитов блокировали дома Перехода, их забрасывали камнями, вырывали посохи, оскорбляли! Заблудшие хулили Учение, кто-то сломал драгоценный символ — посох Болла! И тогда неофиты достали кубики. Разве не он, Учитель, внушал им, что на все воля Ура? Вот и исполнилось по слову его, пошли колонны, погружая в сон всех, кто

встречался, уничтожая все, что напоминало о происшедшем с момента Разделения. Книги, документы, портреты ненавистного Ропура, статуи. Только одну, напротив храма, на месте бывшего главного входа, оставили в назидание. Но кому? Коны-ученые из Идущих присоединили к статуе механизм. В полдень она должна поворачиваться, бессильно и злобно глядя на торжествующую громаду храма. Почему же такова твоя воля, Ур? Разве будет торжествовать пустой храм над статуей? Разве не одинаково бессильны и злобный взгляд Фиера и гордый взлет шпиля?

В подземельях хватало «Несущих жизнь», чтобы возродить Грассу, но на все была воля Ура. Когда неофиты стянулись к центрам, оттуда последовал ответный удар. Разве знал кон Морт, что излучение кубиков не пробивает защиты? Почему его не предупредили? Где это ничтожество кон Мал? Воплощение смрадного дыхания Змея, где он ползает по светлому лику Грассы? Неужели и он не знал, что излучение впитывается в почву? Кон Морт вывел наружу своих вернейших, а через несколько часов гибельный сон просочился внутрь подземелий и там сейчас такая же тишина, как и здесь. И это твоя воля, Ур?.. Ни одной «Несущей жизнь» нет в рядах вышедших с ним неофитов. Некому более возродить жизнь на Грассе. Есть только несколько белых кубиков, они смогут пробудить немногих... Но зачем? Может быть, расчищается путь новым грассианам, может быть, это и есть Дар? Дай знамение, Ур!

Но неужели те, в центрах, останутся безнаказанными, они, расколотившие и погубившие Дорогу! Как ~~во~~нять твоё молчание, Ур? Для чего ты оставил меня бодрствовать?

Первым годом Возвращения назвал я этот год. Может быть, теперь, завершив путь, грассиане снова обретут Дар? А иначе в чем воля твоя? Возрождение придет не из проклятых центров. Он, кон Морт, окружит их кольцом верных и будет ждать. Ученые выйдут, обязательно выйдут — и везде настигнут их стрелы Ура и его, кона Морта, воля. Твоя великая воля!

По рядам неофитов прошла легкая рябь. Шевеление становилось явственней, до Морта долетел шум. Кон Морт поднял голову, замершие под его взглядом неофиты сдерживали кого-то, рвущегося сквозь строй. Учитель поднял руку. Ряды расступились, из строя вылетел человек, не удержавшись на ногах и рухнул на камни лицом вниз. Серый кубик вылетел из его рук и упал к ногам ко-

на Морта. Упавший был худ и оборван, что-то знакомое увиделось в нем Учителю. Носком сапога Морт помог ему перевернуться. Лицо лежащего было разбито ударом о камни, но Морт сразу узнал его. Это был кон Мал. Виновник всех несчастий Грассы! Вот он, окровавленный и оборванный, у его ног! Из разбитого рта вырывались какие-то звуки, кон Морт наклонился, чтобы лучше слышать.

— Это ты... это ты должен заснуть, убийца. Центры еще стоят, оттуда вернется жизнь, оттуда...

Мал говорил еще что-то, но кон Морт, охваченный радостью, уже не слушал. Он понял — Ур дал знамение! Ур остановил преступную руку Мала, уже готовую сжать кубик. Ур прервал его бег — не в центре, а здесь, у подножия кона Морта, Учителя. В этом знак и повеление. Ученые не выйдут из центров. Я понял. Да свершится воля твоя над твоей Грассой!

Дорога. 35 год Свершения. III научный центр вблизи ОРТЫ

Единственно, чего еще не понимал кон Ропур, это зачем ученые привезли его сюда. Он, Ведущий, должен был погибнуть — он уже погиб — в каждом из спящих сейчас грассиан. Как же много оказалось его, кона Ропура — в каждом из грассиан, и еще что-то осталось! Слава Уру, у него не было детей — Грассе больше не нужны коны Ропуры. Что Морт? Морт — фанатик. Разве пробовал кон Ропур остановить неопитов, разве искал к ним пути? И почему, почему он не принял мер к защите своего народа?.. Ты запретил насильственную смерть на Грассе, о мудрый Болл! Взгляни же на дело рук моих по слову твоему! Как получилось, что верные Учению — и нарушили главный завет? И как получилось, что мы, преступившие, оказались ему верны? Зачем же все-таки привезли его сюда?

В дверь тихонько постучали. Кон Ропур махнул рукой. Разве этот старик в кресле кон Ропур? Разве он Ведущий? Разве есть еще грассиане, которых нужно вести? Ну, пусть войдут.

Кон Фиер приветствовал Ведущего традиционным «Ровной Дороги» и, пораженный, остановился. Ропур, который уже давно не улыбался, — захохотал каркаяще, кашляя и задыхаясь.

— Вам плохо, Ведущий? Может быть, воды?

— Воздуха! — Кон Ропур справился с хохотом, еще продолжая всхлипывать. — Какой «Ровной Дороги», кон? Дороги куда? Неужели не видите, что мы уже пришли?

— Не говорите так, Ведущий. Грасса бессмертна!

— Грасса — да. Но не грассиане, Слушаю вас, кон ученый.

— Я пришел, чтобы проводить вас в лабораторию, Ведущий, необходимы кое-какие исследования.

— Исследуйте себя или тех, спящих. Я привел Грассу туда, куда привел, и останусь с ней здесь.

— Это ваше право, Ведущий. Вы хотите до конца выполнить свой долг, а мы хотим выполнить свой. Мы хотим возродить Грассу.

— Грассу? Разве что грассиан. Наука — еще не все, кон. Каждый грассианин не только существо, но и сущность — вера в Дар. Теперь уже невозможно возродить веру!

Кон Фиер помедлил. То, что он собирался сказать, пугало его самого.

— Скажите, Ведущий, может ли существовать вера без ее носителей? Возможен ли Дар, если нет грассиан?

— С этими рассуждениями, кон Фиер, вы лучше обратитесь к Учителю, а я устал. Я стар, кон Фиер.

— И все-таки, Ведущий, выслушайте меня. Мне очень важно, чтобы вы меня выслушали!

Кон Ропур закрыл глаза. Пусть Фиер понимает это как знает. Закрытые глаза — и согласие слушать и несогласие. Пусть решает Фиер. Так, с закрытыми глазами, Ропуру казалось легче выдерживать высокий режущий голос Фиера. Он не отстанет, нет. Было бы глупо думать, что он отстанет. Это кон Ропур знал еще по его отцу. Тот никогда не останавливался на полпути, не остановился и на лестнице, докатился до самого низа.

— Вы отослали меня к Мёрту, Ведущий. А ведь он мертв! И все они там на поверхности и в подземельях мертвы. Я это знаю, и вы тоже знаете.

«Во имя Ура! — подумал Ропур. — Что сделали мы с собой? Еще недавно одна мысль о подобном свела бы с ума половину планеты. А вот он говорит: «Мы убили грассиан» — и не падает в обморок, не сходит с ума. И я слушаю, но не плачу, а только чувствую огромную усталость. О, мудрый Болл, предсказала ли тебе твоя мудрость во сколько дней планета отречется от Заветов?»

— Ведущий, — продолжал Фиер. — Мы можем пробудить какую-то часть грассиан, не всех, кон Ропур, не

всех! Вот только стоит ли? От вашего слова будет зависеть решение. А от этого решения судьба Грассы.

— Зачем вам мое слово? Кому нужен Ведущий на планете, населенной только учеными?

— Пока мы живы — мы грассиане, а вы наш Ведущий.

«Я уже принял одно решение,— безнадежно подумал кон Ропур.— Разве моя была воля?»

— Я слушаю вас, кон.

Тон последней фразы Ропура не был тоном Ведущего. Но сама фраза звучала официально. Быстрой походкой кон Фиер обогнул стол и включил информер.

— Все центры Грассы слышат то, что скажу я, Ведущий. Они должны услышать и ответ.

— А я узнаю, что думают другие коны-ученые? — спросил Ропур. Снова, волею Ура, ему придется решать. И снова ответственность падет на него. Кто бы знал, как ему не хочется брать ответственность на себя!

— Конечно, кон Ропур. Вы сможете поговорить с любым. Нас не так уж много, нас всего триста.

— Двести девяносто девять, кон Фиер!

Фиер схватил информер:

— Почему? Кто говорит?

— Шестой центр. Один из нас отправился в город, он сообщил, что колонна неофитов скрытно располагается вокруг центра. Сообщение внезапно прервалось. Очевидно, неофиты отказались от штурма и блокировали нас. Если мы не применим излучение...

— О силы Рука! — Фиер даже не скрывал потрясения.— Как этому фанатику удалось их уберечь от нашего первого удара?

— Видимо, в момент излучения неофиты находились в подземелье и вышли прежде, чем излучение впиталось.

— Спасибо.— Кон Фиер внезапно успокоился.— Будьте осторожны. Не выходите за пределы защиты.

— Предлагаем еще раз нанести удар,— настаивал информер.

— Нет! — с яростью закричал кон Ропур. На Грассе еще есть грассиане и он все еще Ведущий.— Нет, запрещаю!

Кон Фиер наклонился к информеру:

— Слышали? Мы обсудим этот вопрос, кон.

— Не будем обсуждать! — властно сказал Ропур. Но то ли он был уже не тот, то ли Фиер стал не тем...

— Хорошо, не будем. Но вы выслушаете меня. Про-

сто выслушаете и потом примете решение. Но только выслушаете внимательно, до конца.

Кон Ропур кивнул. Решение за ним — к чему лишние слова!

— Ситуация такова. В центрах двести девяносто девять грассиан. Из них двадцать — женщины. За пределами центров гвардия Морта — самые-самые. Разговаривать с ними бессмысленно, они не вступят в переговоры. Единственный способ снять блокаду — усыпить их одновременным ударом.

— Нет, — сказал кон Ропур. — Запрещаю!

— Я еще не кончил, Ведущий. Численность ученых и соотношение полов не позволит нам удержать жизнь на планете.

«Я тоже вымру в одном поколении, но хочу дожить, зная, что прекрасные просторы Грассы не безлюдны», — подумал кон Ропур.

— Казалось бы, единственный выход — пробудить достаточное количество грассиан, выбирая главным образом женщин. Сколько успеем.

— Ради шанса спасти сотню грассиан уничтожить тысячи?

— Я сказал «казалось бы». Но увы... Мы проводили опыты... Удар, нанесенный из всех центров, охватит всю планету. Спящий, попавший под повторное излучение, в девяносто случаях из ста уже не проснется. Есть предположение, что у проснувшихся уже не будет детей.

Информер донес слитный гул голосов, а кон Ропур почувствовал огромное облегчение. Он все-таки доживет со своим народом! Даже этих, вокруг центров, он ощущал как свой народ.

А голос Фиера набирал силу.

— И это к лучшему, кон! Видит, Ур, я не кошунствую. Грасса погибла, Дорога окончилась. Возроди мы часть населения — смогли бы они жить на такой планете? Куда деть память о родных и близких, знакомых и друзьях? Вы сможете жить с такой памятью, кон?

— Значит, все оставить, как есть? — Ропур не понимал, чего ради Фиер так много говорил.

— Нет, Ведущий. Слишком прекрасна наша планета, чтобы остаться без разума.

— Вы противоречите себе, кон.

— Возродить — но не сейчас. А через сто, двести, триста периодов. Даже нет. Сделать возрождение возможным. И пусть Ур решит, быть ли грассианам на Грассе!

— Как это через триста периодов?

В глазах Фиера полыхнул огонь. И Ведущий понял, что согласится, снова согласится — и сделает все, чтобы воплотить замысел в жизнь, чем бы это ни оказалось.

Рай-на-задворках.

ДОЛИНА ЭДЕМ.

Из дневника Сержа Арно. (Катушка VI, реконструкция)

Кто я? Этого не может быть, этого не должно быть! Кон Ропур, Ведущий, лжет, лжет!.. Я помню каждую родинку на маминой руке, каждую складку на лице отца. Зачем я учился этому мерзкому языку? Три часа под гипноизлучателем, чтобы узнать... Нет, нет и нет! Позвольте представиться — призрак, привидение, нежить: бывший механик исследовательского космолета «Алена», бывший землянин Серж Арно. Последний грассианин и наследственный глава мертвой планеты. Не потребовать ли от Стаса официальной делегации? Или объяснить землянам войну, благо боевая машина со мной? Эх, кон Ропур, Ведущий!..

С утра все, кроме дежурной смены, собрались на «Курорт» около Города. Что мешало прочесть эту табличку раньше? Чужая планета или мой дом? Где грассианин, а где землянин? Подлая ловушка для всего живого — вот что этот Дар! Благодарю, Ур, или как тебя там, Болл! Спасибо и тебе, предок... Нет, этого просто не может быть. Он пошутил, вот и все. Хотя какая же шутка, если я, рожденный за многие миллионы километров отсюда, — его точная копия? И послание — вот оно, оно же существует!

«Здравствуй, потомок! Узнал ли ты уже правду о своем происхождении? Проклинаешь ли наше коварство? Все равно — здравствуй, потомок. Ты непременно будешь среди тех, кто придет на место ушедшего с Дороги народа. Это клятвенно обещал мне кон Фиер. Не сразу, после мучительных раздумий, — я согласился, хотя должен был отказаться. Что-то непонятное и нечестное в центрах, поджидающих грассианоподобных. Уж не посягнули ли мы на волю, более высокую, чем воля Ура; уж не замахнулись ли мы на чужую Дорогу? Почетна миссия пройти Дорогу до конца, стократ почетнее возродить, нет, основать еще одну новую, в бесконечной Вселенной. Но почему-то многие отказались, и мне, последнему Ведущему,

отказаться бы вместе с ними. А я не смог, я должен участвовать в возрождении Грассы, я, приведший ее к концу.

Это была прекрасная планета, потомок, и мы были добрым, трудолюбивым, веселым народом. А как чудесны легенды Учения, как мудры заветы Болла! Переведите их на свой язык. Как певуча и торжественна была наша речь — изучите ее. Мы имеем право на возрождение. Но почему я уверен, что все будет так? Не слишком ли мал шанс? Сделано все, чтобы центры работали максимально долго. Но не вечно же... И если вы придете, это станет первым знаком правильности и доброты наших намерений. Ибо суть заветов Болла — доброта, и разумным быть не должен. В это я верю.

Прости меня, потомок, если считаешь, что я неправ. Доброй Дорогой тебе и твоему народу, если не захотите возродить наш.

Кон Ропур, Главный Ведущий».

Вот так. И это славный народ, мои предки? Устроить ловушки, в которые можно свободно проникнуть и подвергнуться перестройке генетического аппарата? Заложить мину в организм ничего не подозревающих разумных существ, сделать их детей не их детьми! Теперь я понял своего отца. Об этом предупреждали картинки в пещере, поэтому он сторонился людей, поэтому не хотел жениться. Как тщательно искал он во мне грассианина! Они многое предусмотрели, эти Ропуры и Фиеры, но все-таки ошиблись. Я землянин, а не грассианин. У меня земные мать и отец. Моя дорога — дорога Земли! Скажи они честно — мы погибли, но можем возродиться, помогите! Рискнули бы мы? А ведь наверное, рискнули бы!..

Нет, так нельзя. Я, Серж Арно, землянин. Я должен предупредить своих. Решать — дело Земли. А я обязан предупредить и все. Я, слава Уру, не Ведущий!

— «Алена», «Алена», говорит Серж Арно, прошу срочного соединения с координатором... Варнисом... Чандром... Где? И уже нет связи? Отзовите их обратно. Чрезвычайно важно.

Все... Впрочем, я еще могу успеть. Конечно, кто-то уже мог получить свою долю воздействия, но руководители первый раз выбрались на «Курорт». Стоп, а чего бояться? Что они не вернуться на Землю? Вернулся же отец. Хотя какой смысл задерживать его одного? Другое

дело космолет — целый город. Ведь расчет был на взрыв в поколениях! А я уверен? Может, это еще и внушение?

Ладно! Ты выполнил свой долг перед Грассой, предок, а я выполню свой перед Землей. Мы не будем решать вашу судьбу тайно, мы сделаем это явно. Так будет честней. Однако, если я копия Ведущего, он был неплохим парнем!

Давай. «Тигрик», жми! Они, конечно, оставили все у входа и связи нет, но, может-быть, успеем. Вот и купол, вот вход. Проклятая защита! Ясно видна вся их группа у здания (точно как на картинке в пещере). Они так сосредоточены, что даже на обращают внимания на приближение боевой машины. Не входите! Не входите! Я не успеваю, не успеваю позвать... Да не входите же в дом! Но у меня есть боевая машина... Залп... Нет, не помогает! Я должен успеть! Значит — поле о поле, защитой с защиту... Ровной Дороги, «Тигр»!

Рай-на-задворках. ДОЛИНА ЭДЕМ.

Исследовательский космолет «Алена»

Это был кошмарный сон. Они стояли у входа в красивое трехэтажное здание с параболическими зеркалами на месте окон второго этажа. Зеркала тянулись вдоль всего фасада, как пояс. Кто первым обратил внимание на то, что наклон этих зеркал неодинаков, а плавно меняется от торца к торцу? Ах да, он сам, Комаров. Кажется, он собирался предложить какую-то гипотезу, но не успел. Первой заметила боевую машину Стен.

— Смотрите, Арно,— крикнула она.

Теперь Стас вспомнил, что Варнис облегченно вздохнул. Тогда он не придавал этому значения.

Силуэт машины, ослепительно четкий на фоне гор, нарастал стремительно. Стас подумал, что если Арно так лихо пронесся через город, ему придется отвечать. Нет, сколько можно прощать? Особые полномочия — это много, но у координатора тоже есть полномочия...

— Смотрите, смотрите! — пронзительно закричала Светлана.

Станислав успел заметить все: и поворот головы Чандра, и мгновенный рывок Варниса, и отчаянно выброшенные руки Светланы.

Ослепительно сверкнула молния, изогнулась, повторяя изгиб купола, и ушла в небо.

— Бесплезно,— прошептал Варнис.

Машина сделала стремительный поворот, словно прыгнула вбок и скрылась за мерцающей радужной пеленой — Серж включил силовую защиту.

Внутри купола было тихо. Космолетчики знают, как ревут двигатели боевой машины на форсаже, а кто хоть раз слышал залп излучателя, не забудет этого никогда. Но для стоящих у крыльца все происходило беззвучно и от этого еще страшнее. Вслед за молнией Арно пошел на таран.

Под куполом нарастал пронзительный вой, мелко задрожала почва. Краем глаза Стас заметил, как рухнула часть карниза. Силуэт боевой машины терял четкость — защита утолщалась в месте атаки. Земля по линии соприкосновения с защитой вспучилась и поползла, как ленивая морская волна. Боевая машина бросалась на защиту, давила ее вперед и вниз, загоня в землю. Снова молния, еще одна... еще... Варнис первым преодолел оцепенение и побежал, размахивая руками.

— Мы видим, мы возвращаемся!

Но было поздно. Инструкция запрещает пользоваться излучателем из-под силовой защиты более двух раз подряд. На мгновение машина стала видна снова, потом радужная пелена окружила ее, словно распираемая изнутри. Огромный столб земли, травы и того, что когда-то было Сержем Арно и боевой машиной, взвился в небо. Под куполом потемнело: выброшенная взрывом земля, рухнула на него сверху. В остолбенении Стас смотрел, как она медленно сползает по куполу, снова открывая ясное синее небо. А потом он услышал тонкий звон падающих осколков зеркал, разбитых вибрацией, и невероятно громкий плач Светланы Стен:

— Вот вам особые полномочия, вот вам «не мешать»! Это вы убили его, вы!..

Разведчики тщательно собрали все, что осталось на месте взрыва. В том числе и часть катушек с дневником: иридиевая пленка — вещь чрезвычайно прочная. Вечером они слушали быстрый голос механика. Странно и жутко звучал он теперь... Еще до того, как Варнис, Чандр и Стен пришли в его каюту, Станислав отдал приказ свернуть все работы на планете. Корабельный мозг полностью согласился с его решением.

Когда голос Арно захлебнулся на последнем хрипящем: «Ровной Дороги...», тишина показалась еще более громкой.

Пока катушка звучала, Чандр ерзал в кресле и негромко гудел в бороду.

— Собственно, мы уже...— начал он. Но его прервал Варнис:

— Собственно, скажу я. Думается, я могу осветить некоторые темные места. Общий ход моих рассуждений был предрешен заранее, еще в Совете. И учтите, я должен предупредить, что эти сведения разглашению не подлежат.

— Ого! — иронически сказала Светлана.— Когда-то это называлось детективом. В Совете их читают?

Если Стен хотела вывести Варниса из себя, это ей удалось.

— Детектив рассказывал о преднамеренных нарушениях закона,— заговорил он голосом шлюзового контрольного автомата.— Строился по законам логики и, по сути, был решением логической задачи. Это — первое. Второе: предками были разработаны комплексы мер, направленные на предотвращение разглашения информации, могущей нанести вред государству. Это отпало с исчезновением государства. Но информация может нанести вред обществу в целом или отдельной личности.

Тут тон Варниса сменился на вкрадчивый.

— Ведь психологически и биологически мы не так уж отличаемся от предков, не правда ли? Вот потому определенная информация, не носящая общественного характера и могущая нанести вред личности, должна быть известна только тем людям, которым она необходима для осуществления их деятельности.

— И Серж Арно именно такой случай? А какой это умник решил, что мне, руководителю психологов экспедиции, информация об ее члене не необходима для деятельности?

Комаров даже не подозревал, насколько ядовитой может быть обаятельная Светлана. Варнис смешался.

— У нас не было уверенности... Я должен был сообщить вам в крайней ситуации...

Стен бросила на него уничтожающий взгляд и отвернулась. Дальнейшее Варнис рассказывал торопливо, словно стараясь избавиться от того, что знал.

— Началась эта история сразу после расформирования корпуса разведчиков. Был один случай инфекционного заболевания, проявившегося через семь лет, были и другие случаи. Чаще всего разведчики замыкались, отличались странностями. Их никак не ограничивали ни в вы-

боре места жительства, ни в профессии, наоборот, всячески помогали вживаться. Однако у жизни в широком смысле слова неограниченный спектр возможностей, и мы в состоянии только реагировать, но не предусмотреть все меры защиты. И тогда был разработан проект «Око».

Чандр издал звук, средний между шипением голодного питона и рыком прогреваемого двигателя космоскафа. Но Варнис сбить себя не дал:

— Мы разработали полную защиту от всех мыслимых покушений на нашу жизнь, психику и т. д. Конечно, большинство допущений маловероятно, но не невероятно вообще. Короче говоря, элемент проникновения в глубокий космос уменьшается только нашей способностью быстро разглядеть и эффективно отреагировать. Отсюда — строгости корабельного устава, послеполетный контроль и, наконец, — отсюда проект «Око», то есть защита информации. Вероятность того, что косморазведчик несет потенциальную опасность для человечества, — невелика, но все же, как ни мало в этом приятного, им приходилось быть под наблюдением. Например, к каждому прикреплялся специально подготовленный врач. Конечно, брак Петра Арно и его врача предусмотрен не был, но мы в Совете посчитали, что вреда это не принесет. Врач обязан выходить на Совет только в случае каких-либо явных отклонений, а в остальном взаимоотношения строились, как обычно.

Первый неопределенный сигнал мы получили, когда Серж вышел из космошколы на флот. По сообщению Анны, Петр Арно полагал, что на планете, названной им «Рай-на-задворках», его генетический аппарат подвергся перестройке с целью превращения его потомства в подобию местных жителей. Но доказательств, кроме воспоминаний о каких-то картинах, он не имел.

— Те, которые разрушил Серж в пещере? — вспомнил Комаров.

— Очевидно. Выглядело это не очень серьезно, но мы подняли материалы Петра Арно. Сами понимаете, один разведчик на всю планету не в состоянии дать полного отчета о положении дел. Были описания, образцы растительности, минералов. Были общие схемы механизмов, но ничего, что подтверждало бы опасения. Вот здесь, наверно, крылась наша ошибка. Правда, Анна Арно, талантливейший человек и умный врач, указывала на одну деталь... Петр Арно часто ставил сына перед собой и бормотал: ну, вылитый, вылитый... Теперь можно с уверенностью

сказать, что он имел в виду Ропура. Мы, правда, нашли только два его достоверных портрета, но ведь осмотрен досконально всего один Город!

После сообщения Анны мы тщательно исследовали Сержа Арно под видом обычного предполетного осмотра, но включили туда некоторые специальные исследования. Ничего. Впрочем, можно так вмонтировать генетическую мину, что она взорвется, скажем, во втором поколении. Исследование после первого полета Сержа дало тот же результат. Мы успокоили Анну и перестали приглядывать за Сержем, пока аналитический центр Космофлота не включил его в список экипажа «Алены». Дело в том, что в память Центра не вводились данные по проекту «Око», они были лишь в нашей машине. Вводить их в Центр космофлота — значило посвящать новых людей.

— Конспираторы,— непримиримо пробурчала Стен. Варнис дернулся.

— Тогда Анна проявила бешеную энергию. Она протестовала устно и письменно, неоднократно порывалась поговорить с сыном. Но мы считали, что совместная жизнь с Арно выработала и у нее некую предвзятую идею. Все же кое-кто в Совете заколебался... Поймите и нас. Если существовало такое воздействие, оно неминуемо должно было проявиться. Но когда и как? Оно несло потенциальную опасность для человечества, и мы не могли не использовать шанс раскрыть ее. Не имели права. Поэтому я пошел в этот рейс, поэтому настоял на предоставлении Арно полной свободы. Но я никак не ожидал такого конца. Впрочем, правильность моих действий разберет специальная комиссия. А пока я передаю свои полномочия координатору.

Варнис с некоторым вызовом посмотрел на Светлану Стен и протянул Комарову жетон. Станислав взял его и почувствовал холодную тяжесть небольшого кружка. Он повернулся к Чандру.

— Серж был прав, считая, что генетический аппарат многих из экипажа уже мог быть перестроен?

Чандр совершил несколько колебательных движений бородой и неожиданно четко ответил:

— Мы пока не имеем точных данных. Аппараты, предположительно создающие воздействие, переданы физикам.

— Другими словами, население планеты действительно можно возродить? Именно тот тип жизни, который был здесь до гибели?

— С большой вероятностью.

— Тогда я принимаю решение. Экспедиция немедленно возвращается на Землю. Срок готовности к полету — двенадцать часов.

Светлана подалась вперед — возразить, но между ней и Стасом на его вытянутой руке раскачивался жетон особых полномочий.

Дорога. Окраина ОРТЫ

Великий Ур, это милость или кара? Он, 327 Учитель на Дороге, верил, что Ур говорит его устами. А теперь не знал — милость или кара. Кон Морт вчера вечером спустился в подземелье близ Орты. Здесь, еще в самые первые годы Ухода, на берегу маленького подземного озера была база отдыха. Потом они освоили внутреннее море и эту базу забросили. Один кон Морт любил отдыхать здесь. Посвеченная тусклыми лампами, вода казалась пугающе зеленой и холодной. На самом деле озеро питалось теплыми ключами. Кон Морт обдумывал здесь свой последний, решительный шаг. Оказавшись вблизи Орты, он просто не мог удержаться от соблазна посидеть на берегу и подумать. Когда утром Морт поднялся на поверхность, отряд неопитов спал: на рассвете ученые нанесли свой удар. Морт не стал проверять другие отряды — все было ясно. Милость Ура или кара — вот последнее, что занимало его в это утро, уже не первое в его одиноких скитаниях.

Как прекрасен был восход! Давно Морт не слышал такой ликующей тишины. В подземелье, на берегу озера, тоже царил тишина, но она была совсем другая — сырая, настороженная, притаившаяся в расщелинах камня. Здесь же все пело под лучами солнца, каждый листочек, каждая травинка. И голоса птиц, беззаботно распевающих на пустых улицах некогда шумной Орты, и звонкие шлепки перезревших тугих шаров орры о землю — все это было первозданной, древней, до появления Дороги, тишиной. И где-то в безоблачном небе вечный Ур готовил Дар новым грассианам. А в сырых ущельях гор уже шевелился в яйце будущий Змей, сподвижник мрачного Рука. Приходит день — и уходит день, набегающая волна — и с шипением откатывается обратно. Были грассиане — и будут снова. Великий Болл положил начало Дороге, великий Морт ее завершил. Их деяния равны перед вечностью, и он, Морт, бредет по дороге в таком же одино-

честве, в каком выходил на нее Провозвестник. Хвала тебе, о великий Ур!

Морт действительно чувствовал себя повелителем этого прекрасного мира. В нем одном слились тысячи и тысячи Идущих, оставивших тем, кто придет, ухоженный, чистый, ликующий мир. Сотрет время следы ушедших, стряхнет Планета камень городов, поглотит трава шрамы дорог — все так же будет сиять светило, петь птицы и звонко разбиваться о землю золотистые шары орры. Хвала тебе, Ур!

Неожиданным и отвратительным диссонансом прозвучали шаги. Чье-то присутствие, кроме него, Морта, нарушило гармонию. Он сразу вспомнил еще сидящих в центрах ученых. Во имя Ура, это же несправедливо!

Из-за угла показалась фигура грассианина. Сгорбленный, опирающийся на посох, похожий на посох Болла, он приближался медленной, усталой походкой. И что-то знакомое показалось Морту в этой фигуре. Никогда еще Морт не был так близок к тому, чтобы возроптать — если кто-то должен уйти первым, так это кон Ропур, Ведущий. А он бредет сюда, растеряв своих ведомых! Кон Морт подтянулся, принял величественную позу и молча ждал, пока Ропур приблизится. Каждой клеткой своего жилистого сухого тела Морт ощущал желание схватить Ведущего за шею и сжимать, пока дыхание его не перестанет отравлять благоухание мира. Еще лучше подошла бы стрела, которую Ур метнул в Змея. Вот это полностью завершило бы круг.

— Ровной Дороги, Учитель, — кон Ропур подошел совсем близко. Морта поразили его слова. Бесконечное спокойствие слышалось в голосе Ропура, и глаза его глядели с твердым спокойствием.

— Какой Дороги, несчастный? Куда Дороги? Где грассиане?

— Они придут.

— Что значит «придут»? — Морт утратил монументальность и изменил позу. — Новые грассиане пойдут по новой Дороге, а ваш прах развеет ветер, размоет дождь, поглотит земля.

— Наш прах, Учитель. Но мы же и останемся. Не все, но останемся. Я прошел долгой дорогой от Реанты до Орты. Я прошел пешком, Грасса прекрасна. Найду ли я ее такой, когда вернусь? Тебе легче Учитель, ты не вернешься.

Страшное кощунство творилось в опустевшей Орте.

И, всего страшнее, кон Морт чувствовал, что слышит правду. Он молча ждал.

— Я сложил сказание, пока шел. Я не Болл, может быть, ты, Учитель, единственный, кто услышит это. Разными дорогами, но к единому концу пришел наш народ. Да и как иначе — ведь мы дети одного отца, Ура, и одной матери — Грассы. Тебе будет легче умирать, Морт, если ты узнаешь, что наш народ все же бессмертен. Слушай.

Вечна Дорога, и вечно на ней обновленье.
Кто ты, пришедший из дали влекущей Вселенной?
Кто ты, дитя искрометной и радостной жизни,
Вскормленный силой чужого для Грассы светила?
Ревностно небо к рожденным его синевою,
Встанет Земля на защиту рожденного ею.
Смеем ли мы отбирать эту теплую искру,
Дар незнакомых и чуждых для Грассы богов?
Все же приди, помолчи над ушедшею жизнью,
В Центр ступи, сохраненный от гнева столетий.
Это не зло, а покорная просьба народа,
Брата по жизни, столь редкой в просторах Вселенной!
Если действительно вечно над нами Светило,
Если действительно разум — его порожденье,
Искорку жизни, угасшей на этой планете,
В дом свой возьми и дыханием теплым раздуй.
Видишь дитя? Полюбуйся прекрасным ребенком,
Вслушайся в лепет, возьми его пальцы в свои.
Верю, что жизнь не допустит погибели жизни.
Верю, полюбишь — и наш возродится народ!

— Что это? — прошептал Морт. — Что это значит?

— Рано или поздно на Грассу придет иная жизнь. Иная, но подобная. И в ней возродятся грассиане. Вот и все. Прощай, Учитель. Жаль, что не будет на новой Грассе нового Морта. Как будет нехватать его моему потомку! Я встречу свой конец во Дворце. Ты остаешься один, Морт. Ровной тебе Дороги!

Кон Морт не пытался задержать уходящего Ропура. О, какое коварство, какой гнусный замысел! Ур, ты слышал это? Слышал и не вмешался! Да есть ли ты вообще? Невыносимо горько было кону Морту представить на возрожденной Грассе конов Ропуров, Малов и даже Фиеров, но без него великого Учителя. Он, кон Морт, никогда не поделился бы жизнью своего народа с другим. Но это

сделано, и на планете будет жизнь — без него. Не прав ты, Ур...

Кон Морт не запомнил дороги, он очнулся только у храма, прямо напротив входа. Он стоял, напряженно выпрямившись, вслушиваясь и вглядываясь. Пусто было в Реанде. Сзади раздался шорох. Кон Морт обернулся — статуя Фиера повернулась к храму и бросила на Учителя грозный взгляд. Вот она, кара — каменный Фиер смотрит на жалкого Учителя, бестрепетно и сурово смотрит на храм.

«Интересно, — подумалось Морту, — когда грассиане возродятся, как отнесутся они к этому идолу? Простят ли ему гибель народа? И возродят ли храм?»

Легкий ветерок качнул ветви деревьев у памятника, и по каменной фигуре заметались тени. Кону Морту показалось, что Фиер поднял руку. Испугавшись, Морт метнулся в полуоткрытые двери храма. Его охватил озноб. Вся Грасса была сейчас так же пуста и безлюдна, как этот храм. Придет возрождение или нет — но пока Грасса умерла. Пока не вернулся Дар — тело смертно. Такова воля Ура. Здесь когда-то обитала душа Грассы — Учение, и здесь тоже было пусто. Душа Грассы умерла, а с нею умер и он, Учитель. Даже если сейчас появится блистающий Ур с Даром в руках, — он уже не воскресит кона Морта.

Но что-то еще держало Учителя на Грассе, что-то не сделанное. Медленно, тяжелым шагом кон Морт прошел через Реанду и углубился в горы. О, если бы с обрывов сошла лавина и накрыла его, как Болла! С этой единственной мыслью он поднимался все выше и выше, пока не оказался на узкой площадке у подножья одной из скал. Длинная, в рост человека щель, прорезала скалу сверху донизу. Кон Морт узнал это место — отсюда так красиво смотрелась лежащая у ног Реанда!

Когда-то, давным-давно, были приготовлены запасные выходы — тайные. Здесь, кажется, была еще и естественная пещера, которую кон Морт приказал оштукатурить и покрасить. Да, вот она. Ощувив знакомый воздух подземелья, кон Морт подумал, что он должен предупредить. Предупредить чужую жизнь. Если Грассе суждено возродиться, она должна возродиться сама. Он уже знал, как предостеречь пришельцев, но где это сделать? В храме? Выдержит ли храм натиск времени? Что вообще способно ждать века? Только творение природы. Разве не

захотят неведомые пришельцы полюбоваться отсюда видом на Грассу?

Недалеко от входа, в одном из помещений, кон Морт отыскал краски. Его даже не взволновал вид лежащих в разных позах грассиан. Чего бояться мертвому среди мертвых, о чем жалеть? Сейчас кон Морт думал только об одном — как сделать предупреждение понятным.

Завершив работу, он понял — удалось. Последняя пакость Рука — ловушки в центрах — будет посрамлена. Он, Учитель, воистину завершил Дорогу Грассы. А теперь пора, народ ждет своего Учителя. Торжественный и строгий, кон Морт прикрыл за собой дверь и пошел, твердо ступая по коридору, вглубь подземелья.

**Из воспоминаний Станислава Комарова,
члена Совета космонавтики,
сопредседателя Объединенного комитета планет**

...Я показал Светлане жетон не потому, что хотел опереться на авторитет более высокой власти. Хотя власть координатора — фикция, не понимаю, почему мы сохраняем ее? Удивительное дело, когда Ляо Ши поставил вопрос о координаторах в Совете, я, представьте себе, голосовал за ее сохранение. Было это... в две тысячи двести пятидесятом. Так вот, я воспользовался жетоном скорее из чувства неуверенности. «Бык» меня не поддержал. Для «Быка» Арно, а тем более картинки — не указ. Я бы тоже сдался, начни Светлана меня уговаривать. На Земле были недовольны, что ни одна исследовательская программа не выполнена до конца, мне с Варнисом и Чандром пришлось долго отбиваться. Но время нас рассудило. А тогда... Особенно свирепствовали физики. Я вообще перестал обедать в общем зале в то время, когда туда вваливались, врывались, впихивались молодые и злые гении. Их недовольство принимало такой характер, что мне казалось — сейчас будут бить.

На Земле, узнав о нашем возвращении, впали в панику. Если исследовательский космолет возвращался до срока — значит, беда. И пошло — запрос за запросом, чем больше я объяснял, что все в порядке, тем больше на меня наваливались. А аргументов — с гулькин нос, одна интуиция. Кстати, в положении о координаторах интуиция учтена и даже специальный параграф есть, но никто и никогда им не пользовался, — случая такого не было. В конце концов Варнис (он тоже со мной отбивался) не

выдержал — пришел с Чандром ко мне в каюту. Стали думать, очень нехватало Светланы, но она с отлета ко мне и носа не показывала. Сказала только, что я — доказательство ее профессиональной несостоятельности: весь рейс под ее носом разгуливал потенциальный пациент, а она и не заметила. Варнис с порога предложил взять ответственность за возвращение на себя, жетон-то я ему вернул. Но я отказался: так или иначе, а решение принял я и отступать не собираюсь. До Солнечной системы уже рукой подать, и диспетчер на Луне-главной просто пеной исходит. Ему неясно, карантин какой степени нам устанавливать. И чем больше я объясняю, что обычный, тем больше он сомневается. В общем, если бы не Варнис, я, может, и назад бы повернул. Хотя потом век за топливо отчитываться, его не из вакуума добывают.

В тот вечер Варнис мне сказал:

— Послушайте, Станислав. Допустим даже, что у нас нет ничего, кроме интуиции. Но она совпадает с интуицией Петра и Анны Арно — это уже кое-что. И потом, если Земля не поверит члену Совета, известному биологу и тому, кого она сама облекла властью координатора, то я первый потребую всепланетного обсуждения принципов руководства!

Диспетчер Луны-главной все же усадил нас в «особый» карантин, до сих пор вспоминаю об этом с тоской. Природа изготовила людей не лучшим образом, за здоровьем приходится следить. Но так!.. Дай им волю, они всех нас разобрали бы на внутриклеточные структуры. Одни считали — есть изменения, другие — нет. Во всяком случае, ничего угрожающего не обнаружили. Варнис сразу после карантина куда-то пропал, а мне только и осталось твердить, как автомату: интуиция, интуиция... До всепланетного обсуждения не дошло, тот самый параграф выручил, — имел я такое право, и все тут! Время дорого, топливо дорого, но жизнь людей дороже. Есть сомнения — или разрешай, или уноси ноги! Я стоял на смерть — интуиция и параграф! В общем, обошлось.

Потом снова в рейс. Честно говоря, хотелось бы на ту же планету. Но решили, — пока остаются сомнения, экспедиций туда не посылать. Вообще есть у Совета такой пункт — ресурсы не бесконечны, людей всего шесть миллиардов, и для каждого дел невпроворот. Мы с Варнисом заикнулись было о возрождении цивилизации, но нам в лоб: доказательства? А у нас интуиция да Серж Арно, а нам медицинский паспорт Сержа — человек, и

все! Да ведь люди и грассиане похожи! А нам в ответ — в том-то и дело. Ставьте вопрос о колонизации, а не возрождении. Мы только-только Землю в полный порядок привели, солнечную систему освоили, о колонизации других планет еще всерьез не заговорили. Чандру тоже не повезло, хоть он и светило в биологии, да и портрет кона Ропура с планеты прихватил. Если, спрашивают его, вероятность подсчитать, сколько, по-вашему? Процентом десять, говорит. Ну вот, а у нас на двенадцать лет все исследовательский рейсы расписаны.

Я в один рейс сходил, в другой, стал забывать обо всей этой истории. А потом летел на отдых и в Рабате Светлану Стен встретил. Узнали друг друга, обрадовались, разговорились. Она возглавляла Центрально-африканский институт психологии, сейчас выдвинули в Академию. Ну, конечно, Рай-на-задворках вспомнили. Тут она ни на микрон не изменилась. Тогда не верила и сейчас не верит. У нее один ученый над этим несколько лет работал — пережитки религиозного сознания неминуемо искажают картину реального мира. Вот и жители «Рая» сказку об Уре и Возрождении себе создали. Ну, а мне было не до Ура. Я по воздуху земному соскучился, по ветру в лицо. Капа — откуда я вернулся — не Рай-на-задворках, сутками из боевых машин не вылезали. Побродили мы со Светланой по городу и зашли к ней домой. Тишина, покой, птицы в саду поют, муж с детьми к морю улетел. А муж у нее, между прочим, командир разведчиков Белов. Они вскоре вернулись. Слышу, в саду возня, визг... Вбегают два мальчика — и я прямо обомлел. По младшему ничего не заметно, а старший, девятилетний, ну вылитый Арно...

— Светлана, — говорю, — посмотри. Очень на Сержа похож.

Она прямо ошетибилась.

— Серж, — говорит, — красивый мужчина был, но типа самого распространенного. Кстати, мой муж такого же типа.

Я у нее пробыл недолго. Белов, оказывается, детей высадил и, не заходя домой, махнул на космодром. Он в новый рейс готовился. Я и распрощался.

Иду пешком — и вдруг меня осенило. Какой там Серж Арно — кон Ропур! Как живой перед глазами встал.

И полетел мой отпуск в Черную дыру. Первым же рейсом я в Совет. Встретил Варниса, вызвали Чандра,

потребовали срочного созыва совещания. В Работе взяли медицинскую карту старшего сына Белова, положили в машину и получили прогноз. Чандр явился с серией стереопортретов — сейчас, в двадцать пять лет и в пятьдесят. Раскладывает их на столе, а рядом — портрет кона Ропура. Так и ахнули — один человек! Негласно обследовали всех из нашего экипажа. Дети как на подбор — ни в мать, ни в отца. Тоже доказательство, хоть и шаткое — портретов-то с Рая-на-задворках больше нет. Уже о совпадении заговорили, но добрались до Скана, того, который первым на «Курорте-1» побывал. Запросили портрет его сына — вылитый Серж Арно, то есть кон Ропур!

И завертелись — споры, расчеты, дискуссии... Будь возможность помочь другой цивилизации хоть воздухом земным, хоть последним космолетом — и вопроса бы не стояло. Но отдать своих детей? Это за всю историю человечества оставалось неизменным, дети — святое, потому что — будущее. У меня, правда, еще ни жены, ни детей не было, а и то, подумаешь — не по себе. Родить и другой планете отдать, а? Но ведь родить-то здесь, на Земле, от земной любви родить, девять месяцев в себе носить — и отдать... Да кто на это пойдет? Долго спорили. Не о том — возродить жизнь в Раю или нет, а выносить на всепланетное обсуждение или решать в Совете. Постановили — на обсуждение. Земля на две половинки раскололась — с одной стороны, Светлана Стен и с ней три миллиарда землян, с другой мы с Варнисом — и с нами тоже три миллиарда. Когда безжизненных планет навидеешься — за каждую искорку жизни цепляться станешь, тем более, разумную, тем более, так на нас похожую. Я лично твердо верю.

Любая жизнь прекрасна. К примеру, голубой паук с Силуна. Его «демоном» называют — детей пугать лучше не придумаешь. Восемь шипастых ног, шесть хватательных впереди, жвалы — человек поместится. Взгляд красный, пристальный: с высоты четырех метров — глянет, оторопь берет. А мне на Силуне довелось его видеть живьем, он за большим пискуном охотился. И знаете — красив. От панциря голубые блики, движения четкие, но и плавные, весь стремительность, весь порыв. Хозяин!

Ну уж, а Рай-на-задворках!..

Светлана со всех экранов доказывала, что нельзя считать добрым разум, способный устроить ловушки другому, что нельзя считать разумным уничтожение жизни

на собственной планете. Действительно, аргумент... особенно когда с детьми выступала.

— Вот, посмотрите, это наши, земные дети! Разве под тем солнцем они выросли, разве на той траве делали первые шаги? Это я ловила первый лепет, радовалась первой улыбке. Это за мой палец держась крохотной ручкой, он первый раз встал. Гуманность начинается здесь. И не может быть гуманности в космосе, если она родилась из зла на Земле!

К этому времени Чандр уже доказал бесспорное родство детей нашего экипажа с вымершими жителями Рая. Чандр же разработал способ исследования, замучил два исследовательских института, и результат подтвердил нашу правду. Но только в этом факте. К большому нашему счастью, он еще доказал, что для повторения каждое новое поколение надо облучать снова. Таким образом, от следующих генераций грассиан мы были гарантированы.

И мы победили. Как ни странно, помог нам в этом кон Ропур. Помните, в прощальном письме: «О, как прекрасны легенды Учения, как мудры заветы Болла! Переведите их на свой язык!..» По всем видеоканалам мы пустили стереофильмы о Рае и сопроводили его текстом из Учения. Эффект был потрясающий. Честно говоря, мне самому хотелось все бросить и махнуть туда первым же рейсом. А речь Варниса перед голосованием вошла в хрестоматии. Кое-что из нее я сразу запомнил и до сих пор не забыл.

«Миллионы и миллионы километров холодной пустоты. Каменные шары, вечно вращающиеся среди косматых светил, — вот он, космос, крошечной пылинкой в котором несется наша Земля. Миллионы градусов, миллиарды тонн, секстиллионы километров и лет. Что ему, необъятному, слабое тепло наших тел, жалкая паутина наших путей, миг нашего существования? Случайная игра излучений, каприз природы — и нет больше наших городов, прах от наших машин, конец нашим мечтам. Он не враждебен, нет, — он равнодушен, этот космос. Он просто не способен заметить и оценить созданную им жизнь — слишком она мала. Куда ему спешить, холодному? Законы эволюции движут им — они медлительны. Но мы — жизнь, мы живем по законам революции. Мы мечтаем и дерзаем, поем и дышим, любим своих детей. Мы знаем, куда идем, и нас все больше, и мы все сильнее. И все чаще законы мироздания, косные и тупые, отступают перед острым скальпелем разума. Невообразима мощь

космоса, но он не может изменить законы своего существования. А мы — можем. И каждый человек знает, что придет час, и разум скажет космосу — я теперь твой закон! Но для этого надо расти и расти, расширять свое влияние, заселять, обживать, строить! Чтобы все больше в холоде космоса возникало островков живого тепла, несравнимо более слабого пылающей яркости звезд и несравненно более сильного — потому, что живого!»

Мне как космонавту его слова особенно пришлось по душе, а когда он заговорил о Рае и о Серже, все прямо задрожало внутри.

«Вот он, Серж Арно, герой-космонавт, погибший, защищая своих соплатоников. Высшая жертва человека — жертва своей жизни. Он хотел предупредить — и предупредил. Поступок, достойный памяти человечества. Но ведь он не человек — Серж Арно. Это доказано, это несомненно. И все же факт — последний, или, может быть, первый житель планеты погиб, защищая чужую расу. Разве это поступок недоброго разума? Разве не так же поступил бы человек — и наши дети учились бы гуманизму на его примере! Серж Арно не раздумывал, бросая свою машину на силовой колпак. Что это значит, земляне? Это значит, что он не боролся со своей природой, а она совпала с земной во всем — и в подвиге тоже. Разве недостойн такой народ жить? И потом: вспомните, люди Земли:

Звезды погаснут, светила изменят свечение,
Камень рассыплется — вечным останется слово.
Тайна сокрыта — но тайна осталась на Грассе.
В это мы верим, и с верою ждем мы Свершенья!

Они ошиблись. Тайна не осталась на Грассе. Тайна оказалась на совсем другой планете. Но вы слышите — они верили, они ждали.

Где же гордость твоя, Земля? Вы говорите «отдать детей». Отдать — это пассивность, это безволие. «Послать!» — вот это достойно Земли. А еще точнее — поручить, а еще точнее — доверить! Мать гордится успехами детей. Как же должна гордиться мать-Земля возрожденной планетой! Дети, вырастая, всегда уходили в широкий мир. Но никогда еще не ждала их такая огромная, радостная, важная работа. И величайшим праздником для Земли будет день, когда через холодные, мертвые пространства космоса протянется теплая, живая Дорога —

Дорога любви и дружбы, Дорога сердечной связи двух родных народов!»

Результат превзошел все ожидания. За предложение Светланы Стен проголосовало меньше четверти землян. А потом было еще четыре года отбора кандидатов. Десять тысяч молодых пар, и все один к одному — цвет юности Земли, лучшие из лучших. Право же, этому Раю мы подобрали ангелов. До сих пор горжусь, что первую группу возглавил я.

Э п и л о г

— Орра, орра, холодная орра! — донеслось из цветущей аллеи.

Кон Мак посмотрел на конну Таню: не сбегать ли? Таня палочкой задумчиво чертила на песке кружочки.

— Таня... Таня,— прошептал Мак, словно пробуя имя на вкус. Мода на земные имена широко распространилась на Грассе, но ему, воспитанному на классических примерах, они до сих пор казались непривычными. Хотя этой девушке удивительно шло странное, мягкое сочетание: «Таня».

Он обхватил девушку за плечи, но Таня выскользнула и, крикнув ему: «Лови!», выскочила на площадь. В прошлом сезоне Мак чуть было не завоевал право лететь на Землю в составе сборной Грассы по бегу. Он не стал догонять Таню, а побежал сзади, любуясь тоненькой, словно летящей над мостовой, фигуркой. Ворвавшись в широко распахнутые ворота храма, Таня резко остановилась и приложила палец к губам.

— Тише, вдруг там Морт?

— М-о-о-рт,— зашелестело внутри Храма.

— Слышишь? — Они на цыпочках прокрались внутрь. Зал был пуст, и только отзвуки шепота еще шевелились где-то в углах.

— А что здесь будет? Так и будет пусто?

От звука Таниного голоса храм ожил. Отлетая от стен, колонн и купола, слова сталкивались, перемешивались и наполняли огромное пространство невнятным ропотом. У Тани округлились глаза.

— Это неофиты. Бежим! — И она снова бросилась через площадь. Теплый летний вечер быстро рассеял наваждение, и в аллею они вбежали, хохоча во все горло.

— А представляешь, если оттуда выйдет колонна неофитов?

— Не выйдет. Там будет Музей Дороги.

— Ой, правда? — изумилась Таня. — Расскажи о Дороге.

Как и все новое поколение грассиан, Таня жила выходом Грассы в космос, грандиозным строительством курортов в Черных горах и жадно ловила известия со Старшей Сестры — так называли Землю. А прошлое, известное ей со школьного курса истории, воспринималось как страшная сказка. Мак был всего на три года старше Тани, но он учился на историка и как живые вставали перед ним мрачный убийца Морт и несчастный Мал, до конца фанатично веривший в свою правоту Фиер и трагически прозревший Ропур... Он уже рассказывал Тане о Дороге, и каждый раз она слушала затаив дыхание, как ребенок.

Они уже несколько раз обошли площадь, и чем ближе Мак подходил к трагическим дням выхода неофитов, тем теснее Таня прижималась к нему, мешая идти. Переживая гибель тысяч грассиан в темных подземельях, Мак машинально отстранил Таню. Она послушно отодвинулась, опустив голову. Маку стало жалко ее.

— Прости, милая. Не сердись.

— Я не сержусь, — ответила Таня, не поднимая головы, — я думаю. Я думаю, когда у нас будут дети, они будут не похожи на нас, они будут разные, и это прекрасно.

— У нас дети? — Мак потянулся к Тане, но она уже кричала:

— Лови!

Мак догнал Таню только у памятника. На том месте, где некогда начинался вход в подземелье, была разбита клумба, засаженная розами — даром Земли. На постаменте встала другая фигура. Не яростно устремленный вперед Фиер, а стройный юноша в комбинезоне космолетчика упругим движением вознес над головой две полусферы, по одной в каждой руке. По напряженным мускулам было ясно, что следующим движением он сомкнет их в одно целое. Отлитая из белого металла статуя, казалось, взлетела. Иллюзия усиливалась черной блестящей стеной за спиной статуи. На двух языках — земном и грассианском — обращался предок к потомкам:

Черные скалы уступами тянутся к небу,
Черные пропасти валяются в недра земли,
Камень грохочет о камень, слетая к подножью.
Камень на камень — растет у подножья гора!
Это ли Грасса? О нет, это только гранит!

Светлое солнце играет с полуденным морем,
Множатся блики на скате ленивой волны,
Море вздыхает и тянется к суше в истоме,
Мягкою лапой лаская прибрежный песок.
Это ли Грасса? О нет, это только вода!
Ветви склонились к лучу уходящего света,
Чуть шевельнулись уставшие за день сады.
Плод перезрелый на травы склоненные рухнул,
Сладость свою разбросав равнодушным цветам.
Это ли Грасса? О нет, это только земля...
Что же такое тогда называется Грассой?
В чем единение камня, воды и земли?
В разуме высшем, дающим предметам название.
В разуме, Грасса, сокрыто твое бытие.

— Как красиво...

Мак не сразу понял, что читает вслух. Мерные, торжественные строфы, знакомые с детства, каждый раз потрясали его до глубины души.

Таня быстро пересекла аллею и, сорвав тяжелую, усыпанную плодами ветку орры, положила ее к подножью памятника.

— Пойдем.

Уходя, Мак оглянулся. В аллее уже сгустился сумрак, но статуя, словно собирая остатки света, сияла неярким серебристым сиянием. А выше ее, по гребню стены, уже с трудом различались буквы: «Сержу Арно — землянину и грассянину — навеки благодарная Грасса!»

О БЕЗ ВЕСТИ ПРИХОДЯЩИХ...

Я не могу сказать, в каком часу это случилось, даже дня теперь не помню.

Если сопоставить все известные мне факты, уточнить, о чем писали в этот день или ближайшую неделю разные газеты, то, пожалуй...

Впрочем, нет, решительно не помню. Да в конце концов — зачем?..

Мне тогда было несусветно плохо.

Вы полагаете, какие-то обиды, личные невзгоды?..

Ерунда!

Я был здоров, имел хорошую работу и не завидовал ни сколько никому.

Несчастливая любовь?

Я и не знал, что должен чувствовать при этом человек, ну, разве только так, по книжкам...

Жизнь моя, как говорят, сложилась: томленья духа я не ведал — безмятежность и покой моими спутниками были постоянно, да и хлеб насущный доставался без натужного труда.

Если вдруг и возникали на моем пути какие-либо неудобства, я мысленно закрывал на все глаза и обходил барьеры стороной, отлично сознавая: то, что сбоку, — не мешает. И не отвлекает от того, что впереди.

С людьми я ладил. Особой дружбы, Впрочем, не водил: с друзьями неизбежно появляются враги. Зачем мне это?

Чтоб тебя любили, ей-богу, вовсе ни к чему насильно лезть в чужие души и, кстати говоря, распахивать навстречу каждому свою.

Ну, может быть, любили — слишком сильно, хватит и простого уваженья, это тоже, знаете, немало.

Никаких нежностей и никаких интимных разговоров. Вот тут и будут уважать.

Умелый вакуум вокруг себя — это умелое его заполнение. Это — жизнь. Это, замечу, — достойная жизнь, без волнений. С большой пользой для себя и с непременною отдачей — для других.

Рождает чувство локтя и причастности к хорошим начинаниям — в смысле, к тем, которые порадуют других и не доставят после неудобств.

Любовь подчас мучительна, когда как уважение пестует в человеке его «Я».

Чего ж еще?!

Я никому не помогал. И никому не делал плохо. И то же самое имел взамен.

Гордился этим, скажем так.

Я был всегда и всем доволен.

И все-таки тогда мне было несусветно плохо.

Парадокс?

Я до поры до времени умело закрывал глаза...

В тот раз — вот это я запомнил точно — я стоял перед распахнутым окном и вниз глядел — на улицу, на суетящихся людей у магазинов, на то, как бестолковыми клубками от перекрестка к перекрестку катятся машины...

То был мой мир, и он меня не задевал, и я его за это уважал безмерно. Мы с ним всегда на равных сосуществовали — я и этот мир.

Мы друг без друга не могли.

Партнеры — так это порой зовется... Очень емкое и правильное слово.

И тогда в передней зазвонил звонок.

К себе я никого в тот день не звал.

Прикинул: кто и от кого бы мог пожаловать внезапно? В это время... Странно...

Ведь у меня визиты, даже самые случайные, — все предусмотрено.

Я не люблю нелепиц и накладок. Никаких. И самовольства — нет, не потерплю!

Пошел в переднюю, открыл.

Ну, кто еще?

Передо мной возник мужчина.

Совершенно незнакомый.

Я напрягся, вспоминая, — точно, никогда не видел, у меня на лица память неплохая.

Он стоял, этак проникновенно-властно глядя на меня, но, как мне показалось, все же волновался.

Не выношу такие штучки. Либо ты тушуешься — тогда и нечего являться, корча из себя фигуру, либо ты и впрямь уполномочен (хоть самим собой!) — тогда входи, но не топчись, как нищий у сберкассы.

— Вы ко мне? — осведомился я.

— Нет,— без выражения ответил незнакомец и вздохнул.

— Так в чем же дело?

— Я пришел вам сообщить...

— Ага, выходит, все-таки ко мне?!.

— Да нет же! Просто я намерен известить вас...

— Я не понимаю... Вы ведь обращаетесь ко мне...

— Все верно! Чтобы сообщить. И только. А кто вы, что вы — мне какое дело! Да и вам, я думаю, нет дела до меня.

— Кто знает? — неопределенно протянул я.— Этого никто не знает. Что же вы хотите сообщить?

Незнакомец чуть улыбнулся одними уголками губ (высокомерие, высокомерие, черт побери, как разъедает наши души!), и с некоторой долей торжества изрек:

— К вам никто никогда больше не придет!

Странное заявление, двусмысленное, мягко говоря. Может, надо мной решили посмеяться?

Но, право, повода для этого я не давал — да-да, ни разу, никому...

Ах, до чего ж порой бывает глупо!

— Вас кто-нибудь послал? — спросил я осторожно.

— Какая разница?

— Большая. Ежели ко мне...

— Но я сказал: не к вам!

— А сообщение?

— Всего-то только. Лично вы здесь — не при чем.

Терпеть не могу, когда морочат голову по пустякам. И, главное, так примитивно, неумело!..

— Вероятно, вы ошиблись адресом,— холодно заметил я.

— Нет-нет, все верно. Я обязан сообщить, что к вам никто никогда больше не придет! А если и придет, то все равно не к вам, и никто не будет знать, где этот человек.

— Да неужели? Ведь мой адрес выяснить несложно...

— Адрес — ерунда. По адресу никто теперь искать не станет. Вы запомните: приходят к л ю д я м, а не в то место, где они могут находиться. Пришедший к вам отныне будет без вести пропавший для других. Надеюсь, вы не станете звать специально, чтобы так разделаться с врагами? Не говоря уж о друзьях...

— У меня нет ни тех и ни других. Визиты только деловые. Только!

— Смотрите-ка! А почему, позвольте вас спросить?

Вот тут я разозлился.

Вообще-то я стараюсь выдерживать ровное настроение,

и мне обыкновенно это удается. Достаточно подумать: «А, гори оно все!..» — и тотчас настроение приходи в норму. Мне бы и сейчас так поступить, ан нет, не получилось, что-то там заело.

Поскольку я внезапно понял: может быть, впервые за многие годы ко мне пришли не просто так — и вправду что-то с о о б щ и т ь, и только, а позвонили именно к о м н е, ради м е н я, чтоб увидав, поведать удивительное.

Почему?

Ведь я не трогал в жизни никого, все за меня делали другие — я же только приходил в урочный час.

И вот теперь...

— А какое ваше дело? — едва сдерживаясь, чтоб в открытую не нагрубить, спросил я.

Нет, нервишки все-таки сдают... Спокойствие порою достается слишком дорогой ценой...

Не так уж просто, знаете, с холодным сердцем жить. Хотя и надо, надо...

— Мое? — все так же, уголками губ, то ли насмешливо, то ли скорбя, вновь улыбнулся незнакомец. — Да, видите ли, никакого. Мне, если по большому счету, все равно. Ну, не хотите отвечать — и ладно.

— Кто вы?

— А разве это что-нибудь изменит? Вы — как ревнивая жена, которой непременно нужно имя злой соперницы... Какая разница? Ведь имя — звук, и только. Суть не в этом. Ну, положим, назовусь я — вы ж не побежите проверять и уточнять...

— Вот не уверен, — покачал я головой.

— Не побежите, — убежденно повторил незнакомец. — Вам только хлопоты, а толку — чуть.

— Ну-ну, — пожал я плечами, — признаться, в этом вашем сообщении не слишком много смысла. Есть даже некий привкус шутовства. А как быть с теми, кто придет ко мне по делу?

— Пусть, — махнул рукой незванный гость. — Эти — пусть. Они — не к вам, и вы по-человечески к ним относиться не способны.

— Вам непременно надо меня как-то оскорбить, поддеть?

— Да что вы! В мыслях не держу. Вот только, поверите ли, жизнь идет — и начинает вдруг хотеться, чтоб проведали и запросто поговорили, чтобы рядом кто-то был...

— Пытаетесь растрогать... Чушь! Не выношу подобных сантиментов.

— Дело ваше. Мне-то что? Но это очень, очень плохо, когда больше никто и никогда не придет...

— Таких и не было,— тихо огрызнулся я.

— Вот потому-то и не будет.

— Вы пришли меня жалеть?

— Нет. Известить — и больше ничего. Скажу по секрету: время извещать — настало. И еще добавлю: поздно что-либо менять. Поберегитесь.

— До чего же вы великодушны!

— Сами заслужили. Будете вот так стоять у окна, глядеть на людей внизу, и никто к в а м не придет. Вы будете дожидаться — и все без цели.

— Ну что ж, постараюсь чересчур не огорчаться. Жизнь, надо думать, не только в этом состоит.

— Конечно-конечно,— закивал незнакомец,— не только. Отнюдь. Но — в основном.

Он успокаивающе опустил веки и вслед затем как-то виновато взглянул на меня.

Ну вот, подумал я с облегчением, фарс, кажется, закончен, сейчас этот юродивый уйдет.

Безусловно, можно было и погнать его немедленно в три шеи, но, во-первых, я не перевариваю никаких скандалов, а, во-вторых, отчего бы не послушать даже эдакую дичь, в конце концов мне тоже любопытно — изредка, конечно, и чтоб не затягивалось слишком...

— Надеюсь, вы-то сами ко мне больше не придете? — по возможности желчно осведомился я.— Ни с новым сообщением, ни для чего другого...

— Нет,— с внезапной живостью откликнулся незнакомец.— Потому что я у ж е пришел. Я ведь тоже должен г д е - т о быть.

— Простите, это как прикажете понимать? — изумился я.

Незнакомец лишь развел руками, а затем неожиданно отстранил меня и, не спросив, вошел в переднюю.

— Позвольте...— начал было я, но странный визитер меня не слушал.

Он очень уверенно и деловито проник в комнату и, не раздумывая, двинулся к окну.

— Послушайте-ка, гражданин! — совсем уже не на шутку разозлился я.— Ведь всему есть предел! Мало того, что вы звоните в дверь без предварительного уговора, вы еще позволяете себе вламываться в чужой дом, отрываете меня от дела, говорите совершеннейшую ерунду

и ведете себя, ну... я не знаю как! Это возмутительно, в конце концов!

— Мне тоже где-то надо быть, — повторил незнакомец и с печальным видом облокотился о подоконник, тревожно высматривая что-то на улице. — Как, впрочем, и всем надо где-то находиться...

Он сумасшедший, это точно, решил я. Он не контролирует себя, несет бог знает что!

Хотя... Стоп! Может, он — самоубийца? Сейчас сиганет — и поминай как звали... Шуму будет, разговоров. Как потом докажешь?..

Я прокрался вслед за ним в комнату и бочком подобрался к телефону.

Ну, любезный, ты сейчас попляшешь!..

Незнакомец резко обернулся, словно угадав ход моих мыслей.

— А вот звонить — как раз не надо, — укоризненно сказал он. — Еще не время. Этот час настанет позже. Только и будем все звонить друг другу.

Наши взгляды встретились.

Странно, ничего дикого в его глазах я не заметил. Одна лишь равнодушная доброта светилась в них. Остраненная сопричастность.

Черт знает что!

— Зачем вы явились сюда? — спросил я тихо.

— Я, кажется, вам объяснил...

— Нет, что вы от меня хотите?

— От вас? Лично от вас? Ничего. Я вас не знаю.

— Хорошенькое дело! — сдавленно хохотнул я. — И вы считаете это все нормальным?

— Видите ли, у меня нет ни желаний, ни способностей оценивать, как вы изволили заметить, это все. Оно — есть. И ему — быть. И ему — развиваться.

— Да чему — ему?! — взмолился я.

— Не знаю. Вероятно, этому. — Мой гость обвел рукою комнату и мир, что простирался за окном.

— Там тоже спятили? — спросил я безнадежно.

— Не исключено. Хороший и нормальный мир. Как вы и я... Как наша с вами жизнь. Пойдите в этот мир с открытым сердцем и без предрассудков — пропадете. И никто вас не найдет... В мир нельзя идти без дела — не поймут и не заметят. По-человечески — нельзя. И к вам никто — отсюда... Весы долго колебались. Кажется, час равновесия настал. Боюсь, что навсегда.

— А вы?

— Да так же, как и вы! Не больше и не меньше. И другие — тоже так. Неужто вы не ощутили?! Ведь вы всю жизнь шли к этому! Старались.

— Я хотел... чтоб было хорошо,— не слишком твердо возразил я.

Что-то мне сейчас мешало ощущать сполна собственную правоту.

— Естественно,— кивнул взбодренно незнакомец.— Все другие — тоже к этому стремились. Чтоб бед — не замечать... Ведь есть свершения, не так ли. Не переусердствовать в любви, в добре. Не обижать. И самому не подставляться под удар. А ежели любить — с оглядкой, не любить — тем паче. Куда как лучше быть обыкновенно-уважительным, оптимистично-благочинным, исполнительным ничем. Вы, кажется, такой, не правда ли? Я-то уж такой — наверняка!

— Не понимаю, к чему вы пытаетесь меня склонить? — с раздражением заметил я.

Все вздор, мелькнуло в голове, подобного на свете не бывает, а если происходит в жизни, то лишь раз, чтобы впредь не повторяться.

Вот сейчас он уйдет — и выкинуть всю эту чепуху из головы! И никогда о ней не вспоминать! Мы сами строим жизнь... Она — прекрасна!

— Я ни к чему вас не склоняю,— с горечью ответил незнакомец.— Ни к чему. Я только пробую вам объяснить...

— Что именно?

— Откуда я у вас и почему. Не более того. Мы все играем в человеческую добродетель. В самих себя, в конце концов! Но если на мгновение эту мишуру убрать...

— То что тогда?

— А ничего! В том и беда. Если все по-человечьи ценное, не наносное — только это! — взять с собой и двинуться в огромный мир людей, вас тотчас же объявят без вести пропавшим. Потому что вы — пропащий в этом мире. Не от мира сего, как любят говорить. А ну как этот мир по-человечьи к вам в дверь постучится?! Нет-нет, вы впустите его. Но он у вас и сгинет — для таких, как вы, как я, как миллионы остальных, которые трясутся над своим благополучным, неприметным продвиженьем к смерти. Цель — не устать от жизни, когда грянет смерть. Итог — до смерти и не жить. И больше ничего. Никого не потрептать своей кончиной и никому не мешать тихонько удаляться в мир иной. Общений больше нет! На смену им пришли контакты в жизни! Это вас устраивает? Ну и превосходно. Я затем и

появился, чтобы сообщить: никто и никогда к вам больше не придет. А после и контакты прекратятся — их заменят разговоры. Взять хотя бы телефон. Отличнейшая штука!

— Я не совсем улавливаю логику,— попробовал я было запротестовать.— При чем тут всякие визиты? Что их запрещает?

— Страх. Страх, запросто придя к ближнему, вдруг потерять в сфере его личных интересов, и пристрастий, и суждений. Должен быть барьер, забрало, как хотите назовите. Час оповещения настал. Кто первым это ощутил — идет к другим и сообщает. Вот теперь и вам известно...

— Но я никуда не собираюсь выходить из дому!

— Дело ваше,— и незнакомец с безразличным видом опять повернулся к окну.

Неожиданно в передней позвонили.

Странно, подумал я, ведь один уже пришел ко мне. Другие-то — зачем?

И тут поймал себя на том, что рассуждаю обо всем всерьез, как будто бы и впрямь поверил...

Что за наважденье! Так и самому тронуться недолго...

Звонок повторился.

Я уже машинально было двинулся в переднюю, но незнакомец с поразительным проворством оказался впереди.

— Должно быть, это все-таки — ко мне,— пояснил он на ходу.— К вам уже незачем...

Я лишь пожал плечами.

Я не удивлялся. Я теперь не удивлялся.

Если это и была придуманная невеста кем игра, то сила, высшая по отношению ко мне, заставила меня всерьез принять все правила и подчиниться им.

Тем более, что очевидного вреда от них покуда не было, и я совсем не представлял, каким он должен быть, этот реальный вред...

Ежели не брать в расчет нелепых звонков в дверь, то в мире, право, ничего не изменилось. Разве что я обладал отныне знанием, от которого, по совести, мне было ни холодно, ни жарко.

Незнакомец отворил входную дверь.

На пороге стояла женщина.

Ее я тоже видел в первый раз.

— Ага,— сказала она, глядя в упор на незнакомца,— вот вы какой...— и что она хотела этим выразить, ей-богу же, не знаю.— Ну, здравствуйте.

Она с завидной бесцеремонностью вошла в квартиру

и, как и первый мой визитер, остановилась на секунду у окна.

— Так вот,— продолжила она, уставясь вновь на незнакомца,— я здесь затем, чтоб сообщить: к вам впредь никто и никогда не придет.

— Я понимаю,— скорбно потупился мой гость.— Откуда это стало вам известно?

— Я попрошу вас обойтись без этих глупостей. К чему вопросы? — вызываясь вскинула голову гостя.— Известно! И запомните это раз и навсегда.

На меня она даже не взглянула. Словно меня тут и не было совсем.

На мгновение мне сделалось не по себе. Мамочки родные, да что же это в самом деле происходит?! Что они все — сговорились? Или...

— Я должна остаться здесь. Мне необходимо где-то быть! И настоятельно рекомендую вам не обольщаться. Это все до чрезвычайности серьезно.

— Да-да,— подавленно промямлил гость. Однако ж сам никуда уходить, как видно, и не собирался.

Они бок о бок встали у окна, точно зачарованные глядя в даль.

— Послушайте,— не удержался я,— вы расскажите ей, что уже объяснили это — мне!

Но тут в передней вновь завершал звонок.

Я не шелохнулся.

Я устал. Вся эта нервотрепка, разговоры, подозрительные взгляды...

Женщина поправила прическу и неторопливой уверенной походкой отправилась открывать дверь. Она чувствовала себя как дома.

А может, и впрямь это был теперь ее дом? Дом, где встречают, чтоб услышать весть... Дом, куда просто так никто и никогда не придет... Где каждый, войдя, становится полноправным обитателем и пропадает без вести — для тех, кто еще не вошел, и для тех, кому приспело время уходить... Пропадает без вести как человек. Он лишь приносит весть, тем самым заявляя о себе, и — исчезает. Есть функционеры — нет людей.

Приспело время уходить...

А ведь все верно!

Теперь, по меркам собственного дома, я тут — третье поколение.

Я еще цепляюсь за соломинку, чего-то жду, но я уже — не нужен.

Надо попрощаться и с достоинством уйти.

Да, впрочем, есть ли смысл прощаться? Кто оценит?

И куда идти?

Я это знал.

Кто первым ощутил — идет к другим и сообщает...

И затем уходит дальше.

Чтобы дать дорогу остальным...

Женщина открыла дверь, впуская в дом какую-то ужасную горбунью, что вела за собою, держа за руку, слепого мальчика-подростка.

— Мне нужно сообщить вам... — начал мальчик.

Дальше я уже не слушал.

Я протиснулся в щель еще не захлопнувшейся двери и помчался вниз по лестнице.

В голове все шумело, будто я изрядно накачался и теперь был совершенно пьян.

Гвалт и движение улицы меня не отрезвили. Со стороны, наверное, похожий на лунатика, я неудержимо шел и шел вперед — с упорством, которое в другой бы раз, быть может, меня даже испугало.

Была лишь цель, неясная покуда, и в своей такой вот неоформленной незавершенности особенно желанная, впрочем, не то, не желанная, но просто — обязательная, как и весь мир, и я в круге его...

Я добрался, наконец, до знакомого дома — батюшки, такое расстояние одолеть, и все пешком! — свернул в двадцать раз виденный подъезд и на зеркальном лифте не спеша взлетел к восьмому этажу...

Так, дверь направо, большая перламутровая кнопка импортного звонка... Все на месте...

Превосходно!

Я прислушался.

За дверью было тихо. Тогда я надавил пальцем кнопку и стал ждать.

Дверь открылась очень скоро.

— Вы к кому? — спросил меня усталый бородач. Его я прежде не встречал.

Однако же естественный вопрос: как он здесь очутился? — почему-то так и не возник.

— Мне нужно вас, — непреклонно заявил я и шагнул в квартиру.

Бородач, казалось, именно, меня и дожидался.

Ну и ну!..

Эту квартиру я знал чуть ли не с детства: старинная, огромная, она всегда вызывала во мне двойственное

чувство — робость перед габаритами и богатством, втиснутым в эти габариты, и одновременно восхищение — дескать, есть же еще чудеса на свете!..

Из передней я прошел по коридору и свернул налево, в самую большую комнату.

Не могу сказать точно, что заставило меня направиться туда, а не на кухню, например. Наверное, сработали инстинкт и память: любой гость всегда незамедлительно препровождался непременно в эту залу, где все дышало сытостью, благополучием и очевиднейшим отсутствием каких-либо проблем и неурядиц в сфере умственных исканий. Здесь духовное не понимали. Хотя и уважали безусловно.

У окна стояли трое. Хозяина квартиры среди них я не заметил.

Что же, я не первый, не без внутреннего удовлетворения подумал я.

И это в общем хорошо. Но, главное, я миссию свою исполнил. Я пришел.

— Я пришел! — сказал я громко, обращаясь к бордату, который, точно ненакормленная собачонка, следовал за мною по пятам. — Я здесь, чтоб сообщить: к вам никто и никогда больше не придет.

А сам подумал: сейчас прозвонит звонок — и это уже явятся по мою душу.

Опять возникнет некто... Чтобы сообщить... И все начнется с самого начала.

Я внезапно ужаснулся.

Что же получается?

Неужто так и будет впредь? Со всеми?

Бесконечные приходы и уходы, как по кругу... Чтоб сказать, по сути, никому не нужное, втайне известное любому, представиться и — сгнуть в своей теплой, сытно-суетливой, правильной во многом и никчемной жизни?

Сами этого, быть может, не хотели, но подспудно взращивали, добивались — вот и пожинаем теперь зрелые плоды...

Да, прежде я не слишком волновался, если уж по совести, совсем не придавал значения тому, что происходит, как мы понемногу начинаем жить: главное, был сам недурственно пристроен, в общем-то, судьбой не обделен — и ладно.

Ну, а те, на улице, у магазинов?

Они знают, понимают?

Вероятно, нет. Покуда — нет.

Но их черед — не за горами, это ясно, проклятая зараза вряд ли их минует.

И тогда...

Нет, лучше и не думать!

Вирус города. Болезнь общения... Мы все больны собой!

Я подошел к окну и тоже принялся смотреть на улицу.

На секунду я скосил глаз на пристроившихся рядом и заметил, что нас трое, как и было, когда я только появился, стало быть, четвертый отошел.

А пятый?

Неужели — так и мается, не зная, быть ему или исчезнуть? Вот бедняга.

Но мне было все равно, и я не стал искать его, спрашивать и, упаси бог, давать разные советы.

Пусть-ка сам, как сможет. Мое дело сообщить — и дожидаться в стороне.

Вот странно, что-то долго нет звонка.

Это затишье, прямо скажем, действует на нервы. Или, может, новая эпоха началась?.. Со встречами уже покончено, теперь — по телефону?

Ну до чего же быстро бежит время!

Хотя, конечно, век такой...

Недаром сами им гордились, пестовали... Дескать, век раскрытия всего.

Хотел бы знать: чего конкретно?

А то всего — звучит на удивление бездарно, даже как-то сволочно...

И тут я совершил открытие.

Дома напротив...

Бесконечная стена, в которой вырублены темные квадраты окон...

И тогда я неожиданно увидел, что во всех-всех окнах — люди...

То же самое: стоят — и отрешенно-истово глядят в неведомую даль.

Не замечая лиц, повернутых навстречу...

Нет, вот некоторые смотрят на меня, уставились в упор, и все равно — не видят...

Как же так?!

К ним всем никто и никогда больше не придет, так надо понимать.

Им что — приятно, радостно от этой мысли?

Не могу поверить, не могу.

Ведь мне-то тошно, жутко наблюдать все это.

Впрочем, естественно, сам своей жизнью утверждал...
Как, вероятно, и они.

Но что из этого?

Я спрашиваю: разве все потеряно и будет впредь лишь так — и не иначе?!

Чушь!

Вот мы стоим — лицом к лицу, холодные, безмолвно-одинокие, в мир приходящие, чтоб друг для друга пропадать... А все-то вместе, что же мы такое?

Ведь все-то вместе мы друг к другу уж давным-давно — п р и ш л и!

Не замечаем...

В слепоте, в гордыне проживем век. И — пожинаем жалкие плоды.

Кичимся собственной неповторимостью...

Да она в том и состоит, что мы способны быть все вместе! Постоянно!

Эта мысль поразила, взбудоражила меня.

Так, значит, есть какой-то шанс? И выход — есть?!

Пропадают без вести одни чванливые изгои, что являются не жить, а с о о б щ а т ь. О чем угодно, безразлично. Все вместе быть изгоями не могут!

Тогда бы мир и дня не продержался, он распался бы. Но, нет, не поддается, из последних сил...

Конечно, самое простое: век стоять лицом к лицу, не понимая и не видя, и страдать, и обречать других заранее на муки без вести пропавших в этом мире.

Нет звонка, покуда нет.

Тогда я поднял руку и, улыбнувшись, помахал тем, кто напротив.

Вдруг — заметят?

Надо, надо обращаться к ним. Хотя бы робко поначалу, осторожно.

Только бы успеть...

Пусть, может, я один такой, не знаю... Но ведь кто-то должен первым улыбнуться, чтобы не пропасть! И кто-то должен первым показать раскрытую ладонь, готовую приветствовать собрата!

Пока еще не прозвенел звонок...

СОЛО

I

Каменный колодец, древний, как трусость. Сюда сбрасывают.

Рока пятился к краю карниза, четверо стражников — здоровенные парни — вели его туда упорно и целеустремленно, как мяч в кольцо. Они к нему не прикасались с тех пор, как разрезали стягивающую запястья веревку, но обсидиановые наконечники четырех копий направляли.

Больно, когда к обрыву тащат силой: волокут, словно предмет, раздирая кожу мелкими камушками, и ноют заломленные руки и сведенные суставы. Плохо, когда тебя тащат силой. Хуже, когда идешь сам.

Справа стена. Слева пропасть, чуть отгороженная перилами. Впереди — тоже пропасть, но до нее несколько метров тверди, пространство, по которому еще можно идти. Идти вперед с той скоростью, с которой тебя ведут, или даже быстрее, и оторваться от конвоиров — тогда, конечно, придешь к обрыву раньше, чем предназначено, но зато какая видимость инициативы. А вот замедлить нельзя, и остановиться тоже: сразу упрутся в спину острие. Потому что неумолимо ведет тебя нацеленное в спину копьё. Или автомат. Авторучка. Мнение. Какая разница? Впереди обрыв.

Нырнуть под копьё? Нет, не выйдет. Очень уж настоженно держатся ребята. К тому же, острия копий несут на разных уровнях — не первого, знать, ведут. Нырнешь под одно — напорешься на другое. Рока повернулся спиной к копьям. Он шел, чувствуя наконечники на расстоянии: сердцем, печенью, шей и правым бедром.

Если бы волокли по камням его тело, это отвлекало бы от конечной цели, и были бы еще боль, злость, бесильное сопротивление — жизнь, попросту говоря. Это мешало бы сосредоточиться на том, что пришел-таки конец. Наверное, те, которых ведут этой недлинной дорогой, умирают прежде, чем переступают черту, отделяющую

камень и дорогу от воздуха и пустоты. Ведь только сознание отличает живого от мертвого, а сознание покидает их раньше.

Карниз обрывался, будто его ножом обрезало.

Рока остановился в метре от обрыва, и сразу же с силой уперлось острие чуть ниже левой лопатки. Страх не было. Да и откуда бы ему взяться, страху? Он приходит, когда есть возможность что-то потерять. А тут терять было нечего: не спрыгнешь сам — сбросит вниз копьё.

Внизу, далеко, за толщей воздуха, двигалась вода. Он проследил за струей, усмехнулся: течет против часовой стрелки.

Прохладная капля покатила от лопатки к пояснице. Терять нечего, надо прыгать. Не все же, разбивая стеклянную гладь воды, разбиваются сами!

И Рока прыгнул.

Это действительно оказалось не страшно. Три секунды свободного полета, удар и вода кругом. Нужно было вернуться так, чтобы не нырнуть слишком глубоко, иначе вода не выпустит. И нужно было плыть легко, без резких движений, чтобы не сломать себе об этот водный монолит позвоночник. Не торопиться, но и не медлить. Сейчас он был впаян в воду — ничтожное включение в изумрудную глыбу, — и вода неохотно уступала воле. Он выплыл, мягко скользнул по хитрой кривой, не сила, а точный расчет и гибкий позвоночник вытащили на поверхность. Но когда увидел свет, сразу понял, что вода еще считает его своим и тащит с собой к водовороту, как минуту назад вели к обрыву копьё. Ну уж нет! Раз удалось вынырнуть, то уж выплыть-то он сможет, воде его теперь не взять.

Рока плыл долго. Сначала было все равно, куда, лишь бы к краю, подальше от центра водоворота, только чтоб не подчиниться стремнине, чтобы сопротивляться. Подчинишься — гибель. Затянет в себя и не выпустит. Он даже не заметил, как оказался в спокойной воде, где уже не крутило и не утягивало центробежными силами в темную бездну и можно было поднять голову, оглядеться, передохнуть. Он увидел остров. Скала, острая как клык, поднималась над ним.

Добраться к острову гораздо проще, чем вынырнуть из потока. Песчаный берег его не крут: любой может нащупать ногами и выйти на отмель. Но не каждому дано даже увидеть этот остров. Те, что падали полностью ослабившись, те, у кого страх смерти заглушил сознание, не вправе рассчитывать на жизнь: они ломают себе хре-

бет о воду или отбивают внутренности, они тонут, как беспомощные котята в водовороте, и не для них счастье сильных — выползти на берег и коснуться щекой песка.

Сначала Рока спал. Долго спал, отдыхал.

Этот остров был не самым плохим местом на свете. По отмели под тонким слоем воды ползали ракушки. В ракушках жили моллюски. Их можно было есть, вернее, глотать сырыми. Ногти ломались о плотно сжатые створки, но в пиковых ситуациях навыки приобретаются необыкновенно быстро — чтобы выжить. Рока скоро понял, что нужно просто положить раковину в раскрытую ладонь и ударить ею по гладкому боку скалы-клыка, так ударить, чтобы одна из створок разлетелась вдребезги. А потом остается лишь выбросить колючие известковые осколки, выскрести ногтями скользкое тельце и проглотить, запивая водой — благо, воды хватало. Он выпивал уйму этой воды, его все время подташнивало. И хотелось пить. И спать. Просыпаясь, он ел моллюсков, ушибая руку о скалу, пил долго и жадно и засыпал снова. Он отсыпался за многие годы прошлой жизни. Отдыхали издерганные нервы, отдыхал мозг.

Калорий в моллюсках было немного, и для нормальной жизни их бы, пожалуй, не хватило. Но если сутками лежать на теплом песке, экономя каждый атом жизни, своей жизни, много калорий и не требуется. А чем еще он мог заняться на этом острове? Думать? Рока старался думать как можно меньше. Он подозревал, что за всем происшедшим кроется какая-то изощренная пытка, дорогостоящая пытка, но зато какая эффективная. Жертва сама становится своим палачом, а орудие пытки — мысль, и нет на свете страшнее этого истязания, потому что никто не знает человека лучше, чем он сам, и никто не в состоянии сделать ему больнее, чем он сам себе делает. На этом острове растение имело больше шансов выжить, чем человек, и Рока старался быть растением.

Он не пытался искать выход. Его не нужно было искать, так близок он был и прост: от острой вершины-клыка уходил вверх толстый канат. Вверх, минуя барьер, до самой кромки пропасти, и дальше — к вершине стоящей на краю ущелья горы. Метров двести на глазок. Он увидел канат сразу, как только выбрался из пелены сна и смог оглядеться по сторонам. Увидел — и испугался. И с тех пор старался не думать. Ни о чем. Ни о прошлом. Ни о сегодняшнем. Ни о канате, уходящем ввысь. А вынужденное безделье уже давило на мозг глухой тяжестью.

Он не умел быть растением. Он смотрел в небо, но видел только одну и ту же череду событий. Стражники с копьями наперевес подводили к барьеру новых осужденных.

Те, кто сказал недобрые слова о богах, те, кто тайные ночные мысли додумывал днем и вслух произносил их словами, которых лучше не знать, летели сюда из синего зрачка неба вестниками порядка и неизменности этого мира.

Этого, потому что мир один, цветущая долина или колодец — иногда вопрос не пространства, а времени лишь.

И почти все уже не выплывали из водоворота.

II

Почти. Но настал день, когда на острове их стало двое.

Этот день робко постучался в закрытые веки светом рассеянным и разбавленным, светом второго сорта — для преступников. Солнце, великий ревизор мира, обходя ежедневно землю, сюда заглядывало лишь на минуту. Видимо, не стоили более пристального внимания те, кто в колодце.

«Впрочем, это и понятно, должен же чем-то этот остров отличаться от пляжа», — медленно раздумывал Рока, поднимаясь.

Он умылся, съел десяток моллюсков и снова лег на песок боком, лицом к скале — не хотелось беречь душу привычным зрелищем казни. Хорошо еще, что вода здесь теплая, иначе замерз бы. Странно — бьет из-под земли, а теплая, и припахивает чем-то, и в темноте светится, и царпины здесь заживают быстро, куда быстрее, чем на поверхности, и печенка больше не болит... Мысли тянулись, как дни.

В этот день Роке было плохо. Плохо от неподвижности воды, от безмолвия песка, от того, что не было солнца, словно затянули отверстие там сверху, где далекое небо, облака. Хотя — какое уж далекое небо? Низкие облака, облачность...

Рока услышал плеск за спиной, плеск и движение. Он обернулся: на остров выползал человек. Медленно, как черепаха, проталкивал человек вперед длинные руки и смотрел на хозяина острова затравленно. С ужасом и надеждой. Рока протянул ему руку, пытаясь вытащить на сухое, протянул бездумно, без мыслей, просто обрадовав-

шись, что одиночество его уже кончилось. Но человек, видно, слишком устал, сил выползти на берег у него не было, и он лежал — половина там, в воде, половина на суше, и дышал глубоко и неровно, изредка поднимая голову и поглядывая на Року благодарными собачьими глазами.

Так их стало двое.

Хорошо это или плохо, когда рядом с тобой — другой, когда рядом с тобой человек? Наверное, хорошо. Точнее, может быть хорошо, должно быть. Но здесь на острове, не было места двоим. Жить здесь мог только один, и то кое-как, а вдвоем на острове можно было только умирать.

Сначала, сгоряча, показалось, что неожиданный сосед, разделивший тяжесть испытаний — редкий, почти невероятный подарок судьбы. То, что он — другой, из другой среды, другим молоком вскормленный, — тем лучше. Ничто не надоедает так быстро, как зеркало. Второй был щуплым, худым, но не той худобой, которая — скелет, а той, что сплошные сухожилия, как ремень, как бич. Глаза светлые, светлые волосы, странно — откуда, когда кругом все темноволосы и темноглазы в земле избранной и облагодетельствованной богами. Дурные глаза, почти постоянно собранные в колючие точки, они редко-редко распускались, открывались, как будто изнутри развязывался стягивающий их в узелок шнур. Непонятно к чему, Рока вспомнил, что в детстве, еще совсем мальчишкой, он боялся таких вот щуплых, с дурными глазами, хотя всегда был крупным, сильным и в силу свою верил. Но таких опасался. Вывернутой, нездоровой своей логикой такие могли в момент зачеркнуть правильные строгие умозаключения и потом хохотать долгим противным смехом. И — самое удивительное — толпа тоже будет хохотать, только что замороженная четкими доказательствами, а теперь все забывшая и отбросившая. Таким, как этот, не надо особых причин, достаточно повода, чтобы кинуться в драку, целя легким жестким кулаком в глаз или в нос — куда больнее. Такой, даже если и попадетя на прием и лежит в песок лицом, расцарапывая его в кровь зрящими рывками, то не признает, честно, поджентльменски своего поражения, а будет продолжать ругаться и угрожать. И отпустить такого страшно. Вскочив, он тут же кинется на тебя. Со временем Рока забыл, что такие существуют, время развело разных людей — каждого в свою сторону, и многие годы ему не приходи-

лось разговаривать с теми, с кем разговаривать не хотелось. До всей этой истории, конечно.

В историю Рока ввязался просто и легко, как жил. Многие из того, что было вокруг, ему не нравилось. К тому же он предпочитал, чтобы как можно меньшее число людей могло приказывать ему. Сам он приказывать, правда, тоже не любил, и идеальным считал для себя лично — так, в полушутливых мыслях, не более, — место где-то около главного ревизора страны, пусть не самого главного даже. Он любил простую и строгую систему отчетности, принятую в государстве, и не раз прикидывал, что справился бы с ревизорскими обязанностями блестяще: выявлял бы тех, кто не любил или не хотел работать; взламывая лед страха и ненависти, вытягивал бы признания у запирающихся; и собирал бы тщательно, как коллекционер, мелкие, с просяное зернышко, факты на тех, кто злоупотреблял доверием и своими правами. А потом, вытянув руки по швам и подчеркивая собственную отрешенность, выкладывал бы эти факты самому-самому, но уже не россыпью, а объединенными в прочную цепочку, надежную цепочку, которой можно связать, на которой можно повесить.

Но двигаться вверх было трудно, вверху цепко держались за удобные кресла старики, зачастую не делая того, что следовало бы делать, для чего, собственно, и предназначены были их должности. Это злило, раздражало. А тут как раз случай подвернулся.

Случай, он всегда, наверное, ждет момента, когда человеку надоест будничное существование, ежедневный кордебалет в полноги, если тянет в солисты. Случай не бил в лоб, не лез в руки, а подкрался и дал подумать. Подумав, Рока согласился. Во-первых взвесив цели и задачи, он не счел особым грехом участие в готовящемся мероприятии. А во-вторых, те, с кем ему довелось столкнуться по этому делу, показались ему умными людьми либо людьми решительными. В такой компании риск, как представлялось, не велик, на крайний же случай была надежда, и даже больше, чем надежда, почти уверенность, подкрепленная обещанием:

«Если что случится и утащит тебя вниз, все перевернем — и низ станет верхом!»

А случилось, что взяли сразу всех, или почти сразу и почти всех — но это дело не меняло. Кое-кто умудрился, конечно, во-время исчезнуть, пропасть, как рябь с поверхности озера. А его, Року, взяли — не такие уж дура-

ки и бездельники оказались там, наверху, достало ума не хватать по одиночке и не рвать рывком, а осторожно тянуть сеть, чтобы всех вытащить на свет божий.

И многое сразу стало не таким, как виделось.

Включаясь в игру, Рока рассчитывал на открывающиеся возможности: когда абсолютное большинство ставит на одну лошадь, всегда есть смысл поставить на другую. Конечно, фаворит может и опередить, все-таки у него привычка побеждать и хорошая фора, но зато если первой придет другая лошадь, выигрыш будет много весомей. Атракцион с политикой не казался Роке столь уж опасным. Ну, придет фаворит первым — потеряешь ставку, и все! Следующий заезд завтра, господа! А действительность пошла против правил. Да, фаворит не добежал, сдох посреди дистанции — силы у него были не по нынешним гонкам. Но вторая лошадь не стала первой! Темная рванула вперед, и хотя ясно было, как белый день, что это не спорт, что тут явно допинг и щедрое «в лапу» жоккею, трибуны взорвались аплодисментами. Вторая попыталась спасти положение и не смогла — за гнал неловкий наездник. А загнанных лошадей... не правда ли?

Честно сказать, почти самым трудным для Роки, когда пришло время платить по тому билету, по которому рассчитывал только получать или, в крайнем случае, выбросить за ненадобностью, была необходимость разговаривать с людьми, с которыми он раньше и рядом не оказывался: они жили в других кварталах, ходили другими дорогами, знакомились с другими женщинами, пили другое вино. И работали свою, другую работу, с которой Рока совсем не собирался знакомиться ни с той стороны служебного стола, ни, тем более, с этой. Но вот пришлось, и никуда не денешься. Пришлось отвечать на их вопросы, которые могли возникнуть только в голове, где извилины прямы как стрела. Пришлось — самое печальное — думать, что отвечать им. И даже тут, на острове, думать и отвечать. Его не били, а этого он боялся больше всего — физической боли и связанной с ней возможностью утраты уважения к себе. На состязание, на равное спортивное противоборство он был согласен, но играть болванку, из которой на токарном станке вытачивают что-то, им полезное, — увольте! Но счастлив был его бог, ему не пришлось переносить физических мук. Только унижительные разговоры, только круговорот вопросов и ответов.

А второй был другим, и история его была другой. Он долго молчал сначала, и это было понятно Роке. Но в день неизвестный, когда скончался полдень и солнце, едва царапнув остров, потащило по стене колодца светлое пятно, второй заговорил.

Рока слушал из непреодолимого желания человека брать информацию, которая идет в руки, не задумываясь, пригодится она или нет. Даже перед смертью, даже по дороге на казнь смотрит человек вокруг, пытаясь понять и запомнить, вобрать в себя краски и запахи, звуки и слова. Зачем? Инстинкт, врожденный или приобретенный? Или — чтоб в последний миг сильнее пронзила жалость ко всему, что остается?

Рока слушал и даже внимательно слушал.

На свою беду, слушать он умел. Это было профессиональное, осталось от работы учителем единого государственного языка в той, другой жизни. И, вероятно, второму, взрослому с телом подростка и умом ребенка, — он и казался учителем, которому надо ответить редкий, выученный за жизнь урок. Когда-то этот урок не был отвечен и теперь выговаривался сумбурно, не всегда внятно, топорливо, словно можно опять не успеть.

Второго звали Чампи. Плебей, сын плебея, он хотел доказать, что тоже что-то значит. Сухой сучок на стволе человечества, он мстил своим рассказом тем, кого винили в собственных дурацких несчастьях. Его крохотная воронья душа была полна ненависти. Его несло словами, потому что завтра он для себя не видел и себя не мог представить в этом завтра. Чампи попал на остров закономерно, самое место ему тут, на острове, думал Рока, забывая собственную судьбу. Но тут же вспомнил и поправился: такие не должны выплывать. Странно, что хватило у него ума прыгнуть самому, не дожидаясь удара копьем под ребро. А то, что он выплыл, вообще ни в какие ворота. Там, в воде, самое ему место.

III

Был Чампи медником, как и его отец, потому что велика мудрость богов и так установлено ими: отец крестьянин — сын крестьянин, отец ремесленник — и сын ремесленник. Кем, как не чиновником, быть сыну чиновника? Сын воина поднимает копье, древко которого вытесано сыном плотника, а лезвие отлито и выковано сыном кузнеца, копье, которое сын счетчика занес в веревочный

точный реестр. На уровень груди сына человека поднимает он это копьё — по велению сына бога. Велика мудрость богов, и стоит государство крепко. Так вот, Чампи был медником.

Разные бывают истории: простые, которые раскладываются по полочкам с помощью четких законов логики, и сложные, анализ которых не каждому по плечу. Эта история была вывихнутая.

Чампи исполнилось двадцать пять, когда его перевели в третью зону. Казалось бы, все просто и понятно. С достижением этого возраста все юноши переводятся на жительство и работу в третью зону. Мудрость этого закона очевидна. Примо, он существует с древних пор и прошел проверку временем. Секундо, в нем заключено глубокое знание человеческой психологии. Человеку надо к чему-то стремиться, видеть перед собой какую-то высокую, но достижимую цель. Если не поставить перед ним эту цель централизованным, официальным порядком, каждый начнет искать ее сам для себя, и мало ли какое направление для приложения сил выберет неискушенный в законах существования общества человеческий ум! Поэтому и был введен этот древний и мудрый закон о зонах. Каждый сын обучается делу своего отца до двадцати пяти лет, и до этого срока вся работа его — собственность отца, ибо отец дал ему жизнь, дал профессию, дает кров, пищу и знания. В двадцать пять лет сын переходит в третью зону, становится самостоятельным, и усердным трудом не меньше, чем за два года, должен подтвердить свое право жить и работать во второй зоне. До тех пор он не может жениться, да и вообще в третьей зоне семей нет.

Вот этот самый закон, мудрый и справедливый, стал костью поперек тощего, кадыкастого горла Чампи. Он не мог и не хотел с ним согласиться, потому что — по его словам — работал ничуть не хуже своего отца, а в последние два года — по его словам — и вовсе работал один, выполняя установленную для отца норму и, кроме того, зарабатывая на жизнь всей семье. Чампи не мог понять, почему отец его достоин жить во второй зоне, а он — нет. Он так рассчитывал на поправку Великого Инки-реформатора, негласную и гласящую... ведь нет правил без исключений.

Он забывал, Чампи, а может быть, впрочем, и не знал, что человека оценивают не только по способности

производить то или иное барахло более или менее качественно: человек может быть сильным или слабым, лояльным или враждебным, удобным в употреблении или раздражающим. Не за побрякушки платили его отцу второй зоной и уважением окружающих, а за то, что он делал эти побрякушки долго и стабильно. Попав в третью зону, человек волен изменить профессию. Тот же, кто добровольно выбрал себе дело своего отца и на протяжении многих лет работал, пусть даже не достигая мировых стандартов, более достоин уважения, чем тот, кто быстро и ловко хватается звезды с неба. Потому что еще не ясно с этим молодым выскочкой, в какую сторону качнется его порыв, если вдруг разонравится ему делание экспонатом для будущих музеев. А человек, работающий стабильно, достоин уважения, ибо покой царит в его душе. Этому человеку нужно немного: жилье хорошее, просторное, в удобном месте, и одежда, и скамья в амфитеатре, откуда видна арена со зрелищами. Все это, особенно, если давать не сразу, а постепенно, на протяжении ряда лет — за усердный труд, не так уж много для общества, можно наскрести как-нибудь. Зато в трудную минуту заведомо ясно, как поступит такой человек. Внешнее задано, оно известно, и если внутреннее у человека — единица, спокойная единица, то легко сосчитать, что будет в производстве, даже если умножить надо на тысячи единиц, миллионы единиц. А если внутреннее — 2, или 3,141592, или — 0,71. Легко ли тут производить вычисления?

А у Чампи внутри не было единицы. Может, больше было, может — меньше, но не единица, только не благополучная цифра, легко поддающаяся умножению. Он был прост, Чампи, пока не пришла ему пора выбирать свой путь — отправляться в третью зону. Терпение и выдержка нужны были там, в третьей зоне, для достижения цели. У Чампи не хватило терпения и выдержки.

Он сбежал и прошел во вторую зону обратно, у него легко это получилось, такой он был маленький, невидный, незаметный. Он сбежал, чтоб посмотреть на свою девушку — на девушку, с которой он разговаривал чаще и которая ему больше нравилась, хотя — чем они там разнятся — отличаются одна от другой, эти дочери ремесленников, одинаково невидные в пору юности, а потом сразу делящиеся на две категории, на две половины: худые и толстые, потому что — им ли заботиться о фигуре, заниматься гимнастикой и купаться в прохладной воде по утрам? Кухонный чад, заботы по хозяйству. И рожать

детей, рожать без остановки, потому что богаче тот дом, где больше детей. Потому что потом, когда у главы семьи сил станет меньше, сыновья помогут ему в работе, и быстрее справится он с заданной нормой, и останется еще для себя, на рост благосостояния семьи, на обед посытнее и одежду добротнее. Но все связано в цепь, кольцо за кольцом, ничто не пропадает зря, и лишняя безделушка, лишняя охапка кукурузы, хвороста или овечьей шерсти совсем не лишни под этим небом, где живут и пекутся о своем доме ремесленник и крестьянин и где под тем же небом живут писарь, солдат и губернатор, и всем им будет лучше, если из земли, из природы, из мешка бог, вознаграждая за труд, появится лишняя вещь. Появится и станет на баланс государства. И они рожают детей. И потому — слишком толстые. Или слишком худые — все одинаковые, в конечном счете.

Почему Чампи тянуло именно к той, которая стать его женой никак не могла? Ей уже пришла пора выходить замуж, а он еще не заработал права содержать семью, он был из третьей зоны, где женам делать нечего. Конечно, государство не жестоко, оно благоразумно — в третьей зоне тоже были женщины, специальные женщины третьей зоны со стриженными коротко волосами. Их были там сотни, и все общие, значит, и его, Чампи. Богач, сотни женщин. А ему нужна одна. И все потому, что не было у него внутри спокойной, кроткой единицы.

В третьей зоне предоставлялась возможность делать любые изделия, работать, а ему нужна была своя женщина и своя мастерская, хотя не все ли равно, чья комната, в которой ты трудишься, была бы только для работы твоей приспособлена. Он зря ушел из третьей зоны, этот Чампи. И писарь, конечно же, выполнил свой долг, сообщив об этом по инстанции, ведь он был писарем на испытании, писарем третьей зоны. И полицейские, полицейские на испытании, взяли его, когда он вернулся. И палач третьей зоны вкатил ему на площади между барачков тридцать палок. И люди третьей зоны, все как один на испытании, смотрели на его позор, посмеиваясь вслух и боясь про себя, и в каждом крепла решимость делать все, что требуется, чтобы в положенный час стать настоящими людьми — людьми второй зоны.

Все произошло именно так, как и должно было быть. Человек, шатающийся праздно, вместо того, чтобы заниматься своей работой, делом, нужным обществу — без-

дельник. А бездельников наказывают палками. Так было и есть.

Но потом умер писарь, писарь третьей зоны. Жарким вечером, когда бродило в нем пиво, недобродившее в кувшине, он стоял у ограды и смотрел, куда скрылось солнце, смотрел вдаль. Зачем ему было это? Ведь человек, который смотрит вдаль, не видит, что делается с ним рядом. Он упал, ударившись головой о камень, хотя парнем был рослым и сильным. Но что сила, когда другой подошел сзади, что рост, когда другой взял тебя за щиколотки и, посадив плечом под ягодицы, резко встал? Просто расстояние большее пройдет голова в последней траектории, если ты длинный... Так умер писарь, который любил смотреть вдаль, а это занятие для большинства людей бесполезное и даже вредное. Выбросить руки вперед писарь не успел.

Его смерть особо не расследовали. Ну, умер и умер, разбился, тем более — писарь на испытании, из третьей зоны, гражданин третьего сорта. На его место поставили другого.

Тогда Чампи стал думать. Было это для него трудно. Думать он не привык.

С давних необозримых времен делятся люди на тех, которые делают, и тех, которые думают. Совмещать эти занятия непрактично: производительность снижается, а иногда и качество. Однако приходится решать — что делать, сколько, зачем, и делать ли вообще? Чтобы все люди не задавались так называемыми «проклятыми» вопросами, на помощь им приходят те, кто только думает и готовит для употребления концентрат из ответов на эти вопросы и даже на вопросы еще не вставшие, но уже маячащие, которые пока только угадываются инстинктивно. Как только задумается человек — выясняется, что вопросы эти и ответы на них уже подготовлены к восприятию, и вся обработка, какая нужна, произведена, и даже глюканат кальция добавлен. Вы не знаете, при чем здесь глюканат кальция? И я нет. Но очевидно, полезно, я ведь в этой области не силен, раз добавили, значит, так лучше. Кто-то этим всю жизнь занимается, на хлеб этим зарабатывает, ему видней.

Так вот, Чампи стал думать и дошел до мысли, что понимает во всем случившемся мало. Кто повинен в свалившихся на него неприятностях? Палач? Нет. Палач бьет всех, кого прикажут, каждое воскресенье кого-нибудь. Писарь? Тоже нет, раз на его место поставлен

новый, чтобы выполнять те же обязанности, делать работу, для которой должность его предназначена. Судья? Опять вряд ли, потому что судья выносит приговоры разным людям по одним и тем же давно составленным законам. Но тогда — кто же? Кто сталкивает с вершины горы камни, которые и судья, и писарь, и палач направляют в Чампи и ему подобных? Бог? Бог — это если землетрясение или там молния. Чампи зашел в тупик.

Но он ошибался, думая, что инцидент с писарем остался никем не замечен.

В третьей зоне были разные люди и некоторые из них думать умели, хотя по штату и происхождению полагалось им только работать. Подошел как-то к Чампи сосед по зоне и похвалил: «Ловко ты с писарем обошелся». Чампи даже долго отпираться не стал. Он рад был бы и судье, хоть поругаться можно, так ему надоело все. Однако власти Чампи не нашли — или не искали. Нашли его другие. Здорово ты его! — сказали они. Правильно! — сказали они. — Дай срок — всех их так! — сказали.

Особенно один говорил, самый старший и самый битый. Вся спина у него была в шрамах. Били его не раз: и за непослушание отцу, и за самовольное оставление места жительства, и за неподчинение властям. Очень стыдно, когда бьют палками, больно и стыдно. Звали этого битого Пушок — за не по возрасту седые волосы. Было ему тридцать, но он так и жил в третьей зоне и во вторую переходить не собирался.

— Брехня все это, — говорил Пушок, — это они же и выдумали, что битому стыдно. Иначе как же? Иначе получится, что им стыдно: целое государство, а убедить не могут — бьют. Больно — это да. Но я с ними считался и буду считаться за каждый шрам. Давить их, гадов, давить! Всех! Вот ты правильно сделал, — обращался он к Чампи. — Он тебе гадость, ты — ему. По-мужски. Со стукачами только так и нужно. А в чем была твоя ошибка, знаешь? В том, что одной этой смертью ничего не решишь. Ты его шлепнул, на его место другого поставили, такого же. И ничего не изменилось. Про того, старого, что сказали? Умер! И все гладко. Так? А надо — всех сразу!

— Как же — сразу? — не понял Чампи. — Невозможно всех сразу.

— Тебе невозможно, мне невозможно, а если подни-

мутся — вся наша зона, все третьи зоны, тогда как? Возможно?

— Третья зона спит и видит, как во вторую перебраться, папашино место занять, — обдуманно возразил Чампи. — Где уж — поднимутся.

— Поднимутся, — убедил его Пушок, — если сказать им, что ждать не надо, бери сейчас, без испытания. Все твое — нет зон, есть только люди, все одинаковые.

Было много вопросов, на которые охотно отвечал Пушок. Иногда он даже сам задавал такие вопросы собеседнику, чтобы потом самому же на них ответить:

— Нет, ты объясни, зачем тебе государство? Ну зачем? Налоги брать? Какое добро ты видишь от него, какое еще внимание, кроме налогов? Обирают тебя. Чиновники, судьи, губернаторы, жрецы — они государство выдумали, чтобы жить и не работать. Они ведь не работают. Они ничего не делают своими руками, а живут лучше тебя. Почему? Потому что они отбирают все у тебя, у него, у других. То, что работающие люди делают, они присваивают и делят между собой. Только для того и придумана эта лавочка — государство.

— Ну от кого они тебя защищают? — говорил Пушок. — От жуликов? Да что у тебя в доме жуликам взять-то? От чужеземцев-завоевателей? Да пускай их завоевывают, ты-то что теряешь? Начальник теряет — если завоюют, он не будет начальником, ему самому работать придется. А функции распределения — это вообще чепуха. Крестьяне не перестанут выращивать маис — они больше ничего и не умеют, и ты не перестанешь работать по меди по той же причине. И у них, знаешь ли, всегда найдется лишний маис, чтобы обменять его на твою медь, особенно если не надо будет налоги платить. Тебе же терять нечего! У тебя, кроме рук и головы, ничего нет, а с руками ты и без государства проживешь.

Однажды Пушок пришел сильно взволнованный.

— Ребята, — сказал он своим — или как там принято было у них друг к другу обращаться? — Ребята, в будущий праздник хотят на площади сжечь хорошего человека. Что он сделал, не знаю, только не отравитель, не поджигатель. Придумал он что-то непонятное и теперь его за это сжечь хотят. Друзья, если им сейчас этот балаган испортить — тысячи людей узнают! Нельзя упускать. Я тут что придумал...

Стрелять выпало Чампи.

Десять человек из народа по традиции должны факе-

лами поджечь карающий костер, потому что правосудие вершится от лица народа и его руками. Чампи убил десятого.

Это было настоящим преступлением против общества, против государства, против богов. А всех, преступивших волю богов, оставляют с богами один на один. Их не убивают, их сбрасывают в колодец. Их выбрасывают из жизни.

IV

У всякого явления есть свои апогеи и перигеи, свои экстремумы, свои собственные, яркие, лишь ему присущие свойства, отличающие от всех других. У самой жизни имеется свой экстремум, коронка, так сказать, — это ложь, обман. Жизнь обманывает всех подряд во всех ожиданиях, но снова и снова поддаются на обман живые, и если это не приводит к последствиям, по-настоящему фатальным, то только потому, что не всегда обман — зло. Правда, в процессе эволюции человек научился разгадывать очень многие ловушки, которые заботливо расставляет перед ним жизнь, но что в том? Теперь человек сам уже ставит ловушки себе и себе подобным. Лжи не убавилось, формы изменились.

Что-то было очень неправильное, очень «не так» в том, что на этом спасительном острове второй оказывался лишним. Спасение от одиночества неминуемо оборачивалось здесь голодом, возможно, даже смертью. Да, пожалуй, даже смертью, голодной, особенно — с таким партнером. Рока подозревал — да что уж там, подозревал! — знал точно, что Чампи его обкрадывает: ворует лишних моллюсков, забирает большую часть скудных их средств к существованию и уж во всяком случае гораздо большую долю, чем та, что приходилась ему по справедливости. Рока был убежден, что Чампи вполне хватило бы сорока, даже, может быть, тридцати и уж во всяком случае тридцати пяти процентов от их общего дневного рациона. В конце концов Чампи привычен к некоторой скудости в питании, и телосложение у него гораздо более для диеты подходящее. К тому же, у него было еще одно преимущество перед Рокой. Дело в том, что человек, привыкший думать, для которого думать — это работа, короче — человек интеллигентный, не может так вот просто перестать думать, то есть работать. В этом он силен, но в этом заключается и определенная слабость. Потому

что думать — работа тяжелая и, как всякая работа, требует калорий. Уже в силу этого для поддержания жизни Роке требовалось больше пищи, чем для бездействующего совершенно Чампи. Но попробуйте объяснить эту простую истину субъекту, далекому от всякой логики! Нечего и надеяться на его понимание в данном вопросе. В жизненно важном для них обоих. Он не довольствовался не то что тридцатью пятью процентами, но и половиной пищи. Он крал моллюсков.

В обычной жизни, там, наверху, Рока и ему подобные знали, как обращаться с людьми типа Чампи: их покупали за материальные блага и тем самым вводили в колею, в жизненный строй, заставляли работать любое, хитрое или нехитрое, ремесло. Но у Роки здесь, внизу, не было не только избытка благ, которые можно употребить на оплату своего спокойствия, но даже недостатков ощущался. Чем оплачивать дружбу с Чампи? Ракушками? Своим к нему уважением? Ракушек едва хватало, чтобы не умереть, а слова, ничем не подкрепленные, не имели ценности.

Этот Чампи — типичный исполнитель, думал Рока. Но знание механизма человеческих отношений ничем не могло помочь. Чтобы включить этот механизм, даже просто избытка мало. Нужно, чтобы подчиненный имел единственную возможность достижения благ в четком и неуклонном выполнении распоряжений руководителя. Ну, скажите на милость, как Рока мог бы использовать квалифицированную рабочую силу в данных обстоятельствах? Что Чампи мог произвести для него полезного на этом острове? Ничего!

Есть, конечно, еще один тип сосуществования — мирное общежитие двух джентльменов. Но для этого тоже необходим был избыток моллюсков насущных, иначе вражда неизбежна. Ее могли несколько отдалить и ослабить правила морали, но с моралью у Чампи отношения были сложные и со стороны не совсем понятные. Такой, как он, мог нарушить закон уже потому, что это на миг возвысило бы его в собственных глазах, дало ощущение превосходства над остальными. Рока этого не понимал. У него самого таких побуждений никогда не было, и если существовали законы, которые его не устраивали, то он лично предпочел бы не нарушать их, а добиться изменений в самих законах.

Итак, поскольку Чампи нельзя было вставить в систему «руководитель — подчиненный», и для роли соседа по

общезнанию двух джентльменов он тоже не подходил, приходилось делать вывод, что Чампи — некая физическая величина, которая угрожает жизни Роки уже фактом своего существования. Моллюсков все-таки выползло на мель слишком мало для двоих. А вдруг ему придет в голову однажды, что все эти моллюски принадлежат одному — ему, Чампи? Хватит ли у Роки сил — просто физических сил — воспротивиться, добиться справедливости? Неизвестно. Скорее даже, вряд ли. Рока уже был порядком истощен. И мысли эти сил ему не придавали: неутешительная картина вырисовывалась. Нехорошо выглядел конечный результат их общего существования на острове, даже думать об этом не хотелось. Если бы их с Чампи объединила какая-нибудь достойная цель, возможно, они и дотянули бы, выжили. Но какая цель могла их объединить? Уйти отсюда? Выбраться по канату, уходящему в небо? Чем дальше, тем несбыточней это становилось. Им было уже не по силам даже просто добраться до каната, подняться по скале-клыку. И неоткуда было ждать помощи — чем дальше, тем голоднее становилось на острове.

А стражники сбрасывали с галереи новых осужденных. Это происходило каждый день, а в иные дни и по несколько раз. Видно, там, наверху, отнюдь не решили всех своих проблем, устранив из жизни Року и Чампи. Видно, действовали там еще какие-то силы протеста и недовольства, скрытые, но вскрываемые, гибнущие в колодеце — и все же неиссякаемые. В минуты казни Рока не мог не думать об этом. Сколько их, собратьев по несчастью? Собратьев ли? А если все они — чампи? А если на острове вдруг, в один прекрасный день появится еще один Чампи — что тогда? Этот остров не был предназначен для двоих, собственно, лишь один мог бы выжить, вдвоем они лишь долго, затажно умирали от голода, бездействия, бессмысленности, несовместимости. Но троим — это было бы за пределом. И тем не менее, как раз по законам вероятности, в конце концов вереница смертников должна была дать третьего. И это произошло.

Третий, выбравшись из водоворота, плыл к острову медленно, экономно расходуя силы. Голова его была наклонена, вся в воде, и мелькали только руки — без всплесков и брызг.

— А,— сказал Чампи,— третий. Вот мы его и схватим.

— Что? — не понял, не захотел понять Рока.

— Схарчим,— резко сказал Чампи.— Жрать-то нечего. Что ж, втроем подышать будем? — И впервые с начала сегодняшней казни он поглядел на Року: — Или ты — нет?

— Да! — быстро сказал Рока, отводя глаза.— Безусловно, да,— потому что сопротивление не могло бы решить ни одной из проблем, лишь поставило бы новые.— Только я не могу.

— А,— отвернулся опять от него Чампи.

Третий выползал уже на отмель, и Чампи не стал добавлять ничего к сказанному, все и так было ясно.

Он подошел поближе к отмели, и Рока с удивлением и безотчетным страхом вдруг увидел в его руках нож. Это было невероятно, даже противоестественно — откуда? Рока лихорадочно соображал. На острове не было даже камня, только монолитная скала-клык, чудо природы, да песок. Раковина! — понял Рока. Остро заточенная, поблескивающая голубым перламутром. Ни разу Рока не видел, чтобы Чампи занимался изготовлением этого орудия, хотя уединиться даже при желании на острове было очень трудно, практически невозможно. «Однако, сделал же,— подумал Рока,— сделал все-таки, прятался от меня. Зачем? Чтобы не насторожить? Ясно, ясно, спасибо, конечно, что так вышло. Только вряд ли, знаете ли...» Он не замечал, что пятится все дальше, пока не уперся спиной в твердое, в гладкий прохладный камень.

Он увидел еще, как Чампи пошел навстречу выплывшему, как протянул ему руку, помог выбраться на берег и как, когда тот упал, вконец обессиленный, может быть даже — счастливый (как когда-то, в свой час, Рока и Чампи), когда он расслабился, веря, что борьба кончилась, что смерти больше нет,— Чампи мягким, скользящим движением сгруб сухой, верхний слой песка и плеснул им, как водой, в глаза лежавшему без сил человеку. Дальше Рока уже ничего не видел, словно ему, а не тому, третьему, залепило глаза колючим песком. Ему незачем было смотреть, он и так все чувствовал, познавал вместе с болью и горечью, встававшими внутри его, когда желудок застрял в горле, как кулак, а рвоты не было, и пустой пищевод тщетно пытался вытолкнуть несуществующую пищу.

Потом он пошел к воде и долго полоскал лицо, чтобы смыть жесткий сухой песок.

— Эй! — окликнул его Чампи.

— Что? — опять не понимая, стараясь не понимать, спросил Рока, через силу раздвигая сведенные судорогой губы.

— Бери, бери, тебе говорят! — угрожающескомандовал Чампи.— Бери, ну!

Он смотрел в лицо Роке, и тот протянул руку. Кто знает, что подействовало сильнее — слова, интонация, взгляд? Или голод? Очень трудно заставить человека делать то, чего он не хочет делать. В подавляющем большинстве случаев выполнение приказа означает, что исполнитель — пусть произвольно, пусть неосознанно, инстинктивно, подкоркой, нет, даже не подкоркой, а самыми тайными ее уголками — был согласен с приказом. Повинные из страха возможно лишь тогда, когда страх катализирует или растормаживает другие эмоции, спрятанные под благопристойными нормами будничного существования.

Страх — это тоже своего рода сигнал к отступлению. У человека всегда есть выбор, когда есть страх. И если человек подчиняется приказу, он идет ему навстречу сам, по своей, а не по чужой воле.

— Ешь, чего ломаешься, — сказал Чампи. Его лицо дернулось в улыбке.

Песок все еще впитывал кровь, и казалось, красные пятна отпечатываются здесь намертво.

— Не нравится? — захохотал Чампи.— Может, перчику не хватает или соли?

Он без конца смеялся, без конца говорил.

— Вы, чиновники, начальники, — говорил он Роке, объединяя в его лице весь мир, всех, кто сбросил его сюда, кто уничтожил его, Чампи, кто не позволял ему действовать по собственному усмотрению, — убить человека вы еще можете. Зажарить его живьем на площади — это пожалуйста. А съесть вот так, сырого, без соли и перца? Слабо? Да что там, сырого — жареного и то бы побрезговали. А? Почему? Потому, что законом не велено? А что тебе сейчас до этих дурацких законов? Они — там, а ты — здесь. Тебя нет! Ты мертв для них и для их законов.

Его челюсти работали исправно. Он жевал и жевал, тело содрогалось, принимая пищу, от которой отвыкло. Которой не знало.

— Ешь, — говорил Чампи почти ласково, хихикая нервным коротким смешком.— Они, — он махнул рукой вверх, — будут только рады подкормить тебя. Небось, для

того сюда всех и скидывают, чтобы мы с голоду не подохли. Казнь, называется. Что они, убить как следует не могут? Остров этот...

— Пива бы,— продолжал он.— Да что ты кривишься? Не хочешь? Ну, водички попей. Пивка бы, конечно, лучше. Под пиво бы интересней, да нету. Не позаботились они. Не додумались пиво нам сюда сбрасывать.

Року опять замутило.

— Да куда ты? Что с тобой? — дальше Рока долго не слышал. Он опустил голову под воду и мотал ею под водой так долго, пока не начинал захлебываться, потом дела несколько глотков воздуха и снова прятал лицо в воду. Пищи в желудке уже не осталось совсем, тело стало пустым, освобожденным.

Наконец он пришел в себя и поднялся, стряхивая с волос влагу.

— Моешься? Грехи смываешь? Тоже дело,— донесся до него невыносимо знакомый голос Чампи. Рока почувствовал, что руки и ноги его тяжелеют. «Сейчас подойду,— он видел Чампи, сидящего над недвижным окровавленным телом,— и ударю ногой в висок. Подойду и ударю.— Чампи наклонился.— Нет, в шею. Сейчас он поднимет голову и я ударю в шею пяткой, ногой, чем попадет. Какая разница? Только посильней»,— он видел это место над ключицей. Он шел.

Чампи поднял голову. Рока остановился. Он наткнулся на взгляд, как на палку.

— Ага,— сказал Чампи,— проголодался. Конечно. Такой кусочек — разве норма для здорового мужика? На вот, держи. Поправляйся! Душа у меня переворачивается на тебя, голодного, смотреть.

И Рока взял, и стал есть.

Спали плохо. Можно считать, совсем не спали. Рока во всяком случае и не засыпал, и слышал, как Чампи тоже ворочается бессонно.

Рока думал. Голова раскалывалась, но остановиться он не мог. Это было — как лететь под откос.

Почему Чампи не убил его до сих пор? Почему кормил, заставлял есть? Впрочем, чтобы понять это, надо было понять всего Чампи. Например, он, Рока, не мог бы жить бок о бок со свидетелем своего преступления, тогда как Чампи, наоборот, свидетель был нужен. Вероятно, в какой-то степени для самооправдания. Возможно, Чампи будет легче убить Року как раз потому, что Рока и сам не без греха. Что Чампи в конце концов убьет его, Рока

теперь был твердо уверен. Он не сделал этого до сих пор, скорее всего, по той же причине, по какой рачительный хозяин не режет без крайней нужды, а тем более летом, домашний скот. Чампи бережет его живым, чтобы он был пригоден в пищу, когда понадобится, в нужный момент. Он, Рока, для Чампи все равно, что консервы. Все так и будет, обязательно, пришла пора смотреть правде в глаза. И выхода нет, вернее, есть лишь один выход: убить самому, убить первому.

Значит, поединок? Честный бой? Рыцарский турнир? Нет, невозможно. Чампи можно было убить только неожиданно, иначе была бы мерзкая драка в расчете на случай — кто кого, кровавая потасовка на смерть. Он представил себе этот бой и отмахнулся от мысли о нем. Бессмысленно. Неумно. Ни к чему. Рока не должен рассчитывать на случайность, если не хочет быть консервами для этого мерзавца.

Чампи был ненавистен ему теперь более всего, что он знал в жизни. Арест, суд, казнь — все казалось детской игрой, игрой по определенным правилам. Игрой с выигрышем или проигрышем, но тем не менее. До сих пор Рока чувствовал себя сильнее Чампи, и, казалось, тот тоже принимал такое положение вещей, как должное. Когда Чампи выплыл из водоворота, Рока не бросал ему песком в глаза, а подал руку и помог взойти на берег. Он делился с ним жалкими крохами пищи, этими скользкими моллюсками, которые не могли насытить и одного. Там, в прошлой жизни, наверху, Рока стоял на несколько ступенек выше, чем Чампи, готовился к деятельности иного рода, больше знал. Наконец, он даже физически, по весовой категории превосходил Чампи, хотя из лучших побуждений никогда не подчеркивал своих преимуществ. Сегодняшний день все перечеркнул, сместил, вывернул наизнанку. Раньше Рока не отдавал себе отчета в том, что побаивается Чампи. Теперь он знал, что ненавидит и боится его. Им стало слишком тесно вдвоем на этом маленьком острове.

Очень хотелось пить, давно хотелось пить, но Рока не вставал, не шел к воде. Ждал чего-то. Ему даже казалось, что так и должно быть, он нарочно доставлял себе ненужные мучения. Это хоть как-то отвлекало от мыслей о главном. От самых трудных мыслей.

Судя по всему, Чампи тоже не спал. Ворочался, садился, ложился опять. Вот привстал, побрел к воде. Видно, плохо ему стало. «Ага», — отметил про себя Рока

злорадно, — тоже на пользу не пошло». Чампи забрел в воду по колени и мучился громко, отчетливо. «Что ж ты так? — звенело в голове у Роки. — Что ж ты так не подсчитал? Переел. А нечего жадничать, нечего, думать надо, скотина, каннибал», — в голове звенело, а он поднимался. Сейчас он чувствовал себя сильнее и упускать такой миг не стоило. Легко, пружиня, как в те далекие времена на земле, он пошел, потом побежал к берегу — три шага, два прыжка. А потом, оттолкнувшись левой, толчковой ногой, прыгнул. Теперь уже, собственно, было все равно, успеет Чампи оглянуться — не успеет. Рока во всяком случае сбивал его за счет инерции. Но Чампи обернуться так и не успел. Слишком он был занят собой, ничего не видел и не слышал вокруг. И Рока, выпрямляя согнутые в прыжке ноги, ударил изо всех сил пятками в спину, в поясницу, туда, где кончаются ребра. Чампи окунулся, сунулся в воду, а Рока поймал его за правую руку и потянул вверх, на себя, выворачивая в суставе. Надавил на плечо. Рука была скользкая, Чампи вырвался, но Рока давил изо всей силы, пока не почувствовал, что тело Чампи вдруг словно размякло, обвисло под водой. Он не сразу отпустил его, еще долго простоял в воде. Руки дрожали от напряжения, голова кружилась. Потом, подталкивая Чампи (для него он все еще был не трупом Чампи, а самим Чампи, побежденным, но ненавистным), Рока пошел вглубь от берега, осторожно ступая. Зашел по грудь. Тело Чампи стало невесомым, рвалось из рук — течение стремилось унести к водовороту все, что попало в его сферу, оно и Року прихватило бы. Но Рока еще подтолкнул труп, проследив взглядом, и пошел обратно на остров.

Ему показалось, что все повторяется, все повернулось вспять, когда обесиленный, выполз он на песчаную отмель, и кругом были тишина и пустота, счастье одиночества. Вода фосфоресцировала. Мягкое свечение поднималось от нее, как тепло. «Вот и все», — подумал Рока и больше не стал думать. Он лег на теплый песок и упал в сон. Теперь он мог спать спокойно.

Утром он осознал (не сразу, сначала ловил моллюсков, поймал трех — на один зуб), что надо либо воспринимать тело как покойника — и в таком случае хоронить оно, и честно с сознанием исполненного долга погибать с голоду, либо считать его запасом продуктов и поступать соответственно. На этот раз его поддерживала мысль, что просто необходимо быть сильным, чтобы

смело встретить любую новую пакость со стороны судьбы.

Мяса хватило на неделю. Практичный Чампи сразу же выкинул в водоворот, подальше от берега, внутренности — чтобы все мясо не испортилось. А с микрофлорой здесь было очень даже прилично, царапины, например, заживали почти сразу же, так что продукты могли храниться довольно долго. Было бы что хранить.

Настал покой, относительный, конечно. Была пища. Было время подумать.

Когда на остров выполз четвертый, для Роки вопрос был ясен. Он должен стать сильным, самым сильным. Он должен выбраться по канату наверх.

Он должен стать сильным, может быть, для того, чтобы, поднявшись отсюда, уничтожить этот колодец.

Отомстить за всех, кто разбивался о воду,

За всех кого затягивало течение,

За всех, кто погибал на острове от голода или других причин,

За всех, кого сбрасывали в колодец.

V

Говорят: привычка — вторая натура. А если натура, как таковая, вообще без привычек? Теперь он опять был один на острове, и надо было найти новый ритм для бытия, чтобы оно не казалось бессмысленным. Человек по природе своей не любит подчиняться обстоятельствам, а если и приходится следовать им, старается оговорить свое право, свою волю поступать так, а не иначе, подыскивая принципиальные моменты, подтасовывая правду, будто карты в колоде, что выпал джокер.

Вдвоем на острове было слишком тесно, одному — слишком просторно.

Но что-то уже сломалось в Роке, не в очередной раз, а кажется, в последний, и в нем начала расти холодная, словно окаменевшая еще до рождения, решимость. Теперь ни люди, ни время не были уже властны над ним. Люди остались наверху, в городах и селениях, дворцах и хижинах, они отказались принять жизнь Роки в русло своих жизней, отстранили его, избавились от него. В их мире было душно от законов и традиций, он просто не понимал этого раньше. Мораль, религия, ответственность перед человечеством, идеалы, любовь, нравственная чистота — все эти понятия здесь, на острове, стали цветными фантиками от давно съеденных конфет.

Почему же он хотел выбраться? Чего он ждал от людей? Что мог им сказать? Сначала Рока старался не думать над этими вопросами, отгоняя их проверенным способом — выдвигая контра: а почему, собственно, он должен дать им, людям, что-то новое? Почему бы ему просто не стремиться к теплу человеческого общения? Нет, не это. Человеческого тепла? Плоть у мертвецов еще довольно долго бывает теплой, тело хорошо хранит тепло. Плоть, кстати, не так нежна и не так красива, как люди привыкли считать. Люди вообще чересчур много думают о себе. Они беззащитны друг перед другом и перед природой, и потому заслоняются сотнями табу, прикрываются фиговыми листочками понятий и слов. В мире не много тепла, не больше, чем на этом острове, где песок хранит его всю ночь, а днем снова пригревает солнце.

Чампи незадолго до своего конца сказал, что, сбрасывая человека в колодец, власти ставят его вне законов. Вне тех законов, что действуют у них, наверху. Он был прав — по-своему, но не до конца. Наверху исполнение законов было гарантией спокойной жизни. Исполняешь — получаешь одобрение, уклоняешься — получаешь неприятности. Здесь, на острове ни благ, ни неприятностей не ожидалось, Рока скоро понял это и приспособился.

Его поведение в общем-то ничем не отличалось от поведения подопытной крысы, но, если объективно, то наверху власть и старается поставить человека в положение животного: крысы, кролика, обезьяны. Ярлыки тут не столь важны — чтобы воспитать из него примерного подданного. Рождается человек (попадает крыса в лабиринт) и его начинают обучать. За правильное поведение (с точки зрения организаторов эксперимента) крыса получает корм, в противном случае ее бьют током. И скоро крыса обучается, то есть делает только то, что нужно, и не делает того, что нельзя. Выпущенная на свободу, она вновь станет жить по своему крысиному разумению — если только не забыла, не растеряла в лабиринте своих новых навыков.

Покорные и послушные жили наверху, на страшной земле. Слушались отца своего и отца народа, вождя, жреца, слушались страшных богов, которых жрец вопрошал о жизни, когда бывало плохо. Били и ели зверей, собирали и выращивали растения. Бывали биты и едены зверями, и растения вырастали на их костях. Временами из дымки горизонта, из обрезка пушек выходили их собратья, послушные другим отцам, жрецам и богам, и тогда

надо было особенно внимательно прислушиваться к словам и опыту людей бывалых — чтобы уцелеть.

Да, случалось: накапливался собственный опыт, твердели мышцы, и сильные срывались, по случаю наговорив тяжелых слов, или молча, тишком уходили далеко и там, далеко, начинали новую жизнь. Забывалось послушание, пропадала вера. Но шли годы, росла вокруг сильного семья, умножалась его сила силой детей его и в то же время слабел он сам, и легкое становилось тяжелым. И учили сильные подрастающих детей своих, что послушание — благо, вера в слова отца — закон. Мучительно напрягая память, вспоминали старых богов, а не вспомнив, придумывали новых. И понимали постепенно: нужен лабиринт порядка, чтобы, попав в него с детства, с рождения, человек не знал бы выхода, а знал лишь свой путь между стен лабиринта. Становилось государство. Это было мудро и дальновидно.

Когда стражники вели Року к месту казни, направляя движение остриями своих копий, он в последний раз, как казалось тогда — ведь вели же на смерть! — оглядываясь по сторонам, впитывая краски, запахи, веяния живого мира, запоминая этот мир, как будто можно унести с собой память. Человек не волен в этом. Он прочитал — он не мог не прочитать: надпись была сделана над самым обрывом крупными, четкими буквами, словно напоминание, словно последняя заповедь, которую следовало унести из жизни: «Работа делает свободным». Он даже не усмехнулся нелепости этого лозунга в подобном месте, тогда было не до того. Но он прочитал и запомнил, и сейчас все чаще вспоминал, словно это был ключ к освобождению из колодца, к открытию истины: «Работа делает свободным». В философском аспекте этот лозунг, конечно, был безукоризнен, ведь стоит поставить работу целью своей жизни — и ты свободен, пока работаешь. Он воспринял этот лозунг как затертое, забытое клише, и напрасно. В старом призыве скрывались глубины, не сразу постижимые и не каждому доступные. Он хотел стать свободным, выбраться из этого колодца, а для этого предстояло работать, работать в полную силу, каждый раз в полную силу. Чтобы стать сильнее самого себя. Сильнее других. Сильнее обстоятельств. Он знал это. По опыту знал. На собственной шкуре.

Теперь Рока стал есть людей — и не испытывал особых угрызений, раз начав. Он поставил перед собой цель — выбраться. Есть людей было только средством.

Заниматься благотворительностью? Ничего не выйдет. Проверено.

Осужденные сыпались градом, как воронку где-то открыли. Выплывали немногие. Одного Роке хватало приблизительно на неделю.

Время вообще-то абстрактно, если только не привязано к процессам, укладываемым в определенный срок, физико-химическим, например. Для человеческой жизни время абстрактно: в один и тот же отрезок человек может успеть бесконечно много и несопоставимо мало. Год может тянуться как жизнь, а жизнь пролететь как год.

Рока не считал дней своего пребывания на острове, потому что представлял это пожизненной пыткой, медленным концом, наказанием, продолжением тюрьмы. Он не был волен в течении времени, инициатива была не в его руках, и дни уходили медленно-медленно, ненужные, безжизненные. С появлением на острове Чампи часы для Роки побежали быстрее. Не то чтобы жизнь обрела смысл, просто в ней появились какие-то видимые рубежи: час еды, час сна, скорей бы ночь, вот уже утро, вчера, третьего дня.

Теперь, когда у Роки была цель, цикличная замкнутость времени прорвалась, время зашпешило, побежало. Высшее счастье в жизни, смысл ее — цель.

Зачастую человеческая жизнь вся состоит лишь из выбора цели, в лучшем случае удастся обрести ее и двинуться навстречу не по прямой, а хотя бы по боковой, извилистой дорожке. Те же, чья жизнь, как принято считать, бесцельна, постоянно ставят перед собой какие-то цели, незначительные для постороннего глаза, не цели — по большому счету — а так, задачи, но ставят! Даже на досуге, когда человек предоставлен самому себе, он не может не скоординировать собственных сил, не направить их в заданное русло. Одни ставят своей целью на отдыхе отоспаться. Другой желает почитать, опять же цель — прочитать, ума набраться, узнать, как люди живут, о чем думают. Уж не говоря о тех, кто на отдыхе квартиру ремонтирует, неприятности ближнему устраивает или интриги плетет. Человек использует любую возможность: неподвижный считает трещины над головой, мух, ворон; способный к движению ловит в прицел игрального автомата зыбкий силуэт самолета, спешит на танцплощадку, чтобы с девушками познакомиться, морду чью-нибудь набить или уж на худой конец по своей получить, — трудно без цели, практически невозможно.

Цель, которая стояла перед Рокой, складывалась из двух слагаемых. Первое: набраться сил и вылезти отсюда. Второе: не попасть обратно. Первую половину он обдумывал тщательно, разрабатывал задания, физические упражнения, тренировался. О второй пока не стоило думать. Конечно, канат мог быть частью изошренной пытки. Кто знает, может, едва человек выберется наверх, его вновь столкнут вниз копыя? Но, во всяком случае, попробовать стоило.

Заключение кончилось. Началась работа.

Рока выдумывал все новые упражнения и выполнял их с упорством фанатика. Сотни раз отжимался он на кулаках от поверхности песка. Часами бегал вокруг скалы-кляка, сбивая ноги в кровь. Песок забивался под кожу, раздирая пальцы. Ползал по песку, мышцы становились твердыми, а кожа жесткой. Он плывал — сначала у острова, но с каждым разом заплывая все дальше, все ближе к водовороту. Каждый день он боролся с течением и всегда выходил победителем. Конечно, в середину потока он не заплывал. Это было бы глупостью, он не мог рисковать просто так своей жизнью и свободой, слишком дорого он платил в этой игре. Но иногда, когда была в том необходимость, он даже отнимал у водоворота тех, кто всплыл, но был слишком слаб, чтобы выплыть. Он противопоставлял бессмысленной силе водоворота свой ум и побеждал. Он был терпелив и осторожен. Он чувствовал на себе силу течения, и она становилась его силой, потому что он сопротивлялся ей.

Рока выдумывал все новые упражнения, сам создавал себе сложности. Если сначала он убивал противника сразу, пока тот был слаб и подавлен случившимся, деморализован, то постепенно он начал понимать толк в драке. Невелика сложность — убить едва живого человека, только что пережившего собственную смерть. А Рока искал трудностей, ведь только в противоборстве рождается сила. Кто знает, как встретит его поверхность земли, ее вершина? И Рока спасал казненных, давал отдохнуть всплывшим, иногда даже кормил моллюсками. И только потом — нападал. Каждый противник учил его чему-то. Но он всегда побеждал, потому что учился усердно. В конце концов он стал нападать уже в открытую, предварительно объяснив противнику, что к чему. Победивший останется жив, объяснял он. И всегда оставался жив. Теперь, когда физические нагрузки стали для Роки правилом, он уже просто не мог без мяса. Он научился

заготавливать мясо впрок — здесь, на островке, это оказалось не сложно, достаточно было только удалить скоропортящиеся части и разрезать на куски.

И настал день, когда Рока перестал бояться людей, один на один он справился бы с кем угодно. Пожалуй, уже можно было попытаться допрыгнуть до каната, но Рока медлил, он хотел наверняка.

Свыкнувшись с неизбежным, он перестал пренебрегать и ежедневным зрелищем. Он внимательно наблюдал несложный ритуал, пытаясь найти в нем силу, которую можно было бы разгадать и присвоить. Но казнь есть казнь, какая уж там сила? Казнь — это только обоюдная слабость.

Но однажды он увидел.

К обрыву гнали двоих.

Первый не выдержал, ушел вперед и теперь, обернувшись лицом к палачам, ждал. А второй все медлил, еле переступал, волочил ноги, все оттягивал то, что должно было случиться. Очевидно, стражнику это надоело, и он подтолкнул осужденного копьём в спину, туда, где сердце, чтобы сократить срок работы и увеличить время своего досуга. Но как только наконечник копья коснулся спины, осужденный поднял руки вверх, как бы сдаваясь, застыл на миг, и резко обернулся. Локтем левой руки отбил он копьё и тут же схватил его за древко, дернул на себя. Он ударил стражника правой рукой в горло и ногой — в пах. Стражник упал, но убить его осужденному не дали. Отмахиваясь от трех копий, отступил он к обрыву, крикнул — скомандовал товарищу: «Прыгай!» — и прыгнул сам, не выпуская копья из рук.

На этот раз выплыли оба, один вытащил другого. Копьё их не тяготило. Как видно, маленький наконечник не перетягивал легкого древка. Так, с копьём и вышли они на остров, а перед тем долго отдыхали на отмели, восстанавливали силы. Рока стоял у скалы и лихорадочно прикидывал. Он не знал, что делать, впервые за долгое время не знал. Он не решался напасть на них — с двоими, да вооруженными, да с таким бойким, как этот коренастый, ему еще не приходилось сталкиваться. Может быть, надо было ждать их на отмели, когда они выходили, ослабевшие? Но Рока упустил время. И копьё... Рока пятился и пятился, уперся спиной в скалу. Дальше отступать было некуда. Он ждал, только ждать ему и оставалось. Он думал: не убьют же сразу? А потом бдительность все равно ослабнет. Похоже, трещал по

всем швам мир вокруг него, его мир, который он как-то приспособил к себе, к которому сам приспособился с таким трудом, такой ценой.

Двое вышли не спеша и сели на песок, спина к спине. Снова отдыхали, оглядывались по сторонам, на Року не обращали особого внимания. Рока не решался сесть в их присутствии, стоял у скалы, крутил в руках нож, выточенный Чампи из раковины — наследство и трофей. Он чувствовал, что надо бы заговорить о чем-нибудь с ними, все равно о чем, расположить к себе, но не мог, даже смотреть не мог прямо, только поглядывал искоса и ждал: может быть, они сами начнут, вступят в контакт. Но двое словно не замечали присутствия Роки. Отдохнув, они тихо перекинулись несколькими словами и пошли к скале так, как будто им все тут было знакомо. Коренастый разбил вдребезги о скалу обсидиановый наконечник копья и отбросил бесполезное древко. Взобравшись на вершину-клык, он махнул высокому, тот поднялся к нему. Коренастый встал попрочнее, пригнулся. Второй, осторожно, взобравшись к нему на спину, дотянулся до каната и вцепился в него обеими руками изо всех сил. Тогда коренастый ухватился за ногу высокого, подтянулся и тоже ухватился за канат. Рока смотрел, как замороженный: оба полезли вверх. Не слишком быстро, останавливаясь и поддерживая друг друга, отдыхая, но было видно, что они, пожалуй, смогут добраться до поверхности земли.

Это тянулось долго, очень долго. Коренастый давно уже мог бы вылезти один. Но он, по всей вероятности, не хотел оставлять длинного. Бойтся,— прикинул Рока,— бойтся в одиночку. Кто знает, что ждет на поверхности поднявшегося из колодца? Конечно, лучше вдвоем. Они висели на канате высоко над островом, и коренастый ругал длинного. Роке хорошо было слышно его слова, и он слушал с тайной надеждой дожидаться чего-нибудь вроде: «И зачем только я с тобой связался!» Но ничего подобного коренастый так и не сказал, все декларировал насчет долга, ответственности. С галереи на них молча смотрели стражники, но не вмешивались, как видно, канат не входил в их компетенцию.

Рока смотрел снизу. Ему было плохо. Он очень досадовал на судьбу, что эти двое не вылезли на остров раньше, много раньше, когда он еще умел просто разговаривать с людьми... Рока уговорил бы этих двоих взять его с собой. Они, наверное, не отказались бы, взяли, указали ему этот путь, до которого он так долго не ос-

меливался додуматься, к которому так долго готовился.

Но скоро ему надоело думать о нереальном. Теперь он просто со здоровым любопытством человека, которому все это может в ближайшем будущем пригодиться, смотрел, как они лезут.

Длинный потух окончательно, не смог преодолеть последние двадцать метров до среза колодца, и коренастый полез дальше один. Рока только усмехнулся, глядя на это снизу. Вот мелькнул последний раз и скрылся. Длинный обреченно висел, вцепившись в канат, и Рока ждал момента, когда силы длинного кончатся и он рухнет на остров. «А там посмотрим, — прицепилась глупая фраза-мысль. — А там посмотрим...» Но смотреть пришлось на другое: коренастый вернулся с веревкой, сноровисто завязал на конце петлю, опустил ее и стал выуживать длинного. Тогда Рока сел на песок у скалы, склонил голову, задумался. Он долго ждал еще последнего вскрика и удара тела о каменный клык, но так и не дождался. А когда поднял глаза вверх, никого уже там не было. Только канат колебался еле-еле, почти не приметно.

VI

Праздник победивших надежд (или намерений) — одновременно и их похороны. Надежды исполнились, значит — их больше нет, и нужно что-то другое, чтобы занять опустевшее место.

Теперь, когда Рока знал практически все, что мог узнать, все, что знать ему было необходимо, он не спешил наверх, тянул. Он продолжал жить по-прежнему: плывал, вытаскивал на берег казненных, дрался и убивал их, ел, прыгал в высоту и длину, просто бегал, бегал гусиным шагом, присев, и бегал на четвереньках, бил кулаками о песок и ребрами ладоней — о камень, — Рока готовился. Он не торопил событий. Пусть надоест эта жизнь и канат покажется более близким, чем остров, чтобы ничего, кроме каната и того, что вверху, не осталось. Он был уверен, что сможет легко долезть до уровня, где выбрались двое, это было под силу его мышцам, его телу, налившемуся мощью, огрубевшему, почти чужому. Но Рока не собирался останавливаться на том рубеже, вверх — так до самого верха.

Наконец он почувствовал, что его день настал. Вчера кончились в очередной раз припасы, и Рока не стал даже собирать ракушки: не хотел с утра тратить силы на то,

чтобы переваривать пищу, не хотел лишнего груза. Он слегка размялся и стал смотреть на канат, внимательно, изучая не как врага, которого нужно победить, а как дурака-сотрудника, который поможет, вывезет, только надо найти к нему подход.

В это время стражники сбросили с галереи еще одного отщепенца, и тот, побарахтавшись, вылез на остров — мокрый, как пудель. Рока глянул на него — и полез на скалу. Новый его не интересовал. Он ему просто не был нужен — ни с какой стороны.

Рока залез на клык, постоял, примериваясь, чтобы не ошибиться последний раз в своей жизни. В прыжке он дотянулся до каната без особого труда — тренируясь, он прыгал и выше. И полез.

Полез. Метров через десять он остановился, чтобы перевести дыхание. Лево́й ногой зацепил канат, правой наступил сверху. Выше так уже не сделаешь — слишком тяжел длинный канат.

Снизу, остолбенело задрав голову, следил за ним новенький. С галереи наблюдали стражники.

Когда сердце и дыхание пришли в норму, Рока полез дальше. Кровь стучала в ушах, не от усталости — от нервов, сказывался страх долгого ожидания.

Еще через двадцать метров, когда рядом оказалась галерея, Року слегка напугали стражники: они стояли совсем рядом и в руках одного из них был шест с крючком. Они что-то показывали знаками, может быть, говорили — Рока ничего не слышал, во всяком случае сейчас. Они, похоже, объясняли ему, что могут подтянуть канат, и Рока может перелезть к ним на галерею, по-доброму предлагали, как своему: «если устал». Они звали, но Рока только покачал головой отрицательно. Нет, спасибо, он не устал, он полезет дальше. Стражники понимающе развели руками и остались внизу.

Рока лез дальше.

Он взбирался все выше и выше, и успокаивался, и не уставал — как ждал и чего боялся. Вот уже срез колодца оказался рядом. Мостик подходит к канату, можно перелезть — ни ограды, ни охраны не видно. Рока заколебался: вот она, земля, рядом. Свобода! Свобода, о которой он столько думал, тупея бессонными ночами, — зачеркнуто все, что было, и можно начинать жить сначала. Но Рока полез дальше: он не знал, что ему делать на этой земле, среди людей, которых он помнил по прежней жизни. Ему очень быстро стало бы скучно с ними, слишком

сильным он был сейчас, чтобы довольствоваться заурядным и малым.

Он поднимался к вершине скалы, куда уходил канат.

Постепенно лезть становилось трудней. Рока чаще отдыхал. Повисал, обвивая канат руками и ногами, прижимался к нему, к шершавой его поверхности, как ребенок к мягкой изнутри матери. Он и канат остались один на один. Сейчас никто не мог помочь Роке, поддержать, подсказать, да никто ему не был уже и нужен. Всю силу, которую можно было взять у людей, он взял. Это было немало, потому что не каждого сбрасывали в колодец, а тех лишь, кто пошел наперекор богам, только людей, равных богам, потому что если человек отрицает бога, идет наперекор ему, он не ниже, не меньше, он бог с обратным знаком. Бог со знаком минус — тоже бог. Эти люди, антибоги, дали ему свою силу не добровольно. Он сам отнял ее, потому что оказался сильнее и становился сильнее с каждым единоборством. А канат — что? Он годен лишь для того, чтобы по нему взбираться, канат — слуга. Канат — лестница, проспект или даже эскалатор для того, кто может подниматься вверх. На канате можно жить, если земное тяготение для тебя — ничто. Внизу — люди, наверху — боги, а ты посередине, на канате.

Снова стало легче. Оказывается, это еще не усталость. Это опять нервы. Видно, еще не забылось то, что было внизу, тянет вниз лишнее — ненужные мысли. Ну, это кто как! Пусть других тяготит прошлое. Из прошлого можно вывести такое, что руки разожмутся и упадешь в пустоту, в никуда. А можно взять то, что придаст силы, pomoжет лезть дальше, все ведь зависит от того, с какой стороны смотреть. Зачем же думать себе во вред? Ведь интеллект — сила, эрудиция — сила, главное — направить эту силу-знание в нужную сторону. И станешь сильнее тех, кто не хочет вспоминать, и тех, кому не о чем вспоминать. Известно: без прошлого нет настоящего и не может быть будущего. Знай прошлое, делай выводы о настоящем — и будущее будет таким, каким ты захочешь.

Канат кончался.

Вот и вершина, в каких-то пяти метрах. Вершина, до которой он добирался по прямой — кратчайшим из всех путей. Правда, сначала пришлось спуститься вниз, можно сказать, упасть, зато — путь кратчайший.

Вершина нависает, наплескивается волной. Канат все ближе, ближе к поверхности скалы, к гладкому камню.

Вот он уже лежит на камне, канат, вот под него уже нельзя просунуть пальцы, чтобы лезть дальше. Рока попытался ухватиться повыше, ему не удалось это. Слишком тяжел канат, тяжел своей длиной. Каждый метр и каждый грамм тянут его вниз, заставляют прижиматься к скале так, что не оторвешь. Нет пути выше. Не залезть по гладкой, слишком крутой скале, не уцепиться за канат. Рока оторопел. В самом деле, не получается выше. Если бы канат не был таким тяжелым, сейчас можно было бы просто оттолкнуться от скалы и пойти по ней, как по стене, держась за этот самый канат, как за поручень. Но поскольку он невероятно тяжел и длинен, от скалы его не оторвешь.

Рока затосковал, задумался.

Неужели все — обман, неужели все впустую? Неужели надо теперь, после всего пройденного, спускаться вниз, пусть до поверхности земли, но — спускаться? Не верилось в это, не хотелось верить.

И Рока стал думать.

Сначала он немножко поругал себя за то, что понадеялся на простоту, пусть не на легкость, но простоту прямого пути к вершине. Расслабился, думал Рока, распустился. Непорядок. Безобразие. Это не бесполезно — обругать самого себя в трудных случаях, особенно, если есть время. Злость силы придает, злость на себя — тем более. В том, что есть выход, Рока, подумав, не усомнился.

Почему нельзя наверх? Потому что канат очень тяжелый. Вес плотно прижимает его к скале, так плотно, что рук не просунешь. Почему канат тяжелый? Потому что длинный. А для чего ему, Роке, висящему на канате вблизи вершины, вся остальная его длина? Да ни для чего! Все эти метры, что внизу, нужны были, чтобы выбраться с острова. Теперь они, может быть, понадобятся кому-то другому, а ему — нет, ему они только мешают.

И Рока спустился чуть ниже, выпутал из волос ножик-раковину и стал пилить канат.

Он висел на левой руке и пилил правой, висел на правой и пилил левой, а потом вцепился в канат обеими руками и пилил, держа нож в зубах. Осторожно пилил, стараясь не повредить раковину: другого ножа у него не было, и где бы сейчас его можно было взять, он и не представлял. Но канат благополучно перепилился, слишком туго он был натянут и потому легко лопались волокна под слабым ножом. А остаток каната стал мягким и

послушным. Держась за него, Рока взмог на вершину и лег отдохнуть, привести в порядок тело и душу. Он сейчас ничего или почти ничего не видел и не слышал, и это его беспокоило. Так нельзя ни среди людей, ни среди богов. Не видеть и не слышать — роскошь, дозволенная лишь одиноким или уж самым сильным. А был ли он здесь, наверху, самым сильным? Рока этого не знал и рисковать не хотел.

Он лежал рядом с пропастью и отдыхал. Отдыхать действительно лучше рядом с пропастью, у самого края, как бы ни казалось верным обратное. У края все очень просто и понятно. Враг не будет тратить время на разговоры, а просто захочет столкнуть тебя — если это враг. Но сделать ему это будет не так легко, как кажется, потому что достаточно отстраниться — и кто полетит вниз, а кто останется — сила здесь не поможет. С большей или меньшей силой полетишь вниз, какая разница? Важны только ловкость и знание людей.

Поэтому Рока отдыхал на краю, пока в глазах не прояснилось и не перестала стучать в ушах кровь. Потом еще какое-то время сидел. Он пришел в себя и готов был к чему угодно, но не знал, как начинать жизнь в этом мире. Он ждал, не верил, что все кончилось так сразу: колодец, остров, канат.

Он огляделся вокруг и заметил невдалеке человека, который смотрел на Року и словно бы ждал, чтобы и Рока обратил на него внимание. Он пошел к Роке медленно, словно прогуливаясь. Человек был молод и худ, и в плечах широк. Вежливо остановился он, не подходя вплотную, улыбнулся и кивнул Роке по-дружески. Рока кивнул в ответ.

— Здравствуйте! — произнес человек, склонив голову. — Что прикажете?

Рока разлепил губы, попытался говорить, но говорить у него сразу не вышло.

— Выпить бы, — сказал он, наконец, проверяя ситуацию.

— Это мы сейчас, — согласился худой.

Поодаль стояли носилки, неяркие, вместительные: в таких передвигается большое начальство. Около носилок переминались люди подчиненного вида. Молодой человек подошел к ним, сказал что-то, вернулся к Роке с кувшином и двумя стаканчиками. Поставил стаканчики на камень, аккуратно разлил, сказал:

— Ваше здоровье! — и выпил первым.

Подумав, выпил и Рока. Он отвык от спиртного, да и раньше особо не употреблял, но сейчас никакого хмеля не почувствовал, только теплее стало и чуть свободнее.

— Кто вы? — спросил Рока.

— Сейчас я ваш помощник, — охотно ответил тот, — ваша правая рука, так сказать, а хотите, так и левая. Это уж как вам удобнее.

— Ну и что делать будем? — оборвал его Рока.

— Вы, наверное, хотите отдохнуть? — предположил помощник. — Носилки ждут вас.

— Хорошо, — согласился Рока.

Ему принесли дорожную просторную одежду, помогли одеться, и он пошел к носилкам, наряженный, все еще ожидая подвоха. Теперь почему-то — быть может, после выпитого — ему стало страшно. Непонятно, чего он боялся, и больше всего как раз непонятного. Он остановился подле носилок, он боялся в них залезать. Он отвык доверять людям, и от замкнутого пространства тоже отвык. Он представил себе, как понесут его в этой закрытой коробке по крутым дорожкам с вершины, — и содрогнулся.

— Выпить! — щелкнул он пальцами.

На этот раз помощник налил только ему, аккуратно, быстро подал стаканчик, будто поддержал под руку.

— К начальству когда? — спросил его Рока быстро и хмуро.

— Когда отдохнете — через неделю, через две, — ответил помощник.

— Так, — утвердил Рока. Выпил, уронил стаканчик. Помощник ловко на лету поймал его, передал вместе с кувшином слуге. Слуга суетливо взял и то и другое, отвернулся, стал укладывать в дорожный ящик. Он прятал утварь как прятался. Что-то повисло в воздухе, что-то страшное и непереносимое. Рока обвел взглядом носильщиков. Они ждали покорно и обреченно, они боялись. И Рока боялся. Он давно не видел столько людей и так близко. Слишком много людей, подумал он, слишком много. Впрочем... Он обернулся к помощнику:

— Убей его! — и показал кивком на первого попавшегося слугу.

— Этого? — уточнил помощник.

— Этого, — подтвердил Рока.

Помощник мягкой, раскачивающейся своей походкой подошел к слуге — тот стоял не двигаясь, парализованный страхом, — и ударил его один раз рукой. В голову. Слуга упал, и в его открытых глазах отразилось небо.

— Готово,— напомнил помощник.

— Да,— сказал Рока. Ему стало легче, ему стало совсем легко. Он широко вздохнул и оглянулся. Переступили с ноги на ногу и вздохнули носильщики, их, видать, тоже отпустило. Страшное непонятное, неожиданное кончилось. И больше не предвиделось.

Рока забрался на носилки, кое-как устроился на мягком и теплом, махнул рукой: «Давай!» Помощник задержал тонкие легкие занавески. Носилки тронулись.

Здесь была масса подушек и подушечек, еще какая-то одежда, красивый, хорошей работы ящик-ларец. Рока неторопливо открыл его. В ларце лежали жезл, браслет и диадема — символы власти старшего жреца. Рока достал диадему, посмотрел на нее недоверчиво и внимательно. Надел, примерил. Во внутреннюю поверхность крышки ларца было вставлено зеркало. Рока посмотрел в него. То, что он увидел, было странно, было страшно и смешно.

И Рока захохотал.

Он хохотал.

Он хохотал, а носилки покачивались вместе с шагами носильщиков, и, может быть, именно эта легкая качка не давала ему успокоиться.

И он хохотал еще очень долго.

ПОСТОЯЛЕЦ

1

Кто в Колаба не знал Кирса? Городок этот, расположенный на берегу Атлантического океана и получивший свое название от рощ кофейных деревьев, обильно произрастававших вокруг, хотя и считался административным центром юга страны, был невелик. Немногочисленное население с консервативной гордостью сохраняло патриархальный уклад жизни даже в годы первых космических стартов. Почти все здесь знали людей своего круга. Если не в лицо — так понаслышке.

К какому кругу принадлежал Кирс, теперь сказать трудно. Родители его — скромные интеллигенты — умерли рано. Кирса взяла на воспитание дальняя родственница — миссис Милла Кобс. Эта пожилая дама содержала вполне приличный пансион, была одинока и бездетна. Однако она уделяла мало времени своему приемышу, передоверив его воспитателям. Фактически же Кирс нередко был предоставлен самому себе. Потому знали о нем и в состоятельных кругах, где участливо отнеслись к поступку миссис Кобс, знали и босоногие дети океанских рыбаков, к которым Кирс любил убежать от воспитателей.

Надо сказать, что с детства он был пытлив, сообразителен и непоседлив. Одновременно — фанатически настойчив. Если уж взбредет ему в голову какая идея — привяжется к ней безоглядно. Так было с детскими забавами, так стало потом с учебой.

Миссис Кобс, хотя почти не видела своего воспитанника, средств на него не жалела. Когда Кирс окончил местный колледж, она отправила его в Англию, устроила в университет.

Сперва он занялся механикой — и бросил. Ему простили.

Затем увлекся энергетикой, но вскоре остыл и к ней.

Потом углубился в проблемы строительства, получил степень и вернулся в Колаба.

Поступив в строительную фирму «Колаба-компани», он в несколько лет сделал головокружительную карьеру, став одним из ее директоров. Миссис Кобс, хотя Кирс совсем перестал навещать ее, могла им гордиться — на иерархической лестнице он стоял уже весьма высоко. Все уже считали, что его предназначение — власть, карьера. И вдруг он бросил все.

На скопленные за несколько лет деньги Кирс купил крохотный пустынный островок у побережья и, даже ни с кем не попрощавшись, покинул Колаба...

В городе он больше не появлялся. Попытки нескольких приятелей навестить его на острове, где Кирс выстроил большой, но безвкусный особняк, кончились провалом.

Кирс жил один, с единственным безмолвным слугой, встречал всех неприветливо — вежливо, но крайне сухо. Вскоре визиты к нему прекратились вовсе.

Потому можно утверждать, что Кирса через семь с половиной лет после отъезда уже не помнили и никто, пожалуй, не смог бы узнать при встрече. Не удивительно, что не узнала его и состарившаяся миссис Кобс, которую к тому времени за доброту и из уважения все в Колаба звали просто тетушкой Миллой.

Тетушка Милла вставала ни свет ни заря, хотя особых причин для того не было. Но однажды, в столь неурочное время, горничная сообщила ей, что прибыл «очень серьезный и настойчивый господин».

Господин ждал в передней, не присев и не прикоснувшись ни к сигарам, ни к графинчику с легким вином, всегда стоявшим наготове для посетителей. Он был явно издалека («Провинциал» — подумала тетушка), либо ему было просто наплевать на свой внешний вид. Одет он был в старый, весьма потертый плащ, брюки пузырились на коленях, в руках — мятая и старомодная шляпа, а башмаки и подавно не выдерживали никакой критики.

Встречая по одежке, тетушка Милла таких вообще не принимала. Но посетитель держался уверенно и невозмутимо, во взгляде его была твердость, и тетушка почувствовала, что не выслушать гостя она не сможет. Молча она опустила в кресло, жестом предложила занять место напротив.

Остальное потом вспоминалось ей как дурной сон.

— Тетушка Милла, — непререкаемым тоном произнес незнакомец, — мне нужна удобная квартира на год. Плачу сразу вперед и наличными. Цену я знаю — она меня устраивает. Я беру «Белую».

«Белой» квартирой назывались роскошные апартаменты, расположенные, по сути, в отдельном особняке, пристроенном к основному зданию. Снять их даже на короткий срок было не каждому по карману. Да и пускала в них хозяйка далеко не каждого.

Тетушка Милла поразила наглости «провинциала». Наверное, с минуту она не могла произнести ни слова. Но от посетителя веяло такой непоколебимой уверенностью, что, как загипнотизированная, не отрывая глаз от незнакомца, даже не спросив документов и рекомендательных писем, не поинтересовавшись, кто он и откуда, она сделала едва заметный жест горничной и пролепетала:

— Про... проводите...

Горничная прошла вперед, указывая дорогу. Но почти сразу ей показалось, что новый постоялец прекрасно ориентируется в пансионе, как будто он здесь не впервые. А иначе и быть не могло. Ведь странным посетителем был приехавший с острова инженер Кирс.

Примерно так же развивались события и в строительной фирме «Колаба-компани».

В приемную директора в тот же день после полудня неторопливо, но твердо вошел изящный джентльмен лет сорока. Секретарша мисс Барт опытным взглядом сразу оценила его дорогой и модный костюм, обувь, сорочку, галстук. Правда, от нее не укрылась какая-то, заметная только очень проницательному взгляду, скованность в движениях, свойственная людям, долгое время не бывавшим в обществе. Кроме того, она сразу заметила, что у посетителя нет портфеля или хотя бы папки для бумаг — непременных атрибутов всех деловых людей. Но особо впечатляющим было, пожалуй, лицо. Прямой нос с широкими крыльями. Губы ниточкой. Острые скулы. Смуглая и сухая как пергамент кожа, черные, широко расставленные глаза — несомненно умные, но слишком уж потаенные. И ко всему — хотя человек был вовсе не стар — совершенно седые волосы: густая грива, виски, усы, борода, даже брови — серебристо-белые.

— Будьте любезны, — едва раздвигая тонкие губы, но твердо и уверенно, словно только его тут и ждали, произнес джентльмен, — доложите мистеру Стаффорту, что к нему инженер Кирс.

Такого инженера мисс Барт не знала и никогда о нем не слышала. Зато она хорошо знала, что к мистеру Стаффорту просто так пускать никого нельзя. Кроме того, она

знала, что этого нельзя делать тем более сейчас, когда фирма никак не может справиться с ликвидацией последствий недавнего землетрясения, снесшего весь юг страны. Тем не менее она как под гипнозом покорно встала и исчезла за массивной дверью кабинета генерального директора.

Генеральный директор «Колаба-компани» — мистер Стаффорд — тоже, конечно, не узнал Кирса. Хотя имя, произнесенное секретаршей, напомнило ему дни молодости, когда он, полный сил и энергии, рвался вверх по служебной лестнице и дрожал только от взгляда одного из директоров фирмы — Кирса, которому непосредственно был подчинен. Тысяча мыслей, вспыхнувших при этом имени, тут же пронеслась в голове Стаффорда, и он с плохо скрываемым интересом поднялся навстречу бывшему своему боссу. Попытка некоторой развязностью скрыть смущение, вызванное столь неожиданной встречей, тут же потерпела крах. Кирс был строг, официален до холодности, деловит.

— Мистер Стаффорд, — чуть ли не с порога начал он, четко произнося каждый звук, — мне известны трудности возглавляемой вами фирмы, связанные с восстановлением юга. Я хочу сказать, что знаю все цифры, характеризующие нехватку энергии, сырья, механизмов, рабочей силы, денег. Мне также известны итоги вашего недавнего визита в конгресс и возможные последствия. — При этих словах у Стаффорда неприятно повлажнели ладони и подмышки, а Кирс, почти не делая паузы, ледяным тоном завершил: — Я пришел к вам с предложением, которое поможет быстро и эффективно исправить положение.

Стаффорд встал, тут же снова сел, пытаясь сосредоточиться и подавить растерянность, зачем-то подвинул Кирсу сигары. Он чувствовал себя как школьник, пойманный со шпаргалкой. Попытался улыбнуться — не получилось, хотел использовать отвлекающий маневр — отдать какое-нибудь распоряжение по селектору, но вместо этого рука его чисто автоматически достала носовой платок, провела им по лбу. Глупо. Сознывая, что этим он вконец выдал себя, Стаффорд с трудом произнес:

— В чем оно заключается?

Кирс извлек из грудного кармана несколько фотографий, разложил их на столе перед Стаффордом, подождал, пока тот их внимательно рассмотрит, и только после этого заговорил:

— Здесь пять типов зданий. Это жилые дома. Я бе-

рუსь в течение суток заложить на любом пустыре город. Семь городов — неделя, четырнадцать — две. Каждый такой дом строится ровно четырнадцать суток. В каждом двести пятьдесят квартир. Каждый месяц в каждом из четырнадцати городов полтысячи семей будут справлять новоселье. Ровно через год к этой же дате почти сто тысяч семей будут иметь кров. Это десятая часть населения юга. Строительство обойдется в три раза дешевле, чем обычно.

Кирс умолк. Чтобы переварить услышанное, Стаффорту понадобилось минут десять. Потом произошло то, чего и следовало ожидать. Сначала Стаффорд прохрипел: «Фантастика...», — затем взорвался смехом. Хохотал он минут пять. Хохотал навзрыд, вытирая выступившие слезы. Наконец с трудом успокоился, выпил «колы», покачал головой, отгоняя нервозность.

— Вы меня разыгрываете, Кирс.

Кирс, все это время терпеливо и молча выжидавший, невозмутимо произнес:

— Стаффорд, я никогда не занимался фантастикой, а ради розыгрыша я бы сюда не пришел. Давайте лучше договоримся об условиях. Но сперва решим, удовлетворяет ли вас проект.

Его невозмутимая уверенность, сбивавшая Стаффорта с толку, тем не менее возымела действие. «А вдруг и правда, — подумал он, — черт его знает, этого Кирса... Вдруг правда?» И тут же пришла в голову другая мысль, от которой Стаффорд похолодел. Конечно, Кирса прислали на его место. Иначе откуда ему известны цифры? Почему ведет себя так нахально? Он, несомненно, знает о последнем заседании конгресса, где генеральному директору «Колаба-компани» пришлось несладко.

Стаффорд медленно поднялся со своего начальственного кресла, сделал шаг в сторону и холодно проговорил:

— Пожалуйста, мистер Кирс, — он указал на освободившееся кресло, которое выпрямилось мягко, словно не желая расставаться с ним, — если конгресс счел нужным назначить вас на мое место...

— Сядьте, Стаффорд, — жестко остановил его Кирс, — мне удобно на своем месте. Вы можете назначить меня просто своим помощником.

Теперь он, словно убедившись, что вопрос решен, взял, наконец, сигару, от которой сразу было отказался, прикурил. Тон его, не утратив официальности, стал мягче.

— Итак, насколько я понял, проекты вас устраивают. Эти пять идут в производство немедленно. Если вас гнетет однообразие, другие — дело времени. Для внедрения каждого нового нужно будет только приостановить строительство дня на два. Так же, впрочем, как если понадобится заложить административные здания. Когда это сделать — решим по ходу. — Кирс на минуту умолк, воспринимая молчание Стаффорта как согласие. Убедившись в этом и, явно желая изложить все предельно ясно и до конца, он продолжил:

— Главное — условия. Первое. Вы получаете только готовый итог и никоим образом не настаиваете ни на каких технических документах, обоснованиях, объяснениях. Я даю вам города, вы мне оставляете, так сказать, секреты ремесла... — Он снова сделал паузу, но Стаффорд молчал. — Второе. Специалистов, нужных мне, я набираю сам. Оплату производите вы. Их будет немного, — тут же добавил он, предупреждая возражения Стаффорта, — всего двадцать восемь человек. — И далее опять каждую фразу произносил четко, потом останавливался, оценивая реакцию Стаффорта. — Никто из ваших и никаких иных специалистов, кроме приглашенных мною, в деле участвовать не будет и не станет проявлять к нему излишнего интереса. Кроме того, все работы будут вестись строго секретно, под охраной, которую вы наймете специально для этих целей. Поставками сырья и оборудования займетесь тоже вы. Перечень я вам дам. Это все. Мне вы платите по обычному тарифу, как субподрядчику.

Кирс погасил сигару.

Сбитый с толку Стаффорд молча глядел на него.

— Вызовите свой вертолет, — сказал гость. — Мы летим на «Остров Кирса», — при этих словах его губы чуть тронула усмешка. — Там вы сможете воочию убедиться в реальности того, о чем я вам рассказал.

На остров и обратно летали только три человека — Стаффорд, Кирс и пилот вертолета. На пятнадцатый день после этих событий, едва забрезжил рассвет, к особняку «Белая квартира» прибыл отряд с механизмами и стройматериалами. За день здание было отремонтировано, на нем появилась прочная новая металлическая кровля, на окнах — стальные жалюзи, а обычные двери были заменены бронированными. К вечеру сюда с величайшими предосторожностями доставили с «Острова Кирса» несколько ящиков с оборудованием. Одновременно на всех подходах к «Белой квартире» расположились вооружен-

ные до зубов, крайне нелюбезные бдительные головорезы. Мятущейся тетушке Милле предложили проявлять поменьше любопытства, а в подкрепление сказанного выдали удвоенную плату за год.

На шестнадцатый день в пустынном месте юга были оцеплены несколько квадратных километров, отведенных под первые застройки. Тотчас на этой площадке появился Кирс с двумя никому не известными помощниками, которые возглавили специально набранные монтажные бригады. Оборудование доставлялось сплошным потоком, завозилось необходимое сырье.

Ничего необычного ни оборудование, ни сырье собой не представляли. Здесь были огромные цистерны с обыкновенной дистиллированной водой, другие — с органическим жидким пластиком, из которого на химкомбинатах по всему миру делались мешки, банки, плошки, куклы и прочая дребедень. Были цистерны поменьше — с какими-то химическими реактивами. Были радиоустановки, мощная электростанция, трубопроводы, электрооборудование, провода, датчики.

Когда монтаж был закончен, рабочих удалили, тут же перебросив на новую, тоже охраняемую площадку. Конечную наладку оборудования производили трое — сам Кирс и его молчаливые помощники.

— Все, пускаю, — наконец коротко произнес Кирс, нажал кнопку, от которой все заработало, глянул на левую руку — на часы, на правую — на единственный прибор, особо тщательно им оберегаемый, и, одобрительно кивнув, отправился к ожидавшему его вертолету. Он улетал на другую такую же площадку, где, под руководством таких же молчаливых помощников, какие оставались здесь, монтировалось оборудование для строительства нового города.

Единственным посторонним человеком, которому Кирс разрешил присутствовать при наладке оборудования и его пуска, был Стаффорд. Он ничего не спрашивал, предупрежденный, что это бесполезно, но внимательно за всем наблюдал. Он мучительно пытался уяснить назначение каждого аппарата, каждого компонента сырья. Когда Кирс нажал кнопку, Стаффорд сдался. Он понял, что, даже понаблюдав за всем еще раз, другой, десятый, так ничего и не поймет. Тем более его ужасало то, что он видел.

Он знал, что из выходного сопла, которым заканчивалось сплетение трубопроводов, повинуясь какой-то таин-

ственной силе, медленно, но неуклонно поползет жидкотягучее, тяжелое и непонятное, постоянно меняющееся вещество. Минута за минутой, час за часом оно змеей будет тащиться по земле, строго до миллиметра очерчивая будущий фундамент здания. Оно будет проникать в землю, подниматься над ее поверхностью все выше и выше. Масса примет зыбкие поначалу очертания будущего здания: фундамент, стены, перекрытия. Мистически начнут появляться сначала основные, а затем все более мелкие детали и узлы — даже оборудование, вплоть до санузлов, кухонь, лифтов; даже полы, двери, окна — все. Он уже не сомневался в том, что Кирс не человек — дьявол, что с ним никогда ничего не случится, что он будет работать сутками без передыху, заложит все четырнадцать городов — и ровно через две недели появится снова здесь, на первой площадке, чтобы, сверясь со своим загадочным прибором на правой руке, нажать другую кнопку — и все остановится. Все замрет — и оборудование, и агрегаты, и жидкая страшная масса. Все замрет — и останутся дома, готовые к заселению. Дома, выросшие здесь, на глазах, но совершенно непонятно как, почему, из чего. Дома, в которых будет не хватать разве что ключей от дверных замков да штор на окнах...

2

Кто знал инженера Кирса через полгода после его странного возвращения в Колаба? Смешно спрашивать! Его знал весь мир! По крайней мере, мир, достигаемый для средств массовой информации. Газеты пестрели его портретами, о нем кричало радио, за ним гонялись теле-репортеры, киношники уже начали рекламировать фильм, который пытались снять.

Сам Кирс ко всей этой шумихе относился как к чему-то неизбежному. Конечно, не надо было обладать особым даром предвидения, чтобы догадаться: шум будет. Кирс начинал свое дело, не сомневаясь на этот счет. Возможно, потому популярность и не застала его врасплох, относился он к ней хладнокровно. В печати Кирс не выступал. По радио можно было услышать лишь обрывки его фраз, случайно подхваченные репортерами. Никаких интервью он не давал. Сперва считали, что он набивает себе цену. Но шли недели, месяцы, а он так же хладнокровно понижывал толпу преследовавших его журналистов, не отвечая ни на какие вопросы.

Только однажды одному из репортеров удалось, сунув микрофон чуть не в рот Кирсу, выдать из него несколько слов. Бородач из какой-то провинциальной радиоконпании сделал простой, но точный ход.

— Мистер Кирс,— заученно проговорил он, отодвигая локтями конкурентов,— годовая программа, предложенная вами фирме «Колаба-компани» двадцать шесть недель назад, реализована точно наполовину. Вы, конечно, испытываете удовлетворение...— Тут репортер сменил тон и напряженно, с расстановкой, глядя Кирсу в переносицу, процедил:— Что вы делаете?

Многозначительность вопроса и то, как он был преподнесен, возможно, и заставили Кирса раскрыть рот.

— Я строю города,— твердо, чеканя каждое слово, ответил он.

— Как?

— Быстро.

— Чем?

— Умом.— И Кирс скрылся за спинами охраны.

Никто не знал, как истолковать это мини-интервью, но, говорят, репортер заработал на нем целое состояние.

Несомненно, за полгода Кирс устал. Скорей всего — даже очень. Особое напряжение он испытывал в первые две недели, когда закладывались города. Все же доставка, монтаж оборудования, устройство ограждений, организация охраны хоть и проходили с максимальной точностью, но отнимали у Кирса много внимания и энергии. Четырнадцать дней он фактически не смыкал глаз, за исключением короткого времени перелетов. Когда же все четырнадцать городов были «поставлены в производство», как это потом окрестила пресса,— стало легче. Кирс только прилетал на каждую стройплощадку по очереди, выключал отработавший агрегат, руководил сравнительно несложной перестановкой оборудования, снова запускал поток и направлялся в другой город. Теперь у него было время и отдохнуть, для чего он направлялся в свою «Белую квартиру», где, однако, всегда оставался в полном одиночестве. Меланхоличная с виду охрана проявляла необычайную сметку и быстроту, пресекая всякие попытки кого бы то ни было заглянуть в его апартаменты.

Правда, однажды, еще на втором месяце строительной эпопеи Кирса, произошло событие, вызвавшее немало пересудов.

В одну из ночей бесследно исчезла «собачка Барт»,

как за глаза многие называли верноподданную секретаршу Стаффорта. Кто-то пустил слух, что накануне ее видели у тетушки Миллы. Полицейские тут же потребовали у Кирса разрешения на опрос телохранителей и даже попытались кое-что выпытать у него самого. Никто из охранников, конечно, ничего не сказал. Кирс отрезал категорично: «Либо строить — либо болтать». А об осмотре его жилья, конечно, и речи быть не могло. В итоге показания дал только сам Стаффорд. Из его объяснений следовало, что никаких поручений, касающихся Кирса либо тетушки Миллы и никаких других заданий он Барт не давал. Где она, он не знает, а раз уж исчезла, то увольняет ее. Следствие закрыли, объявив, что у Стаффорта пропала крупная сумма, очевидно, похищенная секретаршей. Недели две шли разные толки, но и они быстро заглохли, словно придавленные чьей-то властной рукой.

Полугодовое напряжение все же сказалось на Кирсе. С разрешения Стаффорта он взял «тайм-аут». В течение двух недель он лично, день за днем, останавливал все строительство. После того, как был выключен последний, четырнадцатый агрегат, Кирс, сообщив, что первый из них будет включен ровно через неделю, а затем, так же строго по порядку, — остальные тринадцать, тщательно запер двери «Белой квартиры», дополнительно проинструктировал охрану, сел в вертолет и отбыл на свой остров.

Любого, кому хоть раз удалось взглянуть со стороны на «Остров Кирса», он радовал своей спокойной и уверенной красотой. Берега, покрытые густым лесом, круто вставали над морем. С восточной, наиболее возвышенной части острова, пересекая его почти пополам, неутомимо журчал чистый ручей, в устье которого укромно расположилась маленькая пристань. Здесь одиноко дремала скромная парусно-моторная яхта. Остров был щедро заселен всякой живностью: птицами, мелкими зверушками, в неглубоком ручье сновали стайки рыб.

У Кирса, очевидно, хватило бы и сил и средства на то, чтобы расчистить лес, выровнять берега, построить целый замок... Ничего этого не было. Только на северном берегу специалист угадал бы остатки какой-то явно заброшенной строительной или экспериментальной площадки. Там же одиноко торчал и дом — как две капли воды похожий на один из уже широко известных проектов Кирса. Именно его возведение произошло на глазах у Стаффорда — в качестве экзаменационной заявки.

Другое здание — весьма просторный внутри, но неброский снаружи особняк — органично вписалось в ландшафт в самой середине острова. Дом имел старомодный и несколько мрачноватый вид. В нем жил Кирс.

Жилье и внутри отличалось скромностью. Обстановка, очевидно, была продиктована отшельническим образом жизни хозяина. В самом деле, природа, тишина, уединение — что может быть благоприятней для созерцательно-го, вдумчивого, ищущего ума? Правда, с начала колабского эксперимента на острове тоже появилась надежная охрана. Кирс предвидел, что пронырливые репортеры, ничего не добившись от него и от «Белой квартиры», попытаются проникнуть на остров. Так оно и случилось. Нескольких любопытных охрана вежливо, но безапелляционно спровадила восвояси.

Кирс, прибыв на отдых, холодно выслушал доклад командира охраны, повелел продолжать бдительно нести службу, никого ни под каким предлогом к нему не пускать. И остался наедине со своим безмолвным слугой.

Однако на четвертый день покой его был нарушен.

Кирс привычно сидел у камина в жестком, но удобном кресле. Оранжево-красный халат отражал свет тлеющих углей. На коленях инженера небрежно лежал полураскрытый, скорее всего, равнодушно перелистанный журнал с пестрыми иллюстрациями; рядом стоял столик с напитками.

Было уже далеко за полночь — время, когда Кирс любил просто сидеть, ничего не делая, словно прислушиваясь к себе, ловя внезапно наступающие его мысли. В дальнем углу мирно посапывал преданный слуга.

Поздний гость появился невесть откуда и настолько неожиданно, что Кирс даже не успел испугаться.

— Раз уж я здесь, мистер Кирс, — вдруг услышал хозяин негромкий голос, — то, значит, сумел проникнуть сквозь вашу охрану, а если так, то я, скорей всего, не бродяга-репортер... — посетитель сделал едва заметную паузу, — а уж из этого можно предположить, что пришел я сюда не за пустяками, следовательно, так просто не уйду.

Уж если что Кирс понимал и умел ценить, так это логику и твердость. Они сразу чувствовались в незнакомце — он явно прибыл неспроста.

Гость был чуть выше среднего роста, строен, черно-волос, на вид лет тридцати пяти. Неброский, но элегантный костюм мягко облегал его ладную фигуру. Как он

пробрался — оставалось загадкой, но вид у него был таковой, словно он, тщательно приведя себя в порядок, вышел из соседней комнаты. Из-под густых бровей на Кирса внимательно смотрели большие темные глаза, в которых светился словно притушенный огонь. «Такой человек опасен, если он враг,— решил Кирс,— но может быть очень полезным другом».

Не говоря ни слова, он положил на столик журнал и давно погасшую трубку, принес из угла гостиной легкое плетеное кресло, поставил его напротив своего, жестом предложил гостю сесть.

Расположились они весьма удобно. Друг против друга, с одной стороны — камин, освещавший их лица в полумраке комнаты, с другой — столик с напитками. Все еще не говоря ни слова, Кирс поставил на столик, рядом со своим, еще один бокал, не торопясь наполнил его, подвинул незнакомцу. В полном молчании они сделали по глотку, и только после этого Кирс, снова раскурив трубку, всем своим видом выражая внимание, произнес:

— Что же, раз уж вы стремились именно сюда, мне нет смысла представляться...— и сделал выжидательную паузу.

— Называйте меня просто Ранкс,— учтиво склонил голову гость.

— ...я вас слушаю, мистер Ранкс,— закончил фразу Кирс.

— Вы, конечно, догадываетесь, что я здесь по поводу вашей феноменальной деятельности,— вежливо, но с нескрываемой иронией начал Ранкс.— О ней судачит весь цивилизованный мир. Репортеры, да, впрочем, и ученые, с ума сошли, выдвигая гипотезы одну нелепее другой... Я не репортер...

Кирс жестом прервал его:

— Не могли бы вы все-таки уточнить — кто же?..

— ...и не собираюсь выпытывать вашу научную тайну,— попытался продолжить Ранкс, игнорируя вопрос Кирса.

Однако тот снова остановил его, весьма резко:

— Тогда что же вам здесь надо? — И тут же, словно, извиняясь за резкость, но с язвительной ноткой пояснил: — Учтите, что наш разговор стал возможен только благодаря вашему убедительному объяснению в самом начале. Не откажите же...

Ранкс замешкался всего на мгновение:

— Я полномочный представитель одной могуществен-

ной компании. Надеюсь, вы понимаете, что полностью раскрыться я смогу только в том случае, если мы придем к соглашению.

Кирс размышлял самую малость. Ответ не удовлетворял его. Но был логичен.

— Имейте в виду, что никаких новых работ я не начну, пока не завершу контракт с «Колба-компани»,— быстро нашел он ход.— Нарушить его я не могу не из-за каких-то материальных потерь, которые, как я понимаю, вы могли бы возместить,— при этих словах Ранкс учтиво склонил голову,— а по другим — чисто личным соображениям.

— Мы учили это,— вежливо вставил гость.

«А он совсем не глуп,— подумал Кирс,— по крайней мере, это не Стаффорд».

Вслух же он сказал:

— Я надеюсь, вам известны условия, которые я требую для работы.

— Видите ли, мистер Кирс, нас сейчас интересуют не столько условия, конечно же, нам известные, сколько ваши возможности,— в тоне Ранкса почти не прозвучало вопроса и при том он так внимательно взглянул в глаза инженера, словно знал неизмеримо больше.

Кирс даже стушевался. Предчувствие какой-то тонкой провокации овладело им. Однако он тут же решил, что для таковой у Ранкса не может быть никаких оснований — просто деловой интерес. Тем не менее ответил Кирс очень осторожно:

— Дома — таков наш договор со Стаффортом.

— Только эти проекты?

— Практически — любые, хотя для освоения новых нужно время.

Тут уже оба почувствовали, что возникла напряженность, излишняя настороженность. Ранкс умело разрядил обстановку.

— Это очень важно,— с чувством проговорил он, откидываясь на спинку кресла и всем своим видом подчеркивая удовлетворение.

Кирс несколько успокоился и решил развивать беседу в том же направлении. Он встал и принялся неторопливо прохаживаться по освещенной камином гостиной.

— Видите ли, мистер Ранкс, в итоге долгих научных поисков я нашел способ быстрой и точной постройки зданий. Зданий разного назначения... Сейчас мы занимаемся жилыми домами. Но практически на тех же

условиях могут возводиться любые — административные, промышленные и...

— И не только здания...— Тон Ранкса не позволял четко определить — констатировал он или спрашивал.

Кирс же остановился, как споткнулся. Казалось, он колеблется — говорить дальше или нет. Сказать — значит открыть больше, чем, может быть, он сейчас хочет. Не сказать — значит... Значит, остановиться на том, что есть. У Стаффорта — дома, с Ранксом — дома, в третьей фирме — тоже дома. Это ли он искал бессонными ночами? Этого ли хотел? К этому ли стремился? Конечно, через какое-то время он сможет говорить все, что пожелает, делать все, что захочет. Но сначала нужно создать базу... И не только в Колаба, и не только здания... Кирс еще колебался. Но ведь в конце концов, если он хочет действовать во всю силу, — стоит ли дальше таиться? В конце концов, даже если Ранкс не согласится, — то и повредить ему, Кирсу, он уже не сможет...

Кирс быстро подошел к вставшему навстречу Ранксу, прищурившись, словно прицеливаясь, посмотрел в его глаза, несильно, но уверенно нажал на плечо, вынуждая снова сесть.

— Садитесь. Раз уж, Ранкс, мы начали говорить, то, пожалуй, не сможем не закончить...— Он сделал паузу, глубоко вдохнул, словно перед нырком в воду.— Вы правы. Я могу делать не только здания. Могу все. **ВСЕ**, понимаете? Дороги и мосты, поезда и самолеты, станки и машины... Все, что существует в известном нам мире, я могу воспроизвести быстро, точно, дешево и в любом количестве. Для отдельных заказов нужно только время, подготовка. Но все можно сделать способом инженера Кирса! — Его голос зазвенел торжествующе, подбородок горделиво вздернулся.

— Но как? — осторожно поинтересовался Ранкс.

Кирс, вдохновленный ощущением своего могущества, резко обернулся к нему.

— Как — не ваше дело! Ясно?! — не сдержавшись, почти крикнул он.— Вы говорите — что! А как — делаю я! Я — инженер Кирс!

— Простите, мистер Кирс, не могу понять вашего раздражения, — умиротворяюще сказал Ранкс, но в тоне его проскользнуло нечто настораживающее.— Мне известно, что вы не только инженер, вернее — не столько...

Кирс снова встрепенулся. В глазах его мелькнула зло-

ба, но он тут же подавил ее. Его рот скривился в усмешке.

— Ах, конечно, раз уж в вашей компании не дураки типа Стаффорта — то вы могли и это узнать...

— Да, нам известно, что вы изучали многие науки: естествознание, биологию, теософию... Да и о вашем пребывании в Индии нам удалось получить сведения. Правда, мы можем только догадываться о глубине ваших знаний, вашего умения...

— И что? О чем же вы догадываетесь? — резко бросил Кирс, тщетно пытаясь язвительным тоном прикрыть растущую настороженность.

— Мистер Кирс, в наших догадках мы пошли гораздо дальше, чем вы можете себе представить... — Ранкс сделал многозначительную паузу и, видя колебания Кирса, счел нужным добавить: — Хочу только сказать — поверьте в это. И раз уж мы начали наш разговор, то, как верно вы сами заметили, придется его закончить.

Несколько минут Кирс ходил по комнате в полном молчании, размышляя. Затем, очевидно, приняв решение, он твердо подошел к своему креслу, опустил в него. Ранкс отметил его решимость, но, чувствуя, что Кирсу трудно продолжать диалог, решил помочь:

— Мистер Кирс, вам не нужно ничего рассказывать. Это попытаюсь сделать за вас я. А вы только ответьте на несколько вопросов.

Кирс, все еще не веря в серьезность происходящего, кивнул снисходительно, с ухмылкой.

— Сырье для любого вида продукции одно и то же? — начал Ранкс.

— Да.

— Что представляет собой конечный материал?

— Его химическая формула вам ничего не скажет.

— А физические свойства?

— Любые. Они задаются программой и зависят от некоторых компонентов сырья.

— Процесс изготовления... Сооружения возникают сами по себе?

— Не совсем... — слегка замялся Кирс, соображая, как бы уйти от нежелательного вопроса.

— По заданной программе?

— Да.

— Управляет процессом?

— Передатчик из «Белой квартиры».

— И ход процесса контролируется прибором на вашей правой руке?

— Совершенно верно, — язвительно усмехнулся Кирс, по локоть оголяя правую руку. — Хотя, как видите, иногда я с ним и разлучаюсь.

Ранкс проигнорировал его последние слова.

— Сырье можно достать легко, процесс может происходить в любом месте, передатчик можно смонтировать где угодно?..

— Да.

— ...с определенным радиусом действия? Скажем, отсюда его волны не достигли бы цели, и вам пришлось поместить его поближе — в Колаба?

— Вы слишком догадливы...

— И все же, мистер Кирс, возвратимся к сырью...

Кирс вдруг понял, что разговор приобретает опасное направление, заходит слишком далеко. Он отчетливо осознал, что словопрения нужно прекратить немедленно и бесповоротно. Еще несколько фраз — и прервать диалог будет невозможно. Нужно немедленно вызвать охрану и выбросить вон этого наглеца. Так проще и спокойней...

— Так что же сырье? — прозвучал повторный вопрос.

«Молчать», — приказал себе Кирс, но не сдержался, все еще надеясь отговориться:

— Весь мир занят разглагольствованиями о том, что оно общедоступно...

— Значит, дело в передатчике и способе обработки сырья? — не дал ему передохнуть Ранкс.

Отмашка не удалась. И тут Кирс впервые почувствовал, что проигрывает. Инициатива явно не в его руках. Он молча вынул из кармана носовой платок и провел им по лбу, убирая выступившие капельки пота.

— Значит так, мистер Кирс? — уже требовательно переспросил Ранкс.

— Можно сказать и так... — Кирс пожал плечами.

— Какая же чудодейственная сила заставляет ваше сырье неукоснительно следовать программе?

Кирс, насупившись, молчал, не поднимая глаз на собеседника.

Ранкс, не вставая, наклонился к нему ближе и, весь напрягшись, продолжал:

— Мистер Кирс, вы ведь используете органическое сырье?

— Да, — устало подтвердил тот.

— Ваш передатчик излучает своего рода биотоки?
Кирс кивнул.

— И энергоустановки заставляют сырье...— Ранкс сделал многозначительную паузу, как отрубил последнее слово,— жить?

На какое-то время в гостиной воцарилась зловещая тишина. Стал слышен шум прибоя и крик ночных птиц.

Кирс взорвался:

— Да, да, да! — нервно закричал он.— Ну и что?! Да, если вы так хотите — можете так называть. То самое, что вы именуете сырьем — живет! — Он вскочил и нервно зашагал по комнате.— Генная инженерия... Хромосомы... Спирали ДНК... Непорочное зачатие... Чушь, бред, устремления идиотов. Добились — избавив от потребности и лишив удовольствия простого и ясного процесса совокупления полов. Мальчик или девочка? А не сотворить ли обезьяно-лягушку? А зачем вообще женщина — плод можно вырастить в пробирке... Ха! Вырастили! Гении — не сделать ли из них потомство, не пустить ли их гены на конвейер?! Как же! Вот и искусственное сознание! Вот и тайны его!.. И секреты человеческого мозга... разума... И вся эта чертовщина направлена на одно — издеваться над живой природой! Управлять ею! А не лучше ли было не выводить в инкубаторах, а научиться помогать им — настоящим? Помогать, создавая вещи, нужные живущим...

Он выдохся, остановился.

— Этой благородной цели, мистер Кирс, и были посвящены ваши поиски,— тут же заговорил Ранкс.— Именно они привели вас к парадоксальному результату. Вы нашли способ составить органические компоненты, воздействовать на них энергетическим полем, чтобы они начали жить... жить! Ваши саморастущие дома — живые существа. В них закладываются все основы живого организма — и они растут. Растут по тем же законам живой природы, только приобретая диктуемые вами свойства и формы. Растут, как растут травы и деревья, цветы, ужи и мыши, обезьяны, чайки и крокодилы, как растем, наконец, мы сами. Разница только в том, что они похожи как сиамские близнецы. Ваши одноклеточные дома — точная копия друг друга, отойти в сторону от которой не позволяет мозг в «Белой квартире».

Кирс устало сидел в кресле, выслушивая взволнованную речь Ранкса.

Мерно похал камин, бросая алые отблески на его

склоненную седую голову. Наконец Кирс поднял помутневшие глаза на Ранкса.

— Барт?

— Да. Барт. Ваша, — он скривился в язвительной усмешке, — гуманоидная цель сделала вас обладателем колоссального средства, открыла перед вами возможности овладения миром, построения его по придуманному вами образцу. Но у будущего владыки мира оказалось одно слабое место. Он пожалел красивую женщину и, даже уличив в шпионаже, не уничтожил ее, а спрятал в своем замке... К счастью, мы сумели снабдить ее всем необходимым...

Ранкс встал.

— Мистер Кирс, — проговорил он, — мы с вами условились, что я назову пославших меня. Может быть, вы уже слышали об «Обществе защиты разума», возникшем несколько лет назад. Мистер Кирс, вы подтвердили все, что уже удалось нам установить с помощью мисс Барт. Вы, несомненно, сделали колоссальное открытие, по сравнению с которым дела других ученых — беспомощные потуги. Вы сумели родить жизнь в полном смысле этого слова. Причем жизнь разумную. Ваши дома — живой мыслящий организм. Вы — сам бог, мистер Кирс. Вы создаете жизнь, разум, — он на минуту смолк, глядя на безвольного Кирса, потом продолжил, но слишком официальным тоном, словно читая приговор: — Но, мистер Кирс, каждый раз, «сдавая дом», вы убиваете разум. А разум остается разумом, в каком бы виде он ни существовал! — Он умолк, застыл, поддавшись охватившему его возбуждению.

Кирс тем временем сбросил оцепенение. Поднял руку, дотянулся до лежащих на столе ручки и листа бумаги, быстро написал несколько фраз. Затем неторопливо наполнил свой бокал, осушил до дна, поставил. Открыто, подчеркивая свою готовность ко всему, посмотрел в глаза собеседнику.

— Я вас слушаю, мистер Ранкс, — сказал он ледяным тоном.

— Мистер Кирс! «Общество защиты разума» признало ваши исследования и открытия безусловно вредными, ваши действия — чрезвычайными злодеяниями. — Ранкс вынул из нагрудного кармана небольшой пистолет. — Мы приложим все силы, чтобы уничтожить даже следы ваших научных трудов. Рад, что вы все правильно поняли. Ваше завещание, последние ваши слова, — он кивнул на лис-

ток,— постараемся исполнить, если, конечно, они не будут противоречить нашим целям.

С этими словами он поднял руку с оружием и разрядил его прямо в грудь Кирса.

Тот обмяк, только голова еще держалась прямо на спинке кресла, глаза смотрели на Ранкса, губы с трудом шевельнулись:

— Не стремитесь найти содержимое «Белой квартиры»... не копайтесь на этом острове... не ищите охрану... Инженер Кирс создал не только «живые дома»... Он сделал все, что ему было нужно, в том числе и слуг, и охранников — они позаботятся, чтобы к рассвету никаких следов в Колаба не осталось... Кирс создал и меня... Сам же он... — из его рта плеснула струйка крови, голова упала на плечо.

Ранкс взглянул на листок. «Разум вечен. Его нельзя ни родить, ни убить. Его нужно только научиться перемещать... Он — постоялец во всем живом».

КУЛПОВСКИЙ МЕМОРАНДУМ

Честно говоря, поначалу я даже не мог себе представить — каким образом мне удалось попасть на закрытое заседание столь ответственной комиссии. Я ехал с работы домой. Обычный маршрут — пешком, метро, автобус... Стоп — до автобуса дело не дошло. Пешком, метро, потом очень длинный пролет, потом вроде очередная станция, светлое фойе. Я вышел (почему-то один). Потом, как во сне, вдруг очутился в круглом конференц-зале. «Черт, — еще думал я, — метро и конференц-зал, похоже на сон». Именно, я сразу подумал про сон. Заснул, думаю, наверное, в метро. Работа у меня ночная, астрономическая. Не высыпаюсь. Но тут сообразил — раз я думаю, что это сон, значит, точно не сон. Не могу же я во сне так ясно осознавать, что сплю. Нет, это не сон... Но вскоре я перестал мучиться своими сомнениями. Мое внимание полностью переключилось на происходящее вокруг.

Я сразу понял, что это конференц-зал, хотя по форме и не обычный. Но все остальное было точно как в нашем институте: плотная составленные ряды кресел (так что не пройти), огромная черная доска в дубовой раме, зала-танная в нескольких местах, носившая следы отчаянной борьбы докладчиков, пытавшихся с помощью мела что-то доказать слушателям. В общем, все довольно обычно. Все — кроме докладчика и слушателей. Вот это были лица! Собственно, лиц-то и не было, по крайней мере, не у всех. В зале сидело — чуть не сказал «человек» — штук сорок существ, совершенно очевидно, внеземного происхождения. Существа не представляли собой однородной группы. Многообразие форм говорило о том, что я попал на собрание каких-нибудь галактических наций (в чем я незамедлительно убедился). Был и президиум. За длинным столом, покрытым чем-то зеленым, кроме председателя, которого можно было отличить по огромному гонгу, стоявшему напротив, восседали двое членов президиума,

похожих на доисторических саблезубых тигров, как их рисуют в зоологических музеях.

Над президиумом был развернут огромный плакат: «Привет участникам VII ассамблеи галактических обществ по борьбе с контактами». В зале царила приподнятая атмосфера, характерная для тех симпозиумов, конференций, школ, ворк-шопов, на которых выступления четко регламентированы, а продолжительность рабочих заседаний и перерывов на кофе и чай подобрана в правильной пропорции.

Как только я появился в зале, ко мне подкатил один из организаторов. Учиво поприветствовал, что-то вроде: «Ай эм вери глэд ту си ю» (при этом он повилал хвостом) — и спросил: «Вы — землянин?» Я согласился на всякий случай. Он отвел меня к креслу, на котором лежала перфокарта с надписью — «Забронировано для представителя Земноводных». «Земноводных» было написано именно с большой буквы.

Забавная сценка произошла, когда мы пробирались к отведенному «для представителя Земноводных» месту. Хвостатый организатор, оставив меня позади, протискивался между рядами, повторяя на украинском языке: «Звыняйте, звыняйте...». Это меня, признаться, удивило. Почему на украинском? Но еще больше я удивился, когда услышал, что сидевшие в моем ряду участники, вставая, дружно отвечали на том же украинском языке: «Будь ласка». Вдруг наше продвижение вперед было приостановлено. «Звыняйте,— повторил хвостатый.— Стенд ап, будь ласка). Однако участник не шелохнулся. Наверное, он спал. Мой провожатый опять попросил его подняться, а затем подергал того за плечо. Сидевший наконец откликнулся, просипев, что он, мол, уже давно стоит и что понятие «сидеть» напрочь отсутствует в повседневном лексиконе его народа, да и лишено смысла в общепhilosophическом аспекте. Провожатый растерянно посмотрел на меня и, оправдываясь, сказал:

— Извините, пожалуйста, за задержку. Ну действительно, как можно требовать, чтобы человек встал, если он не сидит и сидеть не может. Вот пылесос, например,— его тоже не посадишь...

Хвостатому, видно, понравилась эта тема, и он начал ее развивать. Но тут стоявший сидя как-то весь скукожился и мы протиснулись в образовавшийся проход. Инцидент был исчерпан.

Я уселся, разглядывая перфокарту. В ней не было

ничего необычного. Мне это почему-то не понравилось. Я еще раз прочел надпись над президиумом в составе председателя и двух саблезубых тигров. Огляделся. Рядом справа сидело элегантное существо, по-моему, женского рода. Она размахивала своей перфокарточкой как веером. Было слегка душно. Мне хотелось у нее узнать, что здесь происходит. Но раздался гонг.

Поднялся председательствующий:

— Уважаемые друзья, я не буду останавливаться на общих местах, которым вчера было уделено немалое внимание. Разрешите перейти к сути дела, ради которого собралась наша комиссия. Мы должны наконец решить набивший оскомину вопрос о границах содружества. Либо мы вводим жесткие ограничения и, как говорится, несмотря на чины и звания, окончательно подводим черту под списком, либо я низлагаю с себя полномочия и мы открываем, что называется, двери в избу. Как вы знаете, ситуация в последнее время резко обострилась. На некоторых не вошедших в содружество планетах ситуация стала просто критической. Ярким примером, иллюстрирующим это, являются события, происходящие на Земле. За последние двести-триста лет они там, во-первых, пришли к идее «множественности миров», во-вторых, предприняли попытки (хотя и смехотворные по своим масштабам) найти следы разума в Галактике и, в-третьих, выдвинули концепцию «космических чудес»...

При этих словах саблезубый тигр, сидевший справа, ухмыльнулся. Я же краем глаза посмотрел на соседку. Ко мне вернулось чувство, что все это мне снится. Мне пришла в голову совершенно отчаянная мысль. Я начал лихорадочно вспоминать, как по-украински будет звучать слово «ущипнуть». Но, конечно, ничего не вспомнил и прошептал своей соседке на русском языке, зачем-то заменяя «и» на «ы»:

— Ушыпните́ меня.

Она широко раскрыла глаза и посмотрела на меня так, что мне стало стыдно за свою неуместную выходку. Я поглубже втянул голову и стал усиленно размахивать своей перфокартой.

Председатель продолжал:

— ...не найдя признаков разума, объявили о «гигантском молчании Вселенной». Вы знаете, нашлись лица, и даже в нашей комиссии, предлагающие, что называется, раскрыть карты или приподнять занавес. Но возникает вопрос — до каких пор? Ведь, извините меня, занавес

обтреплется — всем его поднимать. И главное, на каком основании? Раз уж мы решили ограничить число членов общества, так давайте ограничивать. Тем не менее, за последние десять тысяч лет — двадцать три случая включения по дополнительному списку. Там — утечка, там — родственники по спорованию и, наконец, силовое давление...

Председатель похлопал по плечу одного из тигров.

— С другой стороны, ничего не делать тоже нельзя. Трудно даже предугадать все последствия политики сегрегации. После того, как они убедились, что космические чудеса отсутствуют напрочь и Вселенная молчит, как рыба об лед, начался период разброда и шатаний. Слава богу, процесс этот зашел пока не очень далеко. Он коснулся лишь наиболее трезвомыслящей части населения. Да, именно трезвомыслящей! А как бы вы, — председатель презрительно махнул рукой, — реагировали на факт «молчания»? Конечно, выход лишь один — она молчит потому, что их, то есть нас, нет.

По залу пронесся одобрителный гул. Кое-кто закурил.

— Я повторяю, — продолжал председатель, — процесс зашел не очень далеко. Свои выводы трезвомыслящие излагают пока робко, в завуалированной форме: в виде проблемных статей, научно-фантастических рассказов, во всякого рода рукописях, «обнаруженных при странных обстоятельствах», и проч. К такого рода произведениям относится и этот документ, факт появления которого мы и собрались обсудить сегодня. Покажите, пожалуйста, первый слайд.

На стене справа от доски появилось изображение изрядно помятого, исписанного шариковой ручкой листка бумаги. Вверху я разобрал название, подчеркнутое неровной жирной чертой: «Меморандум». Написанное ниже разобрать было невозможно.

— Я прошу извинения за плохое качество. Рукопись была найдена нашим наблюдателем в виде отдельно плывущих по реке частей в районе Кулповской низменности. Подпись, даже после реставрации, проведенной нашими сотрудниками, совершенно нечитабельна, и далее рукопись предлагаем именовать «Кулповским меморандумом». Копия рукописи будет роздана участникам в перерыве. — Председатель посмотрел на часы и продолжал: — По моему мнению, появление Кулповского меморандума прямо указывает нам конкретный путь полного самораз-

ложения философской основы технологической цивилизации, столкнувшейся с насильно насаждаемой нами сегрегацией. Выводы, к которым приходит автор, столь абсурдны с нашей точки зрения, сколь математически верны с позиций их логики. Но как на них ни смотреть — хоть своя рубашка и ближе к телу, и наша позиция, конечно, объективней, — все равно, как ни крути, а выводы эти показывают полную бессмысленность разума во Вселенной. Это трагическое обстоятельство понял и сам автор. Иначе чем еще объяснить его отношение к своему труду, выброшенному в глухие просторы Кулповской низменности?

В этот момент моя соседка наклонилась ко мне и произнесла, что мол, в фойе прекрасный буфет, но, к сожалению, только один. И чтобы успеть перекусить в перерыве, нужно ухитриться побыстрее занять очередь. Она и сама могла бы, но я ближе к выходу и к тому же мне удалось почти невозможное — протиснуться мимо сидящего стойка (так она его назвала). Я скромно начал оправдываться, что, мол, в этом нет моей заслуги и что вообще я здесь в первый раз, но очередь пообещал занять. Пока происходил этот мой первый контакт с внеземной женщиной, председатель продолжал говорить, переходя на патетический стиль:

— ...это вам не парадокс Шкловского или синдром Стругацких. Тем более не антропный принцип. Если раньше речь шла всего лишь об «уникальности» или о мистическом «законе природы», который, кстати, не проходит по элементарным энергетическим соображениям, то сейчас уже подрываются сами основы. Вместо оптимистического синдрома — «пусть закон, но мы будем работать и все преодолеем» — имеем меморандум с его вольтерьянским: «А так ли уж сложна эта наша Вселенная?» Потрясаются, как говорится, эти священные коровы. А главное, что же достигается для себя? Как говорят лебеги: «Шо ж они с того имеют?» Друзья, я прошу прощения, что забегаю вперед, фактически не дав ознакомиться с самим документом. Но меня просто возмущение захлестывает. Объявляю перерыв.

Прозвучал гонг. Я рефлекторно рванул в буфет. Добежав до буфета, я понял, что совершенно свихнулся. Что происходит? Должна же быть хоть внутренняя логика у происходящего? Пусть «они» — содружество — против контакта с нами. Но ведь я здесь. А, черт может быть, они принимают меня за какого-то другого? За «Земно-

водного»? Как-никак из-под земли извлекли. Ладно, если ничего не понимаешь, лучше ничего не делать. Кстати, кто эти лебеги? Есть что-то в них одесское. На ум пришло двустийе: на планете возле Веги жили хитрые лебеги.

Подошла очаровательная соседка и тут же подкатил хвостатый полиглот и всучил копии меморандума: «Плиз».

Мы взяли чай, бутерброды с рыбой, яблоки и встали за одним из высоких столиков.

— Меня зовут Джулия. Можно просто Джу,— сказала она в перерыве между бутербродами.— Что вы словно ошарашенный? Станный вы народ, земляне. Живете под звездами, ни неба, и вечно как ошарашенные. Впрочем, дело ваше. Только вид уж больно странный. Обычно кроты как кроты. А тут — и руки, и ноги...

— Не землянин я. Я Иванов Костя.— Но дальше рассказывать свою биографию раздумал и решил сам узнать побольше: — Тут что-то председатель насчет меморандума... Я вообще-то впервые на столь высоком...

— Вообще-то заметно,— сказала Джулия.— Ничего особенного не происходит — вечная грызня по вопросу сегрегации. Как обнаружили землян, поставили демпферы, заморозили все работы в радиусе десяти мегапарсек. Создали все условия, развивайся, сколько душа пожелает, и никаких чудес и контактов. Вначале все шло нормально, как везде. Раздельное развитие молодых цивилизаций — вещь полезная. Закаляет волю и характер. Ну что я вам, Костя, рассказываю прописные истины. Большинство цивилизаций вообще не нуждаются в сообществе, так и доживают свой век тихо и спокойно. А здесь без братьев по разуму — никак. Общительные оказались, и даже слишком. Вот и возникает проблема: идти на контакт или не идти. Пойдешь — нарушение конвенции о борьбе с контактами. Не пойдешь — погибнут, что называется, в младенческом возрасте. Жалко. Теперь еще вот это,— она потрясла копией Кулповского меморандума.— Ах, нужно же прочесть. Извините.

Джулия уткнулась в рукопись. Я тоже начала разглядывать свой экземпляр. «Хм, страниц сто. Интересно, какие у них перерывы?» Листая рукопись, я обнаружил, что многие листы сохранились неплохо и многое вполне читабельно. Я нашел первые разборчивые страницы и начал читать.

«...Больше всего настораживает гигантская пропасть

между темпами нашего развития и возрастом Вселенной. Многих радует: смотрите, научно-техническая революция, прогресс, неограниченный рост производительных сил... Ура! Всего двести лет назад паровую машину изобрели, а теперь вот — атомные электростанции, токамаки и проч. Полноте, чему вы радуетесь? Задумайтесь, и вы поймете, что не «ура» кричать нужно, а бить во все колокола. Тре-во-га! Разделите десять миллиардов лет (возраст нашей Вселенной) на двести лет — получите гигантское безразмерное число: 50 миллионов. Но это не сам коэффициент роста нашей цивилизации. Это лишь показатель степени у числа «е». Вот степень и есть коэффициент роста, коэффициент, на который необходимо умножить наши возможности сейчас, чтобы получить представление о наших возможностях через десять миллиардов лет. Число это выразится десяткой с сорока миллионами нулей. Этот безразмерный коэффициент больше любого безразмерного числа, наблюдаемого во Вселенной. Например, полное число частиц во Вселенной смехотворно мало по сравнению с коэффициентом роста — десятка всего лишь с восьмьюдесятью нулями.

Конечно, приведенные рассуждения предполагают непрерывный экспоненциальный рост в течение десяти миллиардов лет. Но цифра столь велика, что не спасет никакой более медленный закон развития. Точнее, этот закон должен быть столь медленным, что это развитие и развитием не назовешь. Это топтание на месте. Кроме того, очевидно, не нужно этих десяти миллиардов лет, достаточно в сто, в тысячу раз более короткого времени, чтобы наша цивилизация превратилась в сверхцивилизацию галактического и даже вселенского масштаба. Осталось эти рассуждения перенести на другую воображаемую цивилизацию и понять, что мир вокруг нас должен быть буквально напичкан космическими чудесами.

Дети часто спрашивают: а бывают чудеса? А есть Кощей бессмертный? Шука-волшебница? И прочее. Нет,— честно отвечаем мы, вынужденные объяснять очевидные вещи.

Как же, очевидные! Совершенно наоборот. Если бы вся наша взрослая наука, все наши современные представления были бы верными, то мы обязаны были бы признать, что мир должен прямо-таки кишеть лешими, змеями-горынычами, урфин-джюсами; вокруг нас повсеместно и ежечасно должны нарушаться первое и второе начала термодинамики, заряд не должен сохраняться, ни

электрический, ни барионный; работники, следящие за расходом энергии, должны были бы сойти с ума, потому что нельзя проследить за тем, что не сохраняется в принципе, да и работников таких не было бы.

Но ведь, к счастью — а точнее, к нашему счастью, — ничего этого нет. Нет и более мелких чудес — квадратных галактик, фиолетовых смещений, гигантских сфер Дайсона. Нет, это наблюдаемый факт. Кто не верит, дальше может не читать. Теперь я собираюсь решить этот парадокс с позиций обычного естествоиспытателя. А позиция эта состоит в том, чтобы, с одной стороны, опираться на экспериментальные данные, а с другой — опираться только на открытые нами законы. Лишь такой метод может обеспечить продвижение вперед. И какой бы вывод ни последовал, мы обязаны его мужественно принять, а не искать полуфантастических или религиозных гипотез.

Имеем два экспериментальных факта. Первое: во Вселенной нет сверхцивилизаций. Второе: во Вселенной есть по крайней мере одна цивилизация среднего (а возможно, даже и низкого — не с чем сравнить) уровня, у которой наблюдаются гигантские темпы роста. Как совместить оба эти противоречащие друг другу факта? Можно было бы снять противоречие, предположив, что мы — единственная цивилизация во Вселенной. Так сказать, провозгласить своеобразный принцип запрета: в одной Вселенной не может находиться более одной цивилизации. Но я бы привел другой пример, из более близкой читателю области — биологии. Как известно (кто ел, тот знает), в каждом яблоке не может быть больше одного червя...»

Здесь я прервал чтение меморандума и стал разглядывать огрызок яблока, которое доделал в этот момент. Не найдя червяка, я посмотрел на Джулию. Она с интересом что-то искала в своем яблоке. Почувствовав мой взгляд, она подняла глаза. Мы рассмеялись.

— По-моему, недурно написано, — сказал я.

— Да, местами, — и она опять рассмеялась.

Что и говорить, смеялась она хорошо, и на языке у меня уже завертелся стандартный вопрос: «Что вы делаете сегодня вечером, Джу?». Я спросил:

— Как удалось добыть рукопись?

— Совершенно случайно. Наблюдатель от комиссии — он работает инспектором «Рыбнадзора» на реках Кулповской низменности — совершал вечерний объезд угодий. Представляете, Костя, теплый летний вечер на природе. Ветер затих. Ровная гладь реки, изредка нарушаемая

рыбьими играми. По берегам луга, усеянные стогами свежескошенной травы. Стада мирно пасущихся коров...

— Не хватает только пастуха и пастушки. Кстати, что жуют коровы на свежескошенных лугах? — прервал я фенологические изыскания моей собеседницы.

— Вам, землянам, а точнее земноводным, трудно это понять. Как сказал бы наш председатель — рожденный ползать... — Не докончив, она махнула рукой и опять уткнулась в рукопись.

А я подумал, что этим землянам действительно было бы трудно понять поговорку. И почему-то вспомнил про стойка — рожденный стоять сидеть не может. «Хм, а интересно, кто же такие лебеги? Ну вот, дурацкая привычка перебивать собеседника. Сам спросил, а потом и не дал ничего сказать. Обидел вот девушку».

Я нашел место про яблоки и стал читать дальше.

«Кстати, это правило не просто интересно, но и полезно практически: если вы нашли одного червяка в яблоке, то можете спокойно доедать его дальше. Приятного аппетита».

Но вернемся к рассматриваемому вопросу. Предположение о нашей уникальности влечет признание нашей привилегированности. Оставаясь объективными, мы должны отбросить эту возможность. Представляется совершенно невероятным, чтобы в целой изотропной и однородной Вселенной условия, необходимые для возникновения разумной жизни, появились только в нашей ничем не примечательной галактике, в ничем не примечательном месте и, тем более, вблизи ничем не примечательной звезды. Абсурдно было бы предполагать существование каких-то мифических принципов запрета. Значит, остается только один выход: нужно признать, что, по каким-то причинам, сверхцивилизации из обычных цивилизаций не возникают. Каковы же эти причины?..»

В этот момент раздался гонг. По тому, как все заторопились в конференц-зал, я понял, что перерыв кончился.

— Джулия, кажется, заседание начинается, — сказал я зачитавшейся соседке.

Она посмотрела на меня отсутствующим взглядом и сказала:

— Да, заседание продолжается. Командовать парадом буду я!

В толкучке у дверей я ее потерял. Не обнаружил я ее и на месте. Вместо нее сидел огромный битюг с мохнатыми крыльями. Изредка он поднимал крыло, запускал под

него голову и что-то там склеивал. Когда в очередной раз он вынул голову, я ему сказал:

— Здесь, собственно говоря, занято. Тут еще перфокарточка лежала.

— Ця? — протягивая мне перфокарту, спросил он.

На перфокарте было отпечатано отличным по качеству шрифтом: «Джулия Гомбольт. Отдел переселения».

— Эта, — ответил я.

— Так воны ж у першому ряду сиды, — он показал крылом куда-то в направлении президиума. Я приподнялся и действительно увидел Джулию.

— Воны ж выступаты будуть, — добавил битюг.

Председатель ударил молоточком по гонгу и сказал:

— Друзья, прошу внимания. Не все, наверное, успели ознакомиться с текстом меморандума. Это не страшно. Все равно текст полностью восстановить не удалось. А тем, кто не успел прочесть восстановленные части, придется разбираться в рабочем порядке. Ряд уполномоченных представителей, прочитавших рукопись, уже записались на выступления. — Он поднял с зеленой скатерти листок и близоруко начал разглядывать его. Совершенно ясно было, что председатель никак не может разобрать, что же там написано.

В зале возникло замешательство. Раздались смешки и покашливания. Наконец один из саблезубых тигров, перегнувшись через плечо председателя, прочел содержимое листка и что-то сказал ему на ухо. Тот сейчас же объявил:

— Первым записался представитель независимых, ему и карты в руки.

С первого ряда поднялся «представитель независимых» и направился на сцену. Он оказался существом маленького роста и, если бы не табуретка, услужливо поставленная неожиданно возникшим хвостатым полиглотом, ему никак невозможно было бы добраться до микрофонов на трибуне. Взобравшись на таким образом усовершенствованную трибуну, он начал:

— Да, я прочел все, что можно было прочесть. И еще раз убедился в справедливости двух основополагающих принципов нашей цивилизации: не вмешивайся в чужие дела и никому не давай вмешиваться в свои. Вы знаете, лишь чудовищное стечение обстоятельств привело к контакту нашей цивилизации с сообществом.

В зале раздалось неодобрительное покашливание.

— Нет, я никоим образом не собирался обвинить

сообщество, — заметив реакцию публики, начал оправдываться «независимый». — Наш контакт с ним — нелепая случайность. Именно с целью предотвращения таких случайностей в будущем мы активно поддерживаем усилия общества по борьбе с контактами. Неужели мало нашего печального опыта? Мы — сторонники крайней точки зрения: никаких контактов. Особенности нашего интеллекта не позволяют нам на требуемом уровне поддерживать усилия сообщества в идейном плане. Из народа-созидателя, богатого творческими традициями, мы превратились в артель ремесленников...

— Давайте не перегибать палку. Эта палка о двух концах, — сморозил председатель.

— А, бросьте ваши штучки, — разгоряченно продолжал «независимый». — Да, артель. Да, ремесленников. У нас были композиторы. Теперь — одни музыканты. А что дальше? Подачки с барского плеча? Извиняюсь, объедки научно-технической революции? Оставьте в покое Землю. Ищут они нас. А нужны мы им? Теперь о меморандуме. Конечно, радоваться нечему. Но так ли он страшен? Где мы его обнаружили? В анналах Академии? В справочнике для поступающих в высшие учебные заведения или в энциклопедии Брокгауза и Ефрона? Дудки...

В этот момент раздался треск и «представитель независимых» исчез. Зал ахнул. Сначала я подумал, что с ним произошла какая-то хитрая штука из тех, о которых пишут в фантастических романах. Нуль-транспортировка или еще что-то в этом роде. Но когда я увидел докладчика, выползающего из-за трибуны, стало ясно, что он просто свалился с табуретки. Немедленно к нему на помощь подбежали саблезубые тигры. Один из них помог встать пострадавшему, а другой поднял с пола то, что осталось от злосчастной табуретки. Поначалу он пытался составить распавшиеся части, но после нескольких неудачных попыток выпрямился и так застыл, с виноватой улыбкой глядя в зал.

Все эти глупейшие события никоим образом меня не веселили. Я прекрасно понимал, что сам оказался в глупом и притом двусмысленном положении. Может быть, нужно было сразу встать и сказать, что непоправимое событие уже произошло. И совершенно бесполезно обсуждать целесообразность контакта с землянами. Может, теперь же встать и сказать: «Привет вам, братья по разуму. Благодарное человечество ждет вас в свои объятия». Но у меня не было уверенности, что братьев по

разуму это сильно обрадует. Да и потом, имею ли я право? Кто меня уполномочил?..

На сцене продолжалась возня вокруг трибуны. Я опять стал оглядываться вокруг. Мое внимание привлекли окна, которые были плотно закрыты тяжелыми черными шторами. «Наверное, для того, чтобы показывать слайды,— подумал я.— Интересно, что там, в окнах?» Странно, но эта простая мысль пришла ко мне только сейчас. Нужно приподнять штору и многое станет ясным. Наверное. Я пробрался к ближайшему окну. Воровато оглянулся и приподнял штору.

За окном было совершенно темно. Так показалось в первый момент, пока глаза еще не привыкли к темноте. «Наверное, ночь,— подумал я и прильнул вплотную к стеклу, прикрывая ладонями глаза от света и стараясь разглядеть что-либо. Я действительно кое-что разглядел.

В слабом свете, пробивающемся под шторой, я увидел почти рядом стену, уходящую куда-то вверх, вниз, вправо, влево. По ее шершавой поверхности, утыканной металлическими штырями, извивались десятки просмоленных и прорезиненных кабелей и проводов. В этот момент кто-то положил руку мне на плечо. Я отпрянул от окна. Передо мной была Джулия.

— Нехорошо подглядывать в окна,— улыбаясь, сказала она.— Здесь это не принято. Да и что вы могли там интересного увидеть?

— А вы посмотрите сами,— предложил я.

Она чуть отдернула штору, глянула в окно и, повернувшись ко мне, сказала:

— Хм. Ну и что особенного? Вы бы вместо того, чтобы глазеть по сторонам, рукопись дочитали. Вам ведь тоже придется выступать. Подкомиссия особенно интересуется вашим мнением. И вообще, вы, оказывается, особа интересная. О вас говорят даже в первом ряду.

— Вполне естественно. Разве можно иметь такую очаровательную собеседницу и не находиться в центре внимания? — развязанно ответил я и подумал: «Что это я расхорохорился?»

Выступить с докладом не входило, мягко говоря, в мои планы.

Джулия пожала плечами и сказала:

— Вы хоть пролистайте. Ваше выступление вот-вот объявят.— Она ушла.

К тому времени суета вокруг трибуны поутихла и на ней снова появился «представитель независимых». Все

заняли свои места. Я затравленно огляделся в поисках выхода. Выйти, не привлекая внимания, не было никакой возможности. Я судорожно начал листать рукопись. Мелькали названия частей: «Уничтожение как самоорганизация», «Ресурсы идей», «Познаваем ли бесконечно сложный объект?», «Тупиковая ветвь, или компактификация некоторых направлений эволюции» и т. д. Чтение названий не проясняло сути дела. Голова шла кругом. Я чувствовал себя в роли студента, которому сообщили, что экзамен завтра, а не через неделю, как он надеялся.

«Нет, так не пойдет, — подумал я. — Нужно взять себя в руки, сосредоточиться и читать». Ведь рукопись меня в самом деле заинтересовала. Заинтересовала, хотя я до сих пор не мог понять, что же это — обычная графомания или что-то разумное. Чтение произведений графоманов рождает противоречивое чувство: с одной стороны, понимаешь, что все чушь собачья, а с другой — интересно, ведь там всегда есть ответы на вечные вопросы. Пусть неправильные. Но ведь и правильных нет!

Я начал читать, наткнувшись как раз на место в рукописи с такими вот вечными вопросами.

«Что есть разум или разумная жизнь? В чем цель ее появления среди неживой и живой природы? Нет смысла вдаваться в подробное обсуждение этих вопросов. Достаточно ограничиться следующим простым тезисом: разумная жизнь характеризуется стремлением понять и объяснить происходящие вокруг явления. Важно, что возникающие при этом интерес и любопытство весьма неустойчивы. Интерес к понятному явлению пропадает практически мгновенно. Открыв какой-либо закон природы, мы начинаем искать новые явления, не подчиняющиеся ему. Никакие самые интересные практические приложения старых законов не могут заменить поиска новых. Всевозможные частные случаи, новые режимы, оригинальные подходы и проч., как бы они ни были заманчивы, — все это бледная тень настоящего процесса познания. Разум чахнет без принципиально новых, необъясненных явлений.

В этом мы убеждаемся практически повсеместно. Возьмите любой научный институт. Там обязательно найдется отдел, работающий постаринке, в рамках законов, открытых сотни лет назад. Эффект налицо — всеобщее чванство, академизм, склоки, жесткая субординация и, наконец, неистребимое стремление к материальным благам...»

Дальше я пропустил несколько страниц, посчитав, что автор слишком увлекается беллетристическими подробностями. «Вот это — то, что надо», — подумал я и начал читать:

«...Отсутствие сверхцивилизаций можно было бы связать с диспропорцией в развитии технических возможностей, опережающих морально-этическое взросление общества. Тем более, что симптомы этого ярко проявляются на Земле. Но кажется, что мыслимое разнообразие конкретных путей развития той или иной цивилизации должно быть неизмеримо богаче. Кроме того, самоуничтожение в результате братоубийственной войны ничего не объясняет. Погибнуть можно от атомной или биологической бомбы. Но все это — детские игрушки по сравнению с тем, что могла бы придумать цивилизация, опережающая нас, например, на сто-двести лет. Уже сейчас, в рамках открытых нами законов природы, можно представить столь мощное оружие, последствия применения которого носили бы галактические масштабы. Такая братоубийственная война вполне сошла бы за космическое чудо. А чудес, как мы договорились, нет!

Силы, препятствующие развитию разума, должны иметь совсем иную природу. И они, конечно же, должны носить универсальный, не зависящий от конкретных условий характер.

Прежде чем переходить к описанию истинной причины, приводящей к гибели разума (естественной гибели разума), подумаем над следующей проблемой: почему человеку за кратчайшие (по космологическим масштабам) сроки удалось понять законы природы, которым подчиняется практически вся наблюдаемая часть Вселенной? Каких-то двух-трех тысяч лет оказалось достаточно, чтобы дойти до квантовой механики и общей теории относительности. Каким образом человек, чей повседневный опыт ограничивается микроскопическими масштабами, измеряемыми метрами, скоростями, в десятки миллионов раз меньшими скорости света, и ничтожно малым полем тяготения, — каким образом это слабое существо (не выходя из дома) проникло в гигантские просторы Вселенной и вглубь бесконечно малых элементарных частиц?»

«Ну, так уж — не выходя из дома. А гигантские синхрофазотроны и коллайдеры, а сверхмощные телескопы?» — мысленно возразил я автору меморандума. Но с листками бумаги не поспоришь. Их можно либо читать, либо не читать. Я читал. Последовала новая

часть под названием «Познаваем ли бесконечно сложный объект?»:

«Древние описывали процесс познания так. Представим себе бесконечную плоскость. Кружочек на плоскости — это часть познанного нами. В процессе познания круг увеличивается, но растет и граница с непознанным. Познание рождает все новые и новые вопросы. Процесс бесконечен.

Точка зрения эта стара как мир. Но не является ли эта картина слишком примитивным обобщением нашего мимолетного опыта? Неужели бесконечно сложный объект так прост? Скорее, нет, чем да. Ведь «сложность» — это, в первую очередь, характеристика качественная, а не количественная. Бесконечно сложный объект должен состоять из бесконечно сложных, качественно разных частей, и не обязательно совместимых. Мир, а точнее, система знаний о мире — это не матрешка. Познав часть такого непростого объекта, мы не можем быть уверены в том, что наши знания впишутся в последующую систему знаний подобно тому, как маленькая матрешка входит в большую. Скорее всего, познание должно быть сильно нелинейным процессом. Экстремальным (но вовсе не частным) случаем могла бы быть столь сильная нелинейность, что познание какой-либо части объекта вообще было бы невозможно без знания полной картины. Другими словами, бесконечно сложный объект непознаваем в принципе. Разум не мог бы возникнуть в бесконечно сложной Вселенной!

Высказанный выше негативный тезис о несоответствии последовательно познаваемых частей находится в вопиющем противоречии со всем нашим опытом. Весь наш опыт говорит о том, что окружающий мир — это действительно матрешка. Например, механика Аристотеля стала частью механики Ньютона, которая, в свою очередь, стала частью теории Эйнштейна. Есть и другие примеры.

Как же снять это противоречие? Есть два выхода: либо мы неправильно представляем себе бесконечно сложный объект и процесс его познания, либо окружающий нас мир не является бесконечно сложным. Выбрать правильный ответ можно, только опираясь на наблюдаемые факты...»

Дальше в рукописи следовало большое грязно-серое пятно с характерными отпечатками речных водорослей. Пришлось читать следующую страницу.

«...должны вспомнить, что разум, лишенный пищи, погибает. Все встало на свои места. Экспериментально доказанное отсутствие сверхцивилизаций свидетельствует о том, что Вселенная наша слишком проста для разума. Быстро (за несколько тысяч лет) познав ее законы, разумная жизнь исчерпывает все возможности своих применений и исчезает. Парадоксально, но факт — разум возникает и погибает по одной и той же причине: по причине простоты устройства нашего мира.

Конечно, неприятно, что разумная жизнь не вечна. Но так ли уж это трагично? Живут же люди, совершенно точно зная, что рано или поздно умрут. Как люди, цивилизации рождаются, живут и умирают. Всякая мысль о вечном их развитии — это та же мечта о загробной жизни. Хватает же сил быть атеистами. Будем же последовательны.

Таким образом, быстрая и полная познаваемость Вселенной доказывается двумя наблюдаемыми явлениями: 1) наличием нашей цивилизации, 2) отсутствием «космических чудес».

«Вот тебе и раз», — подумал я и схватил предыдущую страницу. Но ничего, кроме водяных разводов, причудливо пересекающихся друг с другом, там не было. По давней моей привычке мозг отреагировал двустихием: «От всей теории одно осталось грязное пятно».

Я посмотрел на сцену. Вместо «представителя независимых» выступала сотрудница комиссии по переселению Джулия Гумбольт:

— Последнее, на чем хотелось бы остановиться, это вопрос об активизации исследовательских работ наших наблюдателей. Здесь требуется коренное изменение метода работы. Возможно, следует отказаться от практики переселения сознания в уже существующий субъект на той или иной контролируемой нами планете. Такое переселение крайне тяжело сказывается на сознании субъекта. Провалы в памяти, остаточные мысли, подозрения родных и знакомых и, как следствие, подавленность и депрессия. Все это не проходит бесследно и попадает в разряд потенциально необъяснимых явлений. Затем, наблюдателю не так-то просто привыкнуть, а еще труднее отвыкнуть от некоторых весьма сомнительных форм деятельности субъекта.

В зале раздались смешки.

— Ничего в этом смешного нет, — заметила Джулия. — Наблюдатель превращается в своеобразного ба-

циллоносителя между контролируемой планетой и сообществом. Трудно даже представить все возможные негативные последствия такого «ползучего» контакта. Мы не застрахованы от заражения неизлечимыми общественными болезнями. Возможным выходом было бы повсеместное внедрение самопревращения наблюдателей. Здесь полезным может оказаться опыт Земноводных, — Джулия посмотрела на меня. — Судя по всему, им удалось достичь высокого уровня техники перевоплощения. Обратите внимание, — теперь она не просто посмотрела на меня, а показала рукой, так что все повернулись в мою сторону, — совершенно неожиданная внешность, даже хвоста не видно. Я надеюсь, что в своем выступлении представитель землян поделится, хотя бы вкратце, своим опытом.

«Значит, она не шутила насчет моего выступления, — с горечью подумал я и с упреком посмотрел на Джулию. — Черт побери, нужно подыграть им. Но как? Прикинуться земноводным? Но я о них ничего не знаю. О саморазоблачении на заседании комиссии по борьбе с контактами не может быть и речи».

Я принялся лихорадочно читать рукопись:

«Высказанная выше идея о простоте нашего мира не нова. Достаточно вспомнить мыслителей прошлого. Сейчас они выглядят смешными и наивными...»

Я пролистал еще несколько страниц.

«...Возникает вполне естественный вопрос: а как много еще осталось неизвестного в этом «лучшем из миров?» Кажалось бы, об этом можно только гадать. Гадать не нужно. Достаточно спокойно проанализировать ситуацию, и станет ясно, что...»

В этот момент раздался гонг и председатель сказал:

— Хотя это и не принято, но учитывая важность момента, мы сочли целесообразным выслушать мнение нашего наблюдателя с Земли. Как говорится, мал золотник, да дорог. Попросите, пожалуйста, в зал наблюдателя.

Хвостатый полиглот направился иноходью к двери. С каждым его шагом я все яснее осознавал, что моему инкогнито приходит конец. Он исчез за дверью и вскоре вернулся. Вместе с ним появился бородатый мужик с удочкой, сачком и деревянным рыбацким ящиком на ремне, перекинутом через плечо. Обут он был в огромные, до пояса, резиновые сапоги, от которых на полу оставались мокрые следы. На голове его помещалась форменная фуражка с бляхой и треснутым козырьком. Он по-деловому прошел прямо к трибуне. Прислонил к ней удочку и сачок, снял

с плеча деревянный ящик. Массируя затекшее от тяжести плечо, подошел к микрофонам и сказал:

— Эх, мужики, мужики. Токмо клев самый пошел, а вы того... Весь вечер ждал, туды ее в качель. Вот так работаешь на реке, а рыбку-то половить и некогда. То браконьеры... Да какие они браконьеры — все ж наши хлопцы, с Кулповки. Да, то хлопцы, то начальство, то комиссия. А то еще всякую макулатуру по реке собираешь...

Председатель постучал молоточком по столу. Мужик оглянулся на него и, помотав головой, давая знать, что намек понял, продолжал:

— Ну, заговорился я, граждане. Текучка заедает. Мнение мое такое: этот ваш, фу ты, наш контакт пока им не нужен. Худо-бедно, пока живем, а там посмотрим...

Вдруг лицо его начало медленно вытягиваться и, достигнув максимального возможного растяжения, так и застыло. Мы смотрели друг другу в глаза. Вокруг все замерло.

Мгновение спустя сцена и зал задрожали, как изображение на киноэкране, когда застревает пленка в аппарате. От перегрева пленка корежится, а в след за ней изгибается и морщится изображение. Так и произошло. Края конференц-зала (я только успел удивиться — откуда взялись края в круглом зале?) заколыхались, а в центре, под приветственным лозунгом, образовалась огромная беспросветно черная дыра. Дыра быстро расползалась, поедая все: и стол с председателем и двумя тиграми, и деревянный ящик с удочкой и сачком, и трибуну с наблюдателем, и разнообразных вземных существ в зале. Наступила полная темень.

Несколько позже откуда-то издали послышался нарастающий пульсирующий гул. Когда гул превратился в грохот, темень покрылась темными пятнами, из которых постепенно возникли очертания вагона метро.

«Все-таки сон», — с облегчением подумал я и осторожно, не поворачивая головы, осмотрелся вокруг. Все было без подвоха, настоящее. И неяркие фонари, и блестящие никелированные поручни, и мягкие коричневые сиденья, и на них — совершенно нормальные пассажиры, из которых особенно нормальным выглядел бородатый мужик в длинных резиновых сапогах, с удочкой и деревянным ящиком.

«Приснится же такое. Нарочно будешь думать — не придумаешь. А я-то хорош; — начал я себя корить. — «Ушпыните меня». Гадал еще — сон, не сон. А того не мог

сообразить, дурья башка, что чепуха откровенная получается. По приметам не мог догадаться. Верное есть правило: если вокруг тебя фантастические несоответствия происходят, так и делай вывод, а не «щипайся». Сон — романтическое состояние души. Кто это сказал?»

Сон понемногу отходил, детали быстро стирались из памяти. Но я все не унимался: «Еще эти странные фамилии. Как они — Стругацкий, что ли? Иванов? Откуда они взялись, не пойму. Уже по одному этому признаку можно было просыпаться».

По репродуктору объявили:

— Следующая станция — Земная Прим.

«Надо бы очки импортные темные заказать, — подумал я. — Скоро голубое солнце взойдет. Полгода жары».

Я расправил подмявшееся крыло и пошел к выходу.

ере-
крёсток
Мнений

ВАСИЛИЙ ЛЬВОВ (Одесса)

ИРИНА ИГНАТЬЕВА (Тирасполь)

ПРОБЛЕМА ВЫБОРА, ИЛИ ТВОРЧЕСТВО И ЧУДОТВОРСТВО

I

Кому на Руси неизвестна чудовищная сила цитаты? Убойная и спасительная, властвовала она безраздельно многие годы... да что там годы? — века! Во имя ее вопил в дымящемся пустозерском срубе огнепальный протопоп Аввакум, праотец нынешней нашей публицистики, и искры того костра рассыпались по столетиям, прожигая насквозь судьбы и души. Ибо сильна цитата — ясностью, способностью определить позицию и поступок того, кто сам на определение неспособен.

И в этом же — слабость ее, всемогущей. Ибо, запечатленная раз и навсегда в отчеканенной догме, гибнет заключенная в ней живая мысль. И шуршит на ветрах истории, словно вчерашняя газета, влекомая по асфальту. Вы слышите? «Маяковский был и остается...» Бесспорно. Но как объяснить это сегодняшнему школьнику? «Экономика должна...» Верно! Но в ответ — ничего, кроме смеха.

Каменная сила догмы мертвит души. И потому народ, отмечая цитату, породил свой, животворный свод императивов, бессмертных уже в силу самой своей неоднозначности. Я имею в виду пословицы и поговорки. Они живут, ибо диалектичны по сути и, следовательно, сами опровергают себя, а опровергнув, вновь подтверждают, а подтвердив... И так далее. Зачем далеко ходить за примерами? Вот один из самых живучих стереотипов: «Первый блин комом». Комом — это плохо. Но ведь первый. А чтобы стать первым, нужна смелость. Первые мостят дорогу последующим.

Кстати, о блинах необходимо сказать особо. Дело в том, что, кроме достаточно популярного национального блюда, «блинами» на издательско-писательском жаргоне именуется сборники, объединяющие под своей обложкой двух или трех авторов.

Первый «блин», изданный ВТО МПФ, называется

«Простая тайна» и состоит из произведений Юрия Медведева, Елены Грушко, Александра Бачило. Принцип подбора однозначен: все три автора характеризуются поэтичным взглядом на жизнь, пристальным интересом к процессу самопостижения Человека. Различные по статусу, стажу, литературным пристрастиям и даже, прошу простить, полу, они — каждый в своей, неповторимой манере — стремятся исследовать феномен людской божественности, феномен Человека — не «двуногого, лишённого перьев» по Платону, но венца творения, одухотворенного частицей вселенской сущности.

Эта книга сразу же вызвала немало споров. Даже удивительно, как у нас любят спорить. Причем, в отличие от высоких дискуссий античности и чинных британских пари, хорошим тоном считается в пылу полемики так бабахнуть оппонента, что приходится милосердным свидетелям после иного «аргумента» отскребать беднягу от стенки. Победивший же диспутант, элегантно помахивая кистенем, отходит в сторонку перекурить и повзирать свысока на дело рук своих, внимая восторженному повизгиванию ликующих односумов. А как же иначе? Ведь, в отличие от диспутов о тележном колесе, характерных для проклятой эпохи царизма, все споры у нас сегодня сугубо пр-р-ринципальные.

Книгу ругают и хвалят, отношением к ней проверяется ныне «левизна» или «правизна» позиции. Широкий же читатель, увы, принимает частенько на веру аргументы одной из сторон и принимается вещать о сборнике, руководствуясь бессмертным принципом «...сам я романа не читал, но от имени всех домохозяек, хорошистов и физкультурников заявляю...» И заявляет! Голосит, ц и т и р у я понаслышке известные тезисы. Потом добывает, наконец сборник, прочитывает и... ан нет! — поздно. Дело сделано, и «добро» уже передано по кругу.

Но помилуйте, мы же, кажется, интеллигентные люди! Спросим себя: откуда такая вспышка страстей? Давайте остановимся, оглянемся во гневе и еще раз попробуем разобраться: почему?

А тайна, как уже говорилось, проста...

II

Художник, воспитай ученика.
Е. Винокуров

Творчество Юрия Медведева давно привлекает внимание любителей фантастики, вызывает насыщенные, подчас

довольно острые дискуссии... Сам по себе факт этот свидетельствует, что в своих произведениях писатель затрагивает «больные» вопросы эпохи. И если в самых страстных публицистических выступлениях источником тревоги является боль за мировые, общечеловеческие ценности, то эта же позиция в полной мере присуща Ю. Медведеву. Искусство найти в простейшей ситуации отблеск вечных проблем, выявить и уяснить тонкую взаимосвязь реальности и идеала — такова основа мировоззрения автора, проявившаяся еще в раннем его сборнике «Колесница времени».

Юрий Медведев — один из немногих фантастов, чье творчество органично правопреемственно по отношению к христианской традиции, основанной на Добре, Милосердии, но и неприятии компромисса со Злом. Причем в произведениях его не встретишь модных ныне новых прочтений библейско-евангельских сюжетов. Нет, Медведев исходит из осознания того, что христианство отнюдь не только религия, но и уникальный плод размышлений о мире — и месте человека в нем, о прощении и покаянии как сущности человеческого бытия. Это — животворный родник, питающий — в равноправном и неразделимом единении с преданиями древности — нашу культуру.

Огромная роль в становлении Медведева-писателя принадлежит титану советской фантастики, человеку громадного гражданского мужества и таланта Ивану Антоновичу Ефремову. Юрий Медведев — не только один из его многочисленных учеников, но и прямой наследник гуманистических концепций Мастера, продолжатель его традиций. Ефремову была посвящена первая книга Ю. Медведева — увлекательная историко-фантастическая повесть о Кеплере, Учитель — один из героев повести «Чаша терпения», именем Ефремова названа школа, объединяющая известных писателей-фантастов и молодых, сплотившихся вокруг ВТО МПФ.

О Юрии Медведеве-наставнике можно сказать немало. Но, увы, благодарность изреченная зачастую принимается пристрастным глазом за лесть, а потому, очевидно, есть смысл перейти к анализу творчества Ю. Медведева, представленного в «Простой тайне» небольшой повестью «Протей» и двумя рассказами.

«Протей» — повесть неординарная. В сущности, мы имеем дело с психологическим исследованием грани между предательством и достойным поступком, с анализом духа и буквы механизма самооправдания. Возможно, такая постановка проблемы и не нова, но автор сумел облечь этот

вечный вопрос Выбора в одеяния сверхпрогрессивного общества. И общество это поражено страшной болезнью — догматическим рационализмом. Прагматичное мышление, которое — как предполагалось! — будет направлено на решение проблем человечества, терпит крах, хотя пока что само и не сознает этого. Описанное автором общество лишено в о б р а ж е н и я. Оно не верит и не доверяет никому и ничему. Именно поэтому оно лишено перспективы, лишено будущего. Нет ничего страшнее власти обскурантов, проходящей по человеческим судьбам кованым сапогом. Она лишь прикрывается мнимой заботой об интересах людей, и г р а я ими, как картами на зеленом сукне... Но это всего лишь социальный фон происходящей драмы. В центре же находится (и это естественно) история человека. Человека, которого т о л к н у л и на предательство, на донос, на измену.

Надо отметить, что повесть начинается с описания достаточно гнусного предательства, совершенного в прошлом. Прошлом не только для героев «Протея», но и для нас. Так завязывается основной моральный узел сюжета. Своего рода проблема Иуды, отраженная в тысячный раз. Предательство в прошлом **необходимо**, дабы показать всходы его в будущем. Надо отметить, что в данном эпизоде Ю. Медведев в какой-то степени отходит от традиционной для себя манеры описания Человека. Здесь оружие — гневная, бичующая сатира. Эстетика автора прямо соотносит темный внутренний мир доносчиков с их неизбежно-отвратительным внешним обликом.

Однако история предательства минувших веков кажется высоким судьям из будущего неправдоподобной. Они-то чисты. Их мир стерилен. Но нет же! — и рядом с ними их современник пишет донос на своего наставника, на человека, которому поклоняется. Пишет не по прямому принуждению, но лишь потому, что власть его на это поощряет, по крайней мере — реагирует на донос благожелательно. Власть провоцирует человека, а человек слаб и сам не ведет меры своей слабости. Но, в отличие от тандема праисторических стукачей, сикофант века грядущего тяжело переживает совершенное, казнит себя лютым, наивысшим судом, судом совести. Обостренные размышления о содеянном, переход от наивных попыток самооправдаться к безоговорочному самоосуждению утоньшают его внутренний, душевный слух, ему становится понятен «...и гад морских подводный ход, и дольней лозы прозябанье...»

И, быть может, именно поэтому он верит «Протею»,

созданию человека, более могущественному, чем создатель. Здесь, кстати, прослеживается еще одна интересная тема — близость всех высоких цивилизаций, как технологическая, так и нравственная. Найденная некогда И. А. Ефремовым, она по-новому открывается в «Протее». При всей разности, мы — братья, братья по Разуму. И, как ни обидно, возможно, что земляне — братья меньшие. Они еще не готовы к Встрече. И не будут готовы, пока не научатся решать все вопросы исходя не из субъективных, сиюминутных требований. Вот она, суть конфликта. Вот основная причина того, что Контакт не состоялся. И думается, что здесь нельзя не вспомнить чудовищный проект поворота северных рек, загубленный Арал, измученную Волгу...

Но дело ведь не только в возможном, но не состоявшемся Контакте. Решалась-то проблема куда как более глобальная! Встреча откладывается — ну и ладно, рано или поздно дорастем. А вот человек, бросивший общество, **вынужденный** сделать это потому, что общество отторгло его — проблема, перевешивающая тысячи иных. Ибо если это происходит, если мы не доверяем нашему согражданину, не понимаем его и не пытаемся понять, то общество больно. И это сигнал тревоги: **ЧТО-ТО СЛУЧИЛОСЬ!**

Можно рассуждать и спорить о нравственности героя, о моральности его выбора, но нельзя забывать о том, что общество **не захотело** ни разобраться, ни простить, ни даже понять. Оно заточило изгоя пожизненно в «райском саду». И, вне зависимости от желания своего становясь космопротидом, он лишь предваряет судьбу всего человечества. Ибо путь намечен: «Протей» — герой — все люди. И для окончательного рывка нужно не столько время и т. д., сколько процесс духовного совершенствования, постижения и высвобождения. Только так и можно обеспечить свое бессмертие!

Не менее интересны и рассказы. В отличие от повести, в них несколько доминирует, говоря словами Блока, «острый галльский смысл». Это изящные новеллы, характеризующиеся абсолютной взаимосвязью каждой фразы, каждого штриха. Авторская стилистика здесь точна и выверена, слог плавно переходит от чеканно-размеренного, несколько рассудочного, к мягкому, одухотворенному лиризму. Общая тема рассказов — искусство и душа, жизнь и искусство, обязанность Творца и его право. Особенно показателен и интересен в этом смысле рассказ «Любовь к Паганини», где мягкая ирония к традиционной уже фигуре

супер-изобретателя зримо сочетается с неподдельной тревогой, с взволнованным вопросом: как же все-таки совместить наслаждения ума с чувственным, физическим наслаждением простого человеческого бытия, с наслаждением от выполнения повседневных, казалось бы — будничных дел?

Творчество Ю. Медведева нетрадиционно, не вписывается в когорты и обоймы. Это так. Впрочем, истинный Мастер не нуждается в защите. Его творчество будет поверено не пеной у рта оппонентов, а лучшим и наивысшим судьей — Временем.

III

Когда пишет мужчина — он смотрит на Бога.
Когда пишет женщина — она смотрит на мужчину.
А. Блок

Многим женщинам фраза великого поэта, вынесенная в эпиграф, может показаться оскорбительной, антифеминистской и антиэмансипационной. Но все же в ней есть доля (и немалая!) правды. В ней, кстати, отражаются и христианская концепция сотворения мира, и современные психологические мотивации поведения.

Пытаюсь высказать свою точку зрения на так называемую «женскую литературу». В свое время, когда еще достаточно широко употреблялось слово «дама», литература эта была заклеимлена, проклята, пригвождена к позорному столбу на поругание и осмеяние. Она была объявлена слезливо-сентиментальной, сладкой, вялой и пр. В этом проявлялся буйный унификаторский раж тех лет, когда все о б я з а н ы были быть похожи друг на друга, вне зависимости от пола, воззрений, взглядов и прочих столь же незначительных мелочей. Женщине предписывалось стать похожей на мужчину во всем: и в самом тяжком труде, и в столь тонком виде творчества, как литература. Нежность, лиричность — не допускались. Извечные темы Любви, Любимого, Разлуки, Искусителя были изгнаны или подстроены под схему пресловутого «производственного» романа и иных произведений различных жанров, отражающих не то, что есть, а то, что нужно.

И вот — наконец-то! — настали и перемены. И в так называемой большой прозе и в фантастике...

Прежде, чем говорить о произведениях Елены Грушко, я хотел бы обрисовать некоторые особенности ее писательского метода.

Творчество Е. Грушко не только базируется на фольклоре (и редко можно встретить столь бережное и трепетное отношение к неисчерпаемому кладезю изначальной народной мудрости), но и соединяет его с жанром фантастики. Разрабатывается редкое в советской литературе направление — фэнтези. Но фэнтези, произрастающее из сугубо национальной почвы. В результате такого своеобразного синтеза возникает некий новый жанр поэтико-фантастической сказки с элементами мистики.

Мы давно и упорно боремся с мистикой, но, видимо, мы ее — в дверь, а она — в окно. Быть может, пора уже прекратить эту достаточно бессмысленную работу? Ведь мистики были такие гиганты современной культуры, как В. Соловьев, А. Блок, А. Белый. Мистицизм наших дней — это не столько ужас и капитуляция перед неведомым, сколько восхищение его мощью и красотой, его загадочным своеобразием. Мистицизм далеко не всегда становится прибежищем и защитой слабого разума. Гораздо чаще он выступает в роли увеличительного стекла, помощника сильного интеллекта в познании наиболее глубинных тайн человека и Вселенной.

Мистические элементы в фэнтези Елены Грушко лишь подчеркивают очищающую силу Любви и Добра, их неизбежную победу в схватке со Злом. Очень интересен и взгляд на человека, как на существо, делающего свой выбор между Светом и Тьмой. Ведь никто не запрограммирован изначально на то, чтобы быть добрым или злым (мусульманский «кисмет» и кальвинистская предопределенность, в сущности, тоже не оспаривает этого). Человек, казалось бы, песчинка. Но без личного его участия в извечной схватке финал ее не наступит. И сам человек обязан сделать выбор: какое из двух начал победит в его душе? И победа одного из них в микромире одного человека неизбежно откликнется в масштабах Вселенских, масштабах космических.

И еще один аспект творчества Е. Грушко, краеугольно-важный для понимания ее системы ценностей. Это новое экологическое мышление, обостренное внимание к братьям нашим меньшим (хотя по возрасту они и старше нас). Это нюанс вообще характерен для молодой сибирской фантастики (О. Корабельников, Д. Федотов). А как иначе? Ведь братоубийственная война, которую мы ведем с флорой и фауной (в последнее время, к несчастью, побеждая) — это не только матерееубийство, но и самоубийство. Зачем нам лавры Герострата? Не пришло ли время

остановиться и задуматься о содеянном? Ведь ценность покаяния возрастает тогда, когда оно добровольное, а не вынужденное.

Весь этот сложный комплекс на первый взгляд никак не связанных проблем рассматривается в повести «Цветица». Действие ее происходит в нескольких мирах одновременно. Это и мир выжженного одиночества героини — Майи, и темно-скользкий, смертельно-опасный мир Зла, мир Змеев, и светлый, напоенный радостью и счастьем, но отторгнутый людьми мир цветов. Первопричиной, приводящей в движение внутренние часы этого континуума, является одиночество.

Мир сжимается вокруг Майи, как в популярной астрофизической модели, и замыкается в ней. Не умом, а чувством понимая, что одиночество — губительно, Майя пытается вырваться... но в этом мире нет Бога — ее Любимого. Она одинока и беззащитна. И колдунья является единственной, кто может ей помочь. Кстати говоря, мотив ведовства, т. е. неких неприсущих обычному человеку способностей, широко распространен в творчестве Е. Грушко.

Спасти Майю, ее исстрадавшуюся душу может только Цветица, существо из иного, прекрасного и нежного мира, повсеместно теснимого и уничтожаемого рационально мыслящими людьми. Цветица — не прелестная Дюймовочка, не эльф, традиционный или толкиенский: она — хрупкая и могучая хранительница Природы, Земли, Человека. Ибо никто так, как Человек, не умеет любить цветы. Цветица — дух Добра Майи, своего рода ее ангел-хранитель.

Но не дремлют и силы Зла, Змеево царство. Для продолжения своего владычества Змею необходим сын-наследник. Ради него он губит Катерину-одиночку, ради него обманом овладевает Майей. И она, женщина, оказывается перед мучительной дилеммой: или ребенок от врага, или Цветица. И не решить ее Майе вовек, если бы не благородство Цветицы, жертвующей собою во имя того, чтобы жил ребенок. Ибо нет его вины в том, что он зачат. И погубить его — все равно, что погубить целый мир, «планету — с лесами, горами, морями, людьми». Ведь, может быть, именно ему и предстоит примирить людей и Природу, открыть дверь в «новый дивный мир».

Итак, все, кажется, пришло к оптимистическому финалу, обязательному сказочному «хэппи-энду». Но плачет колдунья, волшебница. Плачет, потому что «она — не собственная выдумка, потому что осталась жива, хотя погибли друзья, что нести ей теперь горе вечной разлукой с их

светлыми душами, а пуще всего — что сказка уже рассказана...». Колдунья, в которой пересекаются два мира, добрая волшебница, борющаяся со злом силой своих чар, — это не только отражение автора в созданном им мире, но и нечто большее: концепция творца и творчества. Концепция творчества как чародейства, как волшебства, как проявления присущего немногим прозорливого зрения Духа, умения воспарять над бытом и доходить во всем «до самой сути», совмещать глубины внечувственного познания с вершинами поэтического мировосприятия. Концепция творца как некоего чудесного горнила, в котором, плавясь и теряя первоество, рождаются новые миры, — как чело-века, способного силой своего страстного и могучего Духа преобразовать несовершенный окружающий мир.

В рассказе «Картина ожидания» Е. Грушко рассматривает два уже упоминавшихся феномена — «черной дыры» одиночества женщины и ее ведовские способности. Здесь «схлопывание», провал окружающего мира в бездонную пропасть одиночества, реализуется уже практически, буквально, благодаря необычным способностям героини. Немудрено, что этому необычному явлению не находят объяснений корифеи науки и фантастики. Они, да и, чего греха таить! — мы несколько одичали, отвыкли от «высокой болезни» Любви, затерли до дыр ее чудо, разменяли на медяки, уничтожили и извратили первоначальный смысл этого вечного слова. А ведь «все начинается с любви»! Забыв эту очевидную истину, мы тем самым приблизили себя к невиданной черте непонимания и отчужденности.

«Красота спасет мир!». Этому девизу подчинено все творчество Елены Грушко. Красота в ее понимании — это Любовь, это поэзия, это вера в необратимую и торжествующую силу Добра, это, наконец, тот Бог, каким должен быть каждый любящий мужчина. Будем же как Боги!

IV

Сказка — ложь, да в ней намек...

А. Пушкин

Если что-то и получило у нас распространение, так это, безусловно, искусство намека. Взять да и высказать все иносказаниями, обиняками, аллегорий понакручивать — и вот тогда-то будет так, как надо. Ни слова в простоте. И пускай мыслей будет на ломаный медный грош, да еще и не все собственные, ничего, что они противоречат одна

другой. Все это не страшно. Главное — дать намек потуманнее. Вроде никто ничего и не понял, зато все сделали вид, что король одетый. Так, на недомолвках, можно и в первый ряд выбраться... и выбрались! — а что? — в случае необходимости надевая маску непонятого гения. Потом уже — кто разберется? Наступает время стричь купоны.

Бежим мы ясности, как черт ладана. С чего бы это — сейчас-то? Ведь известно, что «тот, кто ясно мыслит, тот и ясно говорит». А еще в начале века Г. К. Честерон точно подметил, что таинственность, загадочность суть от лукавого, читай — от внутренней нечистоты. Тому, кто чист и честен, скрывать нечего. Да и незачем. И все же несколько негативное отношение к... искренности? — да нет, скорее к бесхитростности, сохраняется в жизни и в литературе до сих пор.

Не потому ли и любят иные разглагольствовать об элите и эдак снисходительно проявлять понимание, когда невесть кто себя ею объявляет? И пусть не по Сеньке шапка, да кто ж его остановит? Слушает да ест, хотя вроде бы к кошачьим не относится и поименован отнюдь не Васькой, а, как уже говорилось, Семеном. И глаголет безапелляционно Сенька, что, мол, простота хуже воровства. А что ж ему остается, когда и шапка та самая на нем уже занялась пылеме, как не кричать громче всех: «Держи вора!» Простаки-то есть. Может, потому и живется вору «весело, вольготно на Руси», что простота — хуже воровства? Не в этом ли корень многих наших порух и проторей?

Однако речь сейчас идет не о принципе социальной справедливости и его исполнении. Меня интересует Александр Бачило и его феномен творчества. Понятие «феномен» я употребляю здесь не случайно, ибо, в отличие от многих авторов, А. Бачило пишет о том самом незатейливом человеке, коего еще лет сто назад именовали: «честный малый». И лучше сказать о нем было бы вряд ли возможно.

Мне могут возразить, что быть «честным малым» — не велико достоинство. Но даже на этот невысокий пост никто и никого назначить не может. Наше время сделало попытку избавиться от этого, наверное, самого некогда распространенного человеческого типа. Оно переименовало его сперва в «маленького человека», затем в «винтик». Но все и вся оказались бессильными: ничто не смогло изменить его, подлинного, хотя и неявного, героя нашего времени, обычного честного человека. Он пережил мировые войны и кризисы, и, невзирая ни на что, верит в синюю птицу удачи и живет в простоте, не ведая, что тем

самым постоянно движет вперед Колесницу Времени.

В рассказах А. Бачило главный герой как бы все время в не схватки. Именно вне ее, а не н а д нею. Он просто не подозревает, что где-то что-то происходит. Жизнь его не всегда ярка и интересна, но он не унывает, ибо верит, что раз в жизни — хотя бы раз! — и для него прогремят Барабаны Судьбы. Он ждет чуда. Но чудо-то рядом, и достаточно лишь взглядеться в окружающий мир, чтобы обнаружить необычайное. Неожиданность складывающейся ситуации напоминает стариннейший анекдот про человека, который, на второй день заключения в тюрьме, заметил, что в камере не хватает одной стены.

Герои Александра Бачило не ожидают, что для решения возникающих проблем вовсе не нужен ни сверхинтеллект, ни гора мускулов или экстрасенсорные способности. Нужно-то всего лишь — никакого сравнения с помянутым «джентльменским набором» современной фантастики — немного здравого смысла, спокойствия, а еще — Честь и Совесть.

В повести «Простая тайна», давшей название сборнику, герой сталкивается с близким, но вместе с тем почти недоступным Светлым миром. Для нас важен скорее не этот идеальный мир, а комплекс связанных с ним проблем. Ведь они близки и нам. Так, например, проблема распространения информации — является ли она привилегией немногих или, наоборот — неотъемлемое достояние каждого? Имеет ли кто бы то ни было моральное право «предотвращать» распространение информации? Каковы могут быть последствия привилегий на информацию?

Переводя это на язык сегодняшних социальных конфликтов, мы назовем поставленную автором проблему — ГЛАСНОСТЬЮ. Сейчас все мы сталкиваемся с огромной силой слова, разрушительной и созидающей, в зависимости от того, кому оно принадлежит.

Словом останавливали солнце,

Словом занимали города...

(Н. Гумилев)

И решать все эти вечные вопросы свободы слова нашему современнику, решать не только для себя, но и для всего человечества, для целого мира. И чем лучше, чем чище этот мир без войн и насилия, тем выше ответственность героя, тем строже его самооценка, тем мучительнее раздумья о выборе и цене выбора.

...Не менее серьезны размышления и героя рассказа

«Инъекция счастья». Возможно ли счастье в принципе в нашем мире? Какова его цена? Может ли оно стать самоцелью, наркотиком? Ведь тогда будущее наше известно и все прогнозы пессимистичны. И снова решение требуется единственно-верное и немедленное. И снова герой — «честный малый», этакий Петруша Гринев, оказывается на высоте.

Этим же привлекателен и Витя Свешников из рассказа «Волшебник». Да, волшебник — честный, добрый, немного наивный и, в сущности, очень одинокий...

Именно этой привычностью, обыкновенностью, сопоставимостью с нами самими и привлекают доброжелательное внимание герои Александра Бачило, описанные им с мягкой иронией и юмором. Мы сочувствуем этим симпатичным ребятам, как будто знакомы с ними лет сто или больше. Нам близки и понятны их жизнь, интересы, привычки. Они — плоть от плоти нашей. Они и есть та самая «соль земли». Мир держится на них, на их плечах, плечах простых людей — атлантов нашего непростого времени.

Тема, которой так привержен молодой писатель А. Бачило, наследует богатейшему пласту демократических традиций русской литературы, всегда трепетно относившейся к «маленькому человеку».

V

Вот и закрыт первый авторский сборник ВТО МПФ. Он дал нам возможность оценить зрелое мастерство Юрия Медведева, поэтичность Елены Грушко, страстно обостренное поиском ответов на «проклятые» вопросы современности гражданское чувство Александра Бачило. Как и любая фантастическая новинка, книга эта, несомненно, не залежится на прилавках книжных магазинов. Но, думается, она станет и одной из настольных книг подлинных любителей фантастики.

А мы будем ждать новых сборников ВТО. Будем снова находить завораживающие красоты творчества и чудотворства в произведениях писателей знакомых и пока неизвестных, именитых и начинающих.

Что ж, если первая ласточка и не делает весну, то, по крайней мере, она свидетельствует о том, что ласточки уже прилетели, что весна на пороге, что скоро, очень скоро начнется цветение и мы еще увидим небо в алмазах!

САМОЕ ИНТЕРЕСНОЕ — ВПЕРЕДИ

Несколько интервью без комментариев

Минск — Ислочь — Варшава — Краков — Киев — Баранов... Маршрут встреч и дружбы Всесоюзного творческого объединения молодых писателей-фантастов при ИПО ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» и представителей польской фантастики — за неполный 1989 год... Первые этапы близкого знакомства, сотрудничества, первые совместные дела и идеи, первые результаты. Серьезное осмысление, сопоставление путей, по которым идут польская и советская фантастика, еще впереди. На этих страницах, по сути дела, расшифровка путевого дневника: самые первые впечатления от знакомства с новым для нас миром — польской фантастикой. Читатель видит, как правило, результаты — изданные книги, красочные и не очень, журналы, проспекты, буклеты... За всем этим стоит огромная и внешне не очень заметная работа писателей, издателей, энтузиастов — та самая «кухня» литературы, о существовании которой читающие обычно не задумываются. Автору хотелось хотя бы немного приоткрыть ее тайны, представить порой совпадающие, а порой диаметрально противоположные точки зрения людей очень разных, но схожих в одном — все они преданы фантастике, каждый в меру своего понимания и сил участвует в строительстве ее здания. Так и появились эти несколько интервью без комментариев...

С Аэрофлотом у меня давние счеты. Налетав только за последний год больше ста тысяч километров, я начисто лишилась остатков старых иллюзий по поводу места пассажира в системе приоритетов нашей, увы, единственной отечественной авиафирмы. Вместе с иллюзиями пропала и вера в возмездие. Но в самолете, «выполняющем», как было сказано нежнейшим из голосов, «рейс по маршруту Москва — Варшава», я было отомщена вполне.

Милые стюардессы лучезарными улыбками отвечали на любые вопросы, элегантно ускользая от брудершафтов, предлагали сигареты и спички, безропотно заменили моему соседу подносик с завтраком, на который, по дороге в хвост

самолета, уселся подвыпивший иностранец... В общем, обслуживание было на уровне, о котором так и хотелось сказать: «Почти фантастика!» (Жаль, что на внутрисоюзных линиях мечты о подобном пока относятся к чистой фэнтеза — фантастике сказочной).

Может быть поэтому, приземлившись с воскресшей верой в высшую справедливость, я искренне поразились радостной и солнечной встрече с Варшавой. А может быть, причина в том, что город, пока еще незнакомый, протянул нам дружескую руку — в самом материальном виде — Славомира Кендзерского, с которым мы совсем недавно расставались в Минске.

В январе 1989 года Всесоюзное творческое объединение молодых писателей-фантастов (ВТО МПФ) пригласило на свой семинар представителей польского журнала «Фантастика». И вот в Ислючь, что под Минском, приехали заместитель ответсекретаря Славомир Кендзерски и сотрудники журнала Дарослав Торунь и Мачей Паровски. Гостями, правда, они оставались совсем недолго — ровно столько, сколько потребовалось для знакомства с участниками семинара. А так как в ВТО МПФ немало ребят, владеющих польским, а гости прекрасно говорят по-русски, была организована своеобразная двуязычная группа. Работать в ней, пожалуй, было не очень легко, но тем ценнее оказались результаты: кроме практики в языке обе стороны открыли для себя немало интересного. И, судя по словам польских друзей, к числу наиболее неожиданных для них открытий относится само появление ВТО МПФ.

Образованное в мае 1988 года при ИПО ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», объединение стало более чем для двухсот молодых авторов не только местом творческого общения, но и настоящей школой творчества и жизни. Со дня своего рождения объединение провело несколько всесоюзных семинаров — в Ташкенте, Риге, Днепропетровске, Минске, Тирасполе. В рамках IX Всесоюзного совещания молодых писателей по инициативе ВТО МПФ впервые работал семинар фантастов. Результатом каждой из таких встреч становилась пачка рекомендованных к печати рукописей. Благодаря постоянной поддержке издательства «Молодая гвардия», ВТО сумело за год не только подготовить более сорока сборников произведений молодых писателей-фантастов, но и обеспечить выпуск полутора десятков книг общим тиражом около миллиона экземпляров.

— Еще пару лет назад я попросту не поверил бы, что в вашей стране подобное возможно, — как-то оборонил

в разговоре Д. Торунь.— Но ВТО существует, и это факт. Причем существует не на бумажке, а действует, получая в своих делах поддержку от компетентных органов. Для нас — это одна из реалий вашей перестройки.

Но объективный взгляд со стороны всегда сумеет подметить что-нибудь ускользнувшее от внимания хозяев, и поэтому еще в Минске я попросила Славомира Кендзерского рассказать о впечатлениях, оставленных семинаром. Привычное построение интервью по схеме «спрашивайте — ответим» сразу же сломалось. Необходимости задавать вопросы просто не было: чувствовалась искренняя заинтересованность пана Славомира в подобного рода разговоре. Мягкий юмор, так свойственный его речи, неторопливость и обдуманную завершенность фраз я постаралась сохранить. Вот что сказал Славомир Кендзерски:

— Для нас здесь, в Ислочи, практически все было необыкновенно интересным. Правда, в отличие от моих коллег, я мало принимал участия в организационной жизни семинара — приходилось очень много работать с рукописями.

Мне как профессиональному переводчику не раз доводилось делать переводы советской фантастики. Так что я смело могу сказать о своем заочном знакомстве не только с традиционно известными именами, но и творчеством молодых советских фантастов Евгения Дрозда, Сергея Булыги, Сергея Трусова, Людмилы Козинец, Александра Бушкова. На семинаре мне предоставилась прекрасная возможность встретиться с ними воочию. Я смог не только сравнивать свои представления об этих авторах с действительностью, но и прочитать их новые произведения.

Поразила целеустремленность участников семинара, их творческая энергия, искреннее переживание как своего творчества, так и успехов или неудач своих коллег-сверстников. Нам показалось, что для ребят фантастика — не просто увлечение или выгодный бизнес. У каждого из них есть собственное мировоззрение, которое они хотели бы передать читателям. И не беда, что эти попытки могут иногда окончиться неудачей. Это может случиться и с самым признанным мастером. Но уверен: очень трудно переоценить предоставленную молодым возможность активного творческого общения. Рано или поздно она принесет плоды.

В Польской Народной Республике тоже существуют традиции проведения подобных мероприятий. Действуют различные студии, проводятся семинары, симпозиумы. Но,

несмотря на сходство внешних форм и организационных принципов, есть существенные отличия. Писатели, а особенно молодые, иногда обладают невероятным темпераментом, который не позволяет им терпеливо выслушать чье-либо мнение о собственном же творчестве. Поэтому, хотя в наших мастерских все происходит примерно так же, обсуждения бывают гораздо более экспрессивными. Когда-то шляхтичи в пылу спора прибегали к доводам сабли, но, хотя героические времена ушли, пылкая польская кровь дает себя знать, и критикуемые авторы могут иногда использовать не менее острые выражения.

Так что почти нордическая сдержанность при обсуждении и ежевечерние отчеты групп перед всеми участниками семинара нас немного смущали.

Не хватало и более близкого знакомства с работой других участников семинара. Мы видели нашу «польскую» группу, но так и не успели побывать в других. Надеемся, что сможем сделать это в следующий раз.

Из Минска мы увозим с собой в Польшу не только книги, подготовленные Всесоюзным творческим объединением, но и немало рукописей из числа представленных на этом семинаре. То, что мы взяли, не просто понравилось. Для нас огромной и приятной неожиданностью был совершенно неизвестный в Польше срез советской фантастики, причем фантастики молодой, самобытной, разноплановой и, смею сказать, очень русской.

Кроме немногих уже известных нам молодых имен мы открыли для себя, например, Николая Полунина. Его «Дождь» стал для нас сюрпризом. Достаточны интересны оказались минчане — четко обозначенная, довольно многочисленная и крепкая по своему литературному уровню группа авторов. Нельзя не сказать об Игоре Ткаченко. Его «Путники» и «Разрушить Илион» неожиданны для нас, привыкших к определенным стереотипам в советской фантастике. Смею предположить, что вы открыли интересного автора со своим стилем, высоким мастерством, своеобразной философией.

Каково мое мнение о книгах ВТО? Все произведения, помещенные в сборниках, отличает высокий литературный уровень. Лично мне из того, что я успел прочесть, наиболее интересным показались «Голубой кедр» Елены Грушко, «Знаки» Евгения Сыча, «Санаторий» Владимира Хлумова, «Цвет власти» Ирины Левит.

Прекрасна статья Феликса Дымова об Иване Ефремове. Приведенные факты из жизни писателя позволяют

польскому читателю, знакомому в основном с рассказами И. Ефремова, взглянуть на него по-новому как на человека и мыслителя. Известны у нас, конечно, и такие его произведения, как «Туманность Андромеды», «Звездные корабли».

«Час Быка», к сожалению, в Польше не издавался, встреча с этим романом впереди, и она, бесспорно, будет интересной, хотя и не простой, ведь и «Туманность Андромеды» в свое время разрушила некоторые предрассудки и стереотипы в польской фантастике.

Грандиозность панорамы будущего в «Часе Быка» завораживает, и, несмотря на то, что, по моему мнению, для современного человека не все прогнозы Ефремова приемлемы чисто в этическом плане (например, воспитание детей отдельно от родителей), это литературно прекрасное произведение. Не случайно «Час Быка» был издан в США, обычно столь неохотно принимающих плоды чужой культуры.

Что же касается начертанного на знамени ВТО имени Ивана Антоновича Ефремова, мне кажется, что его творческие и философские замыслы нашли достойное продолжение в произведениях молодых советских фантастов.

И вот Славомир Кендзерски встречает нас в Варшаве.

Весеннее солнце заливает улицы, мелькают непривычные глазу очертания готических костелов, здания незнакомой архитектуры...

В гостинице ждут номера, но командировка — есть командировка. Из многоязычного аэропорта мы едем прямо в редакцию журнала «Фантастика». Главный ориентир — высоченный шпиль очередного собора. К нашему удивлению, редакция размещается в одной из квартир жилого дома на улице Мокотовска. Вымощенная кафельной плиткой арка ведет во внутренний дворик. Арка украшена небольшой иконой, возле которой на полочке чьей-то заботливой рукой поставлены бесхитростные цветы (март все-таки) и зажжена лампадка.

Поднимаемся на третий этаж — второй по польскому счету. Там, в огромной старой квартире, уживаются несколько редакций Варшавского Агентства Печати. В просторном коридоре бродит по-весеннему теплый ветер, колыхнутся белые шторы на распахнутых балконных дверях. Обстановка одновременно и рабочая, и немного домашняя. Двойственность впечатления усиливается, когда в холле, у импровизированного чайного стола, собирается совершенно невероятное количество людей, и мы становимся

участниками вручения наград журнала «Фантастика» авторам лучших фантастических произведений за 1988 год и тем, кто внес наибольший вклад в дело развития столь любимого нами жанра.

Видимо, настал момент, когда надо уточнить, что «мы» — это делегация ВТО МПФ: председатель Совета ВТО Сергей Павлов, директор объединения Виталий Пищенко и автор этих строк. Впереди у нас неделя напряженной работы, встреч, интервью. А сейчас мы почувствовали себя действительно на польской земле, ведь главный редактор «Фантастики» пан Адам Холанек обратился ко всем присутствующим словами: «Высокое панство!»

И панство узнало, что лауреатами 1988 года стали: Анджей Колодынски (в области критики за книгу о фильмах ужасов «Сеанс с вампиром»), Владзимеж Ружицки за рассказ «Уик-энд в городе» (как дебютант), Анна и Франц Роттентайнеры (за переводы и пропаганду польской фантастики за рубежом), Вадим Дунин из СССР (за пропаганду польской фантастики в СССР), переводы и укрепление польско-советской дружбы), Виктор Букато и Марек Новейски — за популяризацию научной фантастики (переводы лучших мировых образцов так называемой элитарной фантастики).

Так началась эта поездка. В первый же день, (ставший для нас длиннее на два часа, ведь солнце встает в Варшаве позже, чем в Москве), мы окунулись в самую гущу околочеловеческих событий. Но самые интересные встречи были еще впереди.

Непродолжительность пребывания в Польше, равно как вовсе не развлекательная цель поездки, послужили причиной практически полного отсутствия типично туристических впечатлений. Многое, конечно, осталось в памяти — и непривычность очертаний старинных зданий, и мелкие приметы повседневного бытия людей. Но все же главное — не в архитектурных особенностях, не в колоритных сценах (как-то солнечным днем по Маршалковской, центральной улице Варшавы, под аккомпанемент барабанного боя и криков «Хари, хари, Кришна!» прошла жизнерадостная группа молодых ребят в оранжевых тогах и белых рубашках с галстуками). По-моему, сделали эту поездку такой наполненной прежде всего встречи с очень интересными людьми.

Один из них — Адам Холанек.

Создатель первого в мире «фантастического» журнала, признанный литератор, удачливый бизнесмен — вот лишь некоторые из ипостасей этого не очень молодого по возрасту, но юношески энергичного и восприимчивого человека.

Нам сказал кто-то, что главный редактор журнала «Фантастика» — воплощение польского темперамента, жизнерадостности, предприимчивости. Ни возраст, ни огромный объем работы в редакции не мешают ему активно заниматься литературой, быть общительным человеком. Достает времени и на «внешние контакты». Несколько лет назад Адам Холанек был избран секретарем образованной в Берлине международной организации писателей-фантастов.

Но, конечно же, в первую очередь он — главный редактор и вдохновитель литературного ежемесячника фантастики, который существует уже седьмой год. Первый номер «Фантастики», ставший библиографической редкостью, вышел в октябре 1982 года.

— Это было замечательное событие, — вспоминает пан Адам, — ведь впервые в мире появился «фантастический» журнал и сохранил этот приоритет до сих пор.

Появился он не в самые легкие для Польши времена. Рождение журнала состоялось за несколько дней до введения в стране военного положения. Но именно тогда группа литераторов избрала Адама Холанека главным редактором еще несуществующего печатного органа.

Сама идея была необычайно новой, аналогов в мире просто не существовало. Может быть, именно это стало одной из причин появления первого номера журнала уже через месяц, то есть невероятно быстро. Тираж первых номеров составлял сто тысяч экземпляров, но в продаже его так никто из сотрудников и не увидел: голод на фантастику был такой, что весь тираж как будто испарился.

Недавние дни создания самых первых номеров так далеко отодвинулись в прошлое, что сегодня сами те события кажутся чудом. Разумеется, появление такого журнала, да еще в то время, было бы невозможно без помощи самых разных людей, политических и общественных организаций. Ну, и без авторов, конечно.

До сих пор в редакции работают люди, которые стояли у истоков возникновения журнала: Яцек Родек, Анджей Невядовски, Мачей Паровски. Кое-кто ушел из редакции, но всех их по-прежнему связывают воспоминания и дружеские отношения. На смену пришли не менее талантливые и компетентные, например, зарубежным отделом

заведует сейчас Лех Енчмек, один из лучших переводчиков Польши...

Адам Холанек относится к журналу «Фантастика» как любящий отец и говорит о каждом шаге своего детища откровенно и с огромным удовольствием:

— В первых номерах нашего журнала были напечатаны произведения не только польских, но и многих зарубежных авторов. Поначалу все это было пиратством чистой воды, так как ни о каком сохранении авторского права речи и не было, мы печатали произведения без предварительной договоренности с авторами, и, честно признаюсь, без гонораров.

Конечно, затем мы постарались сделать все возможное, чтобы, так сказать, загладить свою вину. При первой же возможности, используя личные контакты во время проведения различных конвенций, мы стремились «восстановить дипломатические отношения». Многие западные авторы и художники пошли нам навстречу и заключили с журналом договоры, любезно согласившись получать гонорары в польских злотых.

Мы делаем все возможное, чтобы перед читателями нашего журнала были представлены самые различные авторы, художники самых разных направлений. Вне зависимости от симпатий конкретных членов редакционной коллегии журнал, по-моему, обязан сохранять демократичность и объективность, честно представляя читателю многомерную панораму состояния фантастики сегодня. Нам кажется, что именно такой подход в немалой степени способствует популярности нашего издания.

Кстати, среди изданий Варшавского агентства печати «ПРЕСС», которое издает газеты, еженедельники, ежемесячники, «Фантастика» занимает почетное четвертое место по приносимой прибыли. А это для журнала совсем не просто.

Постепенно в мире появляются аналогичные издания, например, «Спинрад» в Будапеште. Но пальма первенства принадлежит все же «Фантастике» — тираж нашего журнала составляет сегодня сто пятьдесят тысяч экземпляров. Он мог бы быть и больше, но, к сожалению, экономические трудности, дефицит бумаги не позволяют сделать этого. Тем не менее, с начала 1988 года мы начали выпуск приложения к журналу — для детей и подростков «Малая фантастика». Это еще полторы сотни тысяч экземпляров ежемесячно. С этого же года выходит в свет журнал комиксов, пользующийся огромной популярностью. Сотрудничают в

нем лучшие художники Польши, и тираж новорожденного журнала достигает сегодня трехсот тысяч экземпляров.

Несколько лет назад фантастику в Польше, кроме нас, почти никто не издавал. Выходили в некоторых крупных издательствах отдельные сборники, и только. Сегодня практически все издательства страны регулярно выпускают книги авторов-фантастов, много издается переводов. Но проблем с реализацией нашего журнала не возникает. Я уже говорил, что самые первые номера «Фантастики» исчезли в свое время с такой быстротой, будто их не продавали магазины. Да и сегодня купить журнал в киоске не так-то просто. Ненамного дольше лежит на прилавках «Малая фантастика».

Кроме того, около семи-восьми процентов тиража мы распространяем по подписке по всему миру, в том числе в Советском Союзе, Чехословакии и Венгрии. Но, судя по всему, желающих читать нас в этих странах больше, чем экземпляров журнала, и мы получаем много писем по этому поводу. К сожалению, ничем здесь помочь редакция не в состоянии.

Цена нашего журнала не так уж мала — триста, триста пятьдесят злотых. В течение этого года она, очевидно, еще несколько возрастет. Увы, рост цен не зависит от желания сотрудников и связан с объективными причинами — инфляцией, растущей стоимостью бумаги и тенденцией удорожания печатной продукции вообще.

Цена конкретного издания должна отражать две наиболее важные, как мне кажется, вещи. Первая — это популярность, которая, конечно, «играет на повышение». Вторая — категория читательской аудитории. Естественно, если читатели представляют группу лиц с низкой платежеспособностью, цена должна быть по возможности низкой.

Наша аудитория, как показали социологические исследования, более чем на семьдесят процентов представлена молодежью в возрасте до двадцати пяти лет. Иногда мы получаем трогательные письма от совсем юных людей, где они пишут, что тратят на наш журнал последние деньги. Все это заставляет нас постоянно балансировать в воображаемой точке, где пересекаются экономические интересы журнала с интересами тех, для кого журнал создавался.

Семнадцать процентов наших читателей — студенты и интеллигенция. Кстати, американцы при аналогичных исследованиях получили примерно такие же данные. Семнадцать — относительно высокая цифра. Еще несколько лет

назад доля интеллигенции среди наших читателей была гораздо ниже. Нам радуется, что происходит своеобразное воспитание читательской аудитории — те, кто читал журнал подростками несколько лет назад, сегодня, став студентами, сохранили эту привязанность. Конечно, это, с одной стороны, предъявляет определенные требования к уровню наших публикаций, а, с другой, не может не радовать. Ведь «народ, лишенный воображения, лишен будущего». На мой взгляд, эти слова относятся и к способности воспринимать фантастические произведения.

По-моему, фантастика — это новая волна романтизма. Россия и Польша — страны, где романтизм имеет свои давние традиции, — становятся свидетелями новых процессов в литературе. Можно сказать, что романтизм вновь «поднимает голову», и это означает конец фантастики технической. Литература все больше обращается к человеку как мере всего. Одна за другой на нас накатываются волны фантастики политической, социальной, откровенно гуманитарной, фантастики, где человеческая личность занимает главное место.

Романтическая фантастика появилась в конце 19-го века. Мне кажется, что ее появление и популярность были обусловлены тем, что современники писателей-романтиков не любили говорить открыто о своих эмоциях. В немалой степени это было связано с традициями поведения. Возможно, они просто боялись показаться смешными и незащищенными, обнажив движения души перед огромным числом людей. Книжки давали им возможность сделать это в вымышленном, фантастическом мире.

Может быть, поэтому человек всегда искал спасения и защиты у науки. Но очень быстро, на наших с вами глазах, это стало подлинным бедствием. Возможно, оттого и появились современные фантасты-романтики, гумантариисты. Я назвал бы их знахарями мировой литературы, хотя надо объективно признать, что на уровне знаний о душах человеческих фантасты стоят пока неизмеримо ниже многих классиков. Того же Толстого, например. С такой высотой философии, тонкостью психологического анализа в фантастической литературе нам еще не приходилось встречаться.

Платон говорил, что людей надо принуждать к счастью. Фантастика, успешно прогнозируя различные направления движения цивилизации, дает возможность человеку сравнивать варианты будущего. Появляется некая возможность выбора не просто технического воплощения

грядущего, а судьбы самого человечества как сообщества личностей.

Конечно, прогнозирование вовсе не означает реальности изображаемых миров. Адам Мицкевич, например, в своем «Пане Тадеуше» воплотил идею романтизма удаленного, в чем-то смешного, неосуществимого, но близко-го своей человечностью каждому сердцу.

Поход к проблемам человека в современной фантастике зачастую проявляется иначе. Может быть, это означает переход фантастической литературы в какую-то новую фазу. Проиллюстрировать эту мысль можно, например, польским фантастическим фильмом «Сексмиссия» (в советском прокате — «Новые амазонки»). Иронический взгляд на себя со стороны вскрывает часто незаметные ранее аспекты проблем.

Вне всякого сомнения, среди многих открытых фантастике путей есть и чисто коммерческая стезя.

А для меня, как главного редактора журнала, представляющего творчество самых разных авторов, встает задача найти компромисс, некоторую точку, где все множество мнений, философий, мировоззрений уравнивается. Поэтому нередко на соседних страницах (в чем нас нередко упрекают) мирно уживаются обычный «поп» и утонченное эссе. По-моему, это естественно. И потому, что каждый может найти в журнале соответствующий его уровню и настроению материал, и потому, что, в конце концов, вся элитарная фантастика выросла из «поп»-литературы. Самый яркий пример подобной метаморфозы — Станислав Лем, последние произведения которого представляют собой квинтэссенцию элитарности.

Хотелось бы познакомить наших читателей с фантастикой, свойственной советским авторам. Причем нас интересуют не подражания западным образцам, пусть даже и профессиональные. Это может быть литература, основанная на фольклоре или на свойственных только советским авторам реалиях, то есть то, что помогло бы читателям нашего журнала познакомиться с особенностями мышления советского человека, понять его, узнать мир образов, пронизывающих его жизнь.

Я надеюсь, что контакты журнала «Фантастика» с объединением советских молодых писателей-фантастов будут плодотворными. Редакционная коллегия журнала планирует, начиная уже с конца 1989 года, печатать произведения молодых фантастов — членов ВТО МПФ. Это будут произведения, уже опубликованные в ваших сбор-

никах, а также кое-что из рукописей, привезенных коллегами с Минского семинара.

И я надеюсь, что фантастика ВТО МПФ понравится и польскому и зарубежному читателю, как понравилась она нам.

Анджей Невядовски — заместитель главного редактора журнала «Фантастика». В редакции мы и познакомились. И, несмотря на кратковременность встречи, этот скромный, даже застенчивый человек поразил нас особым тактом, обаянием. Успеваает он по-моему, невероятно много: кандидат наук, преподает литературу двадцатого века в Варшавском университете, пишет сам. С собой я увезла недавно изданную в Польше книгу Анджея — библиографический справочник польских писателей-фантастов. Но оказалось, что даже такой огромный объем работы — не предел, и сейчас он занимается подготовкой к проведению международного симпозиума.

Возможность встречи с представителем студенческого издательства «Алмапресс» нас сразу заинтересовала. Некоторое принципиальное сходство организации работы ВТО МПФ и Всепольского объединения любителей фантастики заранее означало, что разговор будет интересен обеим сторонам.

В существующем уже восемь лет Всепольском объединении любителей фантастики более семидесяти клубов. Работает оно на хозрасчете и никаких средств ни у каких организаций на проведение всевозможных мероприятий не просит. В него входят не только зарегистрированные клубы любителей фантастики, но и группы, и отдельные люди. То есть все, кто любит фантастику или работает в ней.

В рамках объединения действуют писательский клуб и издательская фирма. С помощью студенческого издательства «Алмапресс» объединение издает два журнала: «Феникс» и «Сфера». Тиражи у них по польским масштабам не очень велики — до двадцати тысяч экземпляров. Но это вполне серьезные, несмотря на внешнее сходство с клубными фэнзинами, журналы, приносящие объединению небольшую, но устойчивую прибыль. Кроме того, скромные гонорары, которые журналы платят своим авторам, дают возможность последним уделять больше времени литературной работе.

С нынешнего года «Алмапресс» начало издание серии небольших, объемом 10—15 листов, выпусков польской

фантастики. Рядом с известными именами читателю предлагают знакомство с молодыми авторами. Первые шаги обнадеживают, и издатели надеются не только успешно решить непростые проблемы, связанные с выпуском книг, но и довести их тираж до пятнадцати — двадцати тысяч.

Планов на будущее у Анджея Шатковского немало. В скором времени объединение начнет издание подписной «клубной фантастической серии». Кроме того, имеются серьезные намерения по выпуску по подписке же зарубежной фантастики.

Конечно, мы много говорили о возможных перспективах сотрудничества объединения и ВТО МПФ.

Обмен материалами, художественными и критическими, издание в рамках серии «Алмапресс» наиболее интересные произведения молодых советских фантастов — и польской фантастики на страницах сборников ВТО могут стать взаимовыгодным предприятием, послужить творческим интересам молодых авторов обеих стран. Впрочем, не только авторов, ведь Всепольское объединение, так же, как и ВТО МПФ, интересуется и «фантастическими» направлениями в искусстве: графике, музыке и т. д.

Опыт у наших польских друзей в этой области уже есть — интерес читателей к скромным по своему полиграфическому оформлению журналам «Сфера» и «Феникс» в немалой степени вызван рассыпанными по их страницам рисунками. А что касается музыки, то в Варшаве вот-вот появится в продаже звуковая кассета с фантастическими произведениями польских композиторов.

В конце августа — начале сентября 1990 года в Кракове будет проходить первая международная ярмарка фантастики. Всепольское объединение любителей фантастики в лице издательства «Алмапресс» будет одним из ее непосредственных организаторов. И, так как издательство это, напомню, студенческое, его роль в этом мероприятии неслучайна — фантастика как литература для молодежи и литература, «делаемая» в основном молодежью, должна стать еще одним «мостом» между молодыми людьми разных стран.

Планирует стать участником этой ярмарки и Всесоюзное творческое объединение молодых писателей-фантастов. Тем более, что к сентябрю 1990 года члены ВТО МПФ — участники Краковской ярмарки фантастики — смогут привезти туда новые сборники своих произведений.

При Всепольском объединении любителей фантастики уже восемь лет действует секция молодых писателей. И все эти годы ее председателем является Дарослав Торунь. Сам он работает старшим редактором журнала «Фантастика», переводит произведения англоязычных фантастов, приходилось ему переводить советскую фантастику, пишет и сам.

Как правило, первые публикации членов секции появляются в журналах «Сфера» и «Феникс». Но время идет, приходит мастерство, признание, и сегодня несколько авторов-членов секции уже имеют свои книги в государственных издательствах.

Дораслав Торунь надеется, что в ближайшие несколько лет авторские книги получат и остальные.

В последние годы ситуация на польском рынке фантастики резко изменилась. Фантастическую литературу стали издавать почти все издательства. «Продать» новое имя совсем не просто, поэтому секции молодых писателей приходится искать новые формы сотрудничества с издателями, ведь запланированный в одном из крупных государственных издательств сборник лучших произведений членов секции станет не только взаимовыгодной акцией, но и послужит успеху молодых.

Немало говорили мы и о сотрудничестве. В частности, Дарослав сказал:

— Конечно же, нашей секции хочется наладить контакты с советскими формированиями, аналогичными нашему. Советский читатель с польской фантастикой практически не знаком. Те немногие переводы, что рассыпаны по страницам изданий, не отражают все многообразие современной польской фантастики. Советскому читателю предстает лишь верхушка айсберга. Да и нас очень интересуют новые имена в вашей фантастике. Мы могли бы, к примеру, издать совместную книгу, куда вошли бы произведения и советских и польских молодых авторов. Причем часть тиража могла бы быть на польском, а часть — на русском языках. По-моему, это хорошая идея!

Идея действительно неплоха. Остается добавить, что Всесоюзным творческим объединением молодых писателей-фантастов готовится антология современной польской фантастики. В нее войдут произведения, обсужденные на Минском семинаре.

В программу нашей поездки входила встреча с одним из самых известных людей Польши — фантастом Стани-

славом Лемом. С детства знакомый по «Магелланову облаку», «Дневникам Ийона Тихого» и более поздним философским работам, он всегда был для меня чем-то вроде недоступно далекого небожителя...

От Варшавы до Кракова почти триста километров. Новенький «Полонез» редакции журнала «Фантастика» довез нас туда часа за четыре.

Дорога не утомила — за окнами была Польша, ее повседневная, такая обычная и в то же время незнакомая жизнь. Да и поговорить было о чем, хотя разговор то и дело прерывался типично туристскими вопросами вроде: а что это за замок там, на горе?

И вот Краков. Старинные костелы вздымали шпили над потемневшими от времени крышами. Кипели голубиные стаи на древних камнях центральной площади. В кольце парка продолжал жить замок, а торговые ряды, наверное, лет сто назад были далеко не так многолюдны.

И над всем этим молчанием и гомоном вдруг раздался звук горна — на башне Мариацкого костела горнист вещал городу о полдне. Бурлили вокруг толпы туристов, а притопленный временем в землю костел потемневшей глыбой высился над площадью. Внутри, среди сумрака и ладана, меж уносящихся вверх колонн, кто-то молился, кто-то, как мы, стоял в потрясении. Незатейливые девичьи бусы висели на иконе, тускло блистал в полумраке алтарь, налетал приглушенный шепот. Казалось, слова возносятся к невообразимо высокому куполу, ударяются о него и медленно, как снег, опускаются.

Неожиданно ветренный и не очень яркий день подарил нам еще одно великолепное впечатление — солнце, прорвавшись сквозь редкие тучи, со всего маху ударились в витражи, и засияла золотая пыль на полу, потянулись разноцветные блики по мрамору колонн.

Но долго любоваться этой красотой, увы, уже не было времени — в строгом и спокойном доме, среди дерева и тишины, нас ждал Станислав Лем.

Великий фантаст принимал нас в своем рабочем кабинете. Книги, много книг. Справочники, Британская энциклопедия, разноязычные издания произведений Лема. Большой старый обжитой стол с машинкой, бумаги... За этим столом и работает Станислав Лем. Шестидесяти-восьмилетний, умудренный годами, не потерявший ни остроты восприятия, ни чувства юмора. По-домашнему уютный, с внимательными глазами, хорошим русским — его детство прошло во Львове.

О чем мы говорили? В основном говорил сам Лем. Тем интереснее была для нас эта беседа, ведь мы приехали узнать взгляды писателя на фантастику прошедшую и будущую, его видение современного мира и проблем этого мира.

Но началось все, конечно, с традиционного вопроса: что вы думаете о современной фантастике?

И пан Лем сказал:

— Фантастическое древо так разрослось, что некоторые ветви — я имею в виду жанры фантастики — стали засыхать. Последнее время есть впечатление тупика. Может быть, это связано с огромным количеством якобы фантастики: произведений, оторванных от корней жанра — подлинной научности.

Многие думают, что фантасту не нужны справочники по современным достижениям науки, что можно писать фантастику вообще, не опираясь на реальность нашего времени. Это великое заблуждение. У поляков есть поговорка: «Нельзя Вислу отвернуть камнем». Так и фантаст — без опоры на научные теории и идеи современности никогда не сможет создать в одиночку новый мир в своем воображении.

Научная фантастика (я имею в виду англоязычную) зачастую не имеет ничего общего с наукой.

Фантастические прогнозы будущего осуществляются, к счастью, не всегда. Но, к чести писателей-фантастов, многое из того, о чем писали двадцать-тридцать лет назад, стало сегодня частью жизни человечества. Я, например, сам писал в те годы о зачатии в пробирке. Вы знаете — это давно стало реальностью.

Тем не менее сегодня, как никогда, человечество должно понять: не идея является главной целью. Главное — технологические и социальные последствия этой идеи. И каждый писатель-фантаст, выпуская идею в жизнь, взваливает на себя еще и ответственность за свое детище перед человечеством.

Пересадка сердца, например, из идеи превратилась в достижение науки, но, спасая жизни людей, принесла с собой много и этических и юридических проблем, к возникновению которых, по-моему, человечество совершенно не подготовлено.

Фантастика всюду пользуется спросом. Все хотят попытаться заглянуть в будущее. Даже в самые, казалось бы, неподходящие для этого времена. В годы восстания, в начале восьмидесятых годов, тяжелейшие дни для

Польши, тиражи моих книг достигали 500—800 тысяч экземпляров.

Причем в социалистических странах рынок не так насыщен фантастикой, как в западных. Любая книга тут же покупается. Но, я считаю, не надо пользоваться книжным голодом и тиражировать все подряд.

На западе есть великие мастера-фантасты. Но, прожив там шесть лет, я понял, что они как сияющие вершины возвышаются над океаном китча, океаном не просто плохой, а отвратительной нелитературы.

Последние пять лет я фантастику не читаю — считаю, что нет смысла просеивать тонны макулатуры, чтобы еще раз убедиться в неисчерпаемости и многогранности Азимова или Уиндема.

Существуют, конечно, списки бестселлеров, но они отражают, как правило, профессионализм рекламы, а не талант и мастерство писателя. Хотя, надо отдать должное, в эти списки, пусть не всегда на первые места, иногда попадают действительно хорошие произведения. А вообще, бестселлер — это книга, которую не все читают, но все покупают.

Что касается Польши, то у нас анализа спроса пока нет, как нет и понятия книжного рынка в смысле наличия выбора у покупателя, хотя фантастики в стране последнее время печатается все больше и больше. А было бы неплохо узнать у компьютера, скажем, в середине января, как это делают западные авторы, сколько чьих книг продано в ушедшем году. На многих это подействовало бы отрезвляюще. Но это в будущем.

А сегодня, сравнивая свои прогнозы двадцатилетней давности с реальностью, я с удивлением заметил множество совпадений самых неожиданных предсказаний с реалиями стремительного и ужасного времени. А ведь тогда я писал в убеждении несбыточности собственных идей, сам в них не веря. Хотя еще пять лет назад я бы не поверил и в вашу перестройку...

Нужны ли опросы общественного мнения? Несомненно. Тем более, что это мнение всегда существовало, даже в те времена, когда им никто не интересовался.

Мы живем в интересное время. И столь же опасное. Но все равно, я убежден в невозможности атомной войны между государствами, овладевшими мирной атомной энергией. Хотя, по-моему, существование атомных бомб парализовало мыслительные способности некоторых фантастов, и они ходят по замкнутому кругу, без конца

варьируя тему ядерного апакалипсиса. На мой взгляд, научная фантастика в черном свете совершенно лишена смысла. Будущее человечества должно быть иным.

Как я представляю себе прогностику?

Вы знаете, никто ведь не хотел выдумывать крематории концлагерей. Или описывать серый металл, два куска которого, сближаясь, вызывают мощный и трагичный взрыв. Или думать о том, что автомобиль господина Бенца настолько заполонит улицы, что в центре Вены негде будет припарковать машину.

Существует немало воистину фантастических достижений. Но тем более ужасно, когда какое-либо чудо современной техники, например, спутниковая связь, используется для массового обольщения человечества. Неужели столько выдающихся умов работало лишь для того, чтобы весь мир мог смотреть бесконечные «мыльные» вестерны?!

Людам предстоит еще учиться использовать достижения цивилизации, которая, делая жизнь легче и роскошнее, не делает человека более человеком.

Как и всякий в моем возрасте, я вспоминаю свою молодость. И свои первые романы, написанные в крохотной комнатухе, размером около пяти квадратных метров, где не было даже печки и где жил тогда Станислав Лем — студент медицинского факультета. Роскошь, к счастью, не влияет на творчество...

Я получаю много писем из Советского Союза. Меньше — из Польши. Ваши читатели спрашивают меня: как жить? Польские чаще просят подсказать способ зарабатывать деньги. С запада писем почти нет. Наверное, там сами знают, как заработать. А другие вопросы их не интересуют...

Прощально скрипел гравий под ногами. Мы еще раз оглянулись. На ступенях дома стоял Станислав Лем. А я, держа книгу с его автографом, думала о непостижимой бесконечности разума, таланте философа и провидца и от всей души хотела, чтобы сбылось старинное поверье: в Польше говорят, что услышавший полуденный горн Мариакского костела обязательно вернется сюда вновь.

СОДЕРЖАНИЕ

С Е М И Н А Р

Наталья ГАЙДАМАКА. Зеленое на черном	7
Владимир ГУСЕВ. Последний из марсиан	27
Евгений ДРОЗД. В раю мы жили на суше	59
Евгений ЛЕНСКИЙ. Рай-на-задворках	72
Александр СИЛЕЦКИЙ. О без вести приходящих	186
Евгений СЫЧ. Соло	199
Валентин СЫЧЕНИКОВ. Постоялец	235
Владимир ХЛУМОВ. Кулповский меморандум	254

П Е Р Е К Р Е С Т О К М Н Е Н И Я

Василий ЛЬВОВ. Проблема выбора, или Творчество и чудо- творство	275
Ирина ИГНАТЬЕВА. Самое интересное — впереди	287

ШКОЛА ЕФРЕМОВА

ДОРОГА МИРОВ

Сборник фантастических рассказов и повестей.
Том II

При оформлении использованы репродукции
из «Описания всего звездного неба» Яна Гевелия

Составитель *А. Н. Каширин*

Ответственный редактор *В. И. Пищенко*

Редактор *В. Е. Родиков*

Оформление *Б. М. Орлова*

Технический редактор *О. В. Волкова*

Корректоры *Н. Х. Мифтахова, Н. М. Ефимова*

ИБ № 7011

Сдано в набор 15.08.89 г. Подписано в печать 24.11.89 г. А 13139.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура ли-
тературная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 16,00. Уч.-изд. л. 16,09.
Тираж 100 000 экз. Заказ № Б-367. Цена I/II т. 6 руб.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия»
103030, Москва, К-30, ул. Сушевская, 21

Типография издательства Татарского обкома КПСС
420066, Казань, ул. Декабристов, 2

ISBN 5-235-01391-3

Цена 3 руб.

